

ДЕТЕКТИВ

ВЕЛИКОБРИТАНИИ

4

ДЕТЕКТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

МОСКВА «RENAISSANCE» СП «EWO-S&D» 1992

Оригинал-макет книги выполнен в
издательстве **ЭЭЭЛ6**

Д38 Детектив Великобритании: (Пер. с англ. Сборник.)
Вып. 4. — М.: Издательство «Ренессанс»
СП «ИВО-Сид», 1992, 416 с.

Д $\frac{4703010000-078}{Б(03)-73-92}$ Без объявл.

ББК 84.4(Вл.)

ISBN 5-8396-0039-3

© Составление, оформление: издательство «Ренессанс»
СП «ИВО-Сид», 1992

Джон Ле КАРРЕ

ЗВОНЮК МЕРТВЕЦУ

1. Краткое введение к биографии Джорджа Смайли

Когда в конце войны леди Энн Серкомб вышла замуж за Джорджа Смайли, она подавала его своим изумленным друзьям из Мэйфер как человека на редкость ординарного. Когда же два года спустя она ушла от него к кубинскому мотогонщику, то объявила с загадочным видом, что если не уйдет сейчас, то тогда останется с ним всю жизнь. Говорят, что виконт Соули специально приехал по этому случаю в свой клуб, чтобы высказаться на тот счет, что, мол, кот выпрыгнул из мешка. Его афоризм даже некоторое время был в моде и пользовался известным успехом, но до конца он был понятен лишь тем, кто лично знал Смайли.

Невысокого роста, полный и спокойно-уравновешенный, он, казалось, вечно тратил деньги попусту, одеваясь в совершенно отвратительные костюмы, висевшие на его коренастой фигуре, как кожа на усохшей жабе. Соули, в частности, так и высказался: «Серкомб законно сочеталась с лягушкой-быком в зюйдвестке». А Смайли, не подозревая о данной ему характеристике, ходил себе вразвалочку, словно уверен был в том заветном поцелуе, что превратит его в принца.

Кто он был такой — богач или бедняк, священник или простолудин? И где только она его такого откопала? Внешняя диспропорция — красавица леди Энн и невыразительный коротышка муж — делала загадку этого мезальянса совершенно необъяснимой. Светская молва, рисуя, как правило, своих персонажей в черно-белой палитре, награждает их для удобства общения на раутах всяческими прозвищами, в которых светятся их грехи и иногда мотивы поступков. Однако Смайли, не отмеченный пе-

частью престижной школы, происхождения, гвардейского полка или известного торгового дома, ни бедный и ни богатый, так и не был удостоен какого-либо ярлыка, вот и ехал поначалу в служебном вагоне светского экспресса, а вскоре после развода и вовсе затерялся среди забытого багажа, на полке вчерашних новостей.

Сама же леди, отправляясь вслед за своей высокооктановой звездой на Кубу, как-то раз вспомнила о Смайли и с неохотой себе призналась — вынуждена была признаться, — что если и был в ее жизни настоящий мужчина, то это был Смайли. Где-то она была даже рада тому, что продемонстрировала это обстоятельство перед Богом и людьми честным замужеством.

Ну, а уж как отъезд леди сказался на самочувствии покинутого супруга — это общество совершенно не интересовало, поезд, как говорится, ушел. Однако любопытно все-таки было бы (наверное, посмотреть на реакцию Соули и ему подобных, если бы они тогда увидели Смайли: его мясистос, украшенное очками лицо, наморщенный от сосредоточенного чтения малоизвестных и второстепенных немецких поэтов лоб, его пухлые влажные руки, вцепившиеся как раз в свое последнее спасение, в книжные страницы. Наверняка Соули лишь слегка пожал бы плечами и произнес по-французски очередной афоризм: «Уехала поразвлечься, будем ожидать новых приключений». До него вряд ли когда-нибудь могло дойти, что своим побегом леди Энн вырвала у Джорджа Смайли целый кусок его жизни.

И осталось для Смайли в жизни только одно, так же, впрочем, мало совместимое с его внешностью, как и его любовь к женщине и страсть к непризнанным поэтам, — речь идет о работе Смайли, ибо он был офицером разведки. Ему нравилась эта профессия, милосердно снабдившая его коллегами, столь же неброскими внешне, как и он сам, и такого же негромкого происхождения. Она же ему подарила то, что ему больше всего нравилось в жизни: возможность исследовать тайны человеческого поведения и находить удовольствие в своих собственных умозаключениях и выводах.

Еще в двадцатые годы, когда Смайли, закончив не слишком знаменитую школу, неуклюже переваливаясь и моргая, очутился в монастырском заточении столь же не слишком знаменитого оксфордского колледжа, он мечтал о легендарных университетских братствах и о жизни, посвященной раскрытию тайн литературы Германии семнадцатого века. Но его наставник, знавший характер Смайли

лучше, чем сам юноша, мудро увел его от почестей и лавров, вне всякого сомнения предназначенных ему в будущем. Однажды чудным июльским утром Смайли, смущенный и изрядно порозовевший по этой причине, сидел перед комиссией Комитета по академическим исследованиям в зарубежных странах — организации, о которой он почему-то никогда ранее не слышал. Джибиди (его наставник) как-то странно охарактеризовал тогда это мероприятие: «Пускай эти люди тебя проэкзаменуют, Смайли, может статься, ты им подойдешь. Платят они достаточно мало, чтобы ты смог очутиться в приличной компании».

Смайли был недоволен и недовольства своего не скрывал: Джибиди, всегда такой точный и откровенный, сейчас явно пытался напустить тумана. В приступе легкого раздражения он согласился отложить на время свой ответ на предложение, сделанное ему университетским обществом «Олл соулз», до того как увидится с «таинственными людьми» Джибиди.

Ему не представили ответственных членов комиссии, но добрую половину из них он и так знал. Среди них были Филдинг, медиевист из Кембриджа, Спарк из Колледжа восточных языков, и Стид-Эспри, однажды ужинавший за Почетным столом в тот вечер, когда Смайли тоже был гостем Джибиди. Что ж, Смайли вынужден был признать, что компания экзаменаторов была впечатляющей. То, что Филдинг выбрался на свет из своей библиотеки, больше того, из Кембриджа, одно это свидетельствовало о многом — да что тут говорить, это уже было само по себе чудо. Впоследствии Смайли вспоминал об этом экзамене, или, если хотите, своего рода интервью, как об экзотическом стриптизе: каждое точно выверенное движение, каждый вопрос и тем более ответ снимали очередной покров, очередную тайну с той или иной части загадочной организации. В конце концов Стид-Эспри, бывший, по всей видимости, председателем экзаменационной комиссии, сорвал последнюю вуаль, и правда предстала перед юношей во всей своей ослепительной наготы. Ему предлагалось место в той конторе, которую за неимением лучшего названия Стид-Эспри, краснея, обозначил как Сикрет Сервис.

Смайли попросил время на обдумывание предложения. Ему дали на это неделю. Никто ни слова не сказал о деньгах.

В тот же вечер он остановился в Лондоне в каком-то приличном заведении и отправился в театр. У него было как-то странно легко на сердце, и это его беспокоило. Он отлично знал, что примет предложение, что мог бы отве-

тить утвердительно уже там в конце интервью. От этого шага его удержали инстинктивная осторожность и, может быть, понятное и простибельное для него желание пококетничать с Филдингом.

А потом он дал согласие, и началась подготовка: анонимные загородные дома, анонимные инструкторы, много поездов. Неожиданно забрезжила и стала все яснее вырисовываться перспектива работы в полном одиночестве.

Первое его оперативное задание было относительно приятным: двухгодичное назначение «инглише доцентом» в провинциальный германский университет. Лекции о Канте и каникулы в охотничьих домиках в Баварии он проводил вместе с группами разношерстных, но всегда торжественно-напыщенных немецких студентов. В конце каникул некоторых из них Смайли привозил в Англию, предварительно наметив потенциальных кандидатов и нелегальным путем передав в Бонн свои рекомендации; за два года работы на этом месте он так и не узнал, принял ли кто-нибудь к сведению и воспользовался ли его рекомендациями. У него не было возможности удостовериться в том, что на рекомендованных им студентов выходили соответствующие службы; Смайли не знал и того, доходили ли его послания по адресу. Даже когда он был в Англии, у него не было связи со своим департаментом.

Его чувства при выполнении этого задания были достаточно противоречивыми. Он был заинтригован возможностью оценки как бы со стороны, издалека, того, что он потом начал формулировать как «агентурный потенциал» в человеке, ему чрезвычайно нравилось изобретать тончайшие тесты для определения характера и поведения, сообщавшие ему о качествах кандидата. Но эта сторона работы Смайли требовала от него известного хладнокровия и бесчеловечности, в этой роли он выступал обычным аморальным и безответственным наемником и вербовщиком, узким профессионалом, персонально ни в чем ином, кроме своей работы, не заинтересованным.

Вместе с тем ему печально и страшно было наблюдать в себе постепенное умирание естественных человеческих потребностей. Он всегда был замкнут и самоуглублен, постоянно отшатывался от дружеских порывов других людей и, подавляя в себе человеческие привязанности, сдерживал все спонтанные эмоциональные всплески. Действиями его управлял только мозг, душа здесь были ни при чем, он привык наблюдать за человечеством с клинической объек-

тивностью, и, поскольку не был по своей натуре бесчеловечным и не грешил самомнением, такая жизнь становилась ему ненавистна, он боялся фальшивости своей жизни.

Но Смайли был сентиментальным человеком, а его долгая командировка лишь усилила его любовь к Англии. Он сильно скучал по ней, перебирая оксфордские воспоминания. Ему снились осенние дни отдыха на Хартланд Ки, долгие и утомительные прогулки по корнуэллским утесам, он вновь, словно воочию, ощущал морской ветер на разгоряченном молодом лице. Это была его вторая, тайная и скрытая от всех жизнь, обостренная не только тоской по родине, но и тем, что происходило вокруг. Он возненавидел похабное вторжение новой Германии, марширующих и горланящих студентов в одинаковой униформе, их надменные лица со шрамами, дешевые и полуграмотные, однотипные ответы на занятиях. Ему противно было видеть, возмущало до глубины души то, что факультет сделал с его предметом, его любимой немецкой литературой. И еще была одна ночь, страшная ночь зимой 1937 года, когда Смайли стоял у окна и смотрел на огромный костер, разложенный во дворе университета: вокруг костра столпились сотни студентов, лица у них были ликующие и блестели при пляшущем свете пламени. В языческий костер они бросали сотни книг. Он знал, какие это были книги: Томас Манн, Гейне, Лессинг и многие, многие другие. Смайли стоял у окна, закрыв своей повлажневшей рукой огонек сигареты, смотрел, проникаясь ненавистью: он теперь точно знал, кто его враг.

Тридцать девятый год застал его в Швеции уже в качестве доверенного лица известного швейцарского производителя ручного огнестрельного оружия, по легенде связь его с фирмой была долголетней и эффективной. Внешность себе Смайли довольно успешно изменил, он обнаружил несомненный талант к лицедейству, основательно вжившись в свою роль, так что дело не ограничилось банальным изменением прически и короткими усиками-нашлепкой на верхней губе. В течение четырех лет подряд он раскатывал по Германии взад и вперед, курсируя между Швецией и Швейцарией. Никогда бы раньше ему и в голову не пришло, что можно так долго пребывать в постоянном страхе. Левый глаз его начал нервно дергаться, тик оставался и пятнадцать лет спустя, напряженность лицевых мускулов избороздила его мясистые щеки и лоб глубокими морщинами. Он узнал, что можно, оказывается, очень долго не спать, не расслабляться, прислуши-

ваясь в любое время дня и ночи к тревожному стуку своего сердца.

Смайли пришлось познать многое: крайности одиночества и жалость к самому себе, неожиданное и неуместное при определенных обстоятельствах желание обладать женщиной, потребность напиться или измотать организм физическими упражнениями и нагрузками — любой наркотик был годен — только бы снять страшное напряжение.

При наличии хорошей крыши он вел и свою истинную коммерцию, свою шпионскую деятельность. Со временем сеть его основательно расширилась и выросла, другие страны начали оправляться от последствий своей непредусмотрительности и неподготовленности. В 1943-м его отозвали. Через некоторое время, немного отдохнув, он рвался обратно на континент, но его не пустили:

— Ваша работа там закончена, — сказал ему Стид-Эспри, — готовьте новых людей, возьмите отпуск. Женитесь, наконец, или еще что-нибудь придумайте себе, но только отпустите свою пружину.

Смайли сделал предложение руки и сердца секретарше Стида-Эспри, леди Энн Серкомб.

Кончилась война. Он получил расчет и взял свою очаровательную жену с собой в Оксфорд, где собирался исследовать белые пятна в литературе Германии семнадцатого века. Но два года спустя леди Энн была уже на Кубе, а откровения молодого русского шифровальщика в Оттаве вновь возродили потребность общества в людях, имеющих опыт вроде того, что был у Смайли.

Работа была новая, угроза (реальная) для общества была невелика, и поначалу ему даже понравилось заниматься этим делом. Но приходили новые люди, более молодые и со свежими мозгами. Продвижение по службе уже не грозило Смайли, и постепенно до него стало доходить, что он дожил до среднего возраста, так никогда и не почувствовав всей прелести молодости, и что он — самым учтивым и милым образом — поставлен на полку.

Все изменилось. Стид-Эспри покинул эту цивилизацию и отправился на освоение более древней, в Индию. Джибиди погиб: в 1941 году он сел на поезд в Лилле в компании своей радистки, родом из Бельгии, и больше о них никто ничего не слышал. Филдинг тоже был не в счет — обвенчан на своей новой диссертации о Роланде. Остался только Мэстон, карьерист Мэстон, рекрут военного времени, советник министра по вопросам разведки и контрразведки, «первейший канди-

дат», как его окрестил когда-то Джигиди. Появление НАТО, отчаянные попытки, предпринятые американцами, изменили саму сущность работы Секрет Сервис. Ушли в прошлые времена Стида-Эспри, когда, нравилось тебе это или нет, но приказы ты получал у него в комнатах или в клубе за рюмкой доброго старого портвейна. На смену вдохновенной любительской работе горстки высококвалифицированных и плохо оплачиваемых людей пришла другая эффективность, бюрократическая. Главным стало искусство интриги в большом правительственном департаменте, созданном не без активного участия опять же того самого Мэстона, с его дорогами и прекрасно сшитыми костюмами и дворянским титулом, с его живописной седой шевелюрой и серебристыми галстуками. Он оказался здесь как никто на месте, этот Мэстон, помнивший день рождения своей секретарши и о манерах которого ходили легенды среди дам министерской приемной. С вежливыми извинениями расширяя границы своей империи и с нескрываемым сожалением перебираясь во все более роскошные кабинеты, Мэстон устраивал у себя в Хенли роскошные приемы и не упускал случая поднять собственный авторитет за счет успехов своих подчиненных.

Его подсунули во время войны, профессионального бюрократа из гражданского департамента, человека, призванного работать с бумагами и совмещать красоту своих секретарш с громоздкой бюрократической машиной. Великим мира сего больше импонировал тип человека, им знакомый, который из любого цвета был в состоянии произвести только один — серый, человека, который знал, кто его хозяин, и с которым не стыдно было подниматься по служебной лестнице. А это он здорово умел делать! Им нравилась его робость, когда он извинялся за ту компанию, с которой ему приходится водиться на работе, нравилась и его неискренность, когда он защищал своих подчиненных, его гибкость в формулировках каких-либо обязательств. Но он никогда не отказывался от преимуществ, которые заключает в себе сфера деятельности плаща и кинжала, но только на свой манер: перед своими хозяевами он надевал плащ, а кинжал предоставлял вынимать своим подчиненным. Номинально Мэстон не являлся главой Сервис — он всего лишь советник министра по вопросам разведки и контрразведки и, как его раз и навсегда окрестил Сид-Эспри, Главный Евнух.

Это был совершенно новый для Смайли мир: ярко освещенные коридоры, ловкие и пронырливые люди. Он чувствовал себя скучным и старомодным, вспоминая с тоской вет-

хий дом с террасой, где все это зарождалось когда-то. Этот дискомфорт плачевно отражался и на его внешности: Смайли чаще горбился и больше, чем когда-либо, напоминал лягушку. Он часто моргал и получил прозвище «Крот». Но его молоденькая секретарша обожала своего шефа и говорила о нем не иначе как «мой милый плюшевый мишка».

Он был уже слишком стар, чтобы отправить его на агентурную работу за рубеж; и Мэстон высказался вполне определенно: «Знаете, старина, хотите вы этого или нет, но после того, как вы пошарили во время войны по Европе, вам там больше нечего делать, так что сидите, дорогуша, дома и поддерживайте огонь в камине».

Все это должно в какой-то степени помочь читателю понять то обстоятельство, что в два часа ночи в среду, 4 января, Джордж Смайли находился на заднем сиденье лондонского такси, направляясь к Кембридж Серкус.

2. Мы работали круглые сутки

В такси он чувствовал себя в безопасности. В безопасности и в тепле. Тепло было, правда, контрабандное, домашнее. Смайли захватил его из постели и теперь стремился тайно провезти через промозглую январскую ночь. Ну, а чувство безопасности возникало из-за ощущения нереальности происходящего. Ему казалось, что это не он, а его привидение катится в ночной час по улицам Лондона и наблюдает за несчастными искателями удовольствий, торопливо спешащими под своими зонтиками, подглядывает и за проститутками, обернутыми в полиэтилен, как подарки. Это не он, а его привидение выбралось из глубокого колодца сна и прекратило резкий трезвон телефона на столике у кровати...

«Почему это, — подумалось ему, — Лондон теряет ночью свое лицо, свою индивидуальность?» Смайли плотнее запахнул свое пальто и попытался припомнить еще хотя бы один такой же — от Лос-Анджелеса и до Берна — город, который бы по ночам так же безропотно становился совершенно безликим.

Кэб завернул на Кембридж Серкус, и Смайли вдруг рывком принял сидячее положение. Он вспомнил о звонке дежурного офицера, и грубая действительность сразу прогнала остатки сна. Смайли мысленно прокрутил весь их

разговор, от слова и до слова — он давно воспитал в себе эту способность.

— Смайли, говорит дежурный офицер. Сейчас на про-
воде будет советник...

— Смайли, говорит Мэстон. В понедельник вы проводи-
ли беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном из Форин Оф-
фис*? Верно?

— Да... да, проводил.

— Напомните суть дела. Чем была вызвана необходи-
мость беседы?

— На Феннана пришла анонимка о его членстве в ком-
партии еще во время учебы в Оксфорде. Беседа в таких
случаях — обычная формальность. Разрешение на нее бы-
ло дано начальником службы безопасности департамента.

«По идее Феннан не должен был бы жаловаться на ме-
ня, — думал Смайли. — Он знал, что я на его стороне и
выскажусь в его пользу. Там не было ничего предосуди-
тельного, ничего».

— Скажите, Смайли, может быть, вы на него излишне
наседали, угрожали чем-нибудь? Был ли он настроен к
вам враждебно?

«Господи, да он, кажется, чем-то напуган. Феннан, ви-
димо, весь кабинет министров на нас натравил».

— Нет, это была весьма дружеская беседа. Мне кажется,
мы понравились друг другу. Если уж быть до конца честным,
я даже некоторым образом превысил свои полномочия.

— В чем именно, Смайли?

— Ну, я довольно прозрачно намекнул, что ему не сто-
ит волноваться.

— Что же вы ему сказали?

— Он был явно не в себе от волнения. И я вынужден
был сказать ему, что не стоит переживать так сильно.

— Что же все-таки конкретно вы ему сказали?

— Я сказал, что не вижу здесь состава преступления и
мое министерство по существу не имеет ни малейших ос-
нований беспокоить его в дальнейшем.

— И это все, что вы ему сказали?

Смайли на мгновение запнулся: он никогда не слышал,
чтобы Мэстон говорил таким тоном, впервые шеф высту-
пал в роли подневольной пешки.

— Да, это все. Больше ничего, — ответил Смайли.

«Он никогда мне этого не простит. Со всей его хваленой

---

* Форин Оффис (Ф.О.) — Министерство иностранных дел.

выдержкой, кремовыми рубашками и серебристыми галстуками, с этими его ленчами в компании министров».

— Феннан заявил, однако, что вы высказали сомнение в его лояльности и что его карьера в Ф.О. закончена.

— Он не мог этого заявить, если только он совершенно не спятил. Я ведь ему объяснил, что беседа формальная — никаких претензий к нему и быть не может. Что же ему еще нужно?

— Ничего. Феннан мертв. Застрелился сегодня вечером в половине одиннадцатого. Оставил письмо министру иностранных дел. Полиция дозвонилась до одного из его секретарей и получила разрешение вскрыть письмо. Затем они сообщили о случившемся нам. Предстоит расследование... Скажите, Смайли, вы точно уверены?

— Уверен в чем?

— ...ну, ладно. Приезжайте как можно быстрее.

Раздобыть такси оказалось непростым делом. Прошла уйма времени, пока он наконец дозвонился в четвертый по счету таксопарк. Смайли торопился и ждал такси у окна спальни наготове, уже в пальто. Это ожидание напомнило ему время ночных бомбежек в Германии, тогдашнее беспокойное ожидание воздушной тревоги глухими ночами.

На Кембридж Серкус он остановил такси в сотне ярдов от своей конторы, сделав это отчасти по привычке, отчасти, чтобы проветрить мозги перед тем лихорадочным, сумасшедшим допросом, который, чувствуется, наверняка учинит ему Мэстон.

Он показал на входе свой пропуск дежурному констеблю и медленно направился к лифту.

Дежурный офицер поприветствовал его, вздохнул с облегчением, и они вместе пошли по ярко-кремовому коридору.

— Мэстон отправился в Скотланд-Ярд на встречу со Спэрроу. Они там все передрались за то, кому вести это дело. Спэрроу говорит, — Особый отдел, а Ивлин говорит, — Си Ай Ди*, а полиция графства Суррей не знает, какая муха их всех укусила. Хуже некуда. Пойдем попьем кофе в министерском «красном уголке». Кофе, правда, из бутылки, да ничего, сойдет.

Смайли был благодарен судьбе за то, что сегодня дежурил Питер Гиллэм. Серьезный, вдумчивый работник, человек с отменными манерами, специалист по спутниково-

---

* Уголовно-следственный отдел.

му шпионажу, своего рода добрый дух, у которого всегда есть все: начиная с расписания движения поездов и кончая перочинным ножиком.

— Особый отдел позвонил в пять минут пополудни. Жена Феннана ходила вечером в театр и, придя домой, обнаружила тело без пятнадцати минут одиннадцать. Она тут же позвонила в полицию.

— Он жил где-то в Суррее.

— Уоллистон, в сторону обходного пути на Кенсингтон, сразу за округом Метрополитэн. Когда полиция приехала на место, они нашли на полу, рядом с покойным, письмо, адресованное к Ф. Эс.* Суперинтендант** позвонил главному констеблю, тот — дежурному офицеру Главного полицейского управления, этот — дежурному клерку в Форин Оффис. Короче, в конце концов письмо было вскрыто. Ну, а потом... потом началась потеха.

— Продолжай.

— Управляющий отдела кадров Форин Оффис позвонил нам. Ему нужен был домашний телефон советника. Он заявил, что это последний раз, когда органы безопасности суются в его кадровую епархию, что Феннан был лояльным и талантливым сотрудником, ля-ля... бу-бу...

— Да, действительно, он таким и был, талантливым, лояльным.

— Сказал, что органы де совсем вышли из-под контроля и их гестаповские методы не могут быть оправданы никакими обстоятельства, ля-ля... — Я дал ему номер домашнего телефона советника и, пока этот кадровик продолжал бушевать, быстро набрал его по другому аппарату. Вот ведь как мне повезло: Форин Оффис висит на проводе и не может прозвониться, а я тем временем выкладываю Мэстону новости. Это было в 00.20. К часу же ночи Мэстон появился здесь в состоянии продвинутой беременности — завтра утром ему докладывать обо всем министру.

Они с минуту помолчали, пока Гиллэм разливал по чашкам концентрированный кофе и добавлял кипятка из электрического чайника.

— Ну, а что он из себя представляет? — поинтересовался Гиллэм.

— Кто? Феннан? Знаешь, до вчерашнего вечера я бы мог ответить на этот вопрос, практически не задумываясь. Сейчас это сделать труднее, а может быть, и бессмысленно... Ес-

---

* Министр иностранных дел.

** Старший полицейский офицер.

ли судить по внешности, то он явно еврейского происхождения, из довольно ортодоксальной семьи. Тем не менее он послал всех к чертовой матери и стал марксистом. Понятливый, культурный... разумный человек. Говорил негромко, слушал собеседника внимательно, хорошо образован... Вообще-то фактов в изобилии. Тот, кто на него донес, прав был, конечно: он действительно был когда-то членом компартии.

— А сколько лет ему было?

— Сорок четыре. Но выглядел старше. — Смайли продолжал говорить, оглядывая одновременно комнату. — ...Чувственное лицо, грива прямых темных волос, студенческая прическа, профиль, как у двадцатилетнего. Кожа, однако, сухая и тонкая, белая, как мел, испещренная бороздами морщин. Они расходятся во всех направлениях и делят ее, ну, прямо на квадраты. Очень тонкие пальцы... Такой, знаешь, рейдер, весь компактный, мобильный, с совершенной системой самообеспечения. Скрытный, развлекается не на людях. И страдает в одиночку, как мне кажется.

В комнату вошел Мэстон, и они встали.

— А-а, Смайли, заходите.

Он открыл дверь в кабинет и, выставив левую руку приглашающим жестом, пропустил Смайли вперед. В кабинете Мэстона практически не было ни одного казенного предмета. Особенно привлекали внимание чудесные акварели девятнадцатого века, целую коллекцию которых ему как-то раз посчастливилось приобрести. «Мебель же, скорее всего, приобреталась в розницу», — решил про себя Смайли. Одет Мэстон был под стать своей мебели. Костюм, слишком легкомысленный для человека его социального положения, шнурок от монокля, пересекающий его неизменную кремовую рубашку. Легкий шерстяной галстук серого цвета. «Немец бы наверняка назвал его «флотт» (пижон), — подумал Смайли. — Шикарный мальчик, мечта официантки, джентльмен в ее понимании».

— Я виделся со Спэрроу. Совершенно очевидное самоубийство. Тело забрали. Кроме обычных процедур, главный констебль не собирается предпринимать никаких дополнительных действий. Через день-два начнется следствие по этому делу. Мы пришли к договоренности, Смайли, и — я хотел бы это подчеркнуть особо — ни слова о нашем интересе, проявленном по отношению к Феннану, не должно попасть на страницы газет.

— Понятно.

«Ты опасен, Мэстон. Опасен, потому что слаб и пуглив. Ты подставишь любую шею, не разбираясь, только бы не пострадала твоя, — я знаю. Именно поэтому ты так внимателен теперь к моей, примеряешь веревку», — размышлял Смайли.

— Я не собираюсь подвергать сомнению ваши действия, Смайли. Раз начальник службы безопасности Форин Оффис дал вам «добро» на эту беседу, вам не о чем беспокоиться.

— Разве только о Феннана.

— Да, разумеется. К сожалению, начальник службы безопасности департамента не успел своевременно поставить подпись под разрешением на вашу беседу с покойным. Вне всякого сомнения, он дал это разрешение в устной форме, не так ли?

— Да. Я уверен, он подтвердит это.

Мэстон быстро взглянул на Смайли — строго, оценивающе; в горле у Смайли застрял какой-то комок. Он знал, что ведет себя не совсем по правилам: Мэстон желает, чтобы он был поговорчивее, подыгрывал шефу.

— Вам известно, что контора Феннана уже имела со мной контакт?

— Да, известно.

— Предстоит дознание, оно будет обязательно. Возможно, они и не в силах скрыть все это дело от прессы. Мне, видимо, завтра с утра придется переговорить об этом с главой полицейского ведомства. — «Решили еще раз припугнуть меня... ну да, конечно, я обязательно буду плясать под твою дудку... куда же мне деться... о пенсии надо подумать... кто же меня теперь на работу возьмет... но лгать-то, как ты, я не собираюсь, Мэстон». — Мне нужны *все* факты, Смайли. Я должен исполнить свой долг. Может быть, у вас имеется еще что-нибудь относительно этой беседы, что вы не отразили в отчете? Расскажите мне все, а уж я постараюсь оценить эти факты в свете новых событий. Предоставьте мне судить об их важности.

— Мне нечего добавить к тому, что уже отражено в отчете, и к тому, что я вам сообщил по телефону сегодня ночью. Однако вам, возможно, поможет понять ситуацию («вам», «понять» — это, пожалуй, слишком сильно сказано) — тот факт, что беседа проходила в обстановке исключительно неформальной. Обвинения анонима, предъявленные Феннану, были слабыми — членство в партии в 30-х годах, во время учебы в университете. В эти годы половина членов

нынешнего кабинета баловалась марксизмом. Невнятно и глухо упоминалось в письме и о его нынешних симпатиях к этому учению. — Мэстон нахмурился, когда услышал про кабинет министров. — Когда я пришел к нему в Форин Оффис, его комната не слишком располагала к доверительному разговору — в нее то и дело заходили разные люди, поэтому я предложил пойти прогуляться в парк.

— Продолжайте.

— Мы вышли на воздух. Был прекрасный солнечный холодный день. Мы наблюдали за утками. — Мэстон сделал нетерпеливый жест. — В парке мы провели около получаса. Говорил в основном он. Это был умный человек, прекрасный собеседник, говорить он умел, говорил интересно. Но нервничал, хотя понять его можно. Этот народ любит поговорить о себе, и, как мне показалось, он был даже рад выговориться. Рассказал мне всю историю от начала до конца, легко называл имена. Затем он предложил зайти в кафе-эспresso, оно находится неподалеку от Миллбэнк.

— И что?

— Какой-то бар-эспresso. Там подают особый кофе по шиллингу за чашку. Мы попили кофе.

— Так, ясно. Значит, именно в такой вот непринужденной и дружеской обстановке вы и сказали ему, что наш департамент не даст этому делу ход.

— Да. Мы частенько так поступаем, хотя в отчете такие вещи не фигурируют.

Мэстон кивнул.

«Да, это он понимает, — подумал Смайли. — Господи, ну до чего же мелок!» Приятно было осознавать, что он не ошибался, оценивая Мэстона.

— Следовательно, можно заключить, что и самоубийство и предсмертное письмо для вас полная неожиданность. Вряд ли вы можете найти им логическое объяснение, не так ли?

— Действительно, было бы довольно странно, если бы я нашел сейчас такое объяснение.

— Имеются ли у вас какие-нибудь предположения на тот счет, кто написал донос?

— Нет.

— Он был женат, вы знаете?

— Да.

— Любопытно... не исключено, что его жена может пролить на все это дело какой-то дополнительный свет. Мне трудно предлагать это, но кому-то из нашего ведомства

следует, видимо, встретиться и, насколько позволит обстановка, поговорить с ней.

— Сейчас?

Мэстон стоял у большого письменного стола и попеременно вертел в руках эти штучки из джентльменского набора бизнесмена — нож для разрезания бумаг, сигаретницу, настольную зажигалку — всю эту химию официально-гостеприимства. «А руки-то, руки какие белые!» — подумал Смайли. Мэстон поднял голову, изобразив на лице выражение понимания и симпатии:

— Я понимаю ваши чувства, Смайли, но, несмотря на весь трагизм ситуации, вы должны войти в мое положение. Министр и Х.С* наверняка захотят получить детальный отчет об этом деле, и я просто обязан предоставить им его. Как вы понимаете, их прежде всего интересуют состояние духа и настроение Феннана непосредственно после проведенной... нами беседы с ним. Вполне вероятно, что он обсуждал эту беседу со своей женой. Разумеется, ему не полагалось даже упоминать о встрече с представителями органов, но мы ведь должны быть реалистами.

— Вы хотите, чтобы к ней отправился я?

— Кто-то должен. Здесь следует принять во внимание предстоящее расследование. Решение об этом принимает полиция, но пока у них нет на руках достаточного количества фактов. У нас просто нет времени вводить в курс дела еще кого-то. Вам же дело известно, вы уже наводили предварительные справки. Если кому-то и ехать, так это именно вам, Смайли.

— Когда мне следует начать?

— Миссис Феннан, насколько мне известно, довольно своеобразная женщина. Иностранка, кажется, еще впридачу и еврейка, сильно пострадала во время войны. Все это не облегчает вашей задачи. Это женщина волевая и, видимо, стойко переносит смерть мужа. Но только внешне, разумеется. Ей нельзя отказать в здравом смысле и коммуникабельности. Как я понял из разговора со Спэрроу, она готова помочь следствию и примет вас сразу, как только вы появитесь у нее. Полиция графства Суррей предупредит ее о вашем визите, так что можете навестить ее сразу поутру. Я позвоню вам туда днем.

Смайли повернулся к выходу.

— Н-да... и, Смайли,.. — Он почувствовал, как Мэстон

---

* Хоум Секретарь, глава полицейского ведомства.

взял его за предплечье, и обернулся к нему. Мэстон изобразил на лице улыбку, которую обычно приберегал для служащих-женщин, как правило, среднего возраста. — Смайли, вы можете на меня рассчитывать, я не оставляю вас без моей поддержки.

«Бог ты мой, — подумал Смайли, — тебе, видно, и вправду приходится работать двадцать четыре часа в сутки. Круглосуточно открытое кабаре — вот что ты такое — «Мы работаем круглые сутки!» Он вышел на улицу.

3. Эльза Феннан

Мерридейл Лэйн — один из уголков графства Суррей, жители которого ведут неустанную борьбу с прилепленным когда-то ярлыком «пригород», «провинция». Перед каждым домом здесь удобренные и ухоженные деревья. Под их сенью фигурки сказочных персонажей. Деревянные совы над табличками с номерами домов и потрескавшиеся гномы, застывшие с удочками над прудами с золотыми рыбками, призваны подчеркнуть естественность пейзажа. Жители Мерридейл Лэйн не покрывают своих гномов краской, подозревая в этом грех провинциальности. Из тех же соображений они не лакируют своих сов, спокойно и терпеливо ожидая, пока ветер и непогода не придадут их «сокровищам» обличье подлинной старины.

Эта аллея, строго говоря, тупик, как на том настаивают агенты по продаже недвижимости. Дальний конец Кенсингтонского обходного пути вдруг ни с того, ни с сего переходит в обычную тропу, посыпанную гравием. Тропа, в свою очередь, незаметно превращается в печальную грязную колею, что пересекает Меррииз Филд и ведет к такой же аллее, неотличимой от Мерридейл.

Смайли появился здесь утром, чуть позже восьми. Оставив машину у полицейского участка, он отправился дальше пешком. Впрочем, весь путь занял не больше десяти минут.

Шел сильный дождь, да такой холодный, что от него лицу было больно.

Полиция графства Суррей уже потеряла интерес к делу о самоубийстве, но Спэрроу все же прислал сюда офицера из Особого отдела. Он постоянно находился в полицейском участке и обеспечивал связь между службой безопасности

и полицией. Способ самоубийства ни у кого не вызывал никаких сомнений. Все считали, что Феннан лишил себя жизни, выстрелив в висок. Небольшой французский пистолет, изготовленный в Лилле в 1957 году, был найден под его телом. Обстоятельства свидетельствовали в пользу версии о самоубийстве.

Номер пятнадцать по Мерридейл Лэйн представлял собой низкий дом в стиле Тюдоров, со спальнями, расположенными в немыслимо глубоких фронтонах здания, с гаражом, наполовину выстроенным из дерева. У дома был неухоженный, почти нежилой вид. «В таком могли бы жить, скорее всего, художники, — подумал Смайли. — Феннан как-то не вписывался в это окружение, ему больше пошел бы Хэмпстед».

Смайли открыл калитку и неторопливо направился к передней двери дома, тщетно пытаясь разглядеть какие-нибудь признаки жизни в его освинцованных окнах. Было очень холодно. Он позвонил.

Дверь открыла Эльза Феннан.

— Мне позвонили по телефону и спросили, могу ли я вас принять. Я не знала, что им ответить. Входите, пожалуйста, — говорила она с легким немецким акцентом.

«По всей видимости, — думал Смайли, приглядываясь к Эльзе, — она старше Феннана». Худенькая женщина с заостренными чертами лица, лет пятидесяти, волосы коротко острижены, покрашены в цвет никотина. Несмотря на хрупкое телосложение, она производила впечатление выносливого и смелого человека. Взгляд темно-карих глаз, глядевших на него с неправильного горбоносого лица, отличался какой-то удивительной пристальностью. Лицо же у нее было усталое и измученное, со следами былых страданий и перенесенных бед, словно у ребенка, выросшего в голоде и нищете. Это было лицо вечного беженца, лицо узника лагеря смерти.

Она протянула ему руку. Пожимая розовую и шершавую ладонь, он ощутил все ее кости. Смайли представился.

— Вы тот человек, что проводил беседу с моим мужем, — сказала она, — о его лояльности. — Затем провела его в темную гостиную с низким потолком. Камин не горел. Смайли вдруг почувствовал себя мерзко и пошло. Лояльность по отношению к кому, к чему? В ее голосе не было ни возмущения, ни обиды. Он был обидчиком, притеснителем, но она почему-то принимала это притеснение.

— Мне очень понравился ваш муж. Он был бы полностью оправдан.

— Оправдан? На каком основании, от каких обвинений и в чем именно оправдан?

— Это был типичный случай оправдания «за отсутствием доказательств в пользу противного», но мне было приказано провести с ним беседу. — Он сделал паузу и посмотрел на нее с искренним участием. — Вы понесли ужасную утрату, миссис Феннан... вы, должно быть, измучены. Вряд ли вам пришлось спать этой ночью...

Она не отреагировала на его участливость.

— Благодарю, но мне не приходится рассчитывать на то, что я засну сегодня. Сон — это роскошь не для меня! — Она покосилась на свое щедедушное тело и усмехнулась криво: — Мое тело и душа должны работать слаженно и дружно двадцать часов в сутки. Я, наверное, и так уже зажила на этом свете.

Что же касается тяжелой утраты, то тут вы правы. Но, знаете ли, мистер Смайли, за всю мою жизнь у меня никогда не было никакой собственности, ничего, кроме разве только зубной щетки, так что я не привыкла чем-то обладать, даже после восьми лет замужества. Ну, и впридачу ко всему этому, у меня уже есть опыт страданий, страданий благоразумных, с вечной оглядкой на окружающих.

Кивком головы она предложила ему сесть и, удивительно старомодным жестом подоткнув юбку, присела напротив. В комнате было довольно прохладно. Смайли понимал, что пора начинать разговор, но все не мог решиться, как-то отрешенно глядел перед собой, словно стараясь постигнуть тайну рано постаревшего и много повидавшего, изношенного лица Эльзы Феннан. Ему казалось, что затянувшаяся пауза длится уже бесконечно долго, но вдруг она снова заговорила.

— Вы сказали, что он произвел на вас благоприятное впечатление. По всей видимости, это чувство не было взаимным.

— Я не читал письма вашего покойного мужа, но мне известно его содержание. — Честное пухлое лицо Смайли теперь было обращено прямо к ней. — Здесь что-то не сходятся концы с концами, ведь я прямо сказал ему, что он... что мы прекращаем это дело.

Она слушала его молча, не перебивая, ожидая, что он скажет ей еще. А что, собственно, он мог добавить к сказанному? «Я сожалею, что убил вашего мужа, миссис Феннан, но я ведь исполнял свой долг. Долг? Боже всемилостивый, по отношению к кому долг? Феннан был членом

компартии, когда учился в Оксфорде двадцать четыре года тому назад, недавнее его повышение по службе предоставляло ему доступ к очень секретной информации. Какой-то «доброжелатель» прислал нам на него анонимку, и мы обязаны были отреагировать. Расследование фактов его биографии повергло вашего мужа в состояние меланхолии, и он, ничтоже сумняшеся, покончил жизнь самоубийством. Вот это ей сказать?» — Он промолчал.

— Это ведь была просто игра, — сказала она вдруг, — дурацкое балансирование между идеями, игра словами. Ведь у вас не было ничего *личного* против него или еще кого-либо. Чего вы с нами возитесь? Возвращайтесь к себе в Уайтхолл и ищите в ящиках своего стола новых шпионов. — Она смолкла. В темных ее глазах, горящих лихорадочным блеском, почему-то не было и намека на какие-либо эмоции. — Вы страдаете застарелой болезнью, мистер Смайли, — продолжила она, не торопясь выбрав себе сигарету из сигаретницы. — И я знала много жертв этой болезни. Мозг работает независимо, отдельно от тела, он мыслит абстрактными понятиями, никак не связанными с реальной действительностью, правит бумажным королевством и изобретает хладнокровно и бесстрастно способы уничтожения своих бумажных жертв. Когда же у папок с делами появляются головы, ноги, руки — это ужасный миг для вас, не правда ли? У каждого имени, оказывается, есть семья, история жизни, чувства и человеческое достоинство, у каждого находится и объяснение для фактов, собранных в ваших печальных досье, практически каждый может найти оправдание своим поступкам, всем своим грешкам, и настоящим и выдуманым. Честное слово, мне жаль вас. — Она на секунду примолкла и потом продолжила. — Это как с государством и народом. Государство — это ведь тоже некая мечта, символ, ничего по сути не обозначающий, пустой звук, мозг без тела, причудливых форм облака в небе. Но государства развязывают войны, не правда ли, и берут пленных. Размышлять, оперируя абстрактными идеями, — ах, как это удобно, стерильно! Вот и меня с мужем стерилизовали! — Произнося все это, она смотрела на него прямо, неотрывно, ни разу не моргнув. Акцент в ее речи звучал как никогда явственно.

— Вы живете в своих придуманных доктринах и абстрактных идеях, в своем государстве, мистер Смайли, но вовсе не среди реальных, живых людей. Вот вы сбросили оттуда, с неба, бомбу, но спуститься затем на землю само-

му, посмотреть на содеянное, увидеть кровь, слышать стоны — это вам и в голову не придет, не ваше это дело.

Голос ее приобрел силу и звенел, сама она как бы отдалась от Смайли и выросла над ним.

— Вы, кажется, шокированы? Мне, вроде бы, полагается плакать, да слез-то у меня не осталось, мистер Смайли, — я бесплодна, дети моей печали мертвы. Я признательна вам, мистер Смайли, за ваш визит, теперь можете возвращаться назад, вы ничем не можете облегчить мое горе.

Он выпрямился на стуле, осторожно положив на коленях одну короткопалую руку на другую. Выглядел Смайли почему-то озабоченным и даже каким-то лицемерным — будто лавочник, читающий мораль. Он был бледен, на висках и верхней губе блестели капельки пота. На бескровном лице выделялись только розовато-лиловые полукружья под глазами, обрамленные очками в тяжелой оправе.

— Послушайте, миссис Феннан, — сказал он, — но ведь это наша беседа с вашим мужем была всего лишь формальностью. Мне показалось, что он не имел ничего против, даже рад был выговориться, снять с души камень.

— Как вы *можете* так говорить, как вы смеете, когда...

— Но я вам говорю чистую правду: он совершенно не держал зла, да и не мог обидеться на государственные службы. Когда я пришел к нему и увидел, что его комната проходная и там постоянно кто-то был, то мы отправились в парк, а закончили наш разговор в кафе. Согласитесь, что все это мало похоже на методы инквизиции. Я даже сказал ему, что волноваться, собственно, не о чем — беседа абсолютно формальна. У меня просто не укладывается в голове, почему он написал это письмо, — нет, не понимаю...

— Я имею в виду отнюдь не письмо, мистер Смайли. Я имею в виду то, что он сказал мне.

— А именно?

— Беседа с вами произвела на него очень тягостное впечатление — так он мне сказал. Когда муж вечером в понедельник вернулся домой, он был сам не свой, у него путались мысли и слова. Он свалился в кресло без сил, я еле уговорила его прилечь. Дала ему успокаивающего, его хватило на полночи. Поутру он снова вернулся к этой теме, просто не мог больше ни о чем и думать. И так до самой своей кончины он только и твердил об этом, не мог оправиться от удара.

Наверху зазвонил телефон. Смайли встал со стула.

— Извините, это, скорее всего, меня, по службе. Вы не имеете ничего против, если я подойду к телефону?

— Он в ближней спальне, прямо над нами.

Смайли медленно поднялся по лестнице наверх. Он был в полной растерянности. Ну что, скажите на милость, ему теперь сообщить Мэстону?

Он снял трубку, автоматически взглянул на номер, обозначенный на телефонном аппарате, и произнес:

— Уоллистон, 2944.

— Станция. Доброе утро. Ваш звонок в восемь тридцать.

— А-а, да, благодарю вас.

Он положил трубку на рычаг телефона, радуясь временной передышке, и бросил короткий взгляд вокруг. Это была как раз спальня Феннана. Обстановка строгая, но уютная. Перед газовым камином два кресла. Смайли вспомнил, что в течение трех лет Эльза Феннан была прикована к постели. Наверно, именно с того послевоенного времени у них и осталась привычка проводить вечера, сидя в спальне у камина. Ниши по обе стороны камина были заставлены книгами. В дальнем углу комнаты на столике стояла пишущая машинка. В обстановке чувствовалось что-то глубоко личное и трогательное. Пожалуй, только сейчас Смайли действительно по-настоящему глубоко ощутил трагичность происшедшего в этом доме. Он возвратился вниз, в гостиную.

— Звонок предназначался не мне. Звонили с телефонной станции, их просили разбудить вас в восемь тридцать.

Возникла неловкая пауза, и он невольно взглянул на Эльзу, но женщина отвернулась к окну, став к нему спиной, необыкновенно стройной, прямой и неподвижной, ее коротко подстриженные торчащие волосы темнели на фоне утреннего света в окне.

Внезапно в голову ему пришла запоздалая мысль, которая должна была бы его осенить еще там, в спальне, наверху. Это было нечто столь невероятное, что мозг отказывался понимать. Смайли продолжал еще по инерции говорить, а мысль уже работала в своем направлении: ему надо уйти отсюда, подальше от телефона и истерических вопросов Мэстона, подальше от Эльзы Феннан и ее темного неприветливого жилища. Необходимо скорее выбраться отсюда на волю и спокойно все обдумать.

— Я злоупотребляю вашим временем, миссис Феннан, и вашим гостеприимством, поэтому вынужден воспользоваться вашим советом и возвратиться в Уайтхолл.

Снова протянутая для прощания прохладная тонкая рука, скороговоркой произнесенные извинения. Он надел в прихожей пальто и шагнул навстречу утреннему солнцу, которое выглянуло на минуты после дождя, окрасив в бледные и влажные тона деревья, кусты и дома на Мерридейл Лэйн. Зимнее небо было по-прежнему свинцово-серым, и мир, расположенный под ним и отражающий лучи неожиданно появившегося солнца, казался от этого еще светлее.

Смайли неторопливо шел по покрытой гравием тропинке, в душе боясь быть окликнутым сзади и вынужденным вернуться в тот дом.

В полицейский участок он пришел погруженный в тревожные, безрадостные размышления. Начать хотя бы с того, что явно не Эльза Феннан просила разбудить ее телефонным звонком в половине девятого утра.

4. Кофе у фонтана

Старший полицейский офицер уголовно-следственного отдела в Уоллестоне был человек простой, доброжелательный и незамысловатый. О профессиональных качествах коллег он судил в основном по количеству лет, проведенных на службе, и, откровенно говоря, не видел в этой своей позиции никакого изъяна. Человек от Спэрроу, инспектор Мендель, был в отличие от местного суперинтенданта небольшого роста, сухощав и носат, разговаривал уголком рта, причем быстро и всегда по делу. Смайли про себя невольно сравнил его с егерем — человеком, знающим границы своей территории и недолгоблюдающим пришельцев и чужаков.

— Сэр, меня просили вам передать, чтобы вы немедленно позвонили в свой департамент господину советнику.

Суперинтендант показал своей огромной лапой на телефон и вышел через открытую дверь кабинета. Мендель остался. Смайли посмотрел на него отсутствующим взглядом, пытаясь понять, что он за человек.

— Закройте дверь.

Мендель шагнул к двери комнаты и тихо прикрыл ее.

— Я хочу проверить некоторые сведения на телефонной станции Уоллестона. К кому лучше всего обратиться?

— Наверное, к помощнику управляющего. Сам-то уп-

равляющий, как правило, витает в облаках, а всю работу выполняет помощник.

— Кто-то на Мерридейл Лэйн, 15 заказал на телефонной станции звонок в половине девятого утра. Я хочу знать, когда был сделан этот заказ и кем. Также я хочу знать, не было ли у них там еще какого-либо заказа. Короче, мне требуются все подробности.

— Какой там номер телефона?

— Уоллистон, 2944. Абонент, я думаю, Сэмюэл Феннан.

Мендель подошел к телефону и набрал цифру 0. Ожидая ответа, он спросил Смайли:

— Вы, вероятно, не хотите, чтобы кто-нибудь об этом знал, не так ли?

— Ни одна душа. И вы тоже. Вполне возможно, тут ничего и нет такого. Начни мы болтать об убийстве, нам...

— Говорят из уголовно-следственного отдела Уоллистона, офис суперинтенданта. Мне необходима кое-какая информация... да, конечно... хорошо, перезвоните. Да, городской уголовно-следственный отдел, Уоллистон, 2421.

Он положил трубку и остался ожидать у телефона ответного звонка.

— Благоразумная девушка, — пробормотал он, не взглянув на Смайли. Телефон зазвонил, и он сразу же взял быка за рога.

— Мы расследуем ограбление со взломом на Мерридейл Лэйн, 18. Похоже, что дом напротив, № 15, использовался в качестве наблюдательного поста. Можете ли вы выяснить, принимались ли по телефону Уоллистон, 2944 и производились ли какие-либо звонки за последние двадцать четыре часа?

Наступила пауза. Мендель прикрыл рукой микрофон трубки и обернулся к Смайли, слегка улыбаясь. И Смайли вдруг почувствовал к нему искреннюю симпатию.

— Она спрашивает у телефонисток, — сказал Мендель, — и смотрит квитанции.

Пододвинув блокнот суперинтенданта, он начал быстро записывать цифры и вдруг замер, наклонившись над столом:

— Да-да, — голос его звучал по-прежнему непринужденно, чего нельзя было сказать о выражении лица.

— И когда же она сделала заказ?

Снова пауза...

— 19.55... мужчина, вы говорите? А телефонистка в

этом уверена? ... Да... понятно, что ж, пожалуй, все, что я хотел узнать. Чрезвычайно признателен вам. Теперь по крайней мере мы знаем, как обстоят дела... нет, вовсе нет... вы нам очень помогли... ну да, всего лишь версия... подумаем еще, может, и надумаем что, не так ли? Да, большое вам спасибо. Очень мило с вашей стороны... да-да, держите все дело под шляпой... Ну, пока. — Он повесил трубку, вырвал из блокнота листок со своими записями и сунул в карман.

Смайли быстро проговорил:

— Вниз по улице есть, кажется, что-то напоминающее с виду кафе. Я собираюсь сходить туда позавтракать, пойдемте выпьем по чашке кофе.

Телефон вдруг начал трезвонить, и Смайли почти физически ощутил, что на том конце провода Мэстон. Мендель кинул на него острый взгляд и, кажется, все понял. Они вышли быстрым шагом из полицейского участка, оставив телефон звонить и дальше, и направились к Хай-стрит.

Кафе «У фонтана» (собственность мисс Глории Эдам) было выдержано в стиле Тюдоров: поручни для привязывания лошадей и местный колорит в виде приторно-сладкого обхождения, стоившего посетителям на шесть пенсов дороже, чем где бы то ни было. Мисс Эдам собственноручно угощала их самым гнусным к югу от Манчестера кофе и обращалась к своим посетителям не иначе как «друзья». С друзьями мисс Эдам денег не брала, она их просто-напросто грабила. Это немало способствовало той атмосфере непосредственности и доброй непрофессиональности, которую она с таким усердием старалась поддерживать в своем милом заведении. Происхождения она была непонятного, но частенько вспоминала покойного папашу, которого любила называть «полковником». Ходили, правда, среди «друзей» мисс Эдам, особенно тех, кому пришлось дорого заплатить за эту дружбу, слухи о том, что упомянутый чин был пожалован папаше Армией Спасения.

Мендель и Смайли сидели за столиком в углу, у камина, и ожидали свой заказ. Мендель как-то странно взглянул на Смайли и сказал:

— Телефонистка прекрасно помнит тот звонок. Она приняла заказ на утреннюю побудку в самом конце своего дежурства, без пяти восемь вчера. Заказ делал сам Феннан — девушка в этом абсолютно уверена.

— Почему?

— Феннан, похоже, звонил на станцию еще в канун

Рождества, тоже во время дежурства этой телефонистки. Звонил, чтобы пожелать всему тамошнему персоналу счастливого Рождества. Она, конечно, была польщена. Они поговорили о том, о сем. Девушка уверена, что вчера вечером тот же голос заказывал звонок на утро. По ее словам, это был «очень культурный джентльмен».

— Странно, где же тут логика? Предсмертное письмо он написал в 10.30. Что могло произойти между восемью вечера и половиной одиннадцатого?

Мендель положил на стол свой выдавший виды портфель. Замка у портфеля не было. «Ну, почти что папка для нот», — подумал Смайли. Инспектор вынул из портфеля простую желтую папку и протянул ее Смайли.

— Здесь факсимиле письма. Суперинтендант просил передать копию в ваше распоряжение. Оригинал они отсылают в Форин Оффис, а еще одну копию — прямо Марлен Дитрих.

— Что за черт, она-то тут при чем?

— Простите, сэр. Мы так прозвали вашего советника, сэр. Душка-генерал из вашего департамента, сэр. Очень сожалею, сэр.

«Черт побери, — подумал Смайли, — не в бровь, а в глаз!» Он открыл папку и принялся изучать копию. Мендель продолжал говорить.

— Знаете ли, это первая предсмертная записка в моей практике, отпечатанная на машинке. Из всего того, что мне приходилось видеть на эту тему, она поражает еще и указанием времени, когда она была написана. А вот подпись, похоже, подлинная. Я проверил, сличил в участке с подписью на каком-то заявлении Феннана. Подлинная, точно, тут уж ничего не попишешь.

Смайли продолжал свое исследование. Письмо было, скорее всего, отпечатано на портативной машинке. Как и анонимный донос — тот тоже был отстукан на портативной. Подпись Феннана была аккуратна и разборлива. Сверху письма был отпечатан адрес, дата отправления и время: 10.30 P.M.* Ниже шел текст.

«Уважаемый сэр Дэвид.

После некоторого размышления я решил покончить счеты с жизнью. Я не в силах провести остаток моих дней под гнетом подозрений в нелояльности и государственной измене. Я отдаю себе отчет в том, что моя

* P. m — post meridiem (лат.) — пополудни.

карьера окончена и что сам я стал жертвой платных осведомителей.

*Искренне Ваш,
Сэмюэл Феннан».*

Смайли прочел письмо несколько раз, от сосредоточенности и усердия его губы вытянулись вперед куриной гузкой, брови от удивления высоко задрались. До него не сразу дошел вопрос Менделя.

— А как вам удалось выйти на него?

— На кого, на него?

— Ну, на этот телефонный звонок поутру?

— Ах, вот вы о чем. Я поднял трубку. Думал, что звонят мне. Оказалось, нет, не мне — это был обычный звонок — побудка. Но я-то в тот момент еще не сообразил, что к чему. Решил, что звонили ей. Спустился вниз и все ей рассказал.

— Вниз?

— Ну да, вниз. У них телефон в спальне, наверху, на всякий случай. Она, знаете, была когда-то инвалидом, прикована к постели... ну, они, видимо, и оставили телефон на старом месте — так, наверно. А вообще-то эта спальня не просто спальня, она же и своего рода кабинет: книги там, знаете, письменный стол, машинка, ну и так далее.

— Машинка?

— Машинка. Портативная. Скорее всего, на ней-то он письмо свое и отстучал. Знаете, когда я подошел к телефону и ответил, я почему-то вдруг совершенно забыл, что звонок не мог предназначаться миссис Феннан.

— Почему вы так считаете?

— Дело в том, что у нее хроническая бессонница. По крайней мере она мне так сказала. Даже пошутила по этому поводу: «Мое тело и душа должны работать слаженно и дружно двадцать часов в сутки. Я, наверно, и так уже зажила на этом свете — прожила дольше многих». Больше того, она, видите ли, считает, что сон — это роскошь, которую она не может себе позволить. Ну, так зачем бы ей заказывать телефонный звонок со станции на 8.30 утра!

— Ну а зачем это делать ее мужу — вообще кому бы то ни было, зачем? Это ведь чуть ли не время ленча. Господи, помоги государственной службе!

— Да-а, знаете ли, это меня тоже озадачивает. Попробуем все же как-то объяснить это. Положим, что Форин Оффис начинает работу поздно, в десять утра. Но и в этом случае Феннану пришлось бы торопиться, даже если бы он

встал задолго до восьми тридцати: надо ведь одеться, помыться, побриться, позавтракать, успеть вовремя на поезд. Нет, времени на все это маловато, не успеешь. Разве только жена звонила ему и просила заказать.

— А может, она — того, привирала насчет своей бессонницы? Женщины, знаете, все это любят: ну там недомогания, бессонница, мигрень и прочее. Чтобы мы верили в их бурный темперамент и прочую чепуху. Однако по большей части все это, как правило, одно сплошное надувательство и кокетство.

— Нет, Эльза не могла сделать этот заказ. Она вернулась домой в 10.45. Но даже если допустить, что она не помнит точно, когда пришла домой, то все одно — она никак не могла бы пройти к телефону, не заметив внизу тело мужа. Невозможно поверить в то, что, обнаружив труп мужа, жена поднялась в спальню и заказала себе побудку.

Некоторое время они молча прихлебывали свой кофе.

— Еще одна вещь, — сказал Мендель.

— Какая?

— Его жена вернулась из театра без четверти одиннадцать, так?

— Так она говорит.

— А в театр она ходила одна?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Бьюсь об заклад, что не одна. Уверен, что она *была* вынуждена сказать там кому-то всю правду и поэтому поставила время на предсмертной записке, чтобы обеспечить себе алиби.

Смайли представил себе Эльзу Феннан, ее гнев, ее скорбность судьбе. Как-то вся эта версия не вязалась с ее характером. Нет, только не Эльза Феннан, нет.

— А где нашли труп? — спросил Смайли.

— Внизу, у лестницы.

— Внизу, у лестницы?

— Именно. Лежал, растянувшись на полу, поперек холла, а револьвер находился под ним.

— А записка? Где была записка?

— Лежала рядом на полу.

— Еще что-нибудь?

— Да. Чашка с какао в гостиной.

— Здорово! Феннан решил покончить жизнь самоубийством. Он звонит на станцию, просит, чтобы его разбудили утром в 8.30. Затем варит себе какао, оставляет его в гостиной, а сам поднимается наверх, печатает на машин-

ке свое предсмертное письмо. Потом опять спускается вниз и простреливает себе висок, а чашка какао так и стоит невыпитая. Просто один к одному!

— Н-да, что точно, то точно. Кстати, не позвонить ли вам все-таки начальству?

Смайли глянул на Менделя с подозрением.

— Вот и конец такому прекрасному знакомству, — сказал он.

Направляясь к будке с телефоном, он услышал, как Мендель бормотал себе под нос: «Да-да, видимо, тебе всем так приходится говорить». Поэтому-то он улыбался, набирая номер Мэстона.

Мэстон желал видеть его немедленно.

Смайли вернулся назад, к столику. Мендель помещивал вторую порцию кофе с таким видом, словно это занятие требовало от него максимальной сосредоточенности. Впрочем, одновременно с этим он пережевывал большую булку с изюмом.

Смайли встал рядом.

— Мне надо возвращаться в Лондон.

— Вот, теперь кот возвращается к своим голубям. — Мендель резко повернул к подошедшему свое худое, носатое лицо. — Так ведь или нет? — Он говорил передней частью рта, набитого булкой, и, по всей видимости, ничуть этим не был смущен.

— Если Феннан был убит, ни одна сила на свете не сможет заставить газетчиков молчать, — произнес Смайли и добавил про себя: «Мне кажется, Мэстону это придется не по нраву. Он предпочел бы самоубийство».

— Но мы ведь не можем закрывать глаза на факты, не так ли?

Смайли молчал, нахмурясь. Он представил себе, как Мэстон будет отметать все его сомнения в верности первоначальной версии, как будет его высмеивать.

— Не знаю, — сказал он, — ох, не знаю.

«Надо возвращаться в Лондон, — думал Смайли, — в этот идеальный дом, к Мэстону, в крысиную возню с обвинениями во всех смертных грехах. Назад, в этот бумажный мир, где человеческая трагедия уместается на трех страничках машинописного текста в отчете».

Снова пошел дождь, на этот раз уже теплый, нескончаемый. Пока Смайли шел от кафе «У фонтана» к машине — путь не такой уж далекий, — успел вымокнуть до нитки. Он снял с себя пальто и положил его на заднее сиденье. Хорошо

все-таки уехать из этого Уоллистона, пусть даже и в Лондон. Когда он свернул на главную магистраль, уголком глаза заметил худую фигуру Менделя, стоически вышагивавшего по тротуару, ведущему к вокзалу. Его мягкая фетровая шляпа потемнела от дождя и потеряла форму. Смайли и в голову не пришло предложить Менделю подбросить его до Лондона, и он почувствовал теперь себя неблагодарной свиньей. Мендель же без особых эмоций и лишних размышлений открыл заднюю дверцу и залез в машину.

— Повезло, — прокомментировал он, — ненавижу ездить в поезде. Вы на Кембридж Серкус? Значит, довезете до города и высадите где-нибудь у Вестминстера?

Они покатили, и Мендель вытащил на свет старую зеленую жестяную коробку с табаком и свернул себе сигарету. Он было направил ее в рот, но передумал и предложил Смайли, потом дал прикурить от какой-то невероятной зажигалки с пламенем аж в целую пару дюймов высотой.

— Что-то вы совсем расстроились, — заметил инспектор.

— Да, знаете ли, скис.

Наступило молчание. «Просто чертовщина какая-то, с этим типом никогда не знаешь, что и когда именно с тобой приключится», — пришло в голову Смайли.

Они проехали еще четыре или пять миль, когда Смайли остановил машину на обочине и повернул голову к Менделю.

— Вы ведь не станете возражать, если мы ненадолго вернемся в Уоллистон?

— Хорошая мысль. Я прокачусь, а вы ее расспросите.

Смайли развернул машину и медленно поехал по направлению к Уоллистону. На Мерридейл Лэйн он оставил Менделя ожидать в машине, а сам пошел к дому по знакомой уже дорожке, покрытой гравием.

Эльза открыла перед ним дверь и впустила в дом, в гостиную, не говоря ни слова. Одета она была по-прежнему, и Смайли почему-то подумалось: «Как, интересно, она провела время, прошедшее с той поры, когда он ушел утром? Бродила ли она по дому или, застыв, как изваяние, все время находилась в своей гостиной? А может быть, сидела в спальне наверху в кожаном кресле? Как она себя чувствует теперь в этом новом для нее качестве, в роли вдовы? Осознала ли она до конца свое положение или все еще находится в обычном, слегка взвинченном состоянии, которое неминуемо следует за тяжелой потерей? Наверное, смотрит в зеркало, пытаясь обнаружить признаки внешних перемен в своем облике,

снять этот ужас, застывший внутри, зацепиться за что-нибудь и вызвать желание выплакаться».

Ни один из них не решился присесть — оба инстинктивно стремились избежать повторения сценария утренней встречи.

— Миссис Феннан, знаете, я должен спросить вас об одной вещи. Мне, право, очень неудобно снова вас тревожить, но уехать так и не спросив, я не могу.

— Вы, как я полагаю, насчет телефонного звонка, ну, того раннего утреннего звонка со станции?

— Да.

— Я так и подумала, что вы будете удивлены. Человек, мучимый бессонницей, заказывает звонок со станции, чтобы его разбудили. — Она старалась говорить уверенно и убедительно.

— Да, это и вправду может показаться странным. Скажите, а часто вы ходите в театр?

— Часто, раз в две недели. Видите ли, я член Уэйбридж Репертори Клуб*. Я стараюсь посещать все их постановки. Мне как члену клуба автоматически резервируется место на каждый первый вторник любой их премьеры. Это удобно — по вторникам муж всегда приходил с работы поздно. Да он бы со мной никогда и не пошел в клуб: он предпочитал исключительно классический театр.

— Но Брехт-то ему нравился. Он ведь восхищался, насколько мне известно, представлениями «Берлинер ансамбль», когда те гастролировали в Лондоне.

Она внимательно посмотрела на него и неожиданно улыбнулась — в первый раз за время их знакомства. Улыбка у нее, оказывается, была просто чарующей: лицо вдруг просветлело, как у ребенка.

Смайли представил себе Эльзу Феннан ребенком, голенастой живой девчонкой-сорванцом, вроде маленькой Фадетты Жорж Санд — наполовину женщиной, наполовину говорливой и постоянно пребывающей в плену своих фантазий и поэтому часто лживой девчонкой. Он представил ее в роли лстивого подростка, девчонки, отвоевывающей себе место под солнцем, охотно пускающей в ход кулаки и ногти, немцы зовут таких «бакфиш». Представил ее и голодной, больной узницей концлагеря, готовой в борьбе за существование на любое унижение, даже на подлость. Удивительно было видеть в этой ее улыбке од-

---

* Клуб с постоянной труппой актеров и определенным репертуаром в Уэйбридже.

новременно и детскую непосредственность, былую невинность и испытанное оружие бывалой женщины.

— Боюсь, что объяснение этому звонку покажется вам глупым, — сказала она. — У меня очень плохая, ну просто из рук вон, память. Могу выйти за покупками и — будьте любезны — забыла, что собиралась купить; договорила по телефону о встрече с кем-то и сразу же забыла об этом, как только положила трубку. Как-то пригласила к нам гостей на уик-энд, и, представьте себе ситуацию: они приезжают, а нас нет дома. Поэтому я иногда заказываю на станции такие звонки — они напоминают мне, что я обязана что-то сделать. Это вроде тех узелков «на память», что люди завязывают на носовом платке, но ведь узелок не может вам позвонить, правда?

Смайли глядел на нее недоверчиво. Горло почему-то пересохло, и ему пришлось сглотнуть, перед тем как начать говорить.

— Ну, и для чего же предназначался этот конкретный звонок, миссис Феннан?

В ответ новая чарующая улыбка. — Вы знаете, я забыла для чего.

5. Мэстон и пламя свечей

Смайли опять сидел за рулем, направляясь в сторону Лондона. Он не слишком поспешал, а о присутствии в машине Менделя и вовсе забыл.

Было время, когда сам процесс управления машиной казался ему лучшим отдыхом, расслаблением после нервных встрясок. С каким удовольствием он погружался в нереальность долгого одинокого путешествия по бесконечным дорогам. Усталость от многочасового пути постепенно заглушала боль в усталой голове, мрачные мысли и заботы отступали и забывались. Похоже, его мозг уже далеко не так охотно подчиняется волевым усилиям. Это уже, пожалуй, звоночек оттуда. Конечно, это еще не так скоро, пока же ему требовалась некоторая гимнастика для головы. Ну, например, попытаться мысленно пройти пешком через весь Берн, от мюнстерского аббатства до университета, и воспроизвести в памяти все магазины и здания, встретившиеся на пути. Но, вопреки усилиям, призраки настоящего прорывались в его сознания и прогоняли прочь его видения.

Украла у него эту отдушину, островок умиротворения и покоя, его беспечная Энн. Сиюминутные желания, прихоти и капризы — она отдавалась им, не задумываясь, неудержимо увлекая и его в настоящее, вдребезги разбив его привычку к миражам. А потом она ушла, и ничего не осталось, кроме скуки и прозы обыденной жизни.

Как ни размышлял Смайли, но поверить в то, что Эльза Феннан убила своего мужа, он не мог. Инстинкт, которым она руководствовалась в жизни, был инстинктом защиты, сбережения сокровищ ее души. Она строила вокруг себя стены, которые должны были предохранять от нападения невидимого врага. Агрессивности в ней не было совершенно — только воля, но воля самосохранения.

«Разумеется, трудно поручиться наверняка. Да и кто это мог бы сделать? Как там у Гессе? «Как странно бродить в тумане, когда каждый одинок. И дерево не знает своего соседа. Каждый сам по себе, каждый сам за себя». Ничего-то мы друг о друге не знаем, — размышлял про себя Смайли, — ничегошеньки. Можно быть с человеком бок о бок, жить душа в душу, но узнать самое сокровенное, узнать странные мысли и видения, что посещают его ночью, увы, не дано никому. Скажите на милость, возможно ли вообще понять мотивы поступков Эльзы Феннан? Мне кажется, что я понимаю ее страдание, ее испуганную ложь, но что же я о ней знаю? Да ничего. Ничего».

Мендель оторвал его от этих мыслей, показав на дорожный знак.

— ...вот здесь я и живу. Мичэм. Знаете ли, не такое уж плохое местечко. Устал я от холостяцких квартир и купил здесь приличное маленькое убежище. Что, собственно, нужно еще пенсионеру, человеку на отдыхе?

— Пенсионеру? Бросьте шутить, вряд ли это так уж близко.

— Да нет, три дня осталось. Потому-то я и взялся за это дело: все ясно, никаких тебе осложнений и непредвиденных обстоятельств. Дайте эту работенку старому Менделю, и он сделает ее так, что вы будете довольны.

— Ну да, к понедельнику, думается, мы оба будем без работы.

Он подвез Менделя до Скотланд-Ярда и поехал к Кембридж Серкус.

Войдя в здание департамента, Смайли сразу же почувствовал, что все тут уже все знают. Это ощущалось даже по

внешнему виду каждого встреченного им сотрудника, неуловимо проскальзывало в их взглядах, манере двигаться и говорить. Он направился прямо к кабинету Мэстона. Его секретарша была на своем месте, за столом в приемной. Она быстро вскинула глаза на входящего в комнату Смайли.

— Советник у себя?

— Да, он вас ждет. У него там никого. Я постучу, и входите.

Но Мэстон уже распахнул дверь в кабинет и пригласил Смайли войти. На нем были черный пиджак и брюки в тонкую полоску. «Кабаре открыто, просим в наше заведение», — подумал Смайли.

— Я пытался связаться с вами по телефону, вам передавали? — спросил его Мэстон.

— Да, передавали. Но я не мог говорить с вами по телефону.

— То есть? Не понимаю вас.

— Видите ли, я не верю в то, что Феннан покончил жизнь самоубийством. Я думаю, его убили. Говорить это по телефону, сами понимаете, никак нельзя.

Мэстон снял монокль и уставился на Смайли в полном изумлении, он был в том состоянии, когда, как говорится, не верят собственным ушам.

— Убили?.. Почему? — только и смог вымолвить он.

— Как известно, Феннан написал свое предсмертное письмо вчера вечером в 10.30, если мы принимаем на веру то время, что проставлено в письме. Так?

— Так, дальше?

— А дальше то, что в 7.55 вечера он позвонил на телефонную станцию и попросил разбудить его на следующее утро в 8.30.

— Как вы это узнали?

— Я был там утром как раз в тот момент, когда позвонили со станции. Я подошел к телефону, подумав, что это звонят из департамента.

— А почему вы так уверены, что звонок заказал сам Феннан?

— Я наводил справки. Оказалось, что девушка на станции хорошо знала голос Феннана. Она абсолютно уверена, что именно он сделал вчера заказ на звонок-побудку.

— Может, они были знакомы — Феннан и телефонистка?

— О, боже! Ну, разумеется, нет. Просто время от времени они обменивались любезностями по телефону.

— И каким же образом вы из этого сделали вывод о том, что Феннан был убит?

— Очень просто, я спросил об этом звонке вдову покойного...

— И что же?

— Она солгала. Миссис Феннан заявила, что сама делала заказ на телефонную станцию. Она, видите ли, утверждает, что страшно забывчива и поэтому, мол, делает иногда подобные заказы, ну вроде того, как люди завязывают на носовом платке узелок, чтобы не забыть о важном деле. Да, есть еще одна важная деталь. Как раз перед тем, как застрелиться, покойный приготовил себе чашку какао, которое никогда в жизни не пил.

Теперь Мэстон слушал молча, ни разу не перебив Смайли. Наконец он улыбнулся и встал со стула.

— Кажется, вы неправильно поняли вашу миссию, — сказал он. — Я посылал вас туда, чтобы вы выяснили причину, по которой Феннан покончил с собой, а вы возвращаетесь с заявлением, что он не кончал жизнь самоубийством. Мы ведь не полицейские, Смайли. Не так ли?

— Нет, конечно. Признаться, я иногда ума не приложу, кто же мы все-таки?

— Узнали ли вы хоть что-нибудь такое, что может повредить нам... нашему департаменту? Можете ли вы, наконец, хоть как-то объяснить, почему он застрелился? Есть ли у вас что-нибудь в подкрепление его предсмертного письма?

Смайли слегка поколебался, прежде чем ответить. «Ну вот, началось», — подумал он.

— Да, разумеется. По словам миссис Феннан, ее муж после беседы с представителем госбезопасности был чрезвычайно расстроен. «Черт бы его побрал, пусть уж слушает все, до конца». Он был до того взволнован, что не мог заснуть ночью, и она заставила его принять снотворное. Словом, и ее рассказ, и записка выдержаны в одном ключе.

Смайли помолчал с минуту, глядя перед собой и близко руко сощурясь. Вид у него при этом был довольно глупый.

— И все же я ей не верю. Феннан не мог написать эту записку. Мне трудно поверить, что у него вообще были мысли о самоубийстве. — Он повернулся к Мэстону лицом. — В этом деле полно несоответствий. Да, вот еще что, — копнул он наконец поглубже, — у меня не было возможности провести экспертизу, но анонимный донос и предсмертная записка Феннана напечатаны, по всей видимости, на одной и той же машинке. Невооруженным гла-

зом видно, что шрифт один и тот же. Нам *придется* привлечь сюда полицию и дать им в руки факты.

— Факты? — взвился Мэстон. — Какие еще факты? Ну, миссис Феннан солгала вам, так ведь всем известно, что она женщина со странностями. К тому же она иностранка, еврейка в конце концов. Что там у нее в голове, не разберется никто, тут сам черт ногу сломит. Она пострадала во время войны. Ну, знаете, преследования и все такое. Наверняка приняла вас за инквизитора. Видит, вы что-то подозреваете, запаниковала, бросилась во все тяжкие, несет, что только в голову приходит. Что ж нам теперь, считать ее убийцей?

— Скажите тогда, зачем Феннан звонил на станцию и заказывал утреннюю побудку? Зачем ему нужно было варить себе на ночь какао?

— Кто же это может знать? — Мэстон почувствовал вдохновение и пошел в атаку, голос его стал проникновенно-выразительным, звучал все более уверенно и убедительно. — Если бы вас или меня, да любого из нас, Смайли, поставить на место Феннана, когда человек оказался у последней черты, когда решается на самоуничтожение, можно ли предположить, какими будут наши последние слова или действия? Вот так и Феннан. Он видит, что карьера его окончилась, буквально погублена, что жизнь потеряла всякий смысл. Вполне возможно, что в эту роковую минуту, минуту слабости и неуверенности, он просто захотел услышать человеческий голос, ощутить человеческое тепло, прежде чем свести счеты с жизнью. Экстравагантно, сентиментально? Конечно, но ведь отнюдь не невероятно для человека, настолько измученного, несчастного, что он решился лишить себя жизни.

«Вот это филиппика, просто новый Демосфен какой-то, — с грустным юмором говорил себе Смайли, — нет, здесь он Мэстону не ровня». И чем красноречивее и лицемернее становился Мэстон, тем сильнее его охватывало чувство безысходности и невозможности предпринять что-либо, чтобы противостоять этому откровенному эгоизму и беспардонности начальника. И на смену бессилию и панике пришла неконтролируемая ярость против этого претенциозного, юродствующего чинуши, лизоблюда, клоуна с седеющей шевелюрой и добропорядочной улыбкой. Лицо у Смайли покраснело, очки запотели, а в глазах закипели слезы, добавляя лишнее унижение к его позору.

Мэстон, милостиво не замечая его состояния, тем не менее продолжал:

— Вы же не можете ожидать от меня, чтобы я на основа-

нии этих ваших «фактов» заявил министру внутренних дел, что заключение полиции неверно. Уж вы-то, как никто, в курсе наших отношений с полицией. Итак, резюмируем. Все, чем мы с вами располагаем, это всего лишь ваши подозрения. Первое — это то, что поведение Феннана вчера вечером в отдельных моментах не совсем согласуется с его намерением окончить счеты с жизнью. И второе, его вдова сказала неправду — как вам кажется. На другой же чаше весов, дорогой Смайли, мнение опытных детективов, которые не обнаружили никаких противоречивых улик ни на месте происшествия, ни в обстоятельствах его смерти. Ну, и плюс ко всему этому заявление миссис Феннан, свидетельствующее об угнетенном состоянии души ее мужа после проведенной вами с ним беседы. Мне очень жаль, Смайли, но дела обстоят именно так, а не как-нибудь иначе.

Наступила продолжительная и тягостная пауза. Смайли медленно приходил в себя, оправляясь от разгрома. Вялый и равнодушный, он близоруко смотрел в одну точку, моргал и безвольно шевелил губами, его полное, покрытое морщинами лицо все еще было в розовых пятнах. Это был если и не нокаут, то, во всяком случае, довольно сокрушительный удар по самолюбию и достоинству Смайли. Мэстон все ждал, когда он наконец заговорит, но толстяк явно выдохся и потерял ко всему интерес. Не взглянув даже на начальство, Смайли без единого слова поднялся со стула и вышел из комнаты. Бесполезность борьбы была для него очевидна. На сей раз обстоятельства были сильнее его. Он чувствовал, что дело было не только в Мэстоне. Он пришел на свое рабочее место и уселся за письменный стол. Механически перебрал накопившиеся бумаги. Входящих документов было немного: какие-то циркуляры по службе и личное письмо. Почерк на конверте был незнакомый. Он вскрыл конверт и прочитал письмо:

«Уважаемый Смайли,

Прошу вас разделить со мной ленч в «аядлом рыболове» у Марлоу завтра в час пополудни. Мне необходимо сообщить Вам нечто важное. Убедительно прошу не отказать в любезности.

*Ваш
Сэмюэл Феннан».*

Письмо было написано от руки и датировано вчерашним числом: Вторник, 3 января. На конверте стояла печать «Уайтхолл, 6.00 P.M.».

Несколько минут он смотрел на письмо остановившимся взглядом, держа его перед собой и склонив голову немного набок, к левому плечу. Затем он открыл ящик стола и вынул оттуда один-единственный чистый лист бумаги. Написал на нем короткое прошение об отставке, адресовав его Мэстону, подколол к листу приглашение Феннана, положил бумагу в лоток для исходящих документов, нажал кнопку звонка секретарю, чтобы тот забрал бумаги, тяжело поднялся и пошел к лифту. Лифт, как всегда, застрял на первом этаже. Смайли немного подождал и пошел вниз по лестнице. Где-то на полпути он вспомнил, что оставил в офисе макинтош и всякие мелочи, принадлежащие лично ему. Не беда, подумал он, пришлют позднее.

Он сел в машину, припаркованную на министерской стоянке, и уставился в залитое дождем лобовое стекло.

Все, больше ему до всего этого нет дела, абсолютно никакого дела. Как же он все-таки попался? Ну, как он-то мог потерять над собой контроль? Уж кому-кому, а ему-то известна цена так называемых бесед начистоту. Сколько их он провел за свою службу! Уж его-то не проведешь на этом деле: жесткий самоконтроль, аналитичность, критицизм, обширные познания в научном, медицинском и многих других сферах. В глубине души Смайли, конечно, не мог не чувствовать их глубокую безнравственность, эту их фальшивую сердечность, когда на самом деле лезешь человеку под кожу, в душу его, и одновременно роешься в грязном белье. Чертовски гнусно все это! Ему припомнился один обед в «Куаглинос», когда он, счастливый, аж до самозабвения, рассказывал Энн о своей системе — безотказной системе хамелеона-броненосца, раскалывающей любого «собеседника».

Они обедали при свечах, отбрасывавших теплые блики на белоснежную кожу Энн, ее жемчуга. Пили бренди. Глаза у нее были влажными и сияли, а он, Смайли, разыгрывал из себя любовника. И ведь неплохо получалось! И Энн это ужасно нравилось тогда, она была без ума от него и от гармонии их души и тела.

— ...итак, сначала я научился быть хамелеоном.

— Ты хочешь сказать, что научился тогда рыгать, жаба ты моя невоспитанная.

— Да нет же, я о цвете кожи, знаешь ведь, хамелеоны умеют менять свой цвет, когда им это нужно.

— Знаю, конечно. Когда они сидят на зеленой листве,

то сами становятся зелененькими. Так ты тоже зеленел, лягушечок?

Он слегка пожал кончики ее пальцев своими.

— Внимай, кокетка, пояснениям несравненного Смайли о его патентованной технике хамелеона-броненосца, в два счета обламывающего наглцов в «профессиональных беседах».

Ее глаза были так близко от его глаз, она смотрела на Смайли с обожанием.

— Техника основывается на той неоспоримой аксиоме, что интервьюируемый, любящий больше всех на свете себя самого, неизбежно будет симпатизировать своему отражению. Следовательно, задача заключается в том, чтобы воспроизвести социальную, политическую и интеллектуальную окраску оппонента. Примечание: самое сложное здесь — это угадать с темпераментом. Требуются немалый опыт и актерское дарование.

— Жаба надутая, но любовник неглупый.

— Тихо ты! Бывает, правда, натолкнешься вдруг на плохое настроение, упрямство, дурное состояние духа — тут уж приходится действовать по другой схеме — как броненосец.

— А где же твои пояса со щитками?

— Нет, тут дело заключается в другом: главное — поставить противника в такое положение, когда ты возвышаешься над ним. Меня когда-то готовил для конфирмации старый епископ на покое. Покой покоем, но я был единственным его слушателем, и за половину воскресенья он успевал так меня накачать своими наставлениями, что хоть принимай тут же епархию. Но я нашел на него управу: разглядывая во время этих нравоучительных монологов его лицо, я мысленно воображал, что оно у меня на глазах покрывается густой шерстью. Вот этот прием и позволял мне чувствовать свое превосходство над ним. Ну, а дальше я начал развивать в себе эту способность: превращал его в своем воображении в обезьяну, заставлял застревать в окнах со скользящей рамой, отправлял голышом на масонские сборища, обрекал наподобие гадов вечно пресмыкаться на пузе...

— Ах, мерзавец, гадкая жаба!

Да, именно так всегда и было. Но вот в последних встречах с Мэстоном Смайли забыл об этой своей способности: он слишком близко принял к сердцу всю эту историю. Еще когда Мэстон только делал первые пробные шаги, прощупывал его, он чувствовал только усталость и отвращение — потому и не дал ему должного отпора. Наверняка и Мэстон подозре-

вал Эльзу Феннан в убийстве — по всему чувствовалось, что у нее имелись на то веские основания, — но он не хотел этого знать. Для него этой проблемы просто не существовало; подозрение, богатый профессиональный опыт, чутье разведчика, здравый смысл, наконец — для Мэстона весь этот набор — пустой звук, он признает только фактический материал, твердые улики. Вот письмо — это реальный факт, министры и всякие там Х.С. тоже реальность. В спорах и дразнях за сферу влияния департамент не интересовали смутные подозрения какого-то отдельного офицера.

Смайли чувствовал усталость, тяжелую, свинцовую усталость. Он сидел за рулем и правил к себе домой. Надо сегодня пообедать в каком-нибудь ресторане. Придумать что-то особенное. Сейчас, правда, время ленча. Ну что ж, ничего, он почитает Олеария, последует за ним по страницам его «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», а уж потом пообедает в «Куаглинос». Поднимет в одиночестве тост: за успех «безнадежного предприятия» неведомого убийцы, скорее всего, это все-таки Эльза, поблагодарит ее за окончание карьеры Джорджа Смайли на ниве госбезопасности, совпавшее — ну, чего в этой жизни только не случается — с безвременной кончиной Сэма Феннана.

Он вспомнил, что должен забрать на Слоун-стрит белье из прачечной и, поблуждав по улицам Лондона в поисках места для парковки, заехав на Байуотер-стрит, нашел, наконец, местечко в трех домах от собственного жилища. Он вылез, держа в руках коричневый бумажный сверток из прачечной, сосредоточенно запер машину и обошел ее кругом — скорее по привычке, пробуя ручки на всех дверях. Накрапывал противный морозящий дождик. У него вызвало раздражение то обстоятельство, что снова кто-то поставил машину прямо перед его домом. Слава Богу, миссис Чэпел закрыла окно в его спальне, а то дождик бы...

Внезапно он весь подобрался и насторожился. В окне гостиной он заметил какое-то движение: свет, чья-то тень, фигура человека — что-то такое, он уверен, там промелькнуло. Интересно, это зрение или инстинкт? Или, может быть, профессиональное чутье сработало? Какое-то шестое чувство или нерв, неуловимый сигнал, предостережение от неизвестного органа восприятия, предостережение, которому он внял и к которому прислушался.

Не теряя времени на раздумья, он положил ключи об-

ратно в карман пальто, поднялся по ступенькам до своей собственной двери и крутанул звонок.

Тот резко прозвенел, отозвавшись эхом во всех комнатах дома. Секундная пауза, и до ушей Смайли донесся слабый звук приближающихся к входной двери шагов, твердых и уверенных. Звякнула цепочка, щелкнул открываемый замок, и дверь распахнулась.

Смайли никогда в жизни не видел его раньше: высокий, светловолосый, довольно красивый, лет на вид этак около тридцати пяти. Легкий серый костюм, белая сорочка, серебристый галстук — одет по протоколу, ну прямо подающий надежды молодой дипломат! Немец или швед. Руку непринужденным жестом опустил в карман пиджака.

Смайли принял извиняющийся вид и вежливо осведомился:

— Добрый день. Скажите, дома мистер Смайли?

Дверь открылась еще шире. Маленькая заминка.

— Да, он дома. Заходите, пожалуйста.

Какое-то мгновение он колебался: может, войти.

— Нет, благодарю вас. Передайте для него, пожалуйста, вот это.

Смайли вручил незнакомцу сверток с бельем, спустился по ступенькам и направился к машине. Он ощущал, что за ним наблюдают. Завел машину, развернулся и поехал в сторону Слоун-стрит, так и не кинув ни единого взгляда в направлении своего дома. Припарковавшись, он быстро достал записную книжку и записал семь строчек с номерами. Номера принадлежали семи машинам, припаркованным на Байуотер-стрит.

«Так, что теперь делать? — думал Смайли. — Позвать полисмена? Кто бы ни был тот незнакомец, его уже, должно быть, и след простыл». Но у Смайли имелись еще и другие соображения. Он снова запер машину, пересек дорогу, подошел к телефонной будке и позвонил в Скотланд-Ярд, в Особый отдел. Смайли попросил позвать к телефону инспектора Менделя. Но инспектор, как оказалось, доложив суперинтенданту о выполнении возложенной на него миссии в Уоллистоне, отправился к себе в Мичэм наслаждаться прелестями пенсионного возраста. Выбив наконец у слишком бдительных сотрудников Скотланд-Ярда адрес Менделя, Смайли снова втиснулся в свою машину, объехал площадь и остановился у Альберт-бридж. В новом пабе он заказал сэндвич, принял порцию виски, а четверть часа спустя уже катил в сторону Мичэма под непрерыв-

ную дробь дождя по крыше его маленького автомобиля. Чувствовал он себя на редкость скверно.

6. Чаепитие с сочувствием

Когда он добрался до Мичэма, дождь все еще шел. Смайли обнаружил Менделя в саду, на нем была совершенно невообразимая шляпа — такую Смайли, пожалуй, видел впервые: первоначально она могла принадлежать, очевидно, еще солдату первой мировой войны, какого-нибудь Австралийского или Новозеландского армейского корпуса. Широченные ее поля под бременем прошедших лет и английским дождем как-то равномерно со всех сторон опустились, и Мендель, бедняга, напоминал в ней гриб-переросток, склонившийся с ужасного вида киркой над каким-то пнем.

Мендель внимательно посмотрел на Смайли, и по его худому лицу медленно разлилась улыбка. Он протянул свою мускулистую руку для пожатия.

— Неприятности, — сказал он.

— Неприятности.

Они повернулись и пошли по тропинке в дом.

«Настоящее предместье, — подумал Смайли, — но удобно и уютно».

— В комнате холодно, я еще не успел растопить камин. Как насчет чашки горячего чая на кухне?

Они проследовали на кухню. Порядок там был педантичный, каждая вещь находилась на своем месте, на всем лежал отпечаток почти что женской аккуратности и тщательности. Диссонанс вносил лишь полицейский календарь, висевший на стене. Пока Мендель ставил чайник и возился с чашками и блюдцами, Смайли бесстрастным тоном излагал события на Байуотер-стрит. Когда он закончил свой рассказ, Мендель долго молчал, остановив взгляд на собеседнике.

— Зачем он все же пригласил вас войти в дом?

Смайли моргнул и слегка покраснел:

— Я тоже об этом думаю. В тот момент, знаете, я даже опешил. Хорошо, что у меня был сверток с бельем.

Он прихлебнул из своей чашки.

— Но я не думаю, что сверток сбил его с толку. Конечно, этого исключить нельзя, но я сомневаюсь. Сильно сомневаюсь.

— Вы считаете, что сверток не мог ввести в заблуждение?

— Ну, меня-то по крайней мере не ввел бы. Это же смешно: какой-то человечиска развозит на «форде» свертки с постельным бельем. Ну, о чем тут думать? К тому же я спросил о Смайли и, на тебе, не захотел говорить с ним. Согласитесь, что выглядело все это по меньшей мере странно. Разве не так?

— Похоже. Но что ему было от вас нужно? И что он хотел с вами сделать?

— Вот именно, в этом-то вся загвоздка, понимаете? Мне кажется, он дожидался меня, но, разумеется, и предположить не мог, что я позвоню в собственную дверь. Это, видимо, как-то нарушило его планы. А собирался он, как мне кажется, убрать меня. Потому и пригласил зайти в дом — он меня узнал, но, наверное, по фотографии, а потому не сразу. Из-за этого и произошла заминка.

Мендель смотрел на него и молчал, потом произнес:

— О, Господи!

— Предположим, я прав, — продолжил Смайли, — во всех своих заключениях. Предположим, Феннан действительно был убит вчерашней ночью, и сегодня утром я действительно чуть не отправился за ним следом. Не знаю, как у вас, в Скотланд-Ярде, но в нашем деле практически не случается такого: по убийству в день.

— Что вы имеете в виду?

— Не могу сказать точно. Пока не знаю. У меня к вам просьба. Перед тем как двигаться в этом деле дальше, вы не смогли бы проверить вот эти номера? Машины с такими номерами сегодня утром были припаркованы на Байуотер-стрит.

— А почему вы не можете сделать это сами?

Смайли с секунду ошеломленно глядел на него. Затем он вспомнил, что ни разу еще не упомянул о своей отставке.

— Ах да, я ведь вам пока ничего не сказал. Утром я подал прошение об отставке. Предпочел сделать это сам до того, как меня уволят. Так что теперь я вольная птица. И вряд ли могу рассчитывать на трудоустройство.

Мендель взял у него список номеров автомобилей и отправился в комнату, где стоял телефон. Через пару минут он вернулся на кухню.

— Они перезвонят сюда через час, — сказал он. — Пойдемте, я покажу вам свои владения. Вы что-нибудь понимаете в пчелах?

— Гм-гм, очень мало. В Оксфорде на занятиях по естествознанию меня укусил какой-то клоп.

Ему вдруг захотелось подробно рассказать Менделю о

том, как он мучился с метаморфозами животных и растений у Гете, пытаясь, подобно Фаусту, «в природе всех вещей дойти до самой сути». Но тут у Смайли возникла мысль о том, что лучше, пожалуй, объяснить Менделю, почему невозможно понять дороги, которыми следовала Европа девятнадцатого столетия, если не обратиться к открытиям того времени, прежде всего в естественных науках. Его так и распирало от серьезных мыслей, но втайне, в глубине души Смайли осознавал, что это всего лишь результат борьбы его мозга с впечатлениями сегодняшних событий и что его вдохновенные, высокие мысли имеют основной причиной нервное напряжение. Вспотевшие ладони рук точно указывали на это.

Мендель вывел его на воздух через заднюю дверь и показал гостю три аккуратных пчелиных улья, стоявших у низкой кирпичной стены в дальнем конце сада.

— Я всегда мечтал завести пчел, разобраться, что тут к чему. Литературы всякой про них прочитал столько — не счесть, просто самому страшно! Не поверите, забавные это зверушки, плутишки этакие!

Они стояли под частым мелким дождем, а Мендель, не замечая этого, принялся рассказывать и все говорил и говорил. На погоду он, видимо, не обращал никакого внимания, она отвечала ему взаимностью. Смайли с интересом разглядывал инспектора: у Менделя было худошавое волевое лицо, носившее отпечаток замкнутости и сосредоточенности, короткий ежик волос отливал серебром. Смайли отлично себе представлял жизнь, прожитую Менделем, — он встречал у полицейских во всем мире такую же сухую морщинистую кожу, такое же неизбывное терпение, горькую разочарованность и глубоко спрятанную в тайниках души ярость. Он легко мог себе представить долгие часы, проведенные Менделем в поисках истины, в любую погоду, в засадах, ожидании того, кто может и вовсе не прийти... или прийти и тут же навсегда исчезнуть. Смайли было хорошо известно, как все они — Мендель и ему подобные — зависели от всяких ответственных работников — капризных и грубых, нервных и переменчивых, редко мудрых и понимающих. Он знал, как умные, талантливые люди ломались благодаря идиотизму начальства, когда недели круглосуточного терпеливого труда шли псу под хвост только из-за каприза или глупости такого вот начальника.

Мендель провел его по сомнительного вида тропинке из битого камня к ульям и, не обращая внимания на дождь,

разобрал один из них на составные части, давая по ходу пояснения и сопровождая их наглядной демонстрацией. Говорил он отрывистыми фразами, с длинными паузами. Во время этих пауз он и показывал что-нибудь, со знанием дела поворачивая деталь своими длинными пальцами.

Наконец они вернулись в дом, и Мендель показал ему две комнаты на первом этаже. Гостиная была, можно сказать, вся в цветах: занавески с изображениями цветов, ковры с цветочным орнаментом, вышитые цветами чехлы на мебели. В углу небольшого кабинета располагалась коллекция пивных кружек в форме толстяка, одетого в костюм восемнадцатого века (так называемые «Тоби джагз»). Пара очень красивых пистолетов располагалась в витрине рядом со спортивным кубком. «За меткую стрельбу по мишени» — было выгравировано на нем.

Потом они поднялись наверх. Здесь ощущался запах керосина, который шел от камина, расположенного на первом этаже, и слышно было сердитое журчание в баке туалета.

Мендель показал гостю собственную спальню.

— Свадебные апартаменты. Кровать купил на распродаже, и всего-то за фунт стерлингов. Заметьте, матрасы — пружинные. Невероятные вещи там, бывает, продаются. Ковры, например, раньше принадлежали королеве Елизавете. Они их, видите ли, каждый год меняют. Купил в лавке в Уотфорде.

Смайли стоял в дверях и был, признаться, несколько озадачен увиденным. Мендель прошел мимо него и открыл дверь в другую спальню.

— А вот ваша комната. Если вы ее захотите. — Он повернулся к Смэйли лицом. — На вашем месте я предпочел бы сегодня не ночевать дома. Мало ли что, не правда ли? Кроме того, здесь спится лучше — воздух почище.

Смайли начал было протестовать.

— А это вы уже сами для себя решайте, как вам будет лучше. — Мендель нахмурился и сказал с ноткой неуверенности в голосе: — Я, честно говоря, не шибко разбираюсь в вашем ремесле. Наверно, не лучше, чем вы — в моем. В общем, поступайте так, как сочтете нужным. Из того, что я уже о вас знаю, вы вполне «взрослый» и можете о себе позаботиться сами.

Они сошли по ступенькам вниз. Мендель разжег в гостиной газовый камин.

— Так или иначе, но вы должны мне позволить накормить вас сегодня обедом, — сказал Смэйли.

В холле зазвонил телефон. Это звонила секретарша, чтобы сообщить Менделю информацию о машинах, номера которых он ей продиктовал.

Мендель вернулся в гостиную и протянул Смайли список из семи имен и адресов. Четыре из семи можно было отбросить сразу: адреса владельцев этих машин начинались со слов «Байуотер-стрит». Оставалось три: наемная машина, зарегистрированная в фирме «Эдам Скарр и Сыновья» на Бэттерси, торговый фургон черепичной фирмы «Северн тайл компани» из Истбурна, а третий автомобиль и вовсе являлся собственностью Панамского посольства.

— Я дал человеку задание выяснить панамский вариант. Это будет несложно: на вооружении посольства всего только три автомобиля.

— Бэттерси отсюда недалеко, — продолжал Мендель, — можно съездить туда вдвоем. На вашей машине.

— Это просто замечательно, — быстро согласился Смайли, — съездим туда, а потом поедem к Кенсингтону обедать. Я закажу столик в «Энтречэт».

Было четыре часа дня. Они посидели немного, поговорили о том, о сем, о пчелах, о домашнем хозяйстве. Мендель чувствовал себя здесь в своей стихии, а Смайли — как-то не очень уверенно, немного смущался, но старался делать все, чтобы не выглядеть таким умником. Ему вдруг живо представилось, как бы Энн восприняла Менделя. Он наверняка бы понравился ей чрезвычайно, и она тут же, по своей привычке, постаралась бы сделать его картонным, человеком в одной плоскости, не имеющим права на поступки, выходящие за рамки, ею придуманные. Она бы начала перенимать его словечки, манеру разговора, сделала бы его непременно персонажем для светской болтовни, сделала бы его неотъемлемой частью их жизни, своим, ручным, простым и понятным, лишила бы его «изюминки». «Представляешь, дорогой, он такой *домашний*! Ну, кто бы мог подумать? Уж кто-кто, но это последний человек, от которого я ожидала услышать совет, где можно задешево купить рыбу. А какой чудный у него домик! И какая *непосредственность*! Ведь он прекрасно должен знать, что эти «Тоби джагз» ужасны, но ему просто нет до всех наших условностей ровным счетом никакого дела. Мне кажется, он душка. Жабенок, пригласи его к нам пообедать. Ты должен его пригласить. И не для того, чтобы над ним хихикать, а чтобы получать от общения с ним удовольствие». Он, конечно, так и не пригласил бы Менделя, но Энн осталась бы довольна — ведь она его вы-

числила, вычислила, за что можно хорошо и по-дружески к нему относиться. А вычислив, забыла бы о его существовании.

Вот это как раз и занимало Смайли: вычислить Менделя и держаться с ним на дружеской ноге. Энн тут всегда давала ему несколько очков вперед. Но Энн всегда была Энн. Она однажды чуть не убила своего племянника, закончившего Итон, за то, что он запивал рыбу кларетом, но не сказала бы ни слова Менделю, если бы тот вздумал раскуривать трубку над одной из ее драгоценных коллекционных вышивок, она бы не сказала ему ни слова упрека.

Мендель заварил чаю, и они, не торопясь, выпили по паре чашек этого чудесного напитка. Около четверти шестого они уселись в машину Смайли и направились к Бэттерси. По дороге Мендель купил вечернюю газету. Прочитал он ее не без некоторых усилий — приходилось ловить свет от уличных фонарей. Несколькими минутами позже он с неожиданной для Смайли злобой в голосе сказал:

— Крауцы! *Чертовы* крауцы! Господи, как же я их ненавижу!

— Крауцы?

— Ну да, крауцы. Гансы, «джерри». Немцы чертовы. Шестипенсовика за всю эту шайку бы не дал. Мерзкие плотоядные овцы. Опять преследуют евреев. Одни евреи кругом. Бей их, грабь их! Потом прости и забудь. А почему, черт бы их побрал, это нужно забывать? Вот что я хотел бы знать. Как можно все это забыть и простить: убийства, грабежи, насилие над женщинами? Только потому, что все это творили массы, миллионы немцев? Господи, какой-нибудь паршивый мальчишка-клерк утащит в банке, где работает, десяток монет — и над ним всем миром устраивают судилище. А Круппу и всей его рати, устроившим это вселенское побоище, — хоть бы что. Нет, это просто невероятно. Господи, если бы я был евреем в Германии...

Внезапно Смайли очнулся от своих мыслей:

— И что бы вы сделали? Что бы вы предприняли, Мендель?

— Ну, я думаю, я бы сел и начал считать. Это ведь статистика, значит, и политика тоже... *Дайте немцам водородную бомбу!* Разве это не политика? Конечно, политика! Тысячи, миллионы чертовых евреев в Америке. И что же делают эти новоиспеченные янки? Они, черт бы их всех побрал, дают крауцам бомбы, новые бомбы. Все, раз мы теперь союзники, так давайте друг друга подорвем! Так, что ли?

Мендель весь трясся от ярости, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

— И какой же вы видите выход из всего этого? — спросил он просто для того, чтобы что-нибудь сказать

— А Бог его знает, какой, — медленно произнес, остывшая от вспышки, Мендель.

Они приехали на Бэттерси Бридж Роуд и остановились около констебля. Мендель показал ему свою полицейскую карточку.

— Гараж Скарра, говорите? Вряд ли его можно назвать гаражом, сэр, скорее подворье, что ли. Он там все больше с металлоломом возится, и подержанные тачки у него есть. «Если клиенту не нужно первое, значит, требуется второе», — так сам Эдам обычно говорит. В общем, так: доезжаете до Принс оф Уэйлс Драйв, до больницы, подворье там рядом, в глубине, между двумя сборными домами. Место там было, ну, просто после бомбежки, но старый Эдам понавез туда шлака, заровнял и живет себе, пока его оттуда не попросят.

— Вы, похоже, хорошо его знаете, — сказал Мендель.

— Будешь знать, когда постоянно приходится таскать в участок. И за что я только его не арестовывал, ну, просто нет такого закона, который бы он не нарушил или не был бы замешан. Он у нас, можно сказать, почетный клиент, этот Скарр.

— Так, понятно. А в данный момент есть на него что-нибудь?

— Трудно поручиться, что он там делает сейчас, но вот привлечь за незаконные пари можно в любое время суток. Он у нас под Богом и Законом ходит.

Они поехали к больнице Бэттерси Хоспитал, скользая вдоль парка, враждебно темневшего на фоне уличных фонарей.

— А что это значит «под Законом»? — спросил Смайли.

— Это означает, что Скарр у них давно на крючке и в любой момент они имеют право на его предварительный арест, который может длиться годы. Похоже, этот Эдам Скарр как раз для меня. Я им, пожалуй, и займусь.

Подворье они нашли именно в таком состоянии, каким его описывал им констебль: неровный ряд каких-то сараюшек, построенных на месте пустыря между двумя ветхими домишками. Пустырь был завален мусором, камнями, шлаком, упаковками с асбестовым порошком. В отдельные кучи были свалены доски, бревна и старые железяки, видимо, предназначенные хозяином на продажу. Стояла ти-

пина, вокруг — ни души. Мендель засунул в рот два пальца и издал пронзительный свист.

— Скарр! — крикнул инспектор. В ответ тишина. Фонарь, укрепленный на дальнем строении, погас, и три или четыре битые, выдавшие виды машины во дворе стали почти неразличимыми в темноте.

Дверь одного сарая медленно приоткрылась, и на пороге появилась фигура девочки лет двенадцати.

— Девочка, твой папа дома? — спросил Мендель.

— Не-а, вроде в Прод слинял.

— Ясно, понятно, детка. Спасибо.

Он пошли на дорогу.

— А что это за «Прод» такой, хотел бы я знать? — поинтересовался Смайли.

— Продигалз Каф *. Паб тут есть такой за углом. Можем пешком пройтись. Здесь ярдов сто, не больше. Оставьте машину здесь.

Кабак, видно, только-только открылся. В пабе не было ни души, и пока они дожидались появления хозяина, входная дверь распахнулась от пинка и в паб ввалился очень толстый мужчина в черном костюме. Он напрямик направился к стойке бара и принялся стучать по ней монетой достоинством в полкроны **

— Уилф, — заорал он. — Эй, Уилф, покажись! У тебя тут посетители, счастливчик ты этакий. — Он обернулся к Смайли и поздоровался: — Добрый вечер, приятель.

Из помещения, расположенного позади стойки бара, чей-то голос ответил:

— Пушай оставят деньги на стойке и приходят попозже вечером.

Толстяк с минуту тупо разглядывал Смайли и Менделя, а затем разразился хриплым хохотом:

— Не-ет, Уилф, не та публика, это люди занятые! — Собственная острота сразила его самого, и он плюхнулся на скамейку, что тянулась вдоль стены паба, и, уперев руки в свои колени, долго тряс жирными плечами, повторяя между долгими пароксизмами смеха, сквозь слезы: — Ох, не могу, ох, ей-богу, не могу.

Смайли с интересом рассматривал толстяка. На нем были очень грязная белая рубашка со стоячим воротничком и закругленными уголками, цветастый красный галстук,

* «Блудный теленок» (англ.)

** Английская серебряная монета в 2 шиллинга 6 пенсов, находившаяся в обращении до 1946 года

пришпиленный на выпуск к черной жилетке, армейские ботинки и блескучий черный костюм, чрезвычайно поношенный и без следа какой-либо складки на брюках. Манжеты на рубашке были черными от пота, въевшейся грязи и машинного масла. Скреплены они были на запястьях при помощи скрученных в узел бумажек.

За стойкой появился хозяин заведения и принял у них заказы. Незнакомец потребовал себе большую порцию виски и имбирное вино, быстро унес свою выпивку в глубь салуна, поближе к угольному камину. Хозяин проводил его неодобрительным взглядом.

— Вот вечно он себя так ведет, подлец. Не платит за то, что сидит в приличном заведении, у огня, в уютном салуне.

— А кто он таков есть? — полюбопытствовал Мендель.

— Он-то? Да Скарр его фамилия. Эдам Скарр. Бог его знает, зачем Адамом нарекли. Представляю себе его в саду Эдема — недурно, верно? Здесь еще любят повторять одну шутку о нем. Ну, предложи, мол, ему Ева яблоко, он бы то яблоко вместе с кочерыжкой слопал.

Хозяин паба поцокал и покачал головой, затем крикнул в сторону Скарра:

— И все равно, ты еще годишься для дела, да, Эдам? За черт знает сколько миль сюда ездят — только чтоб посмотреть на тебя, образина. Чудо-юдо из космоса! Заходите, поглядите: Эдам Скарр! Разок на него глянешь и готово — даешь зарок больше не пить.

Последовал новый взрыв веселья со стороны толстяка. Мендель наклонился к Смайли и сказал:

— Идите и подождите меня в машине. Вам бы лучше держаться отсюда подальше. Пятерка есть?

Смайли дал ему пять фунтов, вынув купюру из бумажника, кивнул в знак того, что согласен с мнением Менделя, и вышел вон из паба. Ничего более отвратительного, чем беседовать со Скарром, он себе и придумать бы не мог.

— Значит, это ты и есть Скарр? — спросил Мендель.

— Точно так, дружище, он самый и есть.

— ТРХ 0891 — твоя машина?

Мистер Скарр нахмурился и уставился в свое виски и имбирное вино. Вопрос явно навел его на печальные размышления.

— Ну, так что же, твоя или нет? — настаивал Мендель.

— Была моя, эсквайр, была, — философски резюмировал Скарр.

— Какого черта, что это еще значит «была»?

Скарр приподнял на несколько дюймов правую руку и позволил ей упасть на стол, демонстрируя этим незамысловатым жестом свое огорченное состояние.

— Темна вода, эсквайр, ох, как темна! — изрек он опять.

— Слушай, Скарр, у меня, наверное, есть дела и поважнее, чем трепаться тут с тобой и разгадывать твои загадки. Я не из стекла сделан, понятно? И на шашни твои мне плевать с высокой колокольни. Что меня интересует сейчас, — так это — где твоя машина? Соображаешь, нет?

Скарр принялся сосредоточенно обдумывать поставленный перед ним впрямую вопрос, оценивать все «за» и «против».

— Я тебя усек, дружище. Я увидел свет. Тебе нужна информация.

— Ну, наконец-то. Совершенно правильный ты там свет увидел. Мне действительно нужна информация.

— Тяжелые времена пришли, эсквайр. Стоимость жизни, милый мой, растет аж до самых до небес. Информация нынче товар, и, надо сказать, с хорошим спросом товар, разве не так?

— Ты скажешь мне, кто арендовал у тебя машину, и, уверяю тебя, не помрешь с голоду.

— А я не умираю с голоду и теперь, дружище. Я хочу лучше питаться.

— Пятерка.

Скарр прикончил свое пойло и с шумом брякнул на стол свой пустой стакан. Мендель поднялся и купил ему новую порцию.

— Ее увели, — сказал Скарр, — я ее несколько лет держал для себя, можешь понять? Для дипо.

— Для чего?

— Для *дипо*, ну, депозита, в качестве залога. Скажем, парню надо на день машину. Он тебе дает двадцать фунтов ассигнациями в качестве залога. Когда он возвращается, он должен тебе сорок шиллингов, понятно? Ты выдаешь ему квитанцию на тридцать восемь фунтов, записываешь их себе в книгу как расход и со всего этого имеешь десятку. Ну что, прозрачно?

Мендель кивнул в знак того, что понял.

— Вот, три недели назад пришел один парень. Высокий такой, шотландец. И богатый притом. С тростью, весь из себя. Заплатил дипо, взял машину, и я его больше не увидел. Машина тью-тью. Грабеж.

— Почему же ты не заявил в полицию?

Скарр сделал паузу, потом глотнул из стакана и печально посмотрел на Менделя.

— Многие обстоятельства говорят не в пользу такого шага, эсквайр.

— Хочешь сказать, что украл ее у себя ты же сам?

Скарр выглядел шокированным.

— С той поры моих ушей достигли печальные слухи о компании, у которой я когда-то приобрел автомобиль. Больше я ничего вам сказать не могу, — быстро добавил он с благочестивой миной на своей толстой роже.

— Когда ты сдавал ему в аренду машину, он ведь заполнял бумаги, так ведь? Ну там, страховку, расписку и прочее. Где все это?

— Фальшивки, сплошь фальшивки. Дал мне свой адрес в Илинге. Я туда съездил, а он фальшивый. Не сомневаюсь, что и имя он дал неправильное.

Мендель скомкал в кармане банкноту и протянул ее через стол Скарру. Тот развернул купюру и, не таясь, стал внимательно ее разглядывать.

— Я знаю, где тебя найти, — сказал ему на прощание Мендель, — и вообще кое-что про тебя знаю. Если ты мне все про машину насвистел, я тебе сверну твою поганую шею.

Опять лил дождь, и Смайли пожалел, что не захватил с собой шляпы. Он пересек дорогу и пошел по той улочке, где находилась шарашка Скарра, направляясь к своему автомобилю. Улица была пустынной и какой-то странно притихшей. В двухстах ярдах вниз по Бэттерси Роуд, из незашторенных окон аккуратной маленькой больницы Бэттерси Джeneral Хоспитал лучи света падали на мокрый асфальт, покрывая его яркими квадратами. А здесь, где шагал в темноте Смайли, только эхо его шагов отдавалось у него в ушах.

Он поравнялся с двумя сборными домами, что служили границей Скаррову подворью. Во дворе была припаркована машина с зажженными подфарниками. Заинтригованный, Смайли свернул с улицы во двор и подошел к автомобилю. Это был МГ с крытым кузовом зеленого, а может, и коричневого цвета, бывшего в моде еще перед войной. Номер машины был едва освещен лампочкой и основательно залеплен грязью. Смайли наклонился и провел указательным пальцем по очертаниям букв и цифр: ТРХ 0891... Ну, конечно, ведь это один из номеров, которые он записал около дома поутру.

Он почувствовал сзади какое-то движение и начал разги-

баться, поворачиваясь назад. Он едва успел прикрыть голову рукой, и тут же ощутил боль от обрушившегося удара.

Ему показалось, что череп ему раскроили надвое. Уже на земле он ощутил тепло собственной крови, свободно лившейся из раны над левым ухом. «Только бы не били еще, о Господи, только бы не били!» — мелькнуло в его затухающем сознании. Смайли практически ничего не чувствовал, некоторое время он только видел себя как бы со стороны, издалека, видел, как его тело падает на асфальт и словно разваливается на куски. Станным образом это напоминало кусок скалы, разбиваемый на камнедробилке: сначала трещины, потом отдельные глыбы, щебень — и кровь, теплой струей уходящая в шлак. Эхо бьющих камнедробилок вдалеке. Но не здесь. Далеко.

7. История, рассказанная мистером Скарром

Мендель смотрел на тело Смайли и гадал, живой он или уже мертвый. Вытряхнув карманы собственного пальто, переложив их содержимое в брюки и пиджак, он заботливо укрыл Смайли и побежал, побежал, как сумасшедший, по направлению к больнице. Вломившись внутрь отделения выписки больных, работающего круглосуточно, Мендель подлетел к дежурившему молодому доктору. Показав ему карточку полицейского, он прокричал что-то нечленораздельное, схватил беднягу за руку и попытался вытащить его на улицу. Но доктор улыбнулся терпеливой улыбкой, отрицательно покачал головой и, на удивление легко и мягко освободившись от него, вызвал по телефону скорую помощь.

Мендель понесся обратно на место преступления, где уже были какие-то люди. Спустя несколько минут примчалась карета скорой помощи, и тренированные мужчины умело подхватили тяжелое тело Смайли, погрузили в машину и увезли.

— Хоронить, наверно, — решил Мендель. — Ну, покажу я тому подонку, кто это сделал, он у меня за все заплатит!

Он стоял и смотрел на клочок земли, где только что лежал Смайли, — грязь, шлак и больше ничего. Трудно было разглядеть какие-либо следы при тусклом красном свете задних огней автомобиля. А те, что были, — их затопта-

ли персонал скорой помощи и обитатели соседних домов, которые пришли, поохали и убрались восвояси. Еще бы: тут пахнет бедой, а им этот запах явно ни к чему.

— Сволочь, — свистящим сдавленным шепотом ругнулся Мендель и медленно побрел в сторону паба.

Заведение начало заполняться вечерними посетителями. Скарр заказывал очередную порцию виски. Мендель подошел к нему сзади и взял за локоть. Скарр обернулся:

— А-а, это вы, дружище, вернулись обратно? Не желаете ли немного того зелья, что прикончило мою тетушку?

— Заткнись! — глухо зарычал Мендель. — Придется с тобой поговорить по-другому. Пошли-ка на воздух!

— Не могу, дружище, сейчас никак не могу. Я в компании, — кивком головы он показал на блондинку лет восемнадцати, одиноко сидевшую за угловым столиком. Инспектор совершенно автоматически посмотрел в ее сторону: в глаза бросились губы, почему-то покрашенные белой помадой, совершенно невероятных размеров грудь, да выражение испуга, застывшее на лице.

— Слушай ты, подонок, — захрипел толстяку Мендель, — еще секунда — и ты останешься без ушей, лживая мразь!

Скарр оставил свое виски на попечение хозяина паба и не торопясь, с подчеркнутым достоинством, пошел к выходу. На блондинку он больше не взглянул ни разу.

Мендель повел его через дорогу к тем сборным домишкам. Даже отсюда, за восемьдесят ярдов, видны были красные огни подфарников автомобиля у гаража.

Они свернули во двор. Мендель крепко держал Скарра за предплечье, готовый в любой момент — если будет в том необходимость — заломить тому руку назад и вверх, вывихнув или сломав ему при этом плечевой сустав.

— Ну, просто блеск, — заорал обрадованный Скарр, — она, лапушка моя, вернулась-таки к любимому хозяину.

— Так ты говоришь, увели, украли? — отреагировал Мендель. — Высокий шотландец с тросточкой и адресом в Илинге увел? Ах, как мило с его стороны, что он не стал обижать бедного владельца и возвратил любимицу хозяину! Обычный дружеский жест... после трех недель ожидания, а, Скарр? Ну что ты теперь скажешь, бизнесмен: в людях не разбираешься, рынка не знаешь? — Мендель весь трясся от злости. — Открой-ка дверь, олух.

Скарр повернулся в темноте к Менделю лицом, свободной рукой хлопывая свои карманы в поисках ключей от машины, наконец выудил целую связку и открыл дверь

автомобиля. Мендель забрался внутрь, зажег свет и начал методически обследовать салон автомобиля. Скарр стоял снаружи и ждал.

Мендель произвел обыск быстро, но тщательно: отделение для перчаток, сиденья, подоконник у заднего стекла — ничего. Он скользнул рукой в карман для карт на левой задней двери и вынул оттуда карту и конверт. Конверт был продолговатый и плоский, серо-голубого цвета, в полоску. «Континентальный», — подумал Мендель. Снаружи никаких надписей не было. Он надорвал конверт. Внутри было десять потрепанных пятифунтовых купюр и ничем не примечательная с виду почтовая карточка. Мендель поднес ее поближе к свету и прочитал написанное печатными буквами послание для Скарра: ТЕПЕРЬ ВСЕ. ПРОДАЙ МАШИНУ.

Подписи не было.

Инспектор вылез из машины и схватил Скарра за оба локтя. Тот в испуге отшатнулся назад и спросил неуверенно:

— Что случилось, что у вас за проблема?

Мендель ответил негромко, ласково:

— Это не моя проблема, Скарр, а твоя. Причем самая большая проблема за всю твою поганую, вонючую жизнь. Тайный преступный сговор с целью убийства, попытка убийства, попытка нанесения ущерба интересам государственной безопасности. Сюда можно приплюсовать нарушение дорожно-транспортного законодательства, опять же тайный преступный сговор с целью обмана департамента сборов и налогов, ну и еще с десятков всяких других обвинений, какие только мне могут прийти на ум, пока ты будешь сидеть-посиживать на койке в камере и обдумывать свою проблему, Скарр!

— Минуточку, коппер*, минуточку, давайте не будем прыгать до луны. Что это еще за история с убийством? Что вы мне тут собираетесь пришить?

— Слушай, Скарр, ты ведь человек маленький, не из шишек, твоя хата раньше была где? С краю. Разве не так? Ну, а теперь милости просим в ряды больших шишек, лет на пятнадцать ты теперь потянешь, не меньше.

— Ой, оставь эти дешевые заходы, копп. Не надо.

— Да нет, надо, миленький мой. Ты влетел между двумя жерновами, ну и, как водится, на дураках что делают? Что же буду делать, например, я? Да я от хохота буду над-

---

* Полицейский, полисмен (англ. разг.).

рваться, пока ты будешь гнить заживо в Скрабзе*, созерцая свое толстое брюхо. Видишь больницу? Там сейчас лежит при смерти человек, которого только что пришел твой высокий шотландец. Полчаса назад его нашли истекающим кровью у тебя во дворе. И еще один найден мертвым в Суррее. Насколько я знаю, в каждом графстве нашего замечательного королевства найдется — если, конечно, поискать хорошенько — по одному покойнику.

Так что это твоя проблема, мерзавец, а не моя. Здесь еще одно интересное обстоятельство: только тебе известно, кто он такой, этот убийца, не правда ли? Он ведь человек аккуратный, любит порядок, может захотеть здесь прибраться, может или нет?

Скарр медленно обошел машину кругом и встал с другой стороны у двери.

— Залезайте внутрь, коппер, — сказал он.

Мендель опустил на сиденье водителя и открыл изнутри дверь с противоположной стороны. Скарр уселся с ним рядом. Свет в салоне машины они потушили.

— У меня здесь есть неплохой маленький бизнес, — негромко начал Скарр, — доходы скромные, но регулярные, грех жаловаться. Или были такими, пока не появился этот парень.

— Что за парень?

— Не гони, коппер. Все в свое время. Появился он где-то года четыре назад, сказал, что по ювелирной части, торгует драгоценностями. Не буду вас убеждать, что я ему так и поверил — ни вы не похожи на сумасшедшего, ни я. Короче, я его не спрашивал, и он о своем бизнесе не распространялся, но, подозреваю, что доходы у него с контрабанды. Серьезный человек — денег у него было навалом, мог от них прикуривать, купюры сыпались с него, как листья осенью. «Скарр, — говорит, — ты человек дела. Я не люблю, когда обо мне много говорят, и, судя по тому, что я про тебя знаю, ты этого тоже не любишь. Мне нужна тачка. Но не своя». Ну, он, понятное дело, не совсем такими словами мне все это выложил, аккуратнее — одно слово, иностранец, — но смысл был такой, это точно. Я, значит, его и спрашиваю: «А какое будет ко мне предложение? — говорю, — предложение, мол, какое?»

А он мне отвечает: «Я, говорит, шибко скромный. Мне, говорит, такая тачка нужна, чтобы, значит, случись со

---

* Большая лондонская тюрьма.

мной какая на дороге авария, чтоб по той тачке, значит, ну никак нельзя было меня вычислить. Купи, говорит, мне, Скарр, приличную подержанную лайбу и обязательно, говорит, чтоб с крытым верхом. На свое, Скарр, имя купи и держи для меня всегда наготове. Вот тебе для начала пять сотен, для начала, и по двадцать фунтов в месяц за гараж и уход за ней, говорит. А вот тебе премия за каждый день, что я на ней кататься, значит, буду. Но я, говорит, очень застенчивый, скромный, понятно? Ты меня знать не знаешь и видеть не видел, мол. За то, мол, что не видел и не знаешь, деньги и плачу».

Так и сказал, провалиться мне на этом месте, если хоть грамм насвистел. Н-да, никогда я тот день не забуду. Лило, понимаете, как из ведра, а я, значит, корячусь над старым такси, которое незадолго до того урвал у одного хмыря из Уондсворга. Такая, скажу я вам, была колымага! Да еще букмекеру должен был сорок монет, и полицейские у меня на хвосте сидели по поводу одной тачки, что я взял за гроши на распродаже и раздолбал в Слэпхеме.

Скарр перевел дыхание, с шумом выпустил воздух, изобразив жестом полнейшую капитуляцию перед таким отчаянным стечением жизненных неурядиц.

— И вот стоит он, понимаешь, у меня над душой, как вроде моя собственная совесть. И сыплет мне на голову банкноты, словно использованные билетки на тотализаторе.

— Как он выглядел? — спросил Мендель.

— Молодой такой, ростом высокий, значит, белобрысый. Симпатичный. Но холодный по крови, селедка голландская. И больше я его с того самого дня и не видел, только письма приходили с лондонским штемпелем. На простой бумаге печатные буквы, вроде: «Приготовь к вечеру в понедельник» или «Приготовь к вечеру во вторник». Тачку я оставлял, как было уговорено, значит, во дворе, бензина по завязку, всю такую вылизанную, отлаженную. Он никогда не говорил, в какой день ее вернет. Просто подгонял сразу после закрытия или попозже, с зажженными фарами и дверями на запоре. И в кармане для карты оставит мне пару фунтов на каждый день, что ее не было на месте.

— Вы ж должны были что-то придумать и на тот случай, если б тебя, к примеру, тормознули за что-нибудь, а?

— А у меня номерок был, телефонный. Он сказал мне, звони, мол, по этому номеру и проси к телефону такого-то по имени.

— Имя, имя какое, болван? — заорал Мендель.

— А он сказал, выбирай, мол, сам. Я выбрал «Блонди». Ему оно не шибко понравилось, но на том и порешили. Так и осталось Блонди. А телефон был такой: Примроуз, 0098.

— Ты им когда-нибудь пользовался?

— Да, пару лет назад, я залетел в Маргейт на десять дней. Подумал, лучше пусть об этом знает. К телефону подошла девушка, тоже голландка, по голосу. «Блонди, — говорит, — сейчас в Голландии». Ну, я через нее все и передал. А потом перестал звонить.

— Почему?

— А, присмотрелся. Он появлялся точно, раз в две недели. Первый и третий вторник, кроме января и февраля. Вот такой, значит, был у него порядочек. В первый раз, правда, в январе-то он и нарисовался. Обычно в четверг ставил тачку на место. Странно, что вернул сегодня вечером. Но теперь все, шалишь, на прикол, а, инспектор? — Скарр держал в своей лапище почтовую карточку, которую ему дал Мендель.

— А вообще бывало так, чтобы он исчезал надолго?

— Только зимой. В январе его не было, кроме того раза, и в феврале. Как я вам сказал.

Мендель все еще держал в руке пятьдесят фунтов. Он бросил их на колени Скарру.

— Только не думай, что ты такой счастливчик и на этом все и закончилось. Не хотел бы я иметь твои башмаки за сумму и в десять раз большую, чем эта. Я еще вернусь.

Мистер Скарр озаботился, похоже, всерьез.

— Колоться — это не по моей части, — сказал он, — но тут, понимаешь ли, как раз тот самый случай, когда своя рубашка каґ-то ближе к телу. Ну и родина не должна пострадать, не так ли, а, эсквайр?

— Ну, пожалуй, хватит на сегодня, — сказал Мендель, вдруг почувствовавший себя усталым. Он забрал у Скарра почтовую карточку, вылез из машины и пошел к больнице.

В больнице не было ничего нового. Смайли все так же был без сознания. Министерство госбезопасности уже было в курсе дела. Менделю предложили оставить свои координаты — имя, адрес — и отправляться домой. Они ему позвонят, если будут какие-то новости. После продолжительной дискуссии Мендель получил у сестры ключ от машины. Все-таки Мичэм, решил он, не самое удобное место для жизни.

8. Воспоминания на больничной койке

Он ненавидел кровать, к которой был прикован, точно так же, как утопающий ненавидит море. Он ненавидел эти простыни, не позволявшие ему шевельнуть ни рукой, ни ногой.

И он ненавидел эту комнату, она вселяла в него животный страх. Около двери стоял столик на колесиках, весь уставленный какими-то приборами, склянками с разными жидкостями, бинтами, ножницами, странными предметами, завернутыми в белоснежную ткань и словно приготовленными для последнего причастия. Там стояли еще высокие кувшины, прикрытые наполовину салфетками, они возвышались, будто белые орлы, сторожащие тот момент, когда им будет разрешено потрошить и рвать его внутренности; там были еще небольшие стеклянные сосуды, а в них свернулись, как змеи, резиновые трубки. Все это Смайли ненавидел и всего боялся. Он то метался в жару, и с него градом катил пот, то его знобило, и пот холодными струйками стекал у него по ребрам. Ночь и день сменяли друг друга, а Смайли не замечал этого. Он вел нескончаемую упорную борьбу со сном, потому что, когда он закрывал глаза, они поворачивались в глубину его сознания, погружая его в тот хаос, что царил сейчас у него в голове. Когда же веки под тяжестью собственного веса все-таки смежались, он собирал остаток сил и воли, чтобы разодрать и приподнять их и снова уставиться в мерцание бледного света над головой.

Но пришел наконец тот счастливый, благословенный день, когда кто-то будто раздвинул занавески и впустил в комнату серый свет зимнего дня. Смайли услышал звуки транспорта за окном и только теперь ощутил, что он и вправду будет жить.

Итак, проблема умирания мозга снова становилась для него проблемой академической, чем-то абстрактным, неким долгом, уплату которого он имел возможность отодвинуть до тех времен, когда он будет богат и не обидит кредитора своей щедростью. Это чувство было таким чудесным, возвышенным, чистым. Ум его был поразительно ясен, он летал, как Икар, парил над всем миром. Где же он слышал эти слова: «Мозг отделяется от тела и правит бумажным королевством?..» Ему надоел этот рассеянный неяркий свет перед глазами, хорошо бы увидеть побольше. Надоели эти гроздья винограда, запах сотового меда, надоели шоколадные конфеты. Ему хотелось книг и толстых

литературных журналов; как же можно заниматься наукой, если ему не дают никаких книг? Он ведь еще так мало провел исследований и литературно-исторических изысканий по своему столь горячо любимому семнадцатому веку.

Три недели успели пройти, прежде чем Менделю наконец разрешили посетить больного. Он зашел в палату с новой шляпой и книгой о пчеловодстве в руках, положил свою шляпу в изножье кровати, а книгу — на столик в изголовье и улыбнулся.

— Я вам купил книгу, — сказал он, — о пчелах. Они такие забавные плутишки. Может, заинтересуетесь.

Он присел на край постели Смайли.

— А у меня новая шляпа. Совершенно, как видите, безумная. Я купил ее, чтобы отпраздновать свой выход на пенсию.

— Ах да, конечно. Вас ведь тоже поставили на полку.

Они посмеялись и снова замолчали.

Смайли подслеповато моргал.

— Не могу никак рассмотреть вас достаточно отчетливо: мне не разрешают надевать старые очки. Они мне заказали новые, с другими диоптриями. — Он умолк, потом сказал уже другим голосом: — Вы, наверное, уже знаете, кто это сделал со мной, не правда ли?

— Может статься, знаю, а может, не знаю. Ниточка вроде есть, но дело тормозилось отсутствием сведений о вашей работе. Я имею в виду восточногерманское торговое представительство по сталеварению. Вы начали этим заниматься или нет?

— Да, пожалуй. Они появились здесь четыре года тому назад, попытались навести мосты в Министерстве торговли.

Мендель поведал о своих двух встречах со Скарром, о его откровениях:

— ...говорит, что этот парень голландец. Скарр мог связываться с ним только по телефону. Номер в Примроузе. Я проверил абонента. Зарегистрирован за восточногерманским торговым представительством по сталеварению, в Бельсайз Парк. Я отправил по этому адресу сотрудника навести справки и разнюхать, что к чему. Они оттуда выехали. Голые стены, никакой мебели, ничего. Только телефонный аппарат, да и тот с выдернутым из розетки шнуром.

— Когда они уехали?

— Третьего января, в тот самый день, когда был убит Феннан.

Он бросил на Смайли вопросительный взгляд. Тот с минуту молчал, обдумывая услышанное, потом сказал:

— Свяжитесь с Питером Гиллэмом из Министерства государственной безопасности и приведите его завтра сюда. Обязательно. Если потребуется, то хоть за шкуру.

Мендель взял в руки свою шляпу и направился к двери.

— До свидания, — тепло произнес Смайли, — благодарю за книгу.

— До завтра, — коротко ответил Мендель и ушел.

Смайли откинулся на подушки. Голова раскалывалась. Ох, черт, подумал он, я же его так и не поблагодарил за принесенный мед.

Почему-то ранний утренний звонок беспокоил его больше всего. Конечно, может, это глупо, размышлял Смайли, но из всех несообразностей, которыми обрастало это дело, вокруг звонка их было больше всего.

Доводы Эльзы Феннан выглядели такими глупыми, такими несерьезными, что поверить в такое объяснение было просто невозможно. Вот Энн, к примеру, эта — да, поставила бы, если б захотела, всю телефонную службу на уши. Нет, Эльзе Феннан это не дано. Как только он представил себе ее внимательное, умное личико, ее потуги на абсолютную независимость от кого бы то ни было, так сразу же отчетливо проступила вся смехотворность ее заявления о том, что она страшно забывчива. Куда проще было бы сказать, что на станции ошиблись, перепутали заказ. Да все, что угодно, но забывчивость... Это уж, знаете ли! Вот Феннан, тот и вправду был растеряхой. И это в целом вполне укладывалось в общую схему характера покойного. Смайли пришлось столкнуться со всеми его странностями еще во время подготовки к беседе с ним. На первый взгляд они поражали, но проглядывала какая-то закономерность в их сочетании... Запойное чтение детективов, он их поглощал один за другим, и его не менее страстное увлечение шахматами, музицированием, глубокий, умный человек и забывчивый, растеряха. Здесь нет в общем-то противоречия. Конечно, некоторые моменты просто анекдотичны. Как-то раз поднялся жуткий шум по поводу того, что он вынес из Форин-Оффиса какие-то секретные бумаги, а оказалось, что он их по растерянности опустил вместе с «Таймс» в корзину для бумаг.

А не могла ли Эльза воспользоваться тем же приемом или уловкой — исключить последнее никак нельзя, — которые изобрел для себя ее покойный супруг? Вполне ведь возможно, что Феннан заказал звонок со станции, чтобы ему о чем-то рассказали. Тогда что же Феннану надо было

вспомнить и почему его жена так старательно пыталась скрыть правду? Да, тут есть над чем поразмыслить.

Феннан. Сэмюэл Феннан. В этом человеке, продолжал размышлять Смайли, встретились два мира — старый и новый! Вечный Жид, культурный, космополитичный, целеустремленный, работающий и изобретательный. Смайли нравился этот тип людей. Дитя своего века: такой же гонимый, как Эльза, вынужденный бежать из приютившей его Германии в Лондонский университет. Только благодаря своим способностям, своим деловым качествам ему удалось преодолеть все препоны, все предрассудки и устроиться на работу в Форин Оффис. Он сделал здесь блестящую карьеру, опять же благодаря своим способностям. И если он был немного самоуверен и не всегда прислушивался к мнению людей, значительно менее развитых и умных, чем он сам, так разве можно его за это винить? Был, например, такой случай: он высказался в пользу разделения Германии, наверняка зная, что вызовет этим по меньшей мере недоумение в рядах сотрудников департамента. Ну так что ж, его просто перевели в азиатский отдел, а историю забыли. Во всем же остальном он был очень приятным и весьма популярным человеком как в Уайтхолле среди сослуживцев, так и в Суррее среди сограждан — он ведь по несколько часов каждый уик-энд тратил на дела благотворительности. Обожал горнолыжный спорт. Ежегодно брал весь отпуск целиком и проводил все шесть недель зимой в Швейцарии или Австрии. Только раз, кажется, съездил в Германию, припомнил Смайли, вместе с женой, четыре года тому назад.

Вполне естественно было ожидать от Феннана, что во время своей учебы в Оксфорде он примкнет к левым. Это были недолгие времена коммунистической идеологии в университете, а он по природе своей был человеком горячим и совестливым. В Германии и Италии пришел к власти фашизм, Япония вторглась в Маньчжурию, в Испании поднял мятеж Франко, Америка катилась в болото экономического кризиса, да еще вдобавок в Европе поднялась волна жуткого антисемитизма. Феннану во что бы то ни стало надо было найти выход своей ярости, гневному неприятию существующего порядка. А компартия тогда пользовалась уважением: неудачи политики лейбористов и коалиционного правительства убеждали многих интеллектуалов того времени, что только коммунисты смогут эффективно противостоять фашизму и капитализму. Все были возбуждены, в воздухе носились идеи братства, кото-

рые должны были прийти к одинокому и экстравагантно-му Феннану по душе. Все говорили об Испании, и некоторые действительно туда поехали — как Корнфорд из Кембриджа, поехали, чтобы никогда больше не вернуться.

Смайли мог себе представить, каким был в те годы Феннан — капризным, переменчивым и одновременно серьезным и искренним. Он ведь в отличие от окружающих был человеком опытным и много больше их выдавшим — ветеран среди кадетов. Родители у него к тому времени уже умерли. Отец оставил ему кое-какие деньги. Не такие уж большие, но все же достаточные, чтобы помочь ему окончить Оксфорд и защититься от холодных ветров нищеты.

Смайли припомнился один эпизод из короткого периода их общения — вроде бы один из многих, но он наиболее сильно раскрывал Феннана.

По существу ведь тогдашнюю их беседу можно назвать таковой лишь условно. Смайли лишь изредка задавал вопросы, говорил же в основном Феннан, красноречиво, быстро, уверенно: «Пик популярности коммунистов пришелся на тот день, — вспоминал он, — когда пришли шахтеры. Ну, вы, возможно, тоже помните, горняки из Ронты, и товарищам мнилось, что это спустился с гор сам воплощенный дух Свободы. Это был марш голодных. А членам группы у нас на факультете и в голову не приходило, что те люди действительно могут быть голодными, мне же вот пришло. Мы наняли грузовик, девушки натушили мяса с овощами, тонны такого непритязательного блюда. Мясо закупили на базаре у одного сочувствующего мясника, купили задешево. Мы поехали на своем грузовике навстречу марширующим. Они поели тушеного мяса и пошли дальше. Знаете, мы им не понравились, они нам не верили. — Он усмехнулся. — Они были такие низкорослые, такие худенькие — это я запомнил лучше всего, — маленькие и чумазные, прямо эльфы. Мы все надеялись, что они что-нибудь такое запоят — что ж, они запели. Но только не для нас — для себя. Вот так я впервые повстречался с жителями Уэльса. Эта встреча помогла мне понять лучше мой собственный народ — я ведь еврей, вам ведь это известно?»

Смайли кивнул тогда утвердительно: да, мол, известно.

«Они тогда не представляли, что им делать дальше после того, как голодный марш прошел мимо. Что делать дальше, когда мечта уже сбылась? Они поняли наконец, почему компартия недолюбливает интеллектуалов. Я думаю, мне кажется, они осознали всю дешевизну, весь фарс

своего поведения и им стало стыдно. Стыдно за то, что они спят на чистых простынях, в удобных комнатах, что животные у них набиты доброкачественной пищей, стыдно за свои умные эссе и горячие споры, с массой всяких умных слов и терминов. Стыдно за свои таланты, за свое остроумие. Они часто толковали о том, как Кир Харди научился скорописи, рисуя кусочком мела на стене угольного забоя, знаете? Представьте, им было стыдно, что у них-то есть бумага и карандаши. Но ведь выбросить бумагу и карандаши тоже не дело, не правда ли? Вот это-то я и понял тогда. И вышел из рядов компартии, наверное, тоже поэтому».

Смайли вспомнилось еще, как он хотел расспросить тогда Феннана поподробнее о том, что же он сам чувствовал при встрече с шахтерами, но Феннан уже продолжил свой монолог, подробнейшим образом рассказывая о причинах и обстоятельствах своих поступков: «Я решил тогда, что мне вовсе не по пути с коммунистами такой формации. Они были не мужчинами, а детьми, мечтавшими о кострах Свободы, о том, что именно они «построят новый мир» для всех остальных, хотят они этого или нет, — один, общий, для всех. Они то отправлялись через Бискайский залив на «белых конях» освободителей, то с детским великодушием покупали пиво для голодающих эльфов из Уэльса. У этих детей не было сил противостоять магическому сиянию коммунистического солнца на Востоке, и они покорно поворачивали туда свои взъерошенные головы. Они любили друг друга и думали, что любят человечество, они враждовали друг с другом и считали, что бросают вызов всему миру.

Очень скоро я научился принимать их такими, какими они были на самом деле: смешными и трогательными. Лучше бы уж они вязали носки солдатам. Глубокая пропасть, лежавшая между их мечтой и реальностью, заставила меня повнимательнее приглядеться и к той, и к другой. Обратив всю свою энергию на чтение философской и исторической литературы, я обнаружил, к своему удивлению, что марксизм с его чистой интеллектуальной схоластикой может даже доставлять мне удовольствие и умиротворять. Я любовался его интеллектуальной безжалостностью, удивлялся бесстрашию этого учения, его академической перестановке традиционных ценностей с ног на голову. Так что именно это, а не членство в партии в конечном счете придавало мне силы в моем одиночестве в этом мире. Философия, требовавшая от адептов полного самопожертвования во имя осуществления недостижимой цели, — вот что и вдохнов-

ляло, и унижало меня... Ну, а когда со временем я наконец обрел успех, процветание и свое место в жизни, то не без сожаления отвернулся от этого сокровища, которое уже перерос и с которым вынужден был расстаться там, в Оксфорде, вместе с днями своей юности».

«Да-а, достаточно убедительно он все это рассказывал, — подумал Смайли. — Но было, было что-то еще такое, что он не решился выложить. Что-то очень важное... Н-да...»

Смайли упрекнул себя за то, что слишком далеко увело его воображение, и поток размышлений послушно повернул к более близким событиям: «Есть ли хоть какие-то свидетельства связи между происшествием на Байуотер-стрит и смертью Феннана? — задал он себе вопрос. — Ничто, кроме того, что они произошли друг за другом, не говорит о том, что это звенья одной цепи».

И все же совсем не случайно он позвонил в собственную дверь, а не стал вставлять ключ в замок; опыт ли сработал, интуиция, шестое чувство — называйте, как угодно. Однако, с другой стороны, где же оно было, это самое чувство, когда убийца стоял, поджидая его в темноте, и держал в руке обрезок свинцовой трубы?

Воображение, чувство — обратимся-ка лучше к логике, к тому, с чего все началось, к беседе. Что же в ней было такое, что она закрутила такую цепь событий? Да, да, ну, конечно, беседа-то проводилась в неформальной обстановке — что правда, то правда. Прогулка по парку ведь скорее напоминала времена Оксфорда, чем Уайтхолла. Прогулка в парке, кафе в Миллабэнк, доверительная, спокойная беседа — что там говорилось — процедура для органов весьма необычная. Ну, и что же из всего этого можно заключить? Так-так-так... Служащий Форин Оффис, прогуливаясь в парке, серьезно, честно, душевно разговаривает с анонимным маленьким человечком... Разве только вот человечек не был для кого-то таким уж анонимным!

Смайли быстро взял со столика книгу в бумажной обложке и принялся записывать карандашом на листке для заметок в конце книги:

«Допустим, хотя не располагаем для такого заявления никакими доказательствами, что убийство Феннана и покушение на убийство Смайли действительно связаны одно с другим. Какие обстоятельства связывали Смайли и Феннана до того, как он был убит?

1. До того как я встретился с Феннаном с целью проведения с ним профессиональной беседы, 2 января с.г., я ни-

когда раньше с ним не виделся, лишь ознакомился с материалами досье на него, имевшегося в департаменте, и навел некоторые справки.

2. 2-го же января я отправился на беседу с ним в такси без сопровождающих. Представители Форин Оффис организовали подготовку для официальной беседы с представителем органов госбезопасности, но не могли знать, подчеркиваю это особо, кто именно будет проводить беседу. Таким образом, Феннан не располагал никакими сведениями обо мне лично, точно так же, как ими не располагал ни один работник его ведомства.

3. Беседа условно может быть разделена на две составные части: первая ее половина протекала в Ф.О., когда люди проходили через помещение, где мы разговаривали, не обращая на нас ровным счетом никакого внимания, и вторая — в парке и кафе, за стенами Ф.О., где нас мог увидеть беседующими любой желающий.

И что же из этого следует? Ничего, разве только...

Да, напрашивается единственно возможный вывод: разве только их увидел вместе, занятых оживленным разговором, некто, опознавший как Феннана, так и Смайли и не желавший их взаимодействия ни под каким видом.

Почему? Какую опасность для этого «некто» мог представлять Смайли?» Вдруг глаза его широко раскрылись. «Ну, разумеется, только одну опасность — как *офицер государственной безопасности*».

Он отложил карандаш в сторону.

Значит, кто бы ни был тот человек, что убил Сэма Феннана, он был заинтересован в том, чтобы покойный не имел контактов с офицером службы госбезопасности. Вполне вероятно, что это мог быть и кто-нибудь из Форин Оффис. Но, что очень важно, этот человек знал Смайли. Например, человек, знавший Феннана еще со времен учебы в Оксфорде, знавший, скажем, как исповедующего коммунистические взгляды. И теперь этот человек боялся разоблачения, боялся, что Феннан проговорится или уже проговорился. А если уже проговорился, то Смайли также следует убрать, и убрать быстро — пока он не успел подать наверх рапорт с выводами о беседе с Феннаном.

Что ж, эта версия объясняет убийство Феннана и покушение на Смайли. Логика тут какая-то присутствует, но очень в небольшом количестве. Смайли выстроил свой карточный домик настолько высоко, насколько тот мог подняться, и все равно у него еще оставались карты на ру-

ках. А как насчет Эльзы, как насчет ее заведомой лжи, ее соучастия в убийстве, ее страха? Как насчет машины и звонка в восемь тридцать утра? Как насчет анонимного доноса? Если убийца боялся контактов между Феннаном и Смайли, вряд ли он стал бы привлекать внимание органов к Феннану, написав на него донос. Но тогда кто? Кто?

Он снова откинулся на подушки и закрыл глаза. В голове снова ритмично пульсировала боль. Может быть, Питер Гиллэм сможет чем-то помочь в этом деле? Одна надежда — на него. Голова опять пошла кругом и сильно болела.

9. Совершая приборку

Мендель широко улыбался, когда впустил в палату Питера Гиллэма.

— Вот, привел, — сказал он.

Беседа не клеилась, Гиллэм чувствовал себя неловко: сначала внезапная отставка Смайли и вот теперь еще эта нелепая встреча в больничной палате. На Смайли была синяя пижама, волосы на голове поверх бинтов торчали дыбом, а на левом виске виднелся еще огромный синяк.

После особенно мучительной, затянувшейся паузы Смайли произнес:

— Послушай, Питер, Мендель рассказал тебе, какая история со мной тут приключилась. Ты эксперт. Скажи, что нам известно о восточногерманском торговом представительстве по сталеварению?

— Чисты, как свежевыпавший снег, дружок, разве только смылись отсюда как-то слишком неожиданно. Все-го их там было три человека и собака. Обосновались где-то в Хэмпстеде. Когда они приехали сюда, все мы головы ломали, какого черта им тут нужно, на что они надеются. Но за прошедшие четыре года они умудрились вполне прилично поработать.

— А что им было поручено и каков был круг их полномочий?

— Да Бог их знает. Мне кажется, они надеялись по приезде убедить наше Министерство торговли разорвать европейские стальные обручи, да не тут-то было, получили полный афронт. Тогда они занялись консульскими делами, с акцентом на запчасти, средствами обеспечения про-

изводства и готовым продуктообменом, научно-технической информацией и все такое. Ничего общего с тем, с чем они к нам приехали и что, как я понимаю, было для них более приемлемым и важным.

— Кто работал в представительстве?

— Ну, пара технарей — профессор доктор Кто-То-Такой и доктор Еще-Кто-То, две девчонки и всеобщий любимец.

— И кто же был этот всеобщий любимец?

— Не знаю. Какой-то молодой дипломат по разглаживанию морщин. У нас в департаменте есть на них все данные. В принципе, я могу раздобыть для тебя необходимые подробности.

— Если не составит тебе труда.

— Конечно, не составит.

Снова неловкая пауза. Прервал ее Смайли.

— Если удастся, раздобудь и фотографии, Питер, ладно?

— Да, да, конечно. — Гиллэм в смущении отводил глаза, боясь встретиться со Смайли взглядом. — Мы не так уж много знаем о восточных немцах — ты же в курсе. Так, получаем то из одного, то из другого источника нерегулярную информацию, но в целом они для нас скорее напоминают кота в мешке. И если они что-то затевают, то уж наверняка не станут пользоваться торговой или дипломатической крышей. Потому-то, если ты и прав насчет того парня, все же маловероятно, что он появился из сталелитейного представительства.

— Ага, — только и ответил Смайли.

— Как они работают? — спросил Мендель.

— Обобщать те разрозненные случаи, которые нам известны, довольно рискованно. Мое впечатление таково: засылают они к нам агентов непосредственно из Германии. Контролер и агент в самой операционной зоне не встречаются.

— Но ведь, не имея контакта, они теряют оперативность, — воскликнул Смайли. — Можно прождать месяцы, пока твой агент сможет покинуть пределы страны проживания и приехать на встречу с контролером, а вдруг он не сможет обеспечить себе достаточно убедительного прикрытия для выезда за границу?

— Да, в смысле оперативности передачи информации и руководства непосредственной деятельностью агента тут, конечно, есть известные накладки. Но ведь они ставят перед собой такие мелкие цели, такие незначительные зада-

чи. Они, например, хотят контролировать деятельность эмигрантских кругов — шведских, польских репатриантов и всяких там других инородцев — при помощи кратких визитов контролеров в нашу страну. В таких случаях все ограничения в технике связи, о которых ты ведешь речь, не играют такой уж большой роли. А в случаях исключительных, когда они используют в качестве агентов жителей страны, представляющей интерес для их разведки, они работают с системой курьеров, которая соответствует советскому образцу.

Смайли внимательно вслушивался в его объяснения.

— Да вот, в частности, — продолжал Гиллэм, — американцы совсем недавно перехватили одного курьера и поделились с нами некоторыми сведениями о технике связи служб ГДР.

— Ну-ка, ну-ка?

— Это выглядит примерно так: никогда не ждать в назначенном месте, если партнер опаздывает, никогда не приходить в указанное время, а только на двадцать минут раньше — в общем, целый набор дешевых фокусов, и все для того, чтобы придать немного фальшивого блеска низкосортной информации. А потом у них еще эта дрянь с именами. Курьеру, скажем, приходится выходить на контакт с тремя или четырьмя агентами, контролер работает с пятнадцатью. Так, они сами никогда не придумывают себе рабочие клички.

— Что ты имеешь в виду? Они ведь *должны* их сами придумывать.

— Кличку придумывает им агент. Агент выбирает имя, а контролер откликается на это имя только с этим агентом, только с этим *конкретным* агентом. Тоже, скажу тебе, фокус не из... — Он вдруг замолчал, взглянув на Менделя, в волнении вскочившего со стула. Смайли тоже повернул к нему голову.

— Сейчас, сейчас, — произнес Мендель и принялся пересказывать им свою беседу со Скарром.

Гиллэм откинулся на спинку стула, спрашивая себя, разрешается здесь курить или не разрешается. С сожалением он решил, что вряд ли. А неплохо бы сейчас выкурить сигарету.

— Ну, как? — спросил его Смайли, после того как Мендель закончил.

— Похоже, — признал Гиллэм, — очень похоже на то, что нам известно об их манере. Правда, надо сказать, что

мы не так уж и много знаем об их технике. Если этот Блонди действительно был курьер, то мы имеем дело с исключительным случаем. По крайней мере в моей практике такого еще не было, чтобы в качестве почтового ящика использовалось официальное торговое представительство.

— Вы сказали, что их представительство работало в нашей стране четыре года, — вставил Мендель. — Блонди как раз пришел первый раз к Скарру четыре года назад.

С секунду все помолчали. Потом Смайли спросил самым серьезным тоном:

— Питер, это что, действительно возможно? Как ты думаешь, реально они могли при каких-то исключительных обстоятельствах использовать постоянную резидентуру, постоянную базу и курьеров, а?

— Ну, а почему бы и нет? Если они вышли на что-то большое — то могли.

— То есть, если у них имелся резидент с выходом на очень важную информацию, я правильно тебя понял?

— Да, примерно так.

— Предположим, у них есть такого ранга агент, вроде Маклина или Фухса. Можем ли мы допустить, что они организовали в Англии базу под прикрытием торгового представительства без придания ей оперативных полномочий, а только с целью поддержки резидента?

— Да, такое допустить можно. Но это допущение очень высокого порядка, Джордж. То, что ты предлагаешь, строго говоря, выглядит так: агент получает указания из-за границы, обслуживает его курьер, а самого курьера обслуживает торговое представительство, которое в то же время своего рода ангел-хранитель и для агента. Да, по этой схеме такой агент должен быть очень важной птицей.

— Ты не совсем точно сформулировал то, что я предлагаю, но в общем-то довольно близко к моей версии. Действительно, ты прав, Питер, такая система только под агента экстра класса. Утверждение Блонди о том, что он приехал из-за границы, еще ни о чем не говорит.

Мендель отважился вмешаться в разговор:

— Этот агент — может он быть напрямую связан с торговым представительством?

— Господи, да нет, конечно, — ответил Гиллэм. — У него, скорее всего, есть дополнительный канал связи с ними — код какой-нибудь, условная фраза, сказанная по телефону, — ну, что-нибудь этакое.

— А как работает та система, о которой вы говорите? — спросил Мендель.

— По-разному бывает. Например, схема будто бы неправильно набранного номера: звоните из автомата и просите позвать к телефону Джорджа Брауна. Вам отвечают, что никакого Брауна здесь нет и никогда не было, вы извиняетесь и вешаете трубку. Время и место встречи оговорено заранее. Кто-то сидит по данному номеру и ожидает вашего звонка. Имя, которое вы назовете, означает соответствующее место и форму встречи.

— Что еще могло бы входить в функции представительства? — задал свой вопрос Смайли.

— Трудно сказать. Платить агенту, наверно; организовать почтовые ящики для его отчетов. Все готовит, несомненно, контролер, сообщая курьеру лишь то, что ему положено знать. Я же говорил уже: они в основном работают по советской схеме — оговариваются заранее даже мельчайшие подробности, контролируется все. Люди, занятые сбором информации, практически не имеют в этой области никакой свободы действий.

Наступило молчание. Потом Смайли посмотрел на Гиллэма, на Менделя, моргнул и произнес:

— Блонди никогда не беспокоил Скарра в январе и в феврале, не так ли?

— Нет, — ответил Мендель, — в этом году впервые.

— Феннан каждый год уезжал в январе на шесть недель за границу, катался на лыжах. В этом году он впервые за четыре года не поехал. — Я вот все думаю, — сказал Смайли, — может, имеет смысл еще разок встретиться с Мэстоном?

Гиллэм сладко потянулся, улыбнулся и сказал:

— Что ж, попытка — не пытка. Он так обрадуется, когда узнает, что тебя долбанули по кумполу. Правда, у меня есть грязное подозрение: он наверняка решит, что Бэттерси* — это где-нибудь на побережье, но ты не переживай. Скажи ему, что на тебя напали, когда ты залез к кому-то во двор, — он тебя поймет. И порасскажи ему про нападавшего всяких ужасов. Ты его не видел, имени его не знаешь — не забудь — но знаешь точно, что он курьер восточногерманской разведки. Тогда Мэстон будет стоять за тебя горой — он всегда так делает. Особенно, когда идет на доклад к министру.

---

* Шум прибора (англ.).

Смайли посмотрел на Гиллэма, но ничего не сказал.

— После того как тебе досталось по голове, Смайли, — добавил Гиллэм, — он тебя будет очень хорошо понимать.

— Но, Питер...

— Я знаю, Джордж, что ты хочешь мне сказать, знаю.

— Это хорошо, что ты знаешь, но, видимо, не все. Блонди всегда забирал у Скарра машину в первый вторник каждого месяца. Как тебе это, а?

— Ну, и что?

— Именно вечером каждого первого вторника Эльза Феннан ходила в театр в Уэйбридже. Ходила в одиночку — Феннан по вторникам работал допоздна, это она сама сказала.

Гиллэм поднялся на ноги.

— Пойду, пожалуй. Надо покопать вокруг, нарыть для тебя сведений, Джордж. Пока, Мендель, я вам вечером, может быть, позвоню. Трудно сказать, что, собственно, мы можем предпринять теперь, но ведь знать, как все было в действительности, тоже неплохо, правда?

Он обернулся у двери палаты.

— Да, у Феннана ведь были какие-то личные вещи при себе — бумажник, записная книжка и прочее. Где все это находится?

— В участке, я думаю, — ответил Мендель, — пока не будет закончено дознание.

Гиллэм с минуту постоял, глядя на Смайли и не зная, что сказать, наконец он произнес:

— У тебя есть какие-нибудь просьбы, Джордж?

— Нет, ничего, спасибо... Хотя... Есть одна вещь.

— Слушаю тебя.

— Ты не мог бы снять у меня со спины этих парней из уголовной полиции. Они сюда уже три раза приходили, ничего путного не добились — пока что. Пусть это дело останется пока в компетенции госбезопасности, ладно? Будь с ними помягче, договорились?

— Хорошо, сделаю.

— Я знаю, Питер, тебе придется нелегко, ведь я больше не...

— Да, забыл совсем, есть одна новость, чтобы поднять тебе настроение, Джордж! Я попросил провести экспертизу и сравнить предсмертную записку Феннана и тот анонимный донос. Они были отпечатаны на одной и той же машинке, но разными людьми. Разный удар по клавишам,

разная манера, зато шрифт один. Ну, ладно, старина. Давай-ка, налегай на виноград.

Дверь за Гиллэмом закрылась, и они слышали резкий звук его удаляющихся шагов по гулкому пустому коридору.

Мендель, не торопясь, сворачивал себе сигарету.

— Боже, — удивился Смайли, — вы что, вообще никого на свете не боитесь? Да вы просто не видели здешнюю старшую сестру!

Мендель усмехнулся и покачал головой.

— Двум смертям не бывать, — прокомментировал он и сунул сигарету себе в рот. Смайли наблюдал за тем, как он прикуривает. Из кармана была извлечена чудо-зажигалка, Мендель снял верхний колпак и крутанул колесико желтым от никотина большим пальцем, быстро сложил руки лодочкой и умело поднес к кончику сигареты громадный язык пламени. Такому не страшны были никакие ураганы.

— Вы же специалист по убийствам, — сказал Смайли. — Как у нас с вами продвигается дело?

— Грязновато, — дал свою оценку Мендель, — очень неаккуратно.

— Почему? — вскинул брови Смайли.

— Да везде концы торчат. Так полиция не работает. Ничего не проверено, не перепроверено. Так, алгебра какая-то.

— Что за черт? Алгебра-то тут при чем?

— Сначала вы должны доказать то, что *можно* доказать. Отыскать опорные величины, константы. Действительно ли она ходила в тот вечер в театр? Была она одна или с кем-нибудь? Слышали ли соседи, как она вернулась домой? В котором часу? Действительно ли Феннан задерживался по вторникам на службе? Правда ли, что его благоверная регулярно посещала спектакли раз в две недели, как она заявляет?

— И тот звонок в восемь тридцать. Помогите мне «прибратся»!

— Я вижу, этот звонок крепко застрял в вашей голове, никак не можете выбросить, да?

— Верно, не могу. Из всех, по вашей терминологии, торчащих концов этот *торчит* дальше всех. Знаете, сколько над ним ни мозгую, никак не могу найти ему объяснение. Я ознакомился с расписанием поездок Феннана в Лондон и обратно. Человек он был пунктуальный, приезжал на работу в Форин Оффис раньше всех. Ему надо бы-

до успеть на поезд в 8.45, ну на 9.08 или, в самом крайнем случае, в 9.38 — он любил приходить на службу за четверть часа. Вряд ли бы его устроило, чтобы его разбудили в 8.30.

— А может, ему просто нравился звук телефонного звонка, — усмехнулся Мендель, поднимаясь со стула.

— И эти письма, — продолжал Смайли. — Одна машинка, печатают разные люди. К машинке — исключая убийцу — имели доступ два человека: Феннан и его жена. Если мы допускаем, что Феннан сам напечатал предсмертную записку, тогда мы вынуждены допустить, что донос напечатала Эльза. Зачем ей это было нужно?

Смайли был совершенно измотан и потому где-то даже рад, что Мендель собрался уходить.

— Счастливой *«приборки»*. Ищите константы.

— Да. Вам ведь понадобятся деньги, — сказал Смайли и предложил партнеру некоторую сумму, вынув деньги из бумажника, лежавшего на столике у кровати. Мендель взял, не церемонясь, повернулся и вышел.

Смайли опустил голову на подушку. Что-то она сегодня слишком сильно разболелась? Он было подумал, не позвать ли сестру, но вовремя струсил. Пульсация в висках постепенно стихала. Он слышал снаружи вой сирены машины скорой помощи, заворачивавшей с Принс оф Уэйлс Драйв во двор больницы. «А может, ему просто нравился звук телефонного звонка», — пробормотал он и уснул.

Пробудил его голос Менделя, доносившийся из коридора, где тот на повышенных тонах спорил со старшей сестрой. Они еще немного попрепирались там, и дверь открылась настежь, в палате зажегся свет. Смайли поморгал глазами и сел в постели, тупо посмотрел на наручные часы. «Без четверти шесть», — автоматически отметил он. Мендель что-то ему говорил, а он никак не мог включиться. О чем это он там? Что-то насчет Бэттерси Бридж... речная полиция... отсутствовал со вчерашнего дня... Остатки сна вдруг слетели с него: Эдам Скарр найден мертвым!

10. История, рассказанная недотрогой

Мендель всегда ездил на автомобиле очень аккуратно, правильно, с педантизмом классной дамы за рулем —

Смайли, увидев его за этим занятием, от души бы повеселился. Уэйбридж Роуд, как всегда, была запружена транспортом. Мендель ненавидел шоферов. Как только человек садится за руль, здравый смысл покидает его мгновенно, еще в гараже. И неважно, что это за человек — он видел и епископов в фиолетовых мантиях, гоняющих со скоростью семьдесят миль в час, и обезумевших от страха пешеходов. А машина Смайли ему положительно нравилась. Ему по душе была ее ухоженность, разумность дополнительных удобств, боковые зеркальца на крыльях, задний свет. Приличная маленькая машина.

Ему вообще нравились люди, которые заботятся о своих вещах, люди, которые доводят дело до конца. Ему симпатична тщательность, дотошность таких людей. Никакой тебе небрежности, недоделанности. Как у этого убийцы. Как там Скарр сказал? «Молодой, знаете ли, но холодный, селедка голландская...» Мендель знал, почему так сказал бедняга Скарр. Он, видимо, тоже обратил внимание — не мог не обратить — на характерный для таких парней пристальный, а вместе с тем равнодушный взгляд полного отрицания, холодные глаза молодого убийцы. Это не взгляд дикого зверя и не жестокая улыбка маньяка, а холодный взор знающего себе цену профессионала. Это уже больше, чем опыт, полученный на войне. Там чужая смерть у тебя на глазах может напугать, ожесточить, в конце концов сделать мудрее, но тут совсем другое, тут уже чувство внутреннего превосходства, осознанное чувство превосходства профессионального убийцы над намеченной жертвой. Да, Менделю приходилось видеть это выражение на лице юношей, стоявших особняком от всей компании, с бледными прозрачными глазами, пустыми и ничего не выражающими. Девушки для таких готовы были на все, говорили о них вполголоса.

Смерть Скарра напугала Менделя. Он взял со Смайли обещание не возвращаться по выписке из больницы на Байуотер-стрит. Если повезет, они в крайнем случае могут и поверить в то, что убили его. Смерть Скарра доказывала наверняка лишь одно: убийца пока что был в Англии, старался прибрать за собой, замести следы. «Когда я отсюда выпишусь, — сказал вчера вечером Смайли, — мы заставим его вылезти из норы. Выложим наши кусочки сыра на видное место». Мендель знал, кто будет выполнять роль сыра: Смайли. А если верны их предположения относительно мотивов убийства, то будет и другой кусочек сыра:

жена Феннана. Не в ее это пользу, мрачно думал Мендель, что она до сих пор цела. Ему стало стыдно из-за этой мысли, почему-то пришедшей ему на ум, и он постарался переключиться на что-нибудь другое. Он выбрал Смайли.

Забавный он плутишка, этот Смайли. Он напоминал Менделю того толстого мальчика, с которым он когда-то в школе играл в футбол. Тот не умел бегать, не умел толком ударить по мячу, был слепой, как летучая мышь, но как играл. Никогда не успокаивался, пока его на клочки не разорвут. А еще он занимался боксом. Шел на противника прямо, с открытым лицом и корпусом. Бывало, из него котлету сделают, прежде чем рефери остановит матч. Да и впридачу неглупый был этот толстый мальчик, голова у него была на плечах.

Мендель остановился у придорожного кафе, выпил чашку чая, прожевал булочку с изюмом и порулил в Уэйбридж. Репертори театр* находился на улице с односторонним движением, ответвлявшейся от Хай-стрит, где, как назло, некуда было припарковать машину. Покрутившись вокруг, Мендель был вынужден оставить машину на железнодорожной станции и пройти до театра пешком.

Парадный вход оказался запертым, Мендель пошел вдоль здания, нырнул под арку, выложенную кирпичом, и отыскал дверь, которая поддалась его усилиям и открылась. На внутренней ее стороне имелись металлические засовы и надпись мелом: «Служебный вход». Мендель учуял слабый запах кофе, доносившийся из глубины темно-зеленого коридора, и отправился по нему, определяя направление по показаниям своего длинного носа. Коридор заканчивался лестницей с металлической трубой в качестве перил. Наверху у новой двери, тоже зеленой, запах кофе ощущался еще сильнее. Из-за двери доносились приглушенные голоса.

— Да хрен с ними, дорогуша, по чести говоря. Коль просвещенной публике благословенного Суррея так уж нравится смотреть Барри три месяца кряду, да пусть их ходят, смотрят — вот тебе мое разумение. Уже три года подряд то Барри, то «Гнездо кукушки», притом Барри всегда впереди на целую голову.... — излагал свое мнение женский голос с несомненными признаками бальзаковского возраста.

Ей отвечал скучливый мужской баритон:

---

* Театр с постоянной труппой актеров и определенным репертуаром.

— Да, а Лудо всегда может сыграть Питера Пэна, правда, Лудо?

— Сучка, ну сучка, — забасил кто-то третий, и Мендель открыл дверь. Он очутился на сцене, среди кулис. Слева от него был щит с дюжиной выключателей на деревянной панели. Под щитом располагалось абсурдное позолоченное и с замасленной обивкой и винными пятнами кресло в стиле рококо, место суфлера и фактотума*.

Посреди сцены стояли бочки, на них сидели и пили кофе с сигаретами в руках двое мужчин и одна женщина. Сценические декорации предполагали, что действие должно происходить на палубе корабля. В центральной части сцены высилась мачта с соответствующим набором веревочных лестниц, а в сторону задника с нарисованными на нем небом и морем уныло смотрела картонная пушка.

Беседа троих лицедеев была прервана, похоже, на самом интересном месте. В наступившей тишине кто-то пробормотал: «Ой, привидение, ну, в самое веселье!» Все трое глянули на Менделя и захихикали.

Первой опомнилась женщина:

— Вы что-то здесь ищете, дорогой?

— Извините за вторжение. Я насчет театрального абонеента. Хотел бы стать членом вашего клуба.

— О-о! Конечно. Очень мило, — сказала она, вставая и направляясь к нему. — *Очень мило, просто замечательно.* — Женщина взяла его левую ладонь обеими руками и сжала ее самым сердечным образом, делая одновременно шаг назад, она вытянула тем самым руки на полную длину. Это был ее коронный номер — жест владелицы замка — Леди Макбет принимает у себя Дункана. Она склонила голову набок, к плечу, улыбнулась по-девчоночьи и, возвратив обратно его левую руку, проводила Менделя через всю сцену до противоположного края, где затерянная среди кулис дверь вела в крошечный офис, замусоренный старыми программами, афишами, тубиками и банками с гримом, париками и шиньонами и какими-то принадлежностями якобы морской утвари и одежды.

— Видели вы нашу пантомиму в этом сезоне? «Остров сокровищ». Такой благодарный прием у аудитории! И насколько болсе острое социальное наполнение, не так ли, не то что во всех этих вульгарных сказочках для детей?

— Да-да, действительно, — пробормотал Мендель, не

---

* Доверенное лицо, беспрекословно исполняющее все поручения.

имея ни малейшего понятия, о чем она там толкует. Его взгляд наткнулся на стопку аккуратно сложенных и скрепленных особым бульдожьим приспособлением счетов. Он заметил, что верхний листок в стопке был адресован миссис Лудо Ориел и просрочен на четыре месяца.

Она хитренько рассматривала его сквозь свои очки. Женщина была невысокой, темноволосой, с морщинами на шее и большим количеством косметики и грима на лице. Морщины под глазами были старательно замазаны крем-пудрой, но эффект оказался недолговечным. На женщине были облегающие брюки и толстый пуловер, надетый с артистической небрежностью. Курила она непрерывно, держа сигарету во рту прямо посередине, под носом, надувая при этом вытянутые вперед губы, что придавало ее лицу выражение капризно-недовольное и нетерпеливое. Мендель про себя определил, что миссис Лудо Ориел, по всей видимости, очень неглупа и что с ней придется повозиться. Облегчало его миссию то обстоятельство, что счета оказались неоплаченными.

— Так, значит, вы желаете стать членом нашего театрального клуба?

— Нет, пожалуй, не желаю.

Эта актерка отреагировала мгновенно, продемонстрировав ему незаурядный талант перевоплощения: она тут же впала в раж.

— Если вы из тех гнусных торгашей, — завизжала она, словно циркулярная пила, — то можете сейчас же умирать восвояси. Раз я сказала, что могу заплатить, значит, так я и сделаю, как обещала. Нечего меня преследовать, ходить за мной по пятам — вы мне распугаете всю публику. Если меня сочтут неудачницей, то перестанут ко мне ходить, и я-таки стану неудачницей, я вылечу в трубу, но самое главное — проиграете и вы.

— Я не кредитор, миссис Ориел. Я пришел предложить вам деньги.

Пила остановилась практически моментально, ожидая, что он скажет дальше.

— Я из бюро по разводам. Богатый клиент. Хотел бы задать вам несколько вопросов. Я оплачу потерю времени.

— Слава Богу, — вздохнула она с облегчением. — Почему же вы сразу не сказали? — Они вместе посмеялись. Мендель положил поверх стопки неоплаченных счетов пять бумажек по одному фунту.

— Итак, — начал Мендель, — мне хотелось бы знать,

как обычно идет подписка на ваши абонементы. И что дает клиенту членство в клубе?

— Каждое утро, ровно в одиннадцать, мы сервируем прямо на сцене водянистый кофе. Члены клуба могут попить его вместе с трупной во время перерыва между репетициями с 11.00 до 11.45. Они, разумеется, платят за кофе и все остальное, но вход по утрам строго для членов клуба.

— Понятно.

— Видимо, это-то как раз вас и интересует. Как мне кажется, утром у нас бывают только гомики и нимфоманки.

— Может статься, может статься. А что еще у вас тут происходит?

— Каждые две недели у нас премьера, ставим новое шоу. Члены клуба заказывают себе места на определенный день каждого просмотра. Мы начинаем новые представления всегда по первым и третьим понедельникам каждого месяца. Представление начинается в 7.30 вечера, и мы придерживаем членам клуба заказанные места до 7.20. Девушка, которая продает билеты, имеет в своем распоряжении план зала и вычеркивает проданные места. Зарезервированные за членами клуба места помечены и не могут быть проданы до последнего момента.

— Ясно. Таким образом, если член клуба не придет, то его место в плане будет вычеркнуто.

— Только в случае, если оно будет продано.

— Так-так.

— Новый спектакль после первой недели показа не всегда имеет аншлаг. Неплохо бы ставить новый спектакль каждую неделю, но, видите ли, нам не хватает... гм-гм... мощностей.

— Я вас понимаю. И использованные планы сдаете в архив?

— Иногда, для отчета и бухгалтерии.

— А как бы нам найти план за третье января, вторник?

Она открыла ящик стола и вынула кипу отпечатанных типографским способом планов.

— Это, должно быть, вторая неделя представлений нашей пантомимы. Традиция, знаете ли.

— Да-да... к-х, традиция — это серьезно.

— Ну, а кто конкретно вас интересует? — спросила миссис Ориел, вынимая из того же стола грессбух.

— Знаете ли, такая невысокая блондинка, хрупкая, лет этак сорока. Фамилия Феннан, Эльза Феннан.

Миссис Ориел открыла свой грессбух. Мендель без всякого смущения, перегнувшись, заглядывал ей через плечо

в записи. Имена членов клуба были аккуратно вписаны слева в колонку, как в классном журнале. Красная галочка еще левее означала, что член клуба заплатил свой взнос. С правой стороны страницы были отметки о текущих заказах на год. Всего было около восьмидесяти членов.

— Имя мне что-то ничего не говорит. Где она обычно сидит?

— Не знаю.

— Ага, вот она. Мерридейл Лэйн, Уоллистон. Мерридейл! Ведь это надо же. Так, теперь давайте поглядим. Ну вот: заднее кресло в партере, конец ряда. Очень странный выбор, не правда ли? Место № P2. Но кто же может знать, купила ли она билет на это место третьего января? Сомнительно, чтобы у нас сохранился план за это число, хотя — Бог свидетель — я ничего просто так в жизни своей не выбрасывала. Вещи испаряются сами по себе. правда? — Она поглядывала на него искоса, пытаясь определить, наговорила ли на пять фунтов или еще нет: — Знаете что, пойдемте спросим Недотрогу.

Она поднялась и направилась к двери. «Феннан... Феннан... — бормотала она. — Секундочку, что-то мне это напоминает. Только что? Черт побери, ну, конечно... Феннан... папка для нот». Она открыла дверь.

— Где Недотрога? — спросила она кого-то, стоявшего на сцене.

— Бог ее знает, где она.

— Экая свинья, дождешься от него помощи, как же! — голосом циркулярки коротко провизжала миссис Ориел и снова захлопнула дверь. — Недотрога — наша с вами светлая надежда, — запела, вспомнив о пяти фунтах, местная Сара Бернар. — Английская Роза, дочка местного стряпчего, вся такая из себя: фильдеперсовые чулки и вид «поймай-меня-если-сможешь». Мы ее все обожаем. Изредка получает роль, поскольку ее папаша платит за обучение актерскому ремеслу. А уж она-то, ну, просто без ума от театра! Иногда, когда большой наплыв публики, она сидит и продает билеты... вместе с миссис Торр, нашей уборщицей и гардеробщицей одновременно. А когда тихо, миссис Торр управляется одна, а Недотрога шныряет за кулисами в ожидании случая, когда главная женская роль достанется ей. Ну, хотя бы, например, потому, что актриса, исполняющая эту роль, вдруг упадет в обморок или еще там что-нибудь случится — да мало ли о чем они в этом возрасте мечтают. — Она на секунду остановила поток своего

красноречия, чтобы перевести дыхание. — Да, я уверена, я помню это имя... Феннан. Помню, точно. Господи, куда же подевалась эта корова?

Она исчезла на пару минут и вернулась назад уже не одна. Миссис Ориел привела с собой высокую и довольно симпатичную девушку со светлыми кудряшками и розовыми щеками — явно занимается плаванием и теннисом.

— Это Элизабет Пиджен. Она, возможно, будет вам полезна. Дорогая, мы хотим тут отыскать некую миссис Феннан, члена нашего клуба. Как будто ты мне что-то о ней рассказывала?

— О да, Лудо, да! Она безумно музыкальная или, как мне кажется, должна быть музыкальной, потому что всегда приносит с собой свою папку. Она безумно худая и странная. Она иностранка, ведь правда, Лудо?

— Почему же странная? — спросил Мендель.

— Видите ли, когда она приходила в последний раз, она вдруг такую бучу подняла по поводу соседнего места. Оно тоже было зарезервировано, конечно, но столько времени уже прошло тогда после восьми. Миллион народу рвался на премьеру, ну, я и продала это место. А она все твердила, что этот человек обязательно придет. Он, видите ли, всегда приходит.

— И что же, он пришел?

— Нет. Я продала бронь. Она, должно быть, так расстроилась по этому поводу, что ушла после второго акта, даже свою папку для нот забыла в гардеробе.

— Этот человек, которого она ждала, о котором говорила, что он обязательно придет... — осторожно спросил Мендель. — Они, что, были друзья?

Лудо Ориел многозначительно подмигнула Менделю.

— Ах, Боже мой, ну, конечно, они же были муж и жена, разве нет?

Мендель с минуту смотрел на нее, а потом улыбнулся:

— Где бы нам раздобыть стул для Элизабет?

— Ах, благодарю вас, — сказала жеманным голосом Недотрога и присела на краешек старого с облупленной позолотой стула, близнеца того кресла для суфлера. Она положила себе на колени красные большие руки и наклонилась, не переставая улыбаться, вперед, счастливая оттого, что является центром внимания присутствующих. Миссис Ориел глядела на нее с нескрываемой злобой.

— Из чего вы заключили, Элизабет, что этот человек

был ее мужем? — В его голосе появилась жесткая нотка, которой раньше там не было.

— Знаете, появляются они каждый в отдельности, врозь то есть, но, как мне кажется, они выбрали места в отдалении от других членов клуба не случайно, потому что они муж и жена. И он тоже всегда приходит с папкой для нот.

— Понятно. Что еще вы можете припомнить о том вечере, Элизабет?

— Ну, много чего. Понимаете, мне было так неловко, я так переживала из-за того, что она ушла расстроенная, не досмотрев представление до конца. Потом, позднее, она позвонила. То есть, я хочу сказать, эта миссис Феннан нам позвонила. Она назвалась, сказала, что забыла у нас свою папку для нот. Она и номерок на нее потеряла и была в ужасном состоянии, то есть волновалась безумно. Вроде даже плакала — так мне показалось. С ней там еще кто-то был: я слышала чей-то голос. А потом она сказала, что за папкой заедут, если, конечно, можно получить ее так — без номерка. Я сказала, что можно, разумеется, пусть приезжают, и через полчаса приехал мужчина. Такой мужчина, ну просто супер! Высокий блондин.

— Так-так, — сказал Мендель, — большое вам спасибо, Элизабет. Вы нам очень помогли.

— Ах, я рада, всегда рада помочь. — Она встала со стула.

— Кстати, — сказал Мендель, — не был ли заехавший за ее папкой тем самым человеком, что раньше сидел с ней вместе во время спектаклей, а?

— Да, это был он. Ой, простите, я забыла сказать об этом.

— Вы с ним разговаривали?

— Да нет, ну что-нибудь вроде «а вот и вы», больше ничего.

— Не помните случайно, как он говорил, какие-нибудь особенности голоса?

— Ну, выговор такой... иностранный, как у миссис Феннан — она ведь иностранка. Я думаю, отсюда и все ее странности, беспокойство, слезы, возмущение — все от иностранного темперамента.

Она улыбнулась Менделю и, задержавшись на мгновение, вышла из комнатки походкой Алисы из сказки Кэррола.

— Корова, — еще раз отрекомендовала ее миссис Ориел, глядя на закрывшуюся за девушкой дверь. Она повернулась к Менделю. — Что ж, надеюсь, вы получили достаточно сведений на ваши пять фунтов.

— Я тоже так думаю, — ответил Мендель.

11. Малореспектабельный клуб

Мендель застал Смайли сидящим в кресле и полностью одетым. А Питер Гиллэм вольготно расположился на кровати. В руках у него была бледно-зеленая папка. За окном угрожающе чернело небо.

— На сцене появился третий убийца, — прокомментировал Гиллэм появление Менделя.

Тот присел на уголок кровати и улыбнулся Смайли смущенно и счастливо. Хотя толстяк, по правде говоря, выглядел бледным и озабоченным.

— Мои поздравления. Приятно видеть вас снова на ногах.

— Благодарю. Боюсь, правда, вы не стали бы приносить мне поздравления, если бы увидели меня в стоячем положении. Я чувствую себя слабым, как котенок.

— Когда вас выписывают?

— Уж не знаю, что они там думают на этот счет...

— А разве вы не спрашивали?

— Нет.

— Вообще-то знать бы не мешало. Я тут притащил кое-что. Еще не знаю, что бы это значило, но что-то за этим есть.

— Ну-ну, — заметил Гиллэм, — у каждого из нас есть, что сообщить друг другу. Разве это не замечательно? Джордж тут разглядывал мой семейный альбом, — он слегка приподнял бледно-зеленую папку, — и, представьте, увидел немало старых знакомых.

Мендель почувствовал себя озадаченным и, видимо, несколько отставшим от развития событий. Смайли высказался по этому поводу так:

— Я вам все расскажу по порядку завтра вечером. За обедом. В клубе. Утром я выписываюсь, что бы они там ни говорили. Мне кажется, мы нашли как самого убийцу, так и много всякой всячины впридачу. Ладно, выкладывайте, что там у вас. — В глазах его почему-то не было торжества — одна озабоченность.

Членство в клубе, к которому имел честь принадлежать Смайли, вряд ли могло считаться каким-то особенным достижением, и прежде всего у любителей обнаружить свое имя в фолианте «Кто есть кто». Клуб был основан молодым ренегатом из Джуниор Карлтон по имени Сид-Эспри. Это ему сделал нашумевшее внушение секретарь Кар-

лтона за богохульство в присутствии важной шишки — епископа из Южной Африки. Юный же охальник, проявивший такое неуважение к представителю высокого клира, нимало не смутясь, уговорил свою квартирную хозяйку, бывшую таковой еще в оксфордские времена, покинуть свое тихое пристанище в Холлиуэлле и перебраться в две комнаты и погребок на Мэнчестер сквер, которые предоставил в его распоряжение один из денежных родственников. Первоначально в число членов новообразованного клуба входили всего сорок человек, плативших в качестве ежегодного взноса пятьдесят гиней. К моменту повествования их осталось всего тридцать один. Никаких женщин, никакого устава, никаких секретарей, а главное — никаких епископов. Вы могли пожевать сандвич, выпить бутылочку-другую пива, могли просто заказать сандвичи и ничего не пить. Короче, до тех пор пока вы были в разумной степени трезвы и не слишком активно совали свой нос в дела других присутствовавших, никому не было ни малейшего дела до того, как вы одеты, что вы делали или говорили, кого вы с собой привели. Миссис Стерджен теперь уже не колдовала в баре и не приносила вам сама отбивную за столик у огня в погребке, а величественно наблюдала за ритуальным священнодействием двух отставных сержантов из какого-то дальнего пограничного полка.

Вполне естественно, что большинство членов были курсниками Смайли (плюс-минус один год) по Оксфорду. С самого начала предполагалось, что клуб рассчитан только на одно поколение, что он будет стареть и умрет вместе со своими членами. Война унесла Джибиди и некоторых других, но никому и в голову не приходило предложить избрать новых членов на место погибших. К тому же заведение теперь перешло в собственность членов клуба, ставшего вполне платежеспособным, а миссис Стерджен была обеспечена спокойная старость.

Был субботний вечер, в погребке собралось не больше полудюжины посетителей. Смайли заказал обед. Столик накрыли в кирпичной нише погребка, где под крутыми сводами жарко пылал угольный камин. Они сидели в одиночестве, на столе были филей и кларет, а снаружи беспрерывно шелестел английский дождь. Всем троим показалось, что мир в этот вечер — приличное и безмятежное место для существования, несмотря на те странные и зловещие обстоятельства, что собрали их сейчас вместе.

— Чтобы вам стало понятно, о чем я стану говорить, —

начал наконец Смайли, адресуясь главным образом к Менделю, — мне придется делать довольно пространные экскурсии в давние времена. Как вам известно, я профессиональный разведчик, состою офицером на этой службе еще со времен Потопа, то есть задолго до того, как мы стали играть в игры с Уайтхоллом. Игры за политическую власть. А тогда нас была всего горстка профессионалов, и платили нам скудно. После необходимой подготовки и практики с проверкой на вшивость в Южной Америке и Центральной Европе я был направлен на лекторскую работу в один германский университет вычислять молодых талантливых немецких студентов с агентурным потенциалом. — Он остановился, улыбнулся Менделю и сказал: — Извините мне профессиональный жаргон. — Мендель с торжественным видом кивнул, и Смайли продолжил. Он знал, что выглядит сейчас довольно старомодно и несколько напыщенно, но не знал, как этого избежать...

— Так вот, незадолго до последней войны, гнусные времена тогда были в Германии — озлобленность, нетерпимость там были сумасшедшие. Требовалось быть просто лунатиком, чтобы лично работать с агентурой. Мой единственный шанс заключался в том, чтобы стать максимально невыразительным и незаметным, бесцветным политически и социально и представлять кандидатов для вербовки кому-нибудь другому. Я попробовал привозить некоторых к нам, в Англию, на короткие периоды студенческих каникул. Приходилось воздерживаться от любых контактов с департаментом во время моего и их пребывания здесь, поскольку мы в те времена не имели ни малейшей информации о возможностях германской контрразведки. Я совершенно не знал, на кого из моих протеже выходили наши люди, и так было, конечно, лучше. В том смысле если б я засветился — лучше и для меня, и для них.

Собственно, интересующая нас история начинается в 1938 году. Как-то, раз летним вечером сидел я дома один. День выдался чудесный, теплый и мирный. Словно никакого фашизма и в природе не существует. Сидел я себе у окна за столом в рубашке с короткими рукавами, работал, но не слишком уж напрягался: такой замечательный был вечер.

Он сделал паузу. смущенный чем-то, и поиграл рюмкой с портвейном. На его скулах зажглись два розовых пятна. Он ощущал легкое опьянение, хотя выпил на самом деле немного.

— Говоря коротко, — произнес он и почувствовал себя ушастым ослом. — Простите, кажется, я слишком сбивчиво все вам рассказываю... Ну, словом, сижу я себе, вдруг раздается стук в дверь, и в комнату входит молодой, лет девятнадцати, студент, хотя выглядел-то, пожалуй, еще моложе. Звали его Дитер Фрей. Мой ученик, умный парень, да и на вид довольно импозантный. — Смайли снова умолк и уставился остановившимся взглядом в пространство перед собой: то ли это было следствие его болезненного состояния, то ли картина прошлого ожила в его памяти так ярко и сочно, что ему трудно было быстро выбрать из этих подробностей главное.

— Дитер был очень красивый юноша, с высоким лбом и огромной копной черных, не поддающихся расческе волос. Нижняя часть его тела была деформирована — я думаю, последствия детского паралича. У него была трость, на которую он тяжело опирался при ходьбе. Он представлял собой довольно романтическую фигуру, этакий, знаете ли, байронический тип на фоне нашего скромного университета. Я-то в нем никакой романтики и не находил вовсе. У немцев есть такое пристрастие — открывать юных гениев, со времен Гердера и вплоть до Стефана Георга с такими типами носились, как с писаной торбой, буквально с колыбели. Но с Дитером так носиться было просто нельзя. В нем чувствовались какая-то жесткость, независимость и безжалостность, которые всех мгновенно отпугивали от него, даже самых доброжелательных покровителей. Эта его воинственность, его активная оппозиционность ко всем и всему была вызвана не только его уродством, но и его происхождением — ведь он был еврей. Как ему удалось поступить в университет, да еще в Германии того времени, — ума не приложу. Может, они не предполагали, что он еврей. Его красота была южного типа... может, сходил за итальянца... нет, не понимаю. Я-то ясно видел, что он еврей.

Дитер был социалистом. Он даже в те дни не делал из этого секрета. Я даже подумывал предложить его кандидатуру для вербовки, но это было бы совершенным безумием — работать с человеком, настолько очевидно предназначенным для концентрационного лагеря. Кроме того, он был слишком волевой натурой, слишком импульсивный, колоритный, тщеславный. Дитер главенствовал и коноводил во всех университетских кружках и обществах: дискуссионных, политических, поэтических, ну и так далее.

Он даже имел наглость не брать в рот ни капли — и это в университете, где мужественность доказывалась тем, что студент весь первый курс был обязан не просыхать.

Такой вот он тогда был, этот Дитер: красивый, высокий, урод с командирскими замашками, идол своего поколения... и еврей. Вот этот-то самый человек и явился ко мне тем теплым летним вечером.

Я его усадил и предложил что-нибудь выпить, на что он ответил категорическим отказом. Я приготовил кофе, кажется, на примусе. Мы как-то не слишком связно поговорили о моей последней лекции о Китсе. Я посетовал на применение германских методов критики к английской поэзии, и это послужило толчком к некоторой дискуссии по отношению к нацистской интерпретации «декаданса» в искусстве. Дитер подхватил эту тему и с воодушевлением перешел от нее к обвинениям сначала в адрес Германии, а затем и, как говорится, дальше больше, в адрес нацистов. Я, понятное дело, был крайне осторожен в своих высказываниях — смешно, но молодым-то был меньшим дураком, чем сейчас. В конце концов он напрямую спросил меня, что я думаю о нацизме. Я довольно твердо ему ответил о нежелании критиковать своих хозяев, да и вообще, мол, политика скверная штука. Никогда не смогу забыть его реакции. Он пришел в ярость, вскочил на ноги и прокричал мне: «А мы ведь не о забавах с вами говорим!» — Смайли прервался, посмотрел через стол на Гиллэма и извинился: — Простите, Питер, я, видимо, слишком увлекся своими воспоминаниями.

— Чепуха, старина. Ты рассказываешь, как умеешь.

Мендель проворчал что-то в знак одобрения. На протяжении всего рассказа он сидел довольно прямо и напряженно, положив на стол перед собой обе руки. Ниша их освещалась в основном ярким мерцанием огня в камине, отбрасывающего длинные причудливые тени на грубого камня стену у них за спиной. Графин с портвейном был уже на треть пуст.

Смайли налил себе и продолжил свое повествование:

— Он был в бешенстве. Никак не мог понять, как это вообще возможно: иметь независимые взгляды на искусство и одновременно быть безразличным к политике, трепаться о свободе художника, когда третья часть Европы томится в цепях и застенках. «Вам, что же, — горячился Дитер, — совершенно наплевать на то, что современная цивилизация истекает кровью? Что там может быть такого

в этом вашем восемнадцатом столетии, почему вы напрочь отбрасываете двадцатое?» Ну, и так далее. Он, видите ли, пришел ко мне, потому что ему нравились мои семинары и он считал меня просвещенным человеком, но вот теперь-то он осознал, яснее некуда, что я просто лицемер, трусливый лицемер.

Я позволил ему с тем и уйти. А что прикажете делать? Объективно говоря, он был подозрителен во всех отношениях: бунтарь-одиночка, еврей на свободе, да еще на университетской скамье, загадка из загадок. Но из поля зрения я его не упустил. Семестр заканчивался, предстояли длительные каникулы. Через три дня после нашего с ним разговора, на заключительном семинаре, Дитер вообще договорился невесть до чего. Знаете, он всех просто перепугал, люди вокруг примолкли и насторожились. Потом он уехал, так со мной и не попрощавшись. Я, признаться, и не думал, что когда-нибудь с ним встречусь.

Прошло не более полугода, и я опять его увидел. Поехал я навестить своих знакомых в Дрезден, родной, кстати, город Дитера. Оказавшись на вокзале на полчаса раньше условленного часа, решил, чем слоняться тут без дела, отправлюсь-ка на прогулку. Метрах в двухстах от вокзала стояло высокое и довольно угрюмое здание семнадцатого века. Перед ним небольшой дворик с высокой решетчатой оградой и кованными железными воротами. Было видно, что его недавно превратили в тюрьму. Группа бритоголовых узников обоего пола — мужчин и женщин — совершала прогулку по периметру двора. Посередине стояли два охранника с автоматами. Мне бросилась в глаза знакомая фигура — один из арестантов, выше ростом, чем остальные узники, хромая и ковыляя, старался не отстать, не выбиться из строя. Это был Дитер. Трость-то у него, понятно, отобрали.

Размышляя впоследствии, я решил, что гестапо вряд ли бы решилось арестовать самого популярного в университете студента, когда он был на коне, когда все на него равнялись. Я забыл про свой поезд, вернулся в город и решил разыскать его родителей. Мне было известно, что его отец был довольно знаменитым врачом, так что моя задача была не столь уж сложной. Я сходил по найденному в телефонном справочнике адресу и обнаружил там только мать. Отец успел уже умереть в концентрационном лагере. У матери не было особого желания распространяться о Дитере, но все же я понял, что сидел он не в еврейской тюрьме,

а в общей, и якобы всего лишь отбывал так называемый исправительный срок. Она ожидала, что его выпустят что-то месяца через три. Я оставил для него записку, в которой написал, что у меня остались некоторые его книги и что я буду рад ему их вернуть обратно, когда он ко мне заглянет.

Однако события 1939 года оказались сильнее моих желаний. Сразу же после возвращения из Дрездена мое ведомство приказало мне возвращаться в Англию. Я упаковал свои вещи и уехал в Лондон, встретивший меня смятением и беспорядком. Мне дали другое задание: я должен был срочно возвращаться в Европу и активизировать еще практически неподготовленную агентуру в Германии, законсервированную на самый крайний случай — на такой, как война. Мне надо было запомнить дюжины новых имен. Можете представить мое удивление, когда среди них я обнаружил Дитера Фрея.

Судя по его досье, он завербовал себя сам, вломившись в наше консульство в Дрездене с требованием ответа, почему никто не потрудился шевельнуть и пальцем в защиту преследуемых евреев.

Смайли сделал паузу и посмеялся как бы про себя: «Да уж, Дитер был мастером заставлять людей работать на него». Он кинул быстрый взгляд на Гиллэма и Менделя. Оба смотрели на него во все глаза.

— Поначалу меня охватило чувство досады: как же так, парень-то был у меня, как говорится, прямо под носом, а я не счел его подходящим для дела. А потом я встревожился не на шутку: иметь этого смутьяна, этот горячий каштан в руках, ведь этот его импульсивный темперамент может стоить жизни и мне, и другим! Так что я решил разворачивать свою агентуру без Дитера. Как показало время, я ошибался. Дитер оказался прекрасным агентом.

Он не прятал свою экстравагантность, а, наоборот, умело ею пользовался. Его уродство спасало Дитера от службы в армии, и он нашел себе местечко конторского служащего на железной дороге. В считанное время он продвинулся до действительно ответственной должности, и качество добываемой им информации было просто фантастическим. Подробнейшие сведения о передвижениях эшелонов с войсками и вооружением, пункты назначения, даты перевозок. Потом Дитер же докладывал об эффективности наших бомбардировок, определял главные цели. Думаю, что ему не просто везло, его спасало то, что он прекрасно разбирался в работе железнодорожного транспорта и был

блестящим организатором, многое умел, сделал себя незаменимым для немцев, был готов работать в любое время дня и ночи и стал для них неприкосновенным. Его даже наградили каким-то гражданским орденом за исключительные заслуги. Вполне можно предположить, что гестапо для пользы дела просто затеряло где-то его досье.

Я сказал, что Дитер был прекрасным агентом. Это неверно, он был гениальным, фантастическим агентом. Он умудрялся отправлять определенные грузы, только представьте себе, в те ночи, когда метеорологические условия наиболее благоприятны для бомбометания. Он разработал свою собственную технику — прирожденный гений для всяких болтов — гаек шпионажа. Абсурдом бы было предполагать, что это может продолжаться так долго, но эффект наших бомбардировок был зачастую настолько велик, имел такие страшные последствия, что немцам и в голову не могли бы прийти, что это результат предательства одного лишь человека, им мог быть кто угодно, но не Дитер, с его экстравагантностью, шумом и помпой — ни один шпион так себя вести не будет.

Моя работа с ним была легкой и простой. Дитеру пришлось много перемещаться по железным дорогам, у него имелось специальное разрешение, служебный пропуск. Тем не менее связь между нами была просто детской игрой по сравнению с теми трудностями, которые возникали с другими агентами. Время от времени мы просто встречались в кафе и разговаривали или он подвозил меня на своей министерской машине. Я голосовал, а он, добрая душа, подвозил. А чаще всего мы отправлялись куда-нибудь на одном и том же поезде и менялись в коридоре портфелями или шли в театр каждый со свертком в руке, оставляли свертки в гардеробе и незаметно обменивались номерками. Он редко приносил мне специальные отчеты — чаще прямо копии различных приказов о транспортировке грузов. Его секретарше приходилось много работать: он заставлял ее держать рабочий архив для особой отчетности, каждые три месяца он этот архив «уничтожал», перекладывая его в свой портфель во время обеденного перерыва.

Ну, а в 1943-м меня снова отозвали домой. Моя торговая крыша, кажется, начала протекать, да и сам я потерял товарный вид.

Смайли замолчал и взял сигарету из предложенного Гиллемом портсигара.

— Когда война закончилась, я поинтересовался у своего преемника, что же все-таки потом стало с Дитером и другими агентами. Некоторые переменили страну и осели в Австралии или Канаде, другие вернулись к руинам своих родных городов, к тому, что от этих городов осталось. А Дитер, как я понимаю, колебался с выбором. Ведь Дрезден был в русской оккупационной зоне, и Дитеру было над чем подумать. Но все-таки решился — из-за матери. К тому же он очень не любил американцев. Ведь как-никак он был социалистом.

Позднее я узнал, что Дитер и там сделал карьеру. Опыт администратора, приобретенный им во время войны, не мог не пригодиться и в новой республике. Думаю, что его репутация антифашиста и понесенные его семьей потери и невзгоды открыли ему зеленый свет при новой власти. Он, видно, очень преуспел и на новом поприще.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался Мендель.

— Так ведь это Дитер возглавлял ту самую миссию по сталелитейной промышленности и покинул Англию лишь месяц назад.

— И это еще не все, — быстро добавил Гиллэм. — Только не упадите, Мендель. Я этим утром скатал вместо вас в Уэйбридж и навестил еще разок некую Элизабет Пиджен. Идея принадлежит Джорджу. — Он обернулся к Смайли. — Она чем-то напоминает Моби Дика, не правда ли, ну, того гигантского кита-людоеда белого цвета.

— И что же? — с нетерпением спросил Мендель.

— А я показал ей фотографию того молодого дипломата, по имени Мундт, которого они здесь опекали, чтобы он успел убрать концы. Элизабет мгновенно опознала в нем очаровательного молодого человека, приезжавшего за той папкой для нот, которую забыла Эльза Феннан. Помните, она так неожиданно рванула из театра, якобы не в силах перенести столь долгую разлуку с «мужем». Весело, правда?

— Но, позвольте...

— Знаю, знаю, о чем вы хотите спросить, сообразительный юноша. Вы хотите знать, опознал ли его также и Джордж? Представьте, опознал. Это тот самый молодец, что пытался с самыми лучшими намерениями заманить бедного Джорджа к нему же домой на Байуотер-стрит. Как вам этот шустрик, а?!

Мендель вел машину по направлению к Мичэму. Рядом сидел смертельно уставший Смайли. Снова лил дождь, даже в машине было холодно, мозгло и неприятно. Смайли плотнее закутался в пальто и, невзирая на свою усталость, с тихим удовольствием стал наблюдать вечерний, озабоченный Лондон, проходящий перед его глазами. Путешествовать ему нравилось всегда. Да хоть сейчас случись такое, он с большим бы удовольствием пересек Францию на поезде, чем на самолете. Он все еще помнил очарование ночного путешествия через Европу, странную какофонию из перестуков, перезвонов, гортанной французской речи, будивших его и отвлекавших от английских снов. Энн тоже любила эти волшебные звуки, и они дважды пересекали континент, разделяя сомнительные радости этого не слишком комфортабельного путешествия. Ну, вот они и вернулись в Мичэм.

Смайли отправился напрямик под одеяло, а Мендель приготовил свой знаменитый чай. Они попили его у Смайли в спальне.

— А что нам предстоит делать теперь? — спросил Мендель.

— Думаю, мы отправимся завтра в Уоллистон.

— Вам бы денек отлежаться в постели. Что вам так уж срочно понадобилось в этом городишке?

— Хочу повидаться с Эльзой Феннан.

— Одному вам туда ехать небезопасно. Позвольте вас сопровождать. Я посижу в машине, а вы поговорите с ней. Вы, наверное, знаете, что она иудейка, не правда ли?

Смайли кивнул.

— Мой отец тоже был иудеем. Но никогда не придавал этому такого уж большого значения.

12. Мечта на продажу

Эльза закрыла дверь и, стоя на пороге, молча разглядывала его.

— Вы могли бы предупредить меня о вашем приезде, — произнесла она наконец.

— Я решил, что будет спокойнее не делать этого.

Эльза снова замолчала, потом сказала:

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

Казалось, эти слова дались ей с трудом.

— Можно мне войти в дом? — спросил Смайли. — В нашем распоряжении не очень много времени.

Она выглядела постаревшей и усталой, может быть, даже менее стойкой и жизнерадостной, чем в прошлый раз. Эльза провела его в гостиную и как-то покорно и обреченно указала ему жестом на стул.

Смайли предложил ей сигарету и одну взял себе. Она встала у окна. Глядя на нее, видя, как она тяжело и часто дышит, как лихорадочно блестят ее глаза, он подумал, что она, верно, совсем или почти совсем потеряла волю к сопротивлению и самозащите.

Смайли заговорил мягким, соболезнающим тоном. Видимо, для Эльзы Феннан именно такой тон казался более всего подходящим, он возвращал ей силы, комфорт, спокойствие духа и ощущение безопасности. Она мало-помалу оторвалась от созерцания неба за окном, правая ее рука, судорожно уцепившаяся за подоконник, задумчиво провела по подоконнику напоследок и бессильно упала вдоль тела. Она села напротив и смотрела на него глазами, полными покорности и даже вроде любви.

— Вам, должно быть, страшно одиноко и тоскливо, — сказал он. — Никому не дано терпеть такое вечно. Ведь для того, чтобы вынести все это, требуется немало мужества, а быть мужественным в одиночку очень трудно. Они никогда этого не понимают, правда, ведь? Все эти омерзительные уловки, постоянная ложь, полнейшее одиночество, невозможность жить обычной жизнью нормальных людей. Они думают, что ты можешь работать на их собственном горючем — на размахивании флагами и гимнах. Но когда ты один, тебе нужно для работы совсем иное горючее, не правда ли? Тебе надо ненавидеть, а чтобы все время ненавидеть без усталости, требуются силы. А то, что ты должен любить, — оно так далеко, размыто и неопределенно, ведь ты уже не часть его, когда ты совсем один.

Он сделал паузу. «Ничего, ничего, скоро ты сломаешься», — думал Смайли. В душе он молился о том, чтобы Эльза приняла его искреннее участие, прониклась к нему доверием. «Скоро, очень скоро ты сломаешься».

— Я сказал, что у нас мало времени. Знаете, что именно я имел в виду? — Эльза сложила руки на коленях и смотрела на них. Он разглядел темные корни ее соломенных волос и удивился, зачем ей понадобилось менять их естественный цвет. Она сделала вид, что не расслышала его последний вопрос.

— Месяц тому назад, когда я утром уехал от вас, я отправился к себе домой в Лондон. Один человек попытался убить меня. А в тот же вечер ему это почти удалось — он ударил меня трубой по голове три или четыре раза. Я только что вышел из госпиталя. Как видите, мне повезло, я оказался просто счастливым. А потом был еще человек из гаража, у которого он обычно брал напрокат машину. Не так давно полиция выудила из Темзы труп бедняги. Никаких следов насилия не обнаружили, он лишь был весь пропитан виски. Для них — я имею в виду речную полицию — находка оказалась полной неожиданностью — ведь этот человек годами к реке и близко не подходил. Но ведь мы имеем дело с компетентным человеком, с профессионалом. Создается впечатление, что он старается убрать всех, кто связывал его с Сэмюэлом Феннаном. Или с его женой, разумеется. Ну, а еще есть молодая блондиночка из Репертори театра...

— Что-что? Что вы такое говорите? — встрепелась она. — В чем вы пытаетесь меня убедить?

Смайли неожиданно захотелось сделать миссис Феннан больно, разбить остатки ее воли, сломать, как кровного, заклятого врага. Так долго ее образ преследовал и мучил его все то время, пока он лежал беспомощный и больной в больнице. Ее образ обладал мощью и неразгаданной тайной.

— Какие такие игры вам хотелось вести? Вам двоим? Вы считали, что можете флиртовать с этим чудовищем? Давать по чуть-чуть, но не давать все целиком? Вы всерьез думали остановить этот танец? Контролировать, дозировать то, что вы им давали, их силу и мощь? Какие мечты вы вынашивали и лелеяли, миссис Феннан, какие несбыточные мечты? На что вы надеялись?

Она уткнулась лицом в ладони, и он увидел, как между пальцев засочились слезы, тело ее сотрясало от рыданий. Эльза медленно, отрывочно, слово за словом, фразу за фразой выдавливала из себя:

— Нет, нет, никаких иллюзий, никакой мечты. Я не могла питать иллюзий, а он... У него была одна мечта, да, была... Была одна большая мечта.

Она снова зарыдала в отчаянии. Смайли торжествовал, но было ужасно стыдно за ту роль, которую приходилось играть. И ему нужно было, чтобы она продолжала свои признания. Внезапно она вскинула голову и поглядела на него, заплаканная, со струящимися по щекам слезами:

— Взгляните, взгляните на меня! — воскликнула

она. — Какую мечту, какие иллюзии они мне оставили? Я мечтала о длинных красивых золотых прядях волос, а они побрили мне голову, я мечтала о красивом, женственном теле, а они высушили и сломали его голодом... Они сами заставили меня увидеть, что из себя представляют человеческие существа в действительности, как же я могу поверить в какую-то абстрактную истину, какую-то новую теорию для человеческих существ? Я ему говорила, тысячу раз твердила: нужно бросить все эти попытки устанавливать свои законы, придумывать красивые теории и подгонять под них живую жизнь — тогда люди смогут жить и любить друг друга. Но дай им лозунг, дай им теорию — и игра начинается заново. Я ему постоянно говорила. Мы с ним спорили ночи напролет. Но этот маленький мальчик не мог, видите ли, жить без своей большой мечты; и если уж надо строить новый мир, то именно Сэмюэл Феннан должен его строить.

Послушай, говорила я ему. Ведь здесь тебе дали все, что у тебя есть, — дом, деньги, доверие к тебе. Почему же ты так поступаешь? А он мне отвечал, что он делает это для людей, для их же блага. Я хирург, однажды они все поймут. Он был как ребенок, мистер Смайли, его вели за руку, как ребенка.

Он затаил дыхание и боялся промолвить хоть слово, боялся нарушить хрупкую нить, атмосферу ее признания, хоть и сомневался в некоторых вещах из того, что она сбивчиво ему говорила.

— Пять лет назад он встретил этого Дитера. В хижине для горнолыжников, недалеко от Гармиша. Фрейтаг потом рассказал нам, что все это устроил тот самый Дитер... да ведь он, этот Дитер, и кататься-то не мог... у него нехорошо с ногами, он калека. Все тогда было, как во сне, и Фрейтаг был ненастоящий, ведь это Феннан окрестил его Фрейтагом, как Робинзон Крузо окрестил своего Пятницу. Дитеру все это казалось забавным, впрочем, мы никогда и не звали Дитера иначе как мистер Робинзон. — Она прервалась, взглянула на Смайли со слабой улыбкой. — Извините, — сказала она. — Боюсь, мой рассказ не слишком последователен.

— Я понимаю, — успокаивающе произнес Смайли.
— Эта девушка... Вы что-то говорили о той девушке?
— Жива. Не беспокойтесь. Продолжайте.
— Вы понравились Феннану, знаете? А Фрейтаг пытался убить вас... За что?

— За то, что я вернулся тогда и спросил вас о том звонке со станции в 8.30. Вы ведь рассказали об этом Фрейтагу, не так ли?

— Боже... Боже мой. — Она прижала пальцы к губам.

— Вы ему позвонили, правда? Сразу после того, как я ушел?

— Да, да. Я так испугалась. Я хотела предупредить их, чтобы они скрылись: он и Дитер. Скрылись и никогда больше не возвращались назад. Потому что знала, что вы все равно их найдете. Если не сейчас, то когда-нибудь все равно найдете. Почему они не могли оставить меня в покое? Они боялись меня, они знали, что у меня нет иллюзий, и единственное, что мне было нужно, — это Сэмюэл, живой и здоровый, чтобы я могла любить его, заботиться о нем. Они держали меня именно этим.

Смайли ощущал, что в его голове начинает беспорядочно пульсировать кровь.

— Значит, вы им тут же позвонили, — произнес он, морщась. — Сначала в Примроуз, но не смогли дозвониться.

— Да, — пробормотала она, — да, правда. Но ведь оба телефонных номера в Примроуз.

— И тогда вы позвонили по *другому*, запасному номеру...

Эльза отошла к окну, ссутулившаяся и обессиленная. Но почему-то казалось, что она чувствовала себя теперь лучше: пронесшаяся буря оставила ее задумчивой и даже довольной.

— Да. Фрейтаг был мастер на запасные, альтернативные планы.

— Какой номер был запасным? — настаивал Смайли. Он напряженно, с интересом разглядывал стоящую у окна фигуру женщины, безучастно глядящей в темный сад за стеклом.

— Зачем он вам?

Он поднялся и встал рядом с ней у окна, разглядывая ее лицо в профиль. Голос его сразу стал резким, тон настойчивым и энергичным.

— Я сказал, что с девушкой все в порядке. Мы с вами оба тоже живы. Но почему вы думаете, что все мы останемся в живых и дальше?

Она обернулась к нему, в глазах ее мелькнул страх, она помедлила секунду и кивнула. Смайли взял ее за руку и отвел к стулу. Надо приготовить ей чай или еще что-нибудь в этом духе, какао, может быть. Она безучастно, ме-

ханически опустила на стул, почти как сумасшедший перед припадком безумия.

— Второй номер был 9747.

— А адрес... вам давали какой-нибудь адрес?

— Нет, адреса не было. Только телефон. Все по телефону.

Никакого адреса, — повторила она с неестественным ударением, так что Смайли глядел на нее и гадал: правду она говорит или нет. И он опять вспомнил о том, что Дитер был большим искусником в налаживании связи с агентом.

— Фрейтаг не встретился с вами в тот вечер, когда умер Феннан, не так ли? Он не появился в театре?

— Нет, не появился.

— Он не пришел на связь впервые, правда? Вы запаниковали и ушли раньше, чем кончился спектакль.

— Нет... да, да, я запаниковала.

— Да нет же, вы совсем не паниковали! Вы ушли рано, потому что так было условлено. Ну, так зачем вы ушли? Для чего именно? Я хочу знать!

Она закрыла лицо ладонями рук.

— Вы так и не поумнели? — закричал Смайли. — Вы по-прежнему продолжаете думать, что в состоянии контролировать то, что успели натворить? Фрейтаг убьет вас, убьет ту девушку, он будет убивать, убивать, убивать. Кого вы хотите защитить — девушку или убийцу?

Она плакала и ничего не отвечала. Смайли наклонился к ней ближе и продолжал кричать:

— Сказать вам, почему вы ушли так рано из театра, сказать? Хорошо, я скажу то, что думаю я. Вы ушли для того, чтобы успеть к отправлению последней почти из Уэйбриджа. Он не пришел, и вы не сумели обменяться номерками в гардеробе, разве не так? И тогда вы стали действовать по запасному варианту: вы послали ему свой номерок по почте, и вы *знаете* адрес, вы его знаете на память, запомнили на веки вечные: «Если случится непредвиденное, если я не появлюсь, вот тебе адрес», — так ведь он сказал? Этот адрес нельзя давать никому, им нельзя пользоваться, его нужно забыть и помнить всегда. Правильно? Говорите!

Она встала и, отвернув от него лицо, пошла к письменному столу, нашла бумагу и карандаш. По лицу ее струились потоки слез. С какой-то агонизирующей медлительностью она записала адрес, рука у нее дрожала и буквально застывала в промежутках между словами.

Он взял у нее листок с адресом, аккуратно сложил его пополам и спрятал к себе в бумажник.

Вот теперь он может приготовить ей чаю.

Она сидела на уголке дивана и держала чашку обеими руками, крепко прижимая ее к груди. Эльза напоминала ему сейчас спасенного ребенка, вынутого из пучины моря. Худые плечи выгнуты вперед, колени и лодыжки тесно сжаты. Посмотрев на нее, Смайли ощутил, что он сломал что-то такое, что трогать было нельзя, слишком хрупким было это что-то. Он почувствовал себя неприличным, грубым мужланом, и его предложение чая — только пустая и неуклюжая попытка оправдаться за свою неосторожность.

Он не мог придумать, что бы ему теперь сказать. Спустя некоторое время она произнесла:

— Вы ему нравились, знаете? Вы ему по-настоящему понравились... Он сказал, что вы умный маленький человек. Я была так удивлена: я никогда еще не слышала, чтобы Сэмюэл назвал кого-то умным... — Она медленно покачала головой. Наверно, это воспоминание заставило ее улыбнуться бледной вымученной улыбкой. — Он любил говорить, что в мире есть только две силы — добрая, позитивная, и злая, негативная. «И что же мне делать? — говорил он мне. — Позволить им уничтожить весь урожай только потому, что они дают мне кусок хлеба? Творчество, прогресс, власть и могущество, все будущее человечества стоит и ждет их у дверей — почему я не могу их впустить?» А я ему отвечала: «Но, Сэмюэл, может, люди и так счастливы — без всех этих вещей?» Но он так не считал.

Я на самом деле не могла остановить его. Знаете, что было в Феннانه самое любопытное? Не взирая на все эти постоянные высокие рассуждения и разговоры, он уже очень давно для себя решил, что ему делать. Раз и навсегда. А остальное все — слова, поэзия. Так я ему всегда и говорила...

— ...и тем не менее вы помогали ему, — с легкой иронией произнес Смайли.

— Да, я ему помогала. Ему нужна была моя помощь, он нуждался в ней, поэтому я ее ему и оказывала. В нем была вся моя жизнь.

— Понятно.

— И это самая большая ошибка. Феннан, знаете, всего лишь маленький мальчик. Он забывал все на свете — просто ребенок. И такой тщеславный. Он решил однажды, но получилось так плохо. Он ведь и думал совсем по-другому,

не так, как вы или я... Совсем другой образ мышления. Это просто его дело, его работа... все, этим все для него уже сказано, рассуждать нечего, надо исполнять.

Началось все очень просто и буднично. Он принес дом мой черновик одной телеграммы, показал мне и говорит: «Я думаю, что Дитер должен это увидеть». Вот и все. Сначала я просто не могла поверить, ну, я хочу сказать, в то, что он шпион. А ведь он был им, разве нет? Но постепенно, мало-помалу до меня дошло. Они начали давать ему целенаправленные задания. В папке для нот Фрейтаг передавал приказы, иногда деньги. Я тогда сказала ему: «Посмотри, что они присылают тебе. Разве это тебе нужно?» Мы не знали, как нам быть с этими деньгами. В конце концов мы почти все их выбросили на ветер, сама не знаю, почему. А Дитер очень рассердился, когда я ему той зимой об этом рассказала.

— Какой той зимой? — спросил Смайли.

— Я имею в виду вторую зиму, проведенную вместе с Дитером в 1956 году в Мюррене. Встретили-то мы его впервые в январе 1955-го. Сказать вам одну вещь? Даже венгерские события не повлияли на Сэмюэла, его взгляды ничуть не изменились, ни на йоту. Дитер тогда очень боялся, что он переменится после Венгрии. Я знаю — Фрейтаг мне рассказал. Когда Феннан в том ноябре дал мне документы, чтобы отвезти в Уэйбридж, я чуть на стенку не полезла от возмущения, я на него закричала: «Ты что, не видишь, ведь будет то же самое! Те же пушки, те же дети, гибнущие на улицах! Мечта изменится, изменятся иллюзии, но кровь по-прежнему будет такого же цвета. Неужели ты этого хочешь? — спросила я его, — и для немцев ты хочешь такой же судьбы? Ведь и я буду лежать в канаве, ты позволишь это сделать и со мной?» А он лишь сказал: «Нет, Эльза, здесь совсем другое дело». И я продолжала носить эту папку для нот. Вы меня можете понять?

— Не знаю. Вот уж не знаю. Не думаю... хотя... может, и пойму.

— Все, что у меня было, — это Сэмюэл... В нем вся моя жизнь. Я защищала себя, наверное. Поэтому постепенно я втянулась в игру, а потом уже было поздно останавливаться... Ну, а чем закончилось, вы уже знаете, — прошептала Эльза, — были такие моменты, что я даже радовалась. Моменты, когда казалось, весь мир рукоплещет тому, что делает Сэмюэл. Не слишком приятное зрелище — эта новая Германия. Всплыли старые имена, те, что пугали нас

еще в детстве. Опять была в глаза эта глупая, пузатая и напыщенная германская гордость: она была на фотографиях, ею полнились газеты, они опять маршировали, как будто на улице 30-е годы. Сэмюэлу это тоже не нравилось, но ведь он, благо дуя себя. Господи, не знал того, что пришлось пережить мне.

Нас содержали в лагере неподалеку от Дрездена, мы раньше жили в этом городе. Мой отец был парализован. Больше всего там в лагере ему не хватало и от чего он страдал сильнее всего — так это отсутствие табака, и я сворачивала ему сигареты из любой дряни, из всего, что могла отыскать. Мне хотелось хоть как-то помочь ему обмануться, утешить его. Однажды его увидел с такой сигаретой охранник и принялся смеяться. Подошли другие и тоже смеялись. Мой отец держал эту сигарету парализованными пальцами, и пальцы его уже были обожжены. Он же не знал, не понимал, что курит... вот так.

Словом, когда они возвратили Германии пушки, дали им деньги, униформы, тогда я, случалось, даже радовалась тому, что делал Сэмюэл. Мы ведь евреи, знаете, и вот поэтому...

— Да, знаю. И понимаю вас, — сказал Смайли. — Мне тоже пришлось это повидать. Немного.

— Дитер сказал, что вы видели.

— Дитер так сказал?

— Да, Фрейтагу. Он сказал Фрейтагу, что вы очень умный человек. Вам когда-то до войны удалось провести Дитера, а он узнал об этом много позднее. Так рассказывал Фрейтаг. Он еще рассказывал, что вы лучше всех тех, с кем Дитеру доводилось встречаться.

— Когда Фрейтаг рассказал вам все это?

Она смотрела на него долгим взглядом. Смайли в жизни не приходилось видеть выражение такой обреченности и безнадежности на лице человека. Он припомнил сейчас, как она ему как-то сказала: «Дети моей печали мертвы». Теперь ему стало понятнее, что стояло за этой фразой. Помолчав, Эльза в конце концов сказала:

— Ну, как же, ведь это так очевидно: в тот вечер, когда он убил Сэмюэла. Это-то и горше всего, мистер Смайли. Именно в тот момент, когда Сэмюэл мог сделать для них так много — не просто обрывок того, обрывок другого, а целиком всю информацию, причем, заметьте, постоянно, — в этот-то самый момент их собственный страх погу-

бил все дело, превратил их в зверей, заставил уничтожить собственными руками их детище.

Сэмюэл всегда говорил: «Они победят потому, что знают, а остальные проиграют и погибнут потому, что *не знают*: люди, которые работают во имя осуществления своей мечты, работают ради вечности» — так он говорил. Но я знала цену и этой мечте, знала, что их мечта уничтожит нас. А какая мечта не уничтожает? Даже мечта о Христе.

— Значит, именно Дитер увидел меня в парке беседующим с Феннаном.

— Да.

— И решил...

— Да. Решил, что Феннан его предал, и приказал Фрейтагу убить Сэмюэла.

— А анонимное письмо?

— Этого не знаю. Просто не могу предположить, кто написал его. Может быть, тот, кто хорошо знал Сэмюэла, видимо, кто-то со службы, кто наблюдал за ним. Или кто-нибудь, знавший его по Оксфорду. Не знаю. И Сэмюэл тоже не знал, кто.

— Так. Ну, а кто же отстукал предсмертное письмо, а?

Она посмотрела на него с совершенно ошарашенным выражением лица, готовая снова заплакать. Потом опустила голову.

— Я написала его. Фрейтаг принес бумагу, а я напечатала письмо. Подпись на листке бумаги уже была. Подлинная подпись Сэмюэла.

Смайли подошел к ней, сел рядом на диван и взял ее за руку. Она повернулась к нему, полная ярости, и закричала:

— Уберите свои руки! Вы думаете, что я ваша только потому, что я не принадлежу им? Уходите, уходите прочь! Уходите и убейте Дитера и Фрейтага. Не дайте игре заглохнуть, мистер Смаيلي. Но не думайте, что я на *вашей* стороне, слышите? Потому что я Вечная Жидовка, ничейная земля, поле боя для ваших игрушечных солдатиков. Можете меня бить, пинать, топтать, ясно? Но никогда не трогайте меня, не прикасайтесь, не притворяйтесь, что вам меня жалко, слышите? А теперь убирайтесь отсюда! Уходите, ваша очередь убивать.

Она сидела и тряслась, как от холода. Подойдя к двери, он оглянулся назад. В ее глазах не было слез.

Мендель ждал его в машине.

13. Плохая работоспособность Сэмюэла Феннана

Они приехали в Мичэм к ленчу. Питер Гиллэм терпеливо дожидался их в своей машине.

— Здравствуйте, дети, какие новости?

Смайли протянул ему листок бумаги, извлеченный из бумажника.

— У них был еще запасной номер на случай крайних ситуаций, тоже Примроуз, но 9747. Попробуй, проверь и этот, но особых надежд я не питаю.

Питер скрылся в коридоре и начал крутить диск телефона. Мендель ушел на кухню, повозился там и вернулся с подносом, на котором были пиво, сыр и хлеб. Появился Гиллэм и, не говоря ни слова, сел. Выглядел он встревоженным.

— Так, ладно, — произнес он после продолжительной паузы, — что же она все-таки сказала, Джордж?

Мендель уже убирал со стола, когда Смайли подошел к концу своего отчета о беседе, проведенной им этим утром.

— Да-а, понятно, — протянул Гиллэм. — Экая досада. Ну, что же, как оно есть, так оно и есть — от фактов никуда не денешься. Хотя мерзкое это занятие — ловить мертвых шпионов, и мерзкое, и неблагодарное. Но уж как есть, так она и есть.

— Какая форма допуска у него была в Форин Оффис? — спросил Смайли.

— Не помню точно серию, но наверняка одна из первых, в последнее время по крайней мере. Потому-то, как ты знаешь, было необходимо с ним побеседовать.

— А с какого рода материалами он работал, если в общих словах?

— Пока не знаю. Знаю, что до недавнего времени он работал в азиатском бюро, но несколько месяцев назад его перевели на другую работу, какую — не знаю.

— Кажется, припоминаю, — сказал Смайли. — Его перевели в американский отдел... Слушай-ка!

— Да.

— Питер, ты не задумывался, почему они так сильно хотели убить Феннана. Что я имею в виду: предположим, он их действительно выдал, как они считали, так зачем же его теперь убивать? Они ничего этим не выигрывали.

— Нет, не выигрывали, кажется. Это ведь тоже нужно как-то объяснить, нужно или нет? Скажем, выдали бы их Фухс и Маклин — что тогда? Ну, скажем, они бы начали опасаться цепной реакции, обязательной после признания этих типов — причем не только здесь, но и в Америке — по всему миру. Разве бы они их не убрали?.. Да, здесь еще много белых пятен, много вопросов. Впрочем, какие-то вещи мы, видно, никогда так и не узнаем.

— Как, например, тот звонок в 8.30, да, Питер? — съехидничал Смайли.

— Всего доброго. Побудь-ка здесь некоторое время, я тебе позвоню. Мэстону явно захочется тебя видеть. Они там забегают по коридорам, как тараканы, как только я их обрадую этими новостями. Ну, что ж, надо доставать из чулана мою специальную улыбку, я давно держу ее там про запас, как раз для такого случая.

Мендель проводил его и потом вернулся обратно в гостиную к Смайли.

— Лучшее, что вы сейчас можете сделать, — это задрать повыше ноги и передохнуть. Видок у вас, право слово, неважнецкий.

«Либо Мундт здесь, либо его уже нет в стране, — думал Смайли, лежа на кровати прямо в жилетке и заложив руки за голову. — Если он удрал, то наша игра окончена. Тогда Мэстону придется решать, что ему делать с Эльзой Феннан. А он, как мне кажется, не будет делать с ней ничего... Если Мундт все-таки здесь, то это может объясняться одной из трех возможных причин. Во-первых, потому что ему приказал остаться и наблюдать, как опадает пыль, сам Дитер. Во-вторых, потому что он успел здорово засветиться и боится возвращаться назад. И, наконец, в-третьих, потому что у него остались незаконченные дела. Первая причина скорее всего не подходит, так как Дитеру несвойственно идти на ненужный риск. В любом случае здесь мало шансов. Вторая тоже маловероятна — пусть Мундт и имеет основания бояться Дитера, у него не меньше оснований бояться уголовной ответственности в Англии. Самое разумное для него — смыться в какую-нибудь другую страну. Третий вариант имеет самые большие шансы. Будь я на месте Дитера, у меня бы здорово болела голова об Эльзе Феннан. Та девчонка — как ее Пиджен, она нематериальна, до тех пор пока Эльза не заполнила в

кроссворде пустые клеточки. Без этого она не представляется никакой серьезной опасности. Она не принимала участия в игре и совсем необязательно, чтобы она запомнила дружка Эльзы. Нет, опасность, реальную опасность для них представляет именно Эльза».

Была, конечно, еще она версия, для выдвижения которой у Смайли просто не было никаких данных: возможность того, что у Дитера имелись еще агенты, которых должен был контролировать Мундт. Вообще-то он не был склонен рассматривать эту вероятность всерьез, но уж у Питера-то такая мысль наверняка мелькнула.

Нет... все равно картинка не складывалась: слишком все неаккуратно, концы снова торчат. И он решил начать все сначала.

Что же нам известно? Смайли сел на кровати, начал искать карандаш и бумагу, и в тот же миг опять у него заболела голова. Но он упрямо слез с постели и взял карандаш из внутреннего кармана пиджака. В портфеле был блокнот. Вернувшись на кровать, Смайли подоткнул подушки, чтобы было удобно писать, принял четыре таблетки аспирина из бутылочки, стоявшей на столике у изголовья. После всех этих операций он оперся на подушки, вытянул вперед свои коротковатые ноги и начал писать, причем сначала он вывел своим четким ученическим почерком заголовки и подчеркнул его:

ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО?

Затем начал шаг за шагом пересказывать, стараясь быть максимально беспристрастным, последовательность событий:

— В понедельник, 2 января, Дитер Фрей увидел меня в парке, беседующим с его агентом, и заключил... Да, так что же Дитер заключил? Что Феннан сделал признание, собирался сделать признание? Что Феннан был *моим* агентом? ...и заключил, что Феннан стал опасен, по причинам пока неизвестным. На следующий вечер, в первый вторник месяца, Эльза Феннан принесла донесения мужа в папке для нот в Репертори театр в Уэйбридж, как было условлено, и оставила папку в гардеробной в обмен на номерок. Мундт должен был принести аналогичную папку для нот и поступить с ней таким же образом. Затем Эльза и Мундт должны были обмениваться номерками во время представления. Мундт в этот раз не появился. Эльза, следуя заранее условленному экстренному варианту связи, покинула театр до окончания представления, чтобы ус-

петь к последней отправке почты из Уэйбриджа, и отправила номерок по почте по определенному адресу. Затем она поехала домой, где была встречена самим Мундтом, к тому времени успевшим совершить убийство Феннана, возможно, по приказу Дитера. Он застрелил свою жертву в упор, прямо в холле. Хорошо зная Дитера, я могу предположить, что он задолго до происшедшего заготовил несколько чистых листов бумаги с подписью Феннана в качестве меры предосторожности на случай провала последнего или для шантажа Сэмюэла Феннана, не исключено, что и для его компрометации. Если так, то Мундт принес лист с подписью для того, чтобы напечатать текст предсмертного письма самоубийцы поверх подписи на собственной машинке Феннана. После ужасной сцены, которая должна была произойти при появлении Эльзы, Мундт понял, что Дитер неправильно расценил беседу Феннана со Смайли, но положился на Эльзу в том, что она сумеет сохранить репутацию мужа, не говоря о том, что должна скрыть свое соучастие в его шпионской деятельности. Таким образом, Мундт мог быть спокоен за свою безопасность. Мундт заставил Эльзу напечатать предсмертное письмо мужа, возможно, не доверяя своему знанию английского языка. (Примечание: А кто же, черт побери, напечатал *первое* письмо, с доносом на Феннана?)

Затем Мундт, предположительно, потребовал папку для нот с шпионскими сведениями, которую он не смог забрать в театре, и Эльза объяснила ему, что отправила номерок, следуя инструкции, в Хэмпстед, а папка осталась в гардеробной театра. Характерны действия Мундта: он силком заставил Эльзу звонить в театр и договориться о том, чтобы он на обратном пути в Лондон забрал папку. Следовательно, адрес, по которому был отправлен номерок, уже не представляет интереса, или на той стадии развития событий Мундт обязан был вернуться домой рано утром, и у него не было времени на то, чтобы забирать номерок и папку.

Смайли приезжает в Уоллистон рано утром в среду, 4 января, и в ходе *первого* интервью случайно принимает в 8.30 звонок с телефонной станции, который (без всякого сомнения) был заказан лично Феннаном в 19.55 предыдущего дня. Зачем?

Позднее в то же утро С. возвращается к Эльзе Феннан с целью узнать все об этом звонке. По ее собственному признанию, она была уверена в том, что этот звонок должен

заставить меня насторожиться. Без сомнения, определенную роль здесь сыграла лестная характеристика, данная мне Мундтом. Рассказав С. беспомощно-неубедительную историю о своей слабой памяти, она бросается в панику и звонит Мундту.

Мундт, предположительно снабженный фотографией или описанием, полученным от Дитера, решает ликвидировать С. (по указанию Дитера?), и позднее, вечером того же дня, ему это почти удается. (Примечание: Мундт не возвратил машину в гараж Скарра до вечера 4-го числа. Это еще не доказывает того, что он не собирался бежать раньше. Допустим, что если сначала он хотел улететь утром, то мог бы заранее оставить машину в гараже Скарра и отправиться в аэропорт автобусом.)

Представляется достаточно вероятным, что Мундту пришлось изменить свои планы после предупреждения, полученного от Эльзы по телефону. Неясно, изменил ли он их *вследствие* звонка Эльзы. «Только вот был ли Мундт напуган паническим звонком Эльзы? — размышлял Смайли. — Напуган до того, что вынужден был остаться и убить Скарра? Еще один вопрос».

В холле зазвонил телефон...

— Джордж, это Питер. Ничем не могу порадовать насчет второго телефона и адреса. Тупик.

— Что ты имеешь в виду?

— И телефонный номер и адрес — оба ведут в одно и то же место: меблированные комнаты в Хайгейт Вилледж.

— Ну и?..

— Снималась комната одним пилотом из Люфт-Европы. 5 января он заплатил за два месяца и с тех пор не появлялся.

— Ч-черт!

— Квартирная хозяйка неплохо запомнила Мундта, друга этого пилота. Милый, вежливый джентльмен, оказывается, был наш Мундт, для немца вполне приличный молодой человек, очень щедрый. Частенько ночевал у них на диване.

— Ох ты, Господи.

— Я прошелся по комнате с зубной щеткой. Так вот, там у них стоит письменный стол. Все ящики стола абсолютно пусты, кроме одного — в нем лежит номерочек от гардероба. Вот гадаю, откуда бы ему там взяться... В общем, если желаешь посмеяться, кати к нам на Серкус. Весь Олимп гудит от активности, ах, да, вот еще что...

— Да?

— Я перерыл всю квартиру Дитера. Еще один лимон. Он уехал 4 января. Не заплатил молочнику.

— А как насчет его почты?

— Никогда ее не получал, только счета. Заглянул я и в маленькое гнездышко камрада Мундта: две комнаты над сталелитейным представительством. Все вычищено до блеска, даже мебель вывезена. Мне очень жаль.

— Ясно.

— Джордж, я скажу тебе одну странную вещь. Помнишь, я обещал попробовать наложить лапу на личные вещи Феннана? Ну там, бумажник, записная книжка и так далее? Из полиции.

— Помню.

— Так я это сделал. В его записной книжке есть полное имя Дитера, адрес сталелитейного представительства и соответственно телефон, в другом, правда, разделе — где адреса. Чертовски смело с его стороны.

— Хуже. Это самое настоящее сумасшествие...

— А дальше, в дневниковом разделе книжки, на 4 января имеется запись: Смайли, Центральное Агентство. Позвонить в 8.30. Она согласуется с записью на 3-е число, которая выглядит так: заказать звонок на среду, утро. Вот тебе и твой загадочный звонок.

— Это еще ни о чем не говорит. — Пауза.

— Джордж, я послал Феликса Тавернье в Форин Оффис понюхать, покрутиться. Оказалось, с одной стороны, хуже, чем мы предполагали, с другой — лучше.

— То есть?

— То есть Феликсу удалось наложить лапу на реестры входящих-исходящих внутри министерства за последние два года. Он смог выяснить, какие дела и досье запрашивались отделом Феннана и какие за ними числились. Дела выдаются по письменным запросам.

— Я тебя слушаю.

— Феликс выяснил, что три или четыре дела Феннан запрашивал на пятницу и возвращал в понедельник утром. Все это документально зафиксировано и запротоколировано. Логика подсказывает, что он брал работу с собой на дом на уик-энд.

— О, Господи!

— Но тут есть одна странность, Джордж. В последние полгода, если верить их кондуиту — а ему нет оснований не доверять, — с тех пор как он был переведен в другой отдел, на более ответственную должность, он брал с собой на

дом все больше *негрифованные*, несекретные досье, которые не могут представлять известный интерес.

— Но ведь именно в последние месяцы он в основном начал работать с секретной информацией, — сказал Смайли. — Он мог брать домой все, что хотел. Другое дело, что вообще выносить такие дела за стены министерства — это государственное преступление.

— Да, я знаю, но секретные-то он как раз и не выносил. Вообще создается впечатление, что он это делал сознательно. Он выносил и брал на дом только совершенно незначащие материалы, лишь косвенно касающиеся тех дел, с которыми он занимался в течение всего рабочего дня. Его коллеги теперь только руками разводят и не могут взять в толк: он иногда брал на дом досье, содержание которых вообще выходило за сферу его служебных интересов.

— И все негрифованные?

— Да, не имеющие ценности для разведки.

— А как насчет того периода, когда он работал в прежней должности? Что он брал тогда?

— Вот здесь по большей части именно то, что ты и ожидал, — досье, над которыми работал днем, политика там, ну и все такое.

— Секретные материалы?

— Одни были секретными, другие — нет. В зависимости от поступлений.

— Но не было ли среди них каких сюрпризов? Ну, например, сведений, выходящих за рамки его служебного поля?

— Нет. Ничего. У него была куча возможностей, но он ими не воспользовался. Несерьезный, как мне кажется, клиент.

— Да уж, он должен был быть несерьезным, если записал имя своего контролера в записную книжку.

— А как тебе понравится вот такой его фортель? Он договорился в Форин Оффис взять отгул на 4 января — на следующий после самоубийства день. По отзывам, он представлял собой действительно нечто — трудоголик, они его так называли, обжора на работу.

— А как все это воспринял Мэстон? — спросил Смайли после секундной паузы.

— В данный момент проглядывает все досье и буквально через каждые две минуты врывается ко мне с совершенно бредовыми, идиотскими вопросами. Мне что-то кажет-

ся, что ему стало не совсем уютно и слегка одиноко, после того как он получил жесткие факты.

— О-о, не сомневайся, он еще их опровергнет.

— Ну да, он уже начал говорить, что все дело против Феннана построено на показаниях психически неуравновешенной женщины.

— Спасибо, что позвонил, Питер.

— До встречи, дружище. Приляг и отдохни.

Смайли положил трубку и спросил себя, где бы сейчас мог быть Мендель. На столике в холле лежала вечерняя газета, он мельком проглядел первую полосу и увидел заголовок: «Линчевание: мировая еврейская общественность протестует» — и под ним статью о самосуде, учиненном над евреем-лавочником в Дюссельдорфе. Он заглянул в гостиную — Менделя там не было. Потом он увидел его через окно в саду. Мендель в своей экзотической шляпе ожесточенно колотил киркой по злосчастному пню в палисаднике. Смайли поглядел на него некоторое время и пошел наверх отдыхать. Когда он добрался до верхней ступеньки, снова зазвонил телефон.

— Джордж, извини, что опять тебя беспокою. Я по воду Мундта.

— Да?

— Улетел вчера вечером в Берлин рейсом Бритиш Юропин Эруэйз. Путешествовал под чужим именем, но его легко опознала стюардесса. Кажется, все кончено. Не повезло нам, приятель.

Смайли на мгновение положил трубку и набрал номер Уоллистон 2944. Он слышал, как на другом конце набирают номер, потом это закончилось, и он услышал голос Эльзы Феннан:

— Алло... Алло... Алло...

Он медленно опустил трубку на рычаг. Она была жива.

Почему же все-таки *сейчас*? Почему вдруг Мундт уехал домой *сейчас* — спустя пять недель после того, как убил Феннана, спустя три недели после убийства Скарра; почему он убрал Скарра и оставил в живых Эльзу, а ведь тот представлял значительно меньшую опасность, чем эта неврастеничная, ожесточившаяся на весь свет женщина, которая в любой момент, наплевав на собственную безопасность, может рассказать все? Она могла ведь сделать все что угодно после той ужасной ночи, в таких случаях поведение человека, тем более женщины, непредсказуемо. Как мог Дитер поверить Эльзе, связанной с ним такой тонкой

нитью? Ей ведь не надо было теперь заботиться о сохранении доброго имени мужа, естественно ожидать, что она в любой момент, под влиянием Бог знает какого настроения, чувства мести или, наоборот, раскаяния, может выложить всю правду? Конечно, должно пройти некоторое время от момента убийства Феннана до того, когда можно будет незаметно убрать его жену. Здесь есть прямая логика, но вот какое событие, какая информация, какая опасность вынудили Мундта возвратиться домой только вчерашним вечером? Безжалостный, тщательно разработанный план сохранения в тайне предательства Феннана был вдруг отброшен, не выполненным до конца. Что же такое могло произойти именно вчера, узна, о чем, испугался Мундт? Или момент его отъезда — это простое случайное совпадение? В это Смайли отказывался поверить. Если, убив двоих и совершив попытку убийства третьего, Мундт остался в Англии, то он сделал это наверняка против своей воли и лишь поджидая благоприятный случай, чтобы улизнуть. Он не остался бы здесь ни на минуту дольше того, чем требовали бы от него обстоятельства, чем ему самому было нужно. Так чем же он занимался после убийства Скарра? Прятался в какой-то уединенной комнатке, лишенный света и новостей? И вдруг почему-то улетел так внезапно?

И Феннан — что это за шпион? Выбирает, видите ли, для своих хозяев самую невинную, пустяшную информацию, тогда как у него на руках такие сокровища? Что, переменял свои взгляды, пересмотрел политические позиции, охладел к прежним идеалам? Почему же ничего не сказал жене, для которой эта его деятельность была постоянным, ежедневным кошмаром? Ведь она бы наверняка была обрадована его переходом из лагеря левых в лагерь рационалистов?

Итак, Феннан никогда и не отдавал предпочтения именно секретным документам — он просто брал домой те дела и досье, которые ему нужны в данный момент. Но то, что здесь не обошлось без охлаждения к прежним идеалам, вполне подтверждается подозрениями Дитера. А кто же все-таки накал анонимку?

Что же это такое? Какая-то полная бессмыслица, концы упорно не сходятся с концами. Возьмем Феннана — умница, горячий, темпераментный, привлекательный человек, — оказывается, был обманщиком, так умело, естественно и непринужденно лгал. Ведь он по-настоящему понаравился Смайли. Почему же тогда этот талантливый лицемер и конспиратор совершил такую немыслимую оп-

лошность, когда записал открытым текстом имя Дитера в своей записной книжке и выказал такое небрежение и отсутствие интереса к выбору разведывательных данных?

Смайли поднялся наверх, чтобы собрать те немногие пожитки, которые Мендель привез ему с Байуотер-стрит. Все закончилось.

14. Группа фигурок из дрезденского фарфора

У порога своей квартиры Смайли остановился, поставил портфель-саквояж и стал шарить в кармане, нащупывая ключ от американского замка. Когда он открыл дверь, то живо представил себе стоящего на этом самом месте Мундта, глядящего на него своими бледно-голубыми глазами оценивающе и уверенно. Вряд ли можно представить Мундта в роли ученика Дитера. Мундт продвигался только вперед, к цели, с нестигаемостью тренированного наемника, квалифицированный, целеустремленный узкий специалист. Ничего оригинального, своего в такой технике не было, во всем он был лишь тенью своего, хозяина. Как если бы блеск и изобретательность трюков и уловок Дитера спрессовали в краткое пособие, своего рода разговорник, который Мундт вызубрил с немецкой педантичностью и привнес в него только одно: холодную, рассчитанную жестокость.

Смайли специально не оставил адреса, по которому надо было пересылать его почту, и теперь на полويкие собралась целая куча корреспонденции. Он подобрал все и переложил на столик в холле, потом пошел по дому, открывая двери и удивленно, потерянно оглядываясь вокруг. Дом казался ему совсем чужим: холодный и отдающий затхлостью и сыростью. По мере того как Смайли неторопливо переходил из одной комнаты в другую, до него впервые стало доходить — до какой же степени пустой стала его жизнь.

Он поискал спички, чтобы зажечь газовый камин, но нигде их не нашел. Смайли уселся в кресло, и взгляд его стал перебегать с одной книжной полки на другую, по всяким безделушкам, которые он привозил из своих поездок. Когда Энн ушла от него, он начал строго и методично исключать из своего окружения и обихода все предметы, напоминавшие ему об этой женщине. Он избавился даже от

ее книг. Но мало-помалу пыл его стал угасать, и он позволил некоторым символам, связывавшим его жизнь с Энн, все-таки занять положенное место в его доме. Прежде всего это были подарки на свадьбу от некоторых близких друзей, которые значили для него слишком много, чтобы так вот просто уйти из его жизни в какую-нибудь антикварную лавку. Был здесь и набросок Ватто от Питера Гиллэма, была группа фигурок из дрезденского фарфора — подарок Стида-Эспри.

Он поднялся и подошел к угловому шкафу, где стояла эта группа. Смайли мог часами любоваться красотой этих фигурок: крошечная придворная дама в стиле рококо, переодевшаяся пастушкой, протягивала руки к одному обожателю, а личико свое слегка повернула в сторону другого, бросая на него кокетливые взгляды. Он ощущал свою громоздкость и неуклюжесть перед этим хрупким совершенством, точно так же, как чувствовал себя, когда начал первый свой приступ на завоевание сердца Энн — на удивление всему обществу. Но эти фигурки вносили умиротворение в его исстрадавшуюся душу: бесполезно было ожидать верности от Энн, точно так же как обожатели не могли ожидать верности и от этой пастушки в стеклянном футляре. Сид-Эспри приобрел эту группу в Дрездене еще до войны, она стала жемчужиной его коллекции, но он подарил эту жемчужину им. Быть может, он догадывался, что в один прекрасный день Смайли найдет утешение в простой и немудреной житейской философии, заключенной в этом подарке.

Дрезден... Из всех городов Германии он был самым любимым. Смайли любил его архитектуру, это причудливое смешение средневековых и классических зданий, чем-то напоминавшее ему Оксфорд, любил его купола, башни и шпили, медно-зеленые крыши, сверкавшие под жарким солнцем. Название его означало «город лесных жителей», и именно в нем, этом городе, Венцеслав Богемский одаривал своих поэтов-менестрелей привилегиями, осыпал подарками. Смайли припомнил тот последний визит в Дрезден, когда он навещал своего университетского приятеля, профессора филологии, с которым познакомился еще в Англии. Как раз тогда, в тот визит, он и увидел Дитера Фрея, через силу ковылявшего по периметру тюремного двора. Он и сейчас хорошо помнит его: высокий, яростный, с выбритой до почти полной неузнаваемости головой, ка- жущийся непомерно большим для этой тюрьмы.

Дрезден — это ведь родной город и для Эльзы. Он помнил, как проглядывал ее личное дело в министерстве: «Эльза Феннан, в девичестве Фрейман, родилась в 1917 году в Дрездене, Германия, от германских родителей, обучалась в Дрездене, находилась в тюремном заключении с 1938 по 1945 год...» Смайли попытался представить себе Эльзу на фоне ее дома, патрицианской еврейской семьи, живущей реди оскорблений и преследований. «Я мечтала о длинных золотых прядях волос, а они обрили мне голову». Ему до тошноты стало ясно, почему она красит волосы. Она могла стать такой же, как его пастушка, — круглогрудой и крутобедрой, краснощекой и кокетливой. Они иссушили и сломали ее тело, оно стало угловатым и худым, как скелет их маленькой пичуги.

Смайли живо представил себе Эльзу той страшной ночью, когда она нашла дома труп мужа и убийцу рядом, представил, как она, задыхаясь от слез, сбивчиво объяснила убийце, почему Феннан оказался в парке рядом со Смайли. Он представил себе и Мундта, холодного и логичного, убеждающего ее, склоняющего и уговорившего, убедившего в конце концов продолжить игру. Хочет она того или нет, доказывал Мундт, она обязана позвонить в театр, обязана напечатать предсмертное письмо, обязана играть свою роль убитой горем жены самоубийцы, оклеветанного и не вынесшего позора. Это было невероятно, бесчеловечно, и, добавил про себя Смайли, это был фантастический риск, на который почему-то пошел Мундт.

Надо сказать, Эльза показала себя в прошлом надежным партнером и связной, хладнокровной и, как это ни удивительно, более умелой в делах конспирации, чем Феннан, из нее получался прекрасный шпион. Да и, надо отдать ей должное, после подобной ночи ее поведение было безупречным.

Стоя так и разглядывая пастушку и ее двух обожателей, Смайли спокойно анализировал ситуацию, и все стало сходиться, концы в деле Феннана начинали занимать положенные им места. Он нашел совсем другое решение загадки, решение, которое согласовывалось со всеми обстоятельствами, укладывалось в одну логическую картину, учитывало все странности характера, непоследовательность поступков Феннана. Это решение выросло из простой арифметической задачи, не имеющей отношения к действующим лицам, — Смайли передвигал их, как кусочки сборной картинки, передвигал туда-сюда таким об-

разом, чтобы они вписывались в сложный каркас установленных фактов. И тогда в какой-то момент рисунок стал таким отчетливым, что это уже перестало быть игрой.

Сердце Смайли забилося учащенно, изумление его росло с каждым шагом последовательного анализа всей этой истории заново, когда сцены и происшествия в свете его догадки рисовались теперь иначе. Смайли стало ясно, почему Мундт покинул Англию именно в тот день, почему Феннан выбирал так мало ценного для Дитера, почему заказал тот звонок на коммутаторе станции на 8.30 и почему его жена избежала убийственной жестокости Мундта. Теперь он знал наконец, кто написал анонимный донос. Он понял, каким же был дураком, излишне поддавшись чувствам и эмоциям, упорно отвергая то, что подсказывал ему его ум, подсказывала сама логика.

Он подошел к телефону и набрал номер Менделя. Поговорив с ним, тут же позвонил Питеру Гиллэму. Потом Смайли надел шляпу, вышел из дома и здесь же, на Слоун-сквер, в маленькой почтовой лавке около «Питера Джонса» купил почтовую открытку с видом Вестминстерского аббатства, дошел до подземки и проехал на север до Хайгейта. На почтамте он купил марку и, написав адрес жестким континентальным почерком, отправил открытку Эльзе Феннан. Текст послания был простым и резким: «Как жаль, что тебя здесь нет». Опустив открытку, Смайли заметил время и вернулся на Слоун-сквер. Ничего больше сейчас сделать было невозможно.

Той ночью Смайли спал крепко и, выспавшийся, поднялся рано поутру. Купив французских булочек и кофе в зернах, он сварил себе большое количество кофе и, сидя на кухне, завтракал и читал «Таймс». Забавно, но Смайли чувствовал себя абсолютно спокойным, и, когда зазвонил телефон, он аккуратно сложил газету, прежде чем отправиться наверх и ответить на долгожданный звонок.

— Джордж, это Питер, — голос был почти торжествующий. — Джордж, она клюнула на приманку, клянусь, она клюнула.

— Как это произошло?

— Почта пришла в 8.35. В 9.30 она уже шагала к калитке. Прошла прямо к железнодорожной станции и села на поезд 9.52 до Виктории. Я посадил на поезд Менделя, а

сам погнался на машине, но опоздал к прибытию поезда на конечную станцию.

— Как ты теперь будешь поддерживать с Менделем связь?

— Я дал ему телефон Гросвеноро-теля, откуда тебе и звоню. Он сюда позвонит сразу же, как только сможет, и я к нему подъеду, где бы он ни находился.

— Питер, все надо сделать очень мягко, хорошо?

— Кошачьими лапками, старина. Она, кажется, совсем голову потеряла. Несется, как борзая.

Смайли дал отбой. Он взял в руки «Таймс» и принялся изучать театральную колонку. Не мог он ошибиться... не мог.

После этого телефонного разговора утро тянулось невыносимо медленно. Иногда он подходил к окну и, засунув руки в карманы, смотрел на длинноногих кенсингтонских девушек, шествовавших на пару с молодыми людьми в бледно-голубых пуловерах за покупками, наблюдал за счастливой трудолюбивой бригадой, мывшей машины, припаркованные перед их домами. Закончив работу, мойщики собирались в группы и серьезно обсуждали всякие автомобильные дела, потом они отправлялись, продолжая спорить по каким-то чрезвычайно важным для них вопросам, выпить первую пинту из уик-энда в ближайший паб.

Наконец через длинейший промежуток времени, показавшийся ему вечностью, раздался звонок в дверь и вошли счастливые, голодные, как волки, Мендель и Гиллэм.

— Крючок, леска и грузило, — сказал Гиллэм. — Но пусть тебе все Мендель расскажет — ему пришлось сегодня основательно потрудиться. Мне оставалось лишь подсесть.

Мендель не заставил себя упрашивать, рассказав обо всех перипетиях обстоятельно и аккуратно, уперевшись взглядом в пол в нескольких футах перед собой и немного склонив набок голову на худой шее.

— Она села на поезд 9.52 и доехала до вокзала Виктория. В вагоне я держался в стороне и подхватил ее, когда она проходила турникеты. Потом она взяла такси до Хэмерсмита.

— Взяла такси? — перебил Смайли. — Она, видно, совсем обезумела.

— Что ты, сделала стойку, как коблочка. Однако для женщины она ходит довольно быстро, а по платформе вообще почти бежала. Вышла на Бродвее и пошла пешком до

Шеридан-театра. Попробовала двери в кассу, но они были закрыты. С мгновение постояла в нерешительности, потом повернула обратно и прошла сотню ярдов до кафе. Заказала себе кофе, причем, заметьте, заплатила сразу. Минуту через сорок вернулась к театру. Касса была открыта, я нырнул в очередь за ней. Она купила два билета в задние ряды партера, ряд Т, места 27 и 28. Когда вышла из театра, то положила один билет в конверт и заклеила его. Потом она отправила конверт. Я не видел адреса, но марка была шестипенсовая.

Смайли сидел очень неподвижно и тихо.

— Интересно, — произнес он наконец, — интересно, придет он или нет.

— Я появился на сцене около Шеридан-театра, — вступил Гиллэм. — Мендель усадил ее в кафе, позвонил мне и опять вернулся в кафе.

— Мне тоже захотелось кофе, — продолжил Мендель. — Мистер Гиллэм потом ко мне присоединился. Когда я пошел в кассу стоять в очереди, он остался в кафе и вышел оттуда попозже. Это была вполне приличная работа, не волнуйтесь. Она сейчас, как сумасшедшая кобродка, я в этом уверен. Но подозревать что-то у нее нет ни малейшего повода.

— Что же она сделала потом? — спросил Смайли.

— Возвратилась прямо на вокзал Виктория. Мы ее доставили себе самой.

С минуту они помолчали. Затем Мендель спросил:

— Что мы делаем дальше?

Смайли моргнул, глянул серьезно в серое лицо Менделя и сказал:

— Как это что? Заказываем билеты на вторник в Шеридан-театр.

Они ушли и оставили Смайли наедине с его размышлениями. Ба, да ведь он совсем забыл разобрать накопившуюся за время его отсутствия кипу корреспонденции. Рекламные проспекты, каталоги от Блэквелз, счета, квитанции, гороховые купоны, футбольные анкеты и несколько личных писем — все это так и лежит на столике в холле. Он перенес всю кипу в гостиную, поудобнее устроился в кресле и начал поочередно вскрывать конверты — в первую очередь частную корреспонденцию. Одно из первых

писем, к его удивлению, было от Мэстона, и он прочел его с чувством, близким к растерянности.

«Дорогой Джордж,

Я был чрезвычайно огорчен, когда услышал от Гиллэма о случившемся с Вами досадном происшествии, и искренне надеюсь, что к этому времени Вы благополучно оправились от своей травмы.

Вы, должно быть, помните, как под влиянием обстоятельств момента Вы написали мне прошение об отставке, как раз перед постигшим Вас ударом, и я хотел бы сообщить Вам, что ни в коем случае не принимаю его серьезно. Иногда, в те времена, когда события довлеют над нашими поступками, страдает наше чувство перспективы. Но старые, закаленные во многих битвах ветераны — такие, как мы с Вами, Джордж, — мы не теряем нюха, и нас не собьешь со следа. Надеюсь увидеть Вас вместе с нами, как только позволит Ваше здоровье, а тем временем разрешите продолжать считать Вас старым и верным членом нашего коллектива».

Смайли отложил письмо в сторону и принялся за следующее. Только какое-то мгновение он, не узнавая почерка, тупо смотрел на швейцарскую марку и на писчую бумагу дорогого отеля. Неожиданно он ощутил слабость, зрение его слегка затуманилось, и в его пальцах едва хватило сил, чтобы надорвать конверт. Что ей нужно? Если денег, то она может располагать всеми его сбережениями. Деньги были его собственные, Смайли мог ими распорядиться так, как ему заблагорассудится: если ему доставляет удовольствие тратить их на Энн, он вполне может себе это позволить. Больше у него не осталось ничего такого, что он мог бы дать ей, — она забрала все еще много лет назад. Забрала его смелость, его любовь, его сочувствие, уложила их беспечно в свою шкатулку для драгоценностей, чтобы рассеянно перебирать иногда во время жаркой кубинской сиесты, когда время под тяжелым палящим карибским солнцем тянется так долго, забрала, может быть, и для того, чтобы трясти всем этим перед глазами очередного любовника или сравнивать их с подобными же побрякушками, которые ей оставляли другие и до, и после него.

«Мой милый Джордж,

Я хочу сделать тебе предложение, неприемлемое ни для одного джентльмена. Я хочу вернуться к тебе.

До конца этого месяца я буду жить в Баур-о-Ляк в Цюрихе. Пожалуйста, подай мне весточку.

Энн».

Смайли взял конверт и посмотрел с обратной стороны: «Мадам Хуан Альвида». Нет, такое предложение он принять не мог. Ни в каком сне невозможно спокойно воспринять ее бегство с этим сахариновым латинцем. Особенно запомнилась Смайли его улыбка, словно вырезанная на апельсиновой коже. Как-то случайно он увидел в ролике новостей сюжеты о победе этого Альвиды на каких-то там гонках в Монте-Карло. Отталкивающего вида самец с большими волосатыми руками. В защитных очках, с лоснящимся от пота и машинного масла лицом, в идиотском лавровом венке, этот тип поразительно напоминал ему гориллу, свалившуюся с дерева. На фоне белоснежной тенниски, оставшейся незапятнанной после гонок, особенно бросались в глаза эти мохнатые обезьяньи ручки! Смайли вспоминал это зрелище с чувством омерзения и сейчас заново его ощутил.

Вот тут вся Энн: подай мне весточку. Нравится ли тебе твоя жизнь? Погляди на нее — можешь ли начать ее заново — и подай мне весточку. Мне надоел мой любовник, я надоела своему любовнику, давай я снова сотрясу твой мир — мой собственный мне надоел. Я хочу вернуться к тебе... Я хочу, я хочу...

Смайли встал на ноги, все еще держа в руке письмо, и снова подошел к фарфоровой группе. Он постоял несколько минут, разглядывая маленькую пастушку. Она была так прекрасна.

15. Последний акт

Шеридановская трехактная постановка «Эдварда II» шла при аншлаге. Гиллэм и Мендель сидели на приставных стульях с самого края амфитеатра, который образовывал широкую подкову, концами своими обращенную к сцене. Левый край амфитеатра был единственным местом в зале, откуда достаточно хорошо просматривались последние ряды партера. Одно пустое место отделяло Гиллэма от шумливой, агрессивно настроенной компании молодых студентов.

Он задумчиво смотрел вниз на беспокойное море голов

и трепещущих программ, особенно сильно волнующеся там, где опоздавшие зрители пробирались к своим местам. Эта картина напоминала Гиллэму восточный танец, когда малейшее, почти незаметное движение руки или ноги заставляет неподвижное тело колыхаться, отдаваясь во всех его членах. Время от времени он кидал взгляд на задние ряды партера, но там пока не было никаких признаков появления Эльзы Феннан или ее гостя.

В самом конце записанной на фонограмму увертюры он снова бросил быстрый взгляд в сторону последнего ряда, и сердце его сделало внезапный скачок: он увидел Эльзу Феннан. Она сидела прямо и неподвижно и смотрела вперед, только на сцену — ни дать, ни взять девочка на уроке хороших манер. Кресло справа от нее все еще пустовало.

Снаружи, на улице, к театральному подъезду торопливо подкатывали такси, и совершенно одинаково опаздывающие, и те, кто при деньгах, и те, кто без них, торопливо рассчитывались, переплачивая шоферам такси, а потом минут пять искали билеты. Такси, в котором сидел Смайли, миновало театр и высадило его у Кларендон-отэля, он вошел в него и сразу же направился вниз, где находились столовая зала и бар.

— Мне должны позвонить сюда с минуты на минуту, — сказал он бармену. — Мое имя Сэведж. Прошу вас, сообщите мне, когда позвонят, хорошо?

Бармен повернулся к телефону, находившемуся у него за спиной, и дал необходимые указания телефонистке.

— Маленькую порцию виски с содовой, не желаете ли составить мне компанию?

— Благодарю вас, сэр, я никогда к спиртному не при traгиваюсь.

На слабо освещенной сцене поднялся занавес, а Гиллэм, вглядываясь в глубину зала, поначалу без особого успеха пытался разглядеть что-либо во внезапно сгустившейся темноте. Постепенно его глаза привыкли к призрачному свету от лампочек запасных входов, и он смог наконец увидеть фигуру Эльзы и все еще пустующее место рядом с ней.

Лишь невысокая перегородка отделяла задние ряды партера от прохода позади аудитории, за ним было несколько дверей, ведущих к фойе, бару и гардеробным. На краткий миг одна из них открылась, обращенное к двери

лицо Эльзы Феннан осветилось, резко, контрастно обрисовался его контур, впадины щек выглядели совершенно черными. Она слегка наклонила голову, как бы прислушиваясь к чему-то у себя за спиной, приподнялась немного в кресле, опустилась, разочарованная, и снова стала смотреть вперед.

Гиллэм ощутил руку Менделя на своем предплечье, повернулся к нему и увидел, что его худое лицо подалось вперед, взгляд направлен мимо него. Проследив глазами направление взгляда Менделя, Гиллэм вгляделся в темный колодец театра и различил высокого человека, медленно пробиравшегося по проходу к задним рядам партера; он представлял собой впечатляющее зрелище: прямой, красивый, с опустившимся на лоб черным локоном. Вот этого-то человека и рассматривал Мендель, этого элегантного гиганта, хромавшего по проходу. В мужчине было что-то выделяющее его из толпы, что-то привлекающее внимание, волнующее. Это был особый человек, личность, которая запоминалась сразу, видимо, задевая какую-то глубоко скрытую струну вашего жизненного опыта. Гиллэму он показался типичным представителем романтической мечты: вместе с Конрадом он мог стоять на палубе корабля, с Байроном заниматься поисками утраченной Греции, ну, а вместе с Гете ему вполне по силам было бы спуститься в царство теней.

Он продвигался вперед, приковывая к себе взгляды, все словно ожидали от него какого-то приказа. Гиллэм заметил, как поворачивались вслед за ним головы зрителей, сопровождая его взглядами.

Протиснувшись мимо Менделя, Гиллэм быстро шагнул в коридор через запасной вход и спустился в фойе. Касса была уже закрыта, но внутри все еще сидела девушка, безнадежно склонившись над листком, старательно заполненным колонками цифр, с многочисленными исправлениями и подчистками.

— Извините, — негромко произнес Гиллэм, — но мне необходимо воспользоваться вашим телефоном. Это срочно. Вы не возражаете?

— Тс-с-с! — Она нетерпеливо качнула в его сторону карандашом, не поднимая головы. У нее были мышиного цвета волосы и сильно побледневшее лицо, наверное, от усталости и диеты, явно состоящей из одного хрустящего картофеля. Гиллэм с секунду постоял молча, гадая, сколько же времени у нее займет решение той непомерной зада-

чи, которую она перед собой поставила, начертав этот замысловатый лабиринт цифр, а он, в принципе, должен бы соответствовать пачке банкнот и горке серебра в кассе, стоявшей рядом с ней.

— Послушайте, — настаивал он. — Я офицер полиции, а здесь у вас наверху появилась парочка персонажей, нацелившихся на вашу выручку. Ну, так что, позвольте мне воспользоваться вашим телефоном?

— Ох, Господи, — сказала она усталым голосом и наконец посмотрела на него в первый раз. Она носила очки и внешность имела самую невыразительную. Ни обеспокоенности по поводу им сказанного, ни особого доверия она при этом не проявила. «Да пропади пропадом эти злосчастные деньги. Я от них уже на стенку скоро полезу», — было написано у нее на лице. Отложив в сторону свои расчеты и ведомости, она открыла дверку маленькой кабинки и пропустила Гиллэма внутрь своего обиталища. Он с трудом туда втиснулся.

— Вряд ли такие условия работы можно назвать приличными, не так ли? — сказала девушка с улыбкой. Произношение у нее было почти культурное — видимо, студентка последнего курса, подумал Гиллэм, зарабатывает себе на булавки. Он позвонил в Кларендон и спросил мистера Сэведжа. Почти сразу же в трубке послышался голос Смайли.

— Он здесь, — сказал Гиллэм, — все это время он был здесь. Должно быть, купил себе дополнительный билет и сидел в первых рядах партера. Мендель неожиданно заметил его, когда он хромал вверх по проходу.

— Хромал?

— Да, это не Мундт. Это не Мундт, это тот, второй, Дитер.

Смайли ничего не сказал в ответ, и через секунду Гиллэм спросил:

— Джордж, ты меня слышишь?

— Боюсь, мы проиграли, Питер. У нас нет ничего против Фрея. Отзывай людей, сегодня вечером они Мундта не найдут. Первый акт уже закончился?

— Дело идет к перерыву.

— Я подъеду через двадцать минут. Виси у Эльзы на хвосте. Виси и не выпускай ее. Если они уйдут и потом расстанутся, пусть Дитером занимается Мендель. Во время последнего акта будь в фойе, на случай, если они уйдут раньше.

Гиллэм положил трубку и повернулся к девушке.

— Спасибо, — сказал он и положил на стол четыре пенни. Она торопливо собрала их и решительно сунула ему в руку.

— Ради Бога, — сказала она, — не прибавляйте мне хлопот — у меня и так их полно.

Он вышел на улицу и переговорил с человеком в штатском, который слонялся по тротуару у входа. Потом поспешил вернуться назад и присоединился к Менделю как раз в тот момент, когда опускался занавес.

Эльза и Дитер сидели рядышком и счастливо болтали. Дитер смеялся, Эльза была оживлена и активно жестикулировала, как приведенная в движение марионетка. Мендель увлеченно наблюдал за ними. Дитер сказал ей что-то, и она засмеялась, просияв улыбкой, наклонилась вперед и положила руку на его предплечье. Хорошо были видны ее тонкие пальцы на рукаве его смокинга. Дитер склонил голову и прошептал ей что-то, и она снова засмеялась. Мендель не отрывал взгляда от этой счастливой пары. В это время свет стал гаснуть, шум в зале начал стихать — зрители приготовились смотреть второй акт.

Смайли вышел из Кларендона и неторопливо направился к театру. Обдумывая ситуацию заново, он решил про себя, что приезд Дитера был вполне обоснован логически. Посылать Мундта было бы безумием. Ему было любопытно, сколько времени пройдет, прежде чем Эльза и Дитер обнаружат, что не Дитер вызвал ее открыткой, посланной доверенным курьером. Это, думал Смайли, будет интересный момент. Больше всего на свете ему сейчас хотелось иметь возможность провести с Эльзой Феннан еще одну беседу.

Несколькими минутами позже он скользнул в кресло рядом с Гиллэмом. Как давно ему не приходилось видеть Дитера.

Он не изменился. Он был все тот же неисправимый романтик с магией шарлатана, все та же незабываемая фигура, которая выкарабкалась из-под руин Германии, неутомимая в постановке целей, сатанинская в их достижении, темная и быстрая, как боги Севера. Пожалуй, Смайли сказал неправду тем вечером в клубе: Дитер не просто был большой — он был непропорционально велик, его хитрость, его тщеславие, его сила и его мечта — все было гораздо большим, чем того требовала жизнь, и существовало независимо от реального опыта, который должен был

бы за прошедшие годы умерить его запросы и пыл. Это был человек, который руководствовался в своих мыслях и действиях исключительно абсолютными понятиями, нетерпимый и бескомпромиссный.

В этот вечер, когда Смайли сидел в темном театре и наблюдал за Дитером поверх рядов неподвижных зрителей, на него снова нахлынули потоком воспоминания о совместно пережитых испытаниях, взаимном доверии, когда каждый из них держал в руках жизнь другого... На какое-то мгновение Смайли подумал, а не видит ли его Дитер в этот момент, у него было ощущение, что тот наблюдает за ним в сумрачном свете зала.

Когда второй акт подходил к концу, Смайли встал и к моменту, когда упал занавес, осторожно ретировался боковым выходом и проторчал в коридоре, пока не прозвенел звонок, объявлявший начало третьего акта. Мендель присоединился к нему перед самым концом перерыва, а Гиллэм прошмыгнул мимо к своему посту в фойе.

— Там неладно, — сказал Мендель. — Они спорят. Она выглядит испуганной. Он ей все время что-то говорит, а она только отрицательно качает головой. Она, как мне кажется, паникует, а Дитер явно озабочен. Он начал оглядываться, как если бы попал в ловушку, измеряет на глаз расстояния в зале, определяет углы обзора, что-то обдумывает, строит свои планы. Он поглядел на то место, где вы только что сидели.

— Он не разрешит ей уйти одной, — сказал Смайли. — Он подождет и выйдет с основной массой зрителей. До конца представления они не покинут зала. Скорее всего, он считает, что окружен, и поступит следующим образом: выйдут вместе, а потом, обманув нас каким-нибудь трюком, растворится в толпе и потеряет ее.

— А нам что же делать? Почему бы прямо сейчас не спуститься туда и не взять обоих?

— А мы подождем. Не знаю чего. У нас нет доказательств. Нет доказательств убийства и не будет никаких аргументов для обвинения его в шпионаже, не будет до тех пор, пока Дитер не решится на что-нибудь. Но запомните одну вещь: Дитер всего этого не знает. Если Эльза будет нервничать, а Дитер волноваться — тогда они обязательно что-нибудь совершат, это уж наверняка. Пока им кажется, что игра началась, у нас есть шанс. Пусть они подергаются, попаникуют — все, что угодно. Пусть, но надо дождаться, когда они что-нибудь совершат...

В зале снова стало темно, но уголком глаза Смайли видел, как Дитер наклонился к Эльзе и что-то шепчет. Он придерживал ее левой рукой за предплечье, весь его вид свидетельствовал о том, что он хочет ее в чем-то убедить или просто ободрить.

Действие медленно ташилось, крики солдат и вопли безумного короля наполняли зал, пока у пьесы не наступил климакс вместе с ужасной смертью короля, и тогда из партера еле слышно донесся вздох. Дитер обнял Эльзу за плечи, поправил на ее шее легкий шарфик, прижал к себе, как ребенка, спящего у него на руках. В этом положении они просидели до того момента, когда опустился занавес. Ни один из них не аплодировал. Дитер поискал сумочку Эльзы, сказал ей что-то ободряющее и положил сумочку ей на колени. Она слегка кивнула. Предупредительный рокот барабанной дроби, предваряющий исполнение национального гимна, заставил всех встать. Смайли инстинктивно поднялся и заметил, к своему удивлению, что Мендель куда-то пропал. Дитер медленно встал, и, когда он сделал это, Смайли понял, что что-то произошло. Эльза продолжала сидеть, и, несмотря на мягкие уговоры Дитера подняться, она не сделала в ответ никакого ответного движения. Поза, в которой она сидела, свесив голову вперед, показалась Смайли весьма неестественной.

С последним звуком национального гимна Смайли бросился к двери, пронесся по коридору и сбежал по каменным ступенькам в фойе. Он опоздал: там уже теснились первые театралы, озабоченно устремившиеся на улицу ловить такси. Он быстро огляделся вокруг, пытаясь обнаружить Дитера в толпе, отлично понимая, что его усилия тщетны, — Дитер сделал то, что он сам бы сделал на его месте: выбрал один из дюжины запасных выходов и воспользовался им, чтобы быстрее оказаться на улице, в безопасности. Смайли проталкивался своей массивной фигурой через толпу к входу в партер. Когда он маневрировал между человеческими телами встречного потока, то вдруг увидел Гиллэма, стоявшего с краю толпы и безнадежно пытавшегося обнаружить в ней Дитера и Эльзу. Смайли окликнул его, и Гиллэм быстро обернулся.

Продолжая проталкиваться вперед, Смайли наконец приблизился к низкой перегородке и увидел Эльзу Феннан, продолжавшую сидеть в прежней позе, в то время как вокруг нее вставали люди, женщины подбирали свои пальто и сумочки. Затем он услышал крик. Крик неожидан-

ный, короткий, полный ужаса и отвращения. В проходе неоповидно стояла девушка с остановившимся взглядом расширенных глаз. Ее отец, высокий мужчина с изнуренным лицом, находился у нее за спиной. Он схватил дочь за плечи и повернул лицом к себе, прочь от того ужасного зрелища, которое увидел впереди.

Шарфик Эльзы соскользнул с ее плеч, она сидела, свесив голову на грудь.

Смайли оказался прав: «Пусть они подергаются, по-паникуют — все что угодно. Пусть, но тогда они что-нибудь совершат...» И вот они кое-что совершили: это сломанное, несчастное тело несчастной марионетки было свидетельством их паники.

— Вызови полицию, пожалуйста, Питер. Я поехал домой. Если сможешь, сделай так, чтобы мое имя тут не фигурировало. Ты знаешь, где меня найти. — Он кивнул как бы самому себе. — Я поехал домой.

Стоял лондонский туман, накрапывал мелкий дождик, когда Мендель рванулся — рванулся вслед за Дитером через Фулэм Пэлэс Роуд. В двадцати ярдах от него неожиданно вынырнули из промозглой сырости фары автомобиля. Звуки транспорта были нервными, визгливыми и скрежещущими — машины неуверенно выбирали дорогу в тумане.

У него не было иного выбора, кроме как следовать за Дитером буквально по пятам, на расстоянии не больше дюжины шагов. Пабы и кинотеатры уже закрылись, но кофейные бары и танцевальные холлы все еще привлекали шумные группы, толкавшиеся перед входами. Дитер ковылял впереди, поотстав, за ним тащился Мендель, вычисляя траекторию его пути по уличным фонарям и замечая, как его силуэт то проясняется в конусе света очередного фонаря, то опять растворяется в тумане.

Несмотря на хромоту, Дитер шел быстро. По мере того как его шаг становился шире, хромота усиливалась, становилась более заметной, казалось, что, делая шаг вперед, он выкидывает вперед левую ногу быстрым усилием своих широких плеч.

На лице у Менделя застыло любопытное выражение: не ненависть и не железная решимость, а откровенная неприязнь, даже брезгливость. Для Менделя все эти выкрутасы и ужимки профессии Дитера ничего не значили. В

преследуемом он видел только мерзость уголовного преступника, трусость мужчины, платившего другим за то, что они совершали убийства вместо него. Когда Дитер тихо отделился от остальной аудитории и направился к боковому выходу, Мендель увидел то, что ожидал увидеть: обычное желание удрать обычного уголовного. Этого он ожидал, это он понимал. Для Менделя все уголовники были только одной разновидности, без различия на классы и категории, от простого воришки-карманника до большого воротилы, вертящего законом по своему желанию, — все сходились в одном. Все они были вне закона, и его неприятной, но необходимой для общества обязанностью было не дать им работать спокойно. То, что этот уголовник был немцем, сути дела не меняло.

Туман стал густым и желтым. Ни на том, ни на другом не было пальто. Мендель подумал, каково-то теперь придется миссис Феннан. Гиллэм о ней позаботится. Она даже не взглянула на Дитера, когда тот смывался. А вообще-то она какая-то странная, кожа да кости, а так бы даже ничего — видно, только на сухариках да на кофе и живет.

Дитер вдруг резко забрал вправо и пошел краем улицы, потом так же неожиданно завернул налево. Они уже целый час так шагали, но незаметно было, чтобы он устал или замедлил шаги. Улица казалась совершенно пустынной: Мендель не слышал других шагов, кроме их собственных, четкой россыпью отдающихся в тумане, несколько смягчавшем звуки. Они двигались улицей, застроенной викторианскими домами, с фасадами, переделанными под стиль регентства, с массивными входами и окнами, снабженными подъемными жалюзи. По расчетам Менделя, они находились где-то в районе Фулэм Бродвея, а может быть, за ним, ближе к Кингз Роуд. Дитер все так же без усталости шагал вперед, не снижая темпа, его согнутая фигура все так же маячила в тумане, шел он уверенно, целенаправленно, стремясь в какое-то определенное, знакомое только ему место.

Когда они приблизились к одной из магистралей, Мендель снова мог слышать жалобный вой транспорта, почти полностью остановленного туманом. Потом где-то вверху, как зимнее солнце, показался желтый свет уличного фонаря, окруженный расплывчатым ореолом сырости и тумана. Дитер остановился на мгновение в нерешительности на обочине и вдруг нырнул через дорогу в поток медленно и неуверенно продвигавшегося транс-

порта, вынырнул из него и исчез в одной из многочисленных боковых улочек, которая вела — в этом Мендель был абсолютно уверен — к реке.

Одежда на Менделе насквозь промокла, на лицо садилась мелкой водяной пылью дождь. Где-то здесь поблизости должна была быть река, ему показалось, что он различает запах угля и смолы, чувствует пронизывающий холод черной воды. Какое-то мгновение он думал, что Дитер исчез. Мендель быстро двинулся вперед, запнулся в тумане о тротуар на обочине, рванулся вперед и увидел ограждение набережной. Шаги направлялись к железной дверце в этом ограждении. Дверца была слегка приоткрыта. Он стоял около нее и посмотрел вниз, на темную воду. Там были толстые деревянные мостки, Мендель слышал эхо неровных шагов Дитера, следил по звуку за его продвижением к краю воды. Подождал, затем осторожно и беззвучно начал спускаться по мосткам. Они были крепко сработаны, с тяжелыми сосновыми поручнями по обе стороны. Мендель смекнул, что сделали их давно и надолго. Нижний конец мостков упирался в длинный плот из нефтяных бочек с дощатым настилом. К плоту были пришвартованы три бесформенные баржи с жилыми постройками, они смутно маячили в тумане, слегка покачиваясь.

Мендель бесшумно прокрался на плот и принялся изучать каждую по очереди. Две стояли рядом и были соединены деревянной доской для перехода, третья была привязана чуть поодаль, футах в пятнадцати, в надстройке на носу горел свет. Мендель вернулся на набережную и аккуратно прикрыл за собой дверцу.

Он шел по дороге и все еще не был уверен в своем точном местонахождении.

Минут через пять тротуар вдруг резко свернул вправо, и мостовая пошла постепенно вверх. Видимо, он был на мосту. Он чиркнул своей зажигалкой, и ее длинное пламя осветило каменную стену справа. Он ходил в тумане взад и вперед и светил зажигалкой, пока не наткнулся в конце концов на мокрую грязную металлическую табличку с надписью «Бэттерси Бридж». Он снова вернулся к той металлической дверце в ограждении на набережной и, пользуясь своими познаниями в географии Лондона, попытался сориентироваться относительно своего местонахождения.

Где-то выше и справа от него, скрытые туманом, высились четыре трубы Фулэмской теплоэлектроцентрали. Слева находился Чейнуок с целым рядом красивых не-

больших суденышек, тянувшихся вплоть до Бэттерси Бридж. Место, где он сейчас стоял, было буферной зоной, разделяющей красивое и модное с убогим и отвратительным, там, где Чейнуок встречается с Лотс Роуд, одной из самых некрасивых улиц в Лондоне. Южная сторона этой улицы застроена громадными и неуклюжими складскими и какими-то еще пристанскими помещениями, верфями и мельницами, северная уставлена ровным рядом тусклых домов весьма характерной для Фулэма застройки.

Вот, значит, где — под сенью четырех труб, в каких-нибудь шестидесяти футах от причала Чейнуок — Дитер Фрей нашел себе пристанище. Да, это место Мендель знал достаточно хорошо. Всего лишь в двух сотнях футов вверх по течению были извлечены из неумолимых объятий Темзы бранные останки покойного мистера Эдама Скарра.

16. Эхо в тумане

Телефон у Смайли зазвонил поздно ночью. Он поднялся с кресла перед газовым камином и, грузно ступая, стал подниматься по лестнице в спальню, цепко хватаясь правой рукой за перила, поспешая на плаху телефонных переговоров. Это, без сомнения, Питер или, может быть, полиция, и ему тогда придется давать свидетельские показания. Или, чего доброго, пресса. Преступление было совершено как раз ко времени, чтобы попасть в сегодняшние газеты, но, к счастью, слишком поздно для сводки ночных радионовостей. Как они все это преподнесут? «Маньяк-убийца в театре»? «В смертельных объятиях»? Он ненавидел прессу, впрочем, рекламу и телевидение тоже, как ненавидел всякое неугомонное приставание к людям, настырное навязывание им мыслей, ненавидел практически все затеи «масс медиа» двадцатого столетия. Все, что он любил, чем восхищался — все это было продуктом глубоко индивидуальным. Вот почему он ненавидел сейчас Дитера, ненавидел прежде всего те идеалы, которым тот служил, ненавидел сильнее, чем когда бы то ни было, за удивительно нахальный отказ от индивидуального в пользу массового. Никогда не было и быть не могло, чтобы философия масс привела к добру или породила мудрость. Дитеру было наплевать на отдельного человека, он ни во что не ставил человеческую жизнь, он рассуждал категориями

масс, армий безликих людей, сведенных к общему знаменателю самого низкого пошиба, он думал, что может формировать мир, как какое-нибудь дерево, обрезая все, что выходило за шаблонные рамки, думал, что можно производить бездумные и бездушные автоматы, наподобие Мундта. У Мундта не было своего лица, как не было его и у представителей дитеровских армий, всего лишь убийца, убийца лучших кровей из племени убийц.

Он поднял трубку и назвал номер своего телефона. Звонил Мендель.

— Где вы находитесь?

— Недалеко от набережной Челси. В пабе под названием «Балун» на Лотс Роуд. Хозяин — мой хороший приятель. Я к нему постучался... Послушайте, дружок Эльзы залег на барже с надстройкой рядом с мельницей Челси. Он, скажу я вам, в тумане ориентируется, как черт. Наверно, ультразвук или еще что-то.

— Кто залег?

— Ее дружок, тот, с кем она в театр ходила. Проснитесь, мистер Смайли, что там с вами такое?

— Вы выследили Дитера?

— Ну, конечно, я шел за ним. Разве вы не это передали через мистера Гиллэма? Он должен был взять на себя женщину, а я — мужчину... Как, кстати, дела у мистера Гиллэма? Куда его привела Эльза?

— Никуда не привела. Когда Дитер ушел, она была мертва. Мендель, вы меня слышите? Ради Бога, скажите мне, как вас разыскать. Где это место? Полиция сможет его найти?

— Сможет. Скажите им, что это переделанная для жилья старая баржа под названием «Сансет Хейвн», она причалена с восточной стороны Сеннен Варф, между мучными мельницами и Фулэмской теплоэлектроцентралью. Они смогут ее найти... Но туман очень густой, имейте в виду, очень густой.

— Где я с вами встречаюсь?

— Приезжайте прямо к реке. Я встречу вас у северного когца Бэттерси Бридж.

— Немедленно еду. Только вот позвоню Гиллэму и приеду.

У него где-то имелся пистолет, и какое-то мгновение он даже раздумывал, взять ли его с собой. А потом решил, что это бессмысленно. Кроме того, подумал он мрачно, начнется невообразимый шум, если он его применит. Смай-

ли позвонил Гиллэму домой и передал содержание их с Менделем разговора: «И, Питер, они должны перекрыть все порты и аэродромы, прикажи им особое внимание уделить речным и морским судам. Они знают, по какой форме это делается».

Он надел старый макинтош, пару толстых кожаных перчаток и быстро выскользнул из дома в лондонский туман.

Мендель ожидал его у моста. Они кивнули друг другу, и Мендель, не теряя ни минуты, повел его вдоль набережной, стараясь держаться подальше от деревьев, которые росли вдоль дороги. Внезапно Мендель остановился и схватил Смайли за руку, предупреждая его. Они стояли неподвижно и прислушивались. Скоро Смайли тоже услышал гулкие шаги по деревянному настилу, до него донесся звук аритмичной поступи хромого человека. Раздался скрип железной дверцы, хлопок, когда ее закрыли рывком, снова шаги, твердый шаг по тротуару. Звуки становились все отчетливее: человек направлялся в их сторону. Оба стояли, не шелохнувшись. Ближе, ближе, потом они стихли, человек остановился. Смайли, сдерживая дыхание, старался рассмотреть хоть что-нибудь в этом чертовом тумане, различить фигуру человека, который — он знал — стоит впереди и выжидает.

Совершенно внезапно он бросился на них, как большой дикий зверь, прорвался между ними, раскидав их, как детей, и помчался вперед, и снова исчез, растворился в тумане, только неровное эхо его бега было где-то рядом. Они повернулись и побежали в погоню: Мендель впереди, а Смайли старался, как мог, не отставать. В его мозгу живо запечатлелся образ Дитера с пистолетом в руке, нападающего на них в ночном тумане. Впереди тень Менделя резко свернула вправо, и Смайли слепо последовал за ней. Неожиданно ритм бегущих шагов сменился шумом драки. Смайли, пытаясь бежать изо всех сил, но все-таки не успев на какое-то мгновение: он отчетливо услышал — этот звук трудно с чем-либо перепутать — глухой звук удара тяжелым орудием по человеческому черепу, и в тот же миг он их догнал. Мендель лежал на мостовой, а над ним склонился Дитер, собирающийся опустить автоматический пистолет, зажатый в его занесенной для повторного удара руке.

Смайли совсем запыхался, в горле першило, легкие горели от едкого зловонного тумана, во рту пересохло, и он ощущал странный привкус, напоминающий привкус кро-

ви. Но он все-таки переборол это ощущение, глотнул воздуха и крикнул отчаянно:

— Дитер!

Фрей посмотрел на него, кивнул и произнес:

— Ваш покорный слуга, Джордж, — и нанес Менделю страшный, жестокий удар ручкой пистолета. Он медленно распрямился и, держа пистолет дулом вниз, стал взводить обеими руками курок.

Начисто забыв о своем неумении драться по-настоящему, Смайли слепо бросился на него, размахивая короткими руками, нанося удары открытой ладонью. Головой он уперся Дитеру в грудь, колотя его по бокам и спине. Он обезумел, и его безумие, придав ему сил, помогло оттеснить противника назад, к парапету моста. Покалеченные ноги Дитера были слишком слабой опорой, чтобы противостоять такому натиску. Смайли чувствовал удары Дитера, но решающего удара тот так и не смог нанести. Смайли кричал Дитеру: «Свинья, свинья!» — и, когда тот отклонился назад еще дальше, Смайли снова мог наносить ему в лицо неуклюжие, детские удары. Дитер спиной перегнулся через парапет, и Смайли, увидев линию его чисто выбритого подбородка и горла, тут же выбросил вперед правую руку, и пальцы его ладони сомкнулись на рту Дитера на рту и нижней челюсти, помогая левой, он стал толкать это мощное тело все дальше и дальше вперед, от себя. Дитер вцепился ему в горло, а потом вдруг его пальцы оставили горло Смайли и ухватились за воротник его макинтоша: Дитер оставил попытку задушить Смайли, ему нужно было спастись самому, — он начал проваливаться в пустоту за спиной. Смайли принялся отчаянно колотить по этим рукам, а потом за него никто уже не цеплялся, а Дитер падал, падал в клубившийся под мостом туман, и наступила тишина. Ни крика, ни всплеска. Его больше не было, он ушел, как будто бы принесенный в жертву лондонскому туману и текущей под его покровами зловонной черной реке.

Смайли перегнулся через парапет. В голове мучительно больно пульсировала кровь, нос был разбит, пальцы правой руки сломаны. Перчатки он где-то потерял. Смайли смотрел вниз, вглядываясь в туман, но ничего не мог разглядеть.

— Дитер, — позвал он с мукой в голосе. — Дитер!

Он закричал снова, но голос его захлебнулся, на глаза навернулись слезы. «Боже праведный, что я наделал! Господи, ну почему Дитер не остановил меня, почему не уда-

рил своей пушкой, почему не стрелял?» Он прижал руки к лицу и тут же ощутил на губах вкус крови, смешанной со слезами. Смайля поклонился к парапету и плакал, как дитя. Где-то там, далеко внизу, несчастный калека отчаянно, из последних сил, борется за жизнь, захлебывается в вонючей жиже, барахтается и хватается за любую дрянь, за любую соломинку, а потом сдается, его охватывает и тащит вниз грязная черная вода.

Он проснулся и обнаружил Питера Гиллэма, сидящего около его постели и наливающего ему чай.

— А-а, Джордж, добро пожаловать домой. Два часа пополудни.

— А сегодняшним утром...

— Сегодня утром, парнишка, вы с товарищем Менделем распевали веселые песенки на Бэттерси Бридж.

— Как он там, Мендель?

— Ему очень стыдно за себя, как ты догадываешься. Быстро выздоравливает.

— А Дитер?

— Мертв.

Гиллэм подал ему чашку чая и миндальное печенье от Фортнумов.

— Давно ты здесь сидишь, Питер?

— Ну, я совершал тактические маневры на самом-то деле. Первый мой заход был вместе с тобой в больницу Челси, где они зализали твои раны и дали сильнодействующий транквилизатор. Потом мы приехали сюда, и я уложил тебя в постель. Это было отвратительно, Джордж. Потом мне вдруг приперло сесть на телефон и, так сказать, пройтись с заостренной палкой, натыкая на нее мусор и прибираясь. Время от времени я тебя навешал. Амур и Психея. Ты либо храпел, как дворник, либо читал вслух Уэбстера.

— Господи.

— Кажется, из «Герцогини Амальфи». «Сказала я тебе, когда была безумна, Чтоб ты убил его, и ты убил мне друга!» Чушь несусветная. Джордж, извини, но мне так показалось.

— Как полиция нашла нас — Менделя и меня?

— Джордж, можешь мне не поверить, но ты так громко обзывал Дитера, что...

— Да, разумеется. Вы слышали.

— Мы слышали.

— Ну, а что Мэстон? Что Мэстон говорит обо всем этом?

— Кажется, имеет желание с тобой встретиться. Он просил передать, чтобы ты зашел к нему сразу, как только будешь чувствовать себя получше. Уж не знаю, что там он обо всем этом думает, просто ума не приложу.

— Что ты имеешь в виду?

Гиллэм налил еще чаю.

— Ну, давай-ка пораскинь мозгами, Джордж. Всех трех главных героев, виновников торжества, медведи съели. За последние полгода не произошло никакой утечки секретной информации. Ты что, действительно веришь в то, что Мэстону охота вдаваться в детали? Ты думаешь, он горит желанием приказать Форин Оффис провести там у них генеральную уборку? Или признать, что шпионов мы ловим, только когда спотыкаемся об их трупы?

Зазвонил дверной звонок, и Гиллэм отправился вниз ответить на его зов. В некотором замешательстве Смайли услышал, что визитера впустили в холл, затем слышались приглушенные голоса и шаги по лестнице вверх, к нему в спальню. Раздался стук в дверь, и вошел Мэстон собственной персоной. В руках он держал неправдоподобно большой букет цветов и выглядел так, словно появился прямо из цветочной оранжереи. Смайли припомнил: сегодня пятница, видимо, он едет в Хенли на уик-энд. Мэстон улыбался. Он, должно быть, надел эту улыбку еще там, на лестнице, а может, с ней и поднимался по ступеням.

— Ну что, Джордж, еще воюем?

— Да. Боюсь, что так. Еще одно неприятное происшествие.

Мэстон уселся на край постели и оперся о нее одной рукой, нависая над ногами Смайли.

Наступила небольшая пауза, потом он проговорил:

— Вы получили мою записку, Джордж?

— Да, получил.

Еще одна пауза.

— Ходят разговоры, Джордж, о том, что в департаменте будет организован новый отдел. Мы (то есть наш департамент) считаем, что должны уделить пристальное внимание техническим изысканиям, в частности практическому применению спутников в разведывательной деятельности. Хоум Оффис, я рад это признать, придерживается аналогичной точки зрения. Гиллэм согласился на сотрудничество в качестве консультанта по общим вопросам; не согласились бы вы взять на себя эту работу? Я имею в виду — возглавлять новый отдел, с продвижением по службе и в

чине, разумеется, с правом продления службы после уставного срока выхода на пенсию. Все мы — и персонал и кадровики, — все поддерживаем эту идею.

— Благодарю вас, но могу я располагать некоторым временем на обдумывание вашего предложения?

— Конечно... конечно, можете. — Мэстон, по всей видимости, был несколько разочарован и сбит с толку. — Когда вы дадите мне знать о вашем решении? Очевидно, нам необходимо привлечь кое-каких новых людей, встанет также вопрос о помещении... Подумайте над этим, Джордж. Обдумайте мое предложение в течение уик-энда и сообщите мне о своем решении в понедельник, договорились? Сам секретарь очень бы желал, чтобы вы...

— Да, я дам вам знать. Очень мило с вашей стороны.

— Ну, что вы. Кроме того, я ведь только лишь советник, Джордж, вы же знаете. Этот вопрос — внутреннего характера. Я всего лишь добрый вестник, Джордж, как всегда, лишь мальчик на побегушках, рассыльный. Таков уж мой удел.

Мэстон посмотрел пристально на Смайли, поколебался какое-то мгновение и сказал:

— Я посвятил министров в суть дела... до определенных пределов, разумеется, настолько, насколько это было необходимо. Мы обсудили вопрос и какие шаги следует предпринять. Хоум Секретарь также присутствовал при обсуждении.

— Когда оно произошло?

— Сегодня утром. Были предложены очень серьезные санкции: заявить протест правительству Восточной Германии, потребовать выдачи нам этого человека, Мундта.

— Но мы же не признаем Восточную Германию как государство.

— Именно так. В том-то и заключается вся сложность. Однако мы имеем возможность передать свой протест через посредничество третьей страны.

— Как, например, Россия?

— Как, например, Россия. Правда, в свете нынешней обстановки есть мнения не в пользу подобной акции: предание фактов гласности — в любой форме, какую бы она ни приняла, — может послужить во вред нашим национальным интересам. В той стране уже замечено известное недовольство по поводу перевооружения Западной Германии, и любое свидетельство разведывательной деятельности Германии в Англии — инспирированной ли русскими или нет — может подогреть это недовольство. Но у нас, знаете ли, нет и положительных свидетельств того, что

Фрей работал в пользу русских. Дело может быть представлено публике таким образом, что он работал на свой страх и риск или в интересах объединения Германии.

— Я понимаю.

— Пока лишь немногие знают что-то об этих событиях, о фактической стороне дела. Это очень счастливое стечение обстоятельств. От лица полиции Хоум Секретарь предварительно гарантировал, что они сделают все возможное, чтобы информация по этому делу осталась конфиденциальной — насколько это будет возможно... Так, теперь скажите, Джордж, что за человек ваш Мендель? Можно на него положиться?

Смайли за такой вопрос возненавидел Мэстона.

— Да, — ответил он.

Мэстон поднялся с постели.

— Хорошо, — сказал он, — это хорошо. Ну, мне надо уходить. Могу я что-нибудь сделать для вас, быть вам в чем-нибудь полезным?

— Нет, спасибо. Обо мне прекрасно позаботится Гиллэм.

Уже стоя у двери, Мэстон произнес:

— Ну, что ж, выздоравливайте, Джордж. Советую принять предложение о работе. — Он сказал это доверительным тоном, с кривой улыбкой и таким многозначительным выражением на лице, как если бы для него было очень важно, чтобы Смайли принял его предложение.

— Благодарю вас за цветы, — сказал ему Смайли.

Дитер был мертв, он собственными руками убил его. Сломанные пальцы на правой руке, ломота во всем теле, тошнотворная головная боль и отвратительное чувство вины — все, все об этом напоминало. И Дитер позволил ему это с собой сделать, не выстрелил из пистолета: он помнил об их бывлой дружбе, и это удержало его руку, а Смайли вот забыл о ней, поднял руку на старого товарища. Встретились два старых друга и, вместо того чтобы вспоминать бывлые дела и битвы, бросились друг на друга, как дикие звери. Они боролись в тумане на прогалине векового леса жизни. И все-таки Дитер вспомнил, а Смайли — нет. Они сошлись, как люди из разных миров. Дитер, максималист и приверженец абсолютной доктрины, дрался за свою новую цивилизацию. Смайли, рационалист и защитник существующих институтов, дрался, что-

бы не дать ему это сделать. «О, Господи, — сказал Смайли, — кто же был прав, кто же был тогда из нас человек?»

Он встал с постели и начал старательно одеваться. Он почувствовал, что пришла пора вставать.

17. Уважаемый господин Советник

«Уважаемый господин советник,

Отвечаю наконец на предложение отдела кадров о повышении меня по службе и назначении на новую должность в департаменте. Весьма сожалею о том, что не ответил раньше. Причиной задержки с ответом на сделанное мне предложение послужило мое плохое самочувствие в последние дни, а также ряд личных и других проблем, не имеющих к департаменту никакого отношения.

Поскольку я чувствую себя недостаточно физически здоровым, считаю, что было бы неразумно принять сделанное мне предложение. Прошу Вас передать мой ответ работникам отдела кадров.

Уверен, что Вы сможете понять мотивы, которыми я руководствовался при принятии мной этого решения.

Ваш Джордж Смайли».

«Дорогой Питер,

Прилагаю заметки по делу Феннана. Это единственный экземпляр. По прочтении заметок передай их, пожалуйста, Мэстону. Я думаю, что есть необходимость произвести некоторые записи по следам этих событий — даже в том случае, если в действительности они и не имели места.

Всегда твой, Джордж».

«Дело Феннана»

«В понедельник, 2 января, я проводил интервью, конфиденциальную беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном, старшим служащим Форин Оффис, с целью выяснения обстоятельств, изложенных в письме анонимного автора, и выдвинутых против Феннана обвинений. Интервью было организовано в соответствии с принятой процедурой, то есть после согласования данного вопроса с уполномоченным по кадрам в Форин Оффис.

У нас не имелось никаких компрометирующих Фенна-

на данных, за исключением того факта, что в тридцатые годы, во время его учебы в Оксфорде, он проявлял симпатии к коммунистическому учению. Этому факту не придавалось большого значения. Поэтому беседа некоторым образом носила рутинный, формальный характер.

Комната, в которой работал Феннан, оказалась непригодной для проведения подобного конфиденциального разговора, поэтому мы, воспользовавшись хорошей погодой, решили провести его на открытом воздухе, в Сент-Джеймс Парке, вне стен министерства.

Как выяснилось впоследствии, нас узнал и наблюдал за ходом этой беседы агент восточногерманской разведывательной службы, который во время войны сотрудничал со мной. Остается невыясненным, наблюдал ли он сцену нашего интервью по причине того, что держал Феннана под своего рода наблюдением, или просто случайно оказался в этот момент в парке.

Вечером 3 января полиция графства Суррей сообщила о совершенном Феннаном самоубийстве. Напечатанная на машинке и собственноручно подписанная Феннаном записка содержала обвинения в адрес представителей службы государственной безопасности, жертвой некомпетентной работы которых он якобы стал.

В ходе проведенного расследования тем не менее выяснились следующие факты, позволившие предположить ложность обвинений и нечестную игру:

1. В 19.55 вечера того дня, когда Феннан покончил жизнь самоубийством, он позвонил на коммутатор телефонной станции в Уоллестоне и попросил, чтобы ему позвонили домой в 8.30 утра следующего дня.

2. Незадолго до своей смерти Феннан сварил себе чашку какао, но не выпил его.

3. Застрелился он предположительно внизу, в холле, рядом с лестницей, ведущей на второй этаж. Записка была обнаружена около тела.

4. Представляется маловероятным, что он напечатал свою предсмертную записку, поскольку редко пользовался машинкой, и еще менее последовательным и логичным с его стороны было бы спускаться вниз, в холл, чтобы застрелиться там.

5. В день своей смерти он написал и отправил мне по почте приглашение, в котором настаивал на встрече в Марлоу во время ленча на следующий день.

6. Впоследствии выяснилось то обстоятельство, что Феннан попросил себе отгул на 4 января, среду. Своей жене, очевидно, он об этом не сообщил.

7. Обратил на себя внимание тот факт, что предсмертная записка была напечатана на собственной машинке Феннана, шрифт которой содержал некоторые особенности, характерные и для шрифта, которым было напечатано анонимное письмо. Лабораторная экспертиза, однако, заключила, что оба письма были напечатаны на одной и той же машинке, но разными людьми.

Миссис Феннан, находившаяся в вечер самоубийства ее мужа в театре, на предложение объяснить заказанный на 8.30 утра телефонный звонок с коммутатора станции, ложно заявила, что делала заказ сама. На коммутаторе телефонной станции определенно уверены, что это не так.

Миссис Феннан заявляла, что ее покойный муж после проведения с ним конфиденциальной беседы сотрудником органов государственной безопасности был крайне нервным, находился в состоянии депрессии, которое и определило характер обвинений, изложенных в его предсмертном письме.

После полудня 4 января я приехал от миссис Феннан к себе домой в Кенсингтон. Увидев мелькнувшую в моем окне фигуру, я позвонил в собственную дверь. Мне открыл мужчина, оказавшийся впоследствии сотрудником восточногерманской разведки. Он предложил мне войти внутрь дома, но я отклонил его предложение и возвратился к моей машине, запомнив в то же время номера всех припаркованных поблизости автомобилей.

Вечером того же дня я посетил небольшой гараж на Бэттерси-стрит с целью навести справки об одной из машин, зарегистрированных под именем владельца этого гаража. На меня было совершено нападение, в результате которого мне была нанесена травма головы. Спустя три недели неподалеку от Бэттерси Бридж было обнаружено в Темзе тело владельца гаража. Экспертизой установлено, что Эдам Скарр утонул, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения. На теле не было обнаружено следов насильственной смерти, сам же покойный пользовался репутацией хронического алкоголика.

Следует особо отметить тот факт, что на протяжении последних четырех лет Скарр предоставлял ано-

нимному иностранцу в пользование свою машину и получал за это щедрое вознаграждение. По договоренности Скарр не знал имени пользователя, а обращался к нему исключительно по кличке «Блонди» и мог с ним связаться только по телефону. Номер телефона представляет для нас особую важность: это был номер восточногерманского представительства сталелитейной промышленности.

Между тем было проведено расследование того, в какой степени алиби миссис Феннан соответствует действительности. В результате этого расследования стало известно следующее:

1. Миссис Феннан посещала Уэйбридж Репертори театр дважды в месяц, по первым и третьим вторникам каждого месяца. (Примечание: Клиент Эдама Скарра пользовался его машиной в первый и третий вторник каждого месяца.)

2. Она всегда приносила с собой папку для нот и оставляла ее в гардеробе.

3. Во время своих посещений театра она встречалась каждый раз с мужчиной, описание внешности которого соответствует внешности как нападавшего на меня, так и описанию внешности клиента Скарра. Один из театральных работников ошибочно принимал этого мужчину за мужа миссис Феннан. Он также приносил с собой папку для нот и оставлял ее в гардеробе.

4. Вечером того дня, когда было совершено убийство, миссис Феннан покинула театр рано, забыв забрать свою папку, а ее друг так и не появился. Поздно вечером она позвонила в театр и спросила, можно ли тогда же забрать ее папку. Она, по ее утверждению, потеряла номерок в гардероб.

На настоящий момент незнакомец идентифицируется как работник восточногерманского представительства сталелитейной промышленности под именем Мундт. Главой представительства был герр Дитер Фрей, во время войны сотрудничавший с нашей службой разведки. Фрей обладал богатым операционным опытом работы. После войны он подвизался на государственной службе в советской зоне оккупации Германии. Нахожу нужным также особо отметить тот факт, что Фрей работал под моим началом во время войны на вражеской территории и зарекомендовал себя с самой лучшей сто-

роны, как агент талантливый и склонный к изобретательности в работе.

Таким образом, я решил провести с миссис Феннан третью беседу. Она раскололась и призналась в том, что работала в качестве курьера для своего мужа, который был завербован Фреем во время их отдыха на горнолыжном курорте пять лет тому назад. Сама она принимала участие в разведывательной деятельности неохотно, частично из чувства лояльности по отношению к мужу, частично для того, чтобы уберечь его от собственной его неосторожности и невнимательности при исполнении им шпионских функций. Фрей увидел меня в парке разговаривающим с Феннаном. Принимая во внимание то, что я был оперативным сотрудником, он сделал заключение, что Феннан либо находится под подозрением у нас, либо ведет двойную игру... Он отдал Мундту приказание ликвидировать Феннана, а его жена была принуждена хранить молчание, поскольку сама являлась соучастницей преступления. Она даже собственноручно напечатала текст его предсмертной записки на том листке бумаги, где предварительно была поставлена его подпись.

Способ, при помощи которого она передавала Мундту разведывательные данные, добытые ее мужем, достаточно примечателен. Она копировала документы, помещала свои записи в папку для нот и брала ее с собою в театр. Мундт приносил в театр такую же папку, в которой были деньги и инструкции, и так же, как и миссис Феннан, сдавал ее в гардероб. Им оставалось лишь обмениваться номерками. Когда Мундт не появился вечером в день убийства, она, повинувшись данным ей инструкциям, отправила номерок почтой по известному ей адресу в Хайгейт. Она покинула театр до окончания представления с тем, чтобы успеть к последней отправке почты из Уэйбриджа. Когда позднее тем же вечером Мундт потребовал предъявить ему папку для нот, она рассказала ему о своем поступке. Мундт настаивал на том, чтобы забрать папку с донесениями в тот же вечер, поскольку не желал совершать еще одну поездку в Уэйбридж.

Когда на следующее утро я беседовал с миссис Феннан, один из тех вопросов, которые я ей задал (вопрос по поводу звонка в 8.30), до такой степени заставил ее настояться, что она сообщила о нем Мундту по телефону.

Именно он впоследствии и послужил поводом для нападения на меня вечером того же дня.

Миссис Феннан сообщила мне адрес и телефон, по которому она контактировала с Мундтом, причем последнего она знала только по псевдониму «Фрейтаг». Как адрес, так и телефон соответствовали меблированным комнатам, которые снимал некий пилот из «Люфт-Европы», часто предоставлявший Мундту пристанище по просьбе последнего и вообще обеспечивавший прикрытие его шпионской деятельности. Пилот (предположительно курьер восточногерманской разведывательной службы) не возвращается в нашу страну с 5 января.

Таковы были в общей сложности признания, сделанные миссис Феннан, которые при ближайшем рассмотрении и анализе вели вникуда. Шпион был мертв, его убийцы исчезли из нашего поля зрения... Оставалось, таким образом, лишь производить подсчет нанесенного его деятельностью ущерба. Был сделан официальный запрос в Форин Оффис, а мистеру Феликсу Тавернье было поручено выяснить объем и характер информации, к которой Феннан имел доступ и которой имел возможность воспользоваться. Тавернье провел такой анализ, опираясь на данные, содержащиеся в журналах, где отмечались все дела и досье, запрашиваемые Феннаном по работе, а также дата запроса и возвращения документов в архив. Сюда входили все записи, начиная с момента, когда Феннан был завербован Фреем. Примечателен тот факт, что проверка не обнаружила признаков специального использования Феннаном архивов с целью добычи секретных данных. Феннан не обращался практически к фондам секретной информации, а скорее использовал архивы в целях своей непосредственной текущей работы. В последние шесть месяцев Феннан имел допуск к особо засекреченной информации, однако он совершенно этим не пользовался и не брал для работы на дому никаких грифованных материалов. Те же материалы, что он брал на дом в этот период своей деятельности, не были секретными, по большей части это все была информация самого низшего качества, причем она касалась вопросов, напрямую не связанных с его непосредственной деятельностью в министерстве. Изложенные факты никак не согласовывались с образом Феннана-шпиона. Возможно,

однако, предположить, что он потерял интерес к шпионской деятельности и пригласил меня на ленч, чтобы сделать первый шаг к признанию. Возможно также предположить, что анонимное письмо, которое обязательно привело бы его к контакту с нашим департаментом, он также написал сам.

В этой связи я отметил бы два факта. Под чужим именем и с фальшивым паспортом Мундт покинул (самолетом) пределы нашей страны на следующий день после того, как миссис Феннан сделала свое признание мне. Ему удалось избежать опознания в аэропорту в ходе паспортного контроля, но впоследствии стюардесса легко опознала его по фотографии. Во-вторых, в записной книжке Феннана были найдены имя и официальный телефон Дитера Фрея, что, несомненно, является вопиющим нарушением всех законов конспирации и шпионажа.

Представляется затруднительным понять, почему Мундт выжидал на протяжении трех недель, даже и после убийства Скарра оставаясь в Англии. Совершенно не стыкуется характеристика деятельности Феннана, которая была дана миссис Феннан, с откровенно неупорядоченным и непродуктивным отбором информации, который он осуществлял якобы для разведслужбы Восточной Германии. Факты его дела, будучи подвергнуты многократному анализу, неизменно приводят к одному выводу: единственное свидетельство того, что Феннан был шпионом, исходит от его жены. Если факты были таковы, как она их излагала, то почему миссис Феннан не попала в число всех тех опасных свидетелей, обладающих информацией по делу Феннана, которых ликвидировали Мундт и Фрей.

С другой стороны, почему бы не предположить, что шпионом являлась как раз она сама?

Тогда становится вполне объяснимой дата отъезда Мундта: он уехал сразу же после того, как получил от миссис Феннан заверения в том, что я поверил в искренность ее ложного признания. Это проливает свет на загадку записей в книжке Феннана: Фрей был для него лишь случайным знакомым по горнолыжному спорту, иногда заезжавшим к ним в Уоллстон. Становится объяснимым и выбор Феннаном документов для работы на дому. То, что он сознательно отбирал документы, не представлявшие угрозы государственным интересам, свиде-

тельствует только об одном: в последние полгода он начал подозревать свою жену.

Отсюда же истекает его приглашение в Марлоу, явившееся логическим следствием беседы, произошедшей между нами за день до этого. Феннан решил поделиться со мной своими подозрениями и взял с этой целью день отгула — обстоятельство, о котором его жена явно не была осведомлена. Это также помогает понять, почему Феннан отправил нам анонимное письмо с разоблачениями в собственный адрес: он хотел вступить с нашим департаментом в контакт, чтобы попутно разоблачить свою жену.

Развивая это предположение, мы сможем убедиться, что миссис Феннан была компетентным и опытным специалистом в вопросах шпионского ремесла. Техника, которой они с Мундтом пользовались, напомнила мне технику, применявшуюся Фреем во время войны. То, что существовал запасной вариант — отправить почтой номерок от гардероба — очень типично для скрупулезной разработки им операций и каналов связи. Оказывается, миссис Феннан действовала с точностью и решительностью, несовместимыми с ее заявлением, что была принуждена играть роль курьера и делала это крайне неохотно.

Логическое доказательство того факта, что миссис Феннан является шпионкой, а вовсе не жертвой, не обязательно означает, что описанные ею события, произошедшие вечером того дня, когда был убит Феннан, не соответствуют действительности. Знай миссис Феннан о намерении Мундта ликвидировать Феннана, она бы не взяла с собой в театр папку для нот и не отправила бы почтой номерок от гардероба.

Казалось, что найти улики против миссис Феннан возможно только с возобновлением ее контактов с контролером. Во время войны Фрей придумал оригинальный способ оповещения в крайних ситуациях и детально его разработал и усовершенствовал. Это целый код, основанный на фотоснимках и видовых открытках. Сам сюжет фотоснимка содержал смысл послания. Религиозный сюжет, как, например, изображение Мадонны или церкви, означал требование о встрече ранним утром. Получатель открытки, в свою очередь, посылал ответ в виде совершенно не относящегося к делу послания, но обязательно указывал дату отправления письма. Встре-

ча должна была состояться ровно через пять дней после указанной в письме даты.

Существовала вероятность того, что Фрей, чье ремесло столь мало претерпело изменений со времен войны, вполне мог придерживаться той же техники оповещения агента — в конце концов эта система была предназначена лишь для редких, крайних случаев. Положившись на это, я отправил Эльзе Феннан открытку с видом церкви. Сделал я это из Хайгейта. Я питал пусть и призрачную, но надежду на то, что она решит: открытка к ней пришла по каналам агентуры Фрея. Она тотчас же отреагировала, послав по неизвестному нам адресу за границу билет на театральный спектакль в лондонском театре, который должен был состояться через пять дней. Послание миссис Феннан достигло Фрея и было воспринято им как срочный вызов. Будучи осведомленным о том, что Мундт был скомпрометирован «признанием» миссис Феннан, он решил ехать на встречу сам.

Вследствие этой переписки они встретились в Шеридан-театре, Хеммерсмит, в среду 15 февраля.

Сначала каждый из них предполагал, что его вызвал партнер, но когда Фрей догадался, что его вызвали обманом, он решился на драматический поворот в своих действиях. Должно быть, как только Фрей почувствовал, что находится под наблюдением, он предпринял решительные действия против миссис Феннан, которая, по его мнению, заманила его в ловушку. Мы так никогда и не узнаем, как обстояло дело в действительности, потому что он убил ее. Способ, при помощи которого он совершил убийство, лучше всего, пожалуй, описан в отчете о проведенном расследовании: «Смерть наступила в результате единичного нажатия изрядной силы на гортань убитой, в частности, на отростки щитовидного хряща, вызвавшего почти мгновенное удушье». По всей видимости, убийца миссис Феннан не был новичком в подобных делах.

За Фреем была организована слежка, его преследовали до баржи, превращенной в жилое помещение и пришвартованной недалеко от Чейнуок. В момент задержания он оказал отчаянное сопротивление и упал в результате схватки в реку, откуда было извлечено его тело».

18. Между двумя мирами

Не слишком респектабельный клуб Смайли обычно пустовал по воскресеньям, но миссис Стерджен оставляла дверь незапертой на случай, если кому-нибудь из ее джентльменов вздумается заглянуть на огонек. Она сохраняла в отношениях с ними ту же суровую и властную манеру, которая сложилась еще в незапамятные оксфордские времена, когда ее счастливицы-жильцы боялись свою домовладелицу пуще целой армии надзирателей и халдеев-учителей. Она прощала любую шалость, но при этом ясно давала понять, что это уникальный случай, когда она прощает, больше пощады, мол, не предвидится. И каждый случай был первым и последним. Однажды она заставила юного Стида-Эспри положить в кружку, предназначенную для сбора денег в пользу бедных, десять шиллингов за то, что он привел семерых гостей, не предупредив ее заблаговременно, но потом приготовила такой обед, что они запомнили его на всю жизнь.

Они сидели за тем же столиком, что и тогда. Мендель выглядел немного постаревшим и чуть бледнее, чем обычно. Он почти не разговаривал во время трапезы, обращаясь с ножом и вилкой с той аккуратностью и обстоятельностью, какие вкладывал во все, чем бы ни занимался. Говорил за всех, по большей части, Гиллэм, поскольку Смайли сегодня был что-то молчалив. Они чувствовали себя спокойно и раскрепощенно.

— Почему она это сделала? — вдруг спросил Смайли.

Он медленно покачал головой. — Мне кажется, я знаю, почему, но теперь нам остается только гадать. Я думаю, она мечтала о мире без конфликтов, управляемом и сохраняемом этой новой доктриной. Однажды я ее рассердил, и она крикнула мне: «Я — Бродячая Жидовка, ничейная земля, поле боя для ваших игрушечных солдатиков». Когда она увидела, что в новой Германии возрождается дух старой, пузатая, напыщенная спесь, как она говорила, я думаю, что она решила: это для нее уже слишком; я думаю, что она поняла свою бесполезность и тщетность своих страданий, своей жертвы, увидела процветание своих былых преследователей — и взбунтовалась. Пять лет назад, рассказывала она мне, они встретили Дитера, когда катались в Германии на лыжах во время отпуска. К тому времени процесс становления Германии как ведущей западноевропейской державы уже вполне наметился и определился.

— Она была коммунистка?

— Не думаю, вряд ли у нее была тяга к розовым облакам. Она, как мне кажется, просто боялась новых катаклизмов и ожесточения. «Мир» теперь, кажется, слово ругательное, не так ли? Ну, так вот, она, видимо, хотела всего лишь мира.

— А что же Дитер?

— Господь его разберет, что нужно было Дитеру. Почестей, мне кажется, и социализма. — Смайли пожал плечами. — Они мечтали о мире и свободе... А стали шпионами и убийцами.

— Боже праведный, — тихо произнес Мендель.

Смайли помолчал, глядя в свой стакан. Потом все-таки сказал:

— Я не надеюсь на то, что вы их поймете. Вы видели только конец жизненного пути, пройденного Дитером. Я же видел еще и его начало. Он прошел полный круг. Мне кажется, он так и не переборол в себе чувство вины за предательство во время войны. Ему необходимо было загладить свою вину. Он был из тех строителей нового мира, которые ничем другим, кроме разрушения, не занимаются, — вот и все.

Гиллэм вежливо вмешался.

— А как насчет звонка в 8.30?

— Ну, с этим-то много проще. Феннан хотел встретиться со мной и поэтому взял день отгула, но не мог, разумеется, рассказать об этом Эльзе. Он придумал этот телефонный звонок, чтобы оправдать перед ней свою поездку в Марлоу. Будь это как-то иначе, — она бы попыталась мне что-нибудь наплести, придумать свое объяснение. Но это всего лишь мои догадки.

В широком зеве камина потрескивал огонь.

Смайли поймал полночный авиарейс в Цюрих. Ночь была замечательная, и сквозь маленькое окошко около его кресла он смотрел на простирающееся за серым крылом звездное небо, такое громадное и неподвижное, как будто это вечность протянулась и застыла между двумя мирами. Видение действовало на него успокаивающе, прогоняло и утихомиривало его страхи и сомнения, он ощущал себя почти фаталистом перед непостижимыми тайнами Вселенной. Все казалось таким незначимым — и ее патетический призыв к любви, и его возвращение к одиночеству.

Вскоре показались огни французского берега. Он смот-

рел на эти далекие огни и переживал про себя всю эту чужую статическую жизнь внизу: резкий запах голубых «Галлауз» и чеснока, хорошая вкусная еда, гул голосов в бистро. Мэстон был далеко, за миллион миль от него, со своими скучными бумагами и блистательными политиками.

Смайли, наверно, казался его спутникам по самолету довольно странной фигурой: маленький толстый человек, довольно мрачный, но вот он заказал себе выпивку и улыбнулся. Его сосед, молодой светловолосый мужчина, осторожно и изучающе разглядывал его. Ему был хорошо известен этот тип пассажиров: уставший от повседневных забот старший клерк или какой-нибудь управляющий отправляется в Европу поразвлечься. Он находил это довольно отвратительным.

Ян ФЛЕМИНГ

КАЗИНО «РУАЯЛЬ»

Глава I

Секретный агент

К трем часам ночи запах казино, запах табачного дыма и пота, становится невыносимым. Нервное напряжение игроков — тугой клубок алчности, страха и сосредоточенности — достигает предела; в свои права вступают чувства, эмоции выходят из-под контроля.

Внезапно Джеймс Бонд понял, что устал. Он всегда прислушивался к тому, что подсказывало естество, и доверял ему. Инстинкт помогал избежать пресыщения и предупреждал моменты, когда острота восприятия притупляется и возникает риск наделать ошибок.

Он отошел от рулетки и ненадолго остановился у медного ограждения, окружавшего большой стол для карт. Намбер продолжал играть и, по-видимому, выигрывал. Перед ним в беспорядке громоздилась гора сотысячных жетонов. Рядом с могучей левой рукой — не приметная стопочка желтых фишек по полмиллиона франков каждая.

Бонд на мгновение задержал взгляд на впечатляющем профиле Намбера, затем пожал плечами, как бы отгоняя недоумение, и двинулся к кассам. Кассы отделяли от зала высокие, до подбородка, перегородки. В этих загонах сидели на крутящихся табуретах и распахивали по полочкам жетоны и банкноты кассиры, типичные банковские служащие.

Перегородка в человеческий рост плюс положенные клерку дубинка и револьвер... Перемахнуть через ограждение, схватить пачку банкнот, перепрыгнуть обратно и убежать по коридорам, где столько дверей, было

бы невозможно. К тому же кассиры работают, как правило, по двое.

Бонд продолжал размышлять о возможности ограбления, получая из рук кассира стопку банкнот по сто тысяч, затем пачки купюр по десять тысяч франков. Одновременно он представлял, как, вероятнее всего, пройдет завтра обычное собрание дирекции казино: «Мсье Намбер сделал два миллиона. Играл как обычно. Мисс Фэчайлд за час собрала миллион, затем спасовала. Она целый час держала три банка мсье Намбера, но бросила карты. Играла спокойно. Мсье виконт де Вийорэн сыграл миллион двести на рулетке. Играл максимум на первой и последней дюжинах. Ему повезло. Англичанин мистер Бонд вновь в выигрыше: ровно три миллиона за два дня. Играл мартингал на красном за пятым столом. Дюкло, он вел партию, может сообщить детали. Мистер Бонд настойчив, умеет рисковать по максимуму. Игра у него идет, да и нервы, похоже, крепкие. За вечер железка выиграла столько-то, баккара — столько-то, рулетка дала столько-то, на шарах, где очередной спад публики, соотношение один к одному».

«Merci, Monsieur Xavier».

«Merci, Monsieur le President».

Или что-то в этом духе, подумал Бонд, продолжая свой путь к выходу через вращающиеся двери. У одной из них он раскланялся на прощание с затянутым во фрак мужчиной, работа которого состояла в том, чтобы по первому сигналу тревоги мгновенно блокировать все двери, для чего достаточно нажать ногой кнопку в полу.

На сем участники собрания передадут в президиум свои отчеты и поедут обедать — кто домой, кто в ресторан.

«Нет, грабить кассу казино Намбер не станет, — подумал Бонд, — для этого потребовался бы десяток тренированных парней, которым никак не обойтись без того, чтоб не уложить одного-двух служащих казино. Вряд ли во Франции или в какой другой стране просто подыскать для такого рода работы десять прохлаждающихся без дела убийц».

Пока Бонд давал тысячу франков на чай в гардеробе и спускался по ступенькам парадного входа, он окончательно решил, что Намбер ни при каких обстоятельствах не станет грабить кассу, и выбросил этот вариант из головы. И занялся анализом своих физических ощущений. Острый гравий проминал подошвы его лакированных ботинок; во рту стояла неприятная горечь; чуть вспотели подмышки;

глаза как будто разбухли от напряжения; лоб, нос, щеки горят. Он глубоко вдохнул чистый ночной воздух и взял себя в руки. Любопытно было бы знать, обыскали ли его комнату, пока его не было.

Он перешел на другую сторону широкого бульвара и прошел через парк отеля «Сплэндид». Улыбнувшись, взял из рук консьержа ключ от своего номера — 45, второй этаж — и телеграмму. Она была отправлена с Ямайки:

КИНГСТОН ХХХХ ХХХХХХ ХХХХ ХХ ДЕПАРТА-
МЕНТ ПРИМОРСКАЯ СЕНА РУАЯЛЬ-ЛЕЗ-О СПЛЕН-
ДИД БОНДУ ГАВАНСКИЕ СИГАРЫ ПРОИЗВОДСТВО
С 1915 ВСЕ ЗАВОДЫ НА КУБЕ ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ
ПОВТОРЯЮ ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ТЧК НАДЕЮСЬ
СУММА ПОДХОДЯЩАЯ ДРУЖЕСКИ ДА СИЛВА

Это означало, что десять миллионов франков вот-вот будут в его распоряжении. Телеграмма была ответом на просьбу выслать ему дополнительные средства, которую Бонд передал днем через Париж к себе в бюро в Лондон. Париж переговорил с Лондоном; Клемент, шеф департамента Бонда, — с М., который, холодно улыбаясь, попросил финансиста уладить дело с казной.

В свое время Бонду пришлось выполнять задания на Ямайке, поэтому здесь, в Руаяль-лез-О, он работал как исключительно богатый клиент «Каффери», основной импортно-экспортной ямайской фирмы. Инструкции передавал ему с Ямайки молчаливый человек, некто Фоусетт, заведующий фотоотделом в скандальной карибской газете «Дэйли Глинер».

Фоусетт начинал как учетчик на одном из крупнейших черепаховых промыслов на Каймановых островах. Был в первой партии островитян, ставших под ружье в самом начале войны; службу закончил помощником начальника финчасти маленькой флотской разведслужбы на Мальте. В конце войны, когда Фоусетт с тяжелым сердцем готовился вернуться к себе на острова, на него вышел карибский отдел, и парень, оказавшийся большим любителем фотографии и некоторых других видов творческой работы, с ненавязчивой помощью одного влиятельного на Ямайке человека сумел прийти к двору в газете.

Он разбирал фотографии, присылаемые такими известными агентствами, как «Кейстоун», «Уайд Уорлд», «Юниверсал», «Ай-Эн-Пи» и «Рейтер-фото», и время от времени

получал по телефону инструкции от человека, которого никогда в жизни не видел.

Фоусетту поручали простые операции, не требующие ничего, кроме умения молчать, расторопности и точности исполнения. За свои небольшие услуги он ежемесячно получал по двадцать фунтов, переводившихся на его счет в канадском «Роял Бэнк» несуществующим родственником-англичанином.

Сейчас его задача состояла в том, чтобы без промедления передавать Бонду открытым текстом все то, что ему сообщал по телефону аноним, заверивший великого фотографа, что телеграммы никоим образом не могут вызвать подозрений у ямайской почты. И Фоусетт как должное воспринял то, что в одночасье стал корреспондентом Прибрежного информационного агентства с правом беспрепятственного выезда и отправки корреспонденции во Францию и Англию и с дополнительным ежемесячным гонораром в десять фунтов.

Успокоенный и прибодренный, мечтая о медали Британской империи, Фоусетт сделал первый взнос на «моррис майнор», а также приобрел себе зеленую бейсбольную кепку, к которой давно приглядывался. Она защищала глаза от солнца и помогала ему утверждаться на посту начальника фотоотдела.

Бонду телеграмма говорила о многом. Он привык, что его косвенно контролируют, и это было ему даже приятно, давало ощущение комфорта. И хотя он понимал, что находится сейчас много дальше, чем просто по другую сторону Ла-Манша, в двухстах километрах от грозного здания по соседству с Риджентс-парк, откуда за ним внимательно следят и трезво оценивают несколько холодных голов, он предпочитал думать, что здесь, в Руаяль-лез-О, есть еще кто-то из Службы, а сам он находится в том же положении, что и Фоусетт, островитянин с Каймановых островов, живущий в Кингстоне: тот знал, что если он купит свой «моррис майнор» за живые деньги, а не в рассрочку, кто-то, вероятно, узнает об этом в Лондоне и захочет выяснить, откуда взялись эти средства.

Бонд перечитал телеграмму дважды. Из пачки на стойке он вытянул чистый бланк и большими буквами написал ответ:

СПАСИБО СВЕДЕНИЙ ДОСТАТОЧНО — БОНД

Отдав бланк консьержу, он убрал телеграмму от «Да

Силва» в карман, зная, что те, кого информирует консьерж, если они есть, могли за небольшую плату получить копию в местном почтовом отделении, если уже не распечатали телеграмму тут же, в гостинице.

Бонд взял свой ключ и, жестом отказавшись от услуг лифтера, стал подниматься к себе в номер по лестнице. Для него лифт всегда был источником опасности. И даже когда он твердо знал, что на этаже его не встретит якобы заблудившийся постоялец, он предпочитал оставаться настороже. Бесшумно поднимаясь по лестнице, Бонд все больше сожалел о сдержанности своего ответа М. Как игроку ему было ясно, что нельзя ограничивать в игре свободу партнера. Но М. вряд ли выдал бы больше денег. Бонд пожал плечами, свернул в коридор и медленно подошел к своей двери.

Мгновенно нащупав выключатель и придерживая дверь широко распахнутой, он замер на пороге ярко освещенной комнаты, приготовившись стрелять. В номере никого не было. Бонд заперся на ключ, включил торшер и швырнул пистолет на канапе у окна. Потом наклонился к секретеру, проверяя, на месте ли оставленный вечером на выдвижном ящике волос.

Волос оказался на месте. Как будто не тронут был и тончайший слой талька на внутренней стороне ручки платяного шкафа. Бонд перешел в ванную, отвинтил крышку сливного бачка и проверил уровень воды по своей отметке на медном поплавке.

Проводя тщательнейшую проверку отработанных годами систем оповещения о визитах непрошенных гостей, Бонд не чувствовал себя ни смешным, ни всесильным. Он был секретным агентом, и если до сих пор ходит по земле, то благодаря тому предельному вниманию, с каким относился к мелочам своей профессии. Подобные элементарные меры предосторожности для него выглядели не более бессмысленными, чем те, которые соблюдают аквалангисты, испытатели самолетов и все остальные, кто зарабатывает на жизнь постоянным риском.

Убедившись, что комнату в его отсутствии не обыскивали, Бонд разделся, принял холодный душ, закурил семнадцатую сигарету за день и, прихватив толстую пачку банкнот — резерв и сегодняшний выигрыш, — расположился за секретером, чтобы вписать несколько новых цифр в маленький блокнот. За два дня игры он прибавил три миллиона франков. Десять миллионов ему выдали в

Лондоне, еще десять он запросил. Вместе с последней суммой, в эти минуты отосланной в местный филиал «Креди Лионэ», его оперативный фонд составлял двадцать три миллиона франков.

Еще секунду-другую Бонд неподвижно сидел, глядя на темнеющее за окном море, затем сунул купюры под валик элегантной одноместной кровати, прополоскал рот, выключил свет и с наслаждением скользнул под сильно накрахмаленные, как любят французы, простыни. Десять минут он лежал на левом боку, прокручивая в памяти события дня, потом повернулся на правый и мысленно направи́л свое сознание в тоннель сна.

Уже засыпая, он сунул руку под валик и нащупал рукоятку «полис-позитив» 38-го калибра с укороченным стволом. Когда он спал, его лицо с погасшим теплым и веселым взглядом застывало безжизненной, жестокой и насмешливой маской.

Глава II

Досье для М.

Двумя неделями раньше из центра S на имя М., бывшего тогда и по-прежнему остающегося начальником Секретной службы британского Министерства обороны, была направлена служебная записка следующего содержания:

«Для: М.

От: центра S.

По вопросу: план нейтрализации Н.

Намбер (он же «мсье Ньюмеро», «герр Нуммер», «герр Циффер» и т.п.), один из основных агентов оппозиции во Франции; прикры́тие — казначей контролируемого коммунистами профсоюза эльзасских рабочих, объединяющего рабочих тяжелой промышленности и транспорта Эльзаса, по нашим данным, «пятой колонны» в случае конфликта с красными.

Документы: приложение А — данные на Намбера; приложение Б — справка о СМЕРШ.

В последнее время у нас появились данные, что Намбер находится в сложном финансовом положении. По многим аспектам Намбер — агент, чрезвычайно ценный для

СССР, однако при его пристрастиях и специфических вкусах он уязвим. Так, одна из его любовниц, евразийка, контролируемая центром F (№ 1860), получила информацию о его счетах в банке. Судя по всему, он на грани разорения. Это подтверждают, как выяснил № 1860, тайные распродажи драгоценностей и виллы на Антибах, ограничение ранее привычных для Намбера больших расходов. Более углубленные исследования, проведенные в контакте с коллегами из Второго бюро (оно подключено к делу), вывели нас на следующую информацию.

В январе 1946 года Намбер взял под контроль сеть публичных домов в Нормандии и Бретани, так называемую Желтую ленту. Он пошел на риск, вложив в операцию порядка пятидесяти миллионов из денег, которые III отдел разведки русских предназначал для финансирования вышеназванного профсоюза.

В иных условиях «Желтая лента» могла бы стать исключительно удачным помещением капитала, и, возможно, Намбер не имел иной цели, кроме наращивания профсоюзной кассы, и не собирался греть руки на процентах от пущенных в оборот денег своих хозяев: вложить деньги в проституцию его могло подтолкнуть желание иметь в распоряжении неограниченное число женщин.

Приблизительно через три месяца, 13 апреля, во Франции был принят закон № 46685, запрещающий дома терпимости и проксенетизм...

Дойдя до этого предложения, М. зарычал и вдавил кнопку селектора.

— Это вы?

— Да, сэр.

— Какого черта! Что означает этот ваш проксенетизм?

— Сутенерство, сэр.

— Мы с вами не в школе Берлица. Если желаете блеснуть знанием иностранных слов, будьте добры прилагать еще и словарь. Или уж пишите по-английски!

— Извините, сэр.

М. отпустил кнопку и продолжил чтение.

«...Этот закон, известный больше как «Закон Марты Ришар», объявлял о закрытии заведений сомнительной репутации и запрещении продажи порнографических изданий, а также проката соответствующих фильмов.

Деньги Намбера в одно мгновение превратились в ничто. В кассе профсоюза образовалась громадная дыра. Пытаясь спасти положение, Намбер переделал свои публичные дома в отель «Де пасс», где в рамках закона могли назначаться тайные свидания, и оставил пару подпольных кинотеатров, но покрыть убытки не сумел, равно как и продать дело хотя бы по минимальной цене. К тому времени на него вышла полиция нравов, и в считанные дни были закрыты по меньшей мере два десятка его заведений.

Разумеется, он интересовал полицию только как владелец крупной сети публичных домов, но после того как мы поделились со Вторым бюро нашими сомнениями о финансах Намбера, было поднято его досье.

Французские коллеги подтвердили нашу информацию: была проведена настоящая чистка заведений «Желтой ленты». В результате от первоначального капитала у Намбера не осталось ни сентима. Самая заурядная инспекция в любой момент может выявить в профсоюзной кассе, которой управляет Намбер, нехватку пятидесяти миллионов.

Его хозяева из III отдела, похоже, еще ничего не подозревают, однако, к несчастью для Намбера, весьма вероятно, что он уже попал в поле зрения СМЕРШ. На прошлой неделе центр F передал информацию надежного источника, что крупный чин этой чрезвычайно оперативной организации по уничтожению предателей родины отбыл из Варшавы через Восточный Берлин в Страсбург. Второе бюро и Страсбург сведений не подтвердили, однако их разработка продолжается. Нет новых данных и из штаб-квартиры Намбера в Страсбурге, где активно работает двойной агент (помимо № 1860).

Если бы Намбер знал, что за ним охотится СМЕРШ или что у его хозяев появились подозрения, ему срочно пришлось бы выбирать между самоубийством и бегством; однако, судя по его ближайшим планам, можно предположить, что при всей тяжести своего положения он еще не осознает опасности. Именно его грандиозные планы и вынуждают нас провести рискованную и достаточно необычную операцию, суть которой изложена в конце записки.

В ближайшее время Намбер будет пытаться отыграть потерянные деньги в казино — это самый про-

стой путь, опробованный множеством расхитителей. Игра на бирже требует немалого времени, точно так же медленно окупается незаконная торговля наркотиками и лекарственными препаратами. Никакой тотализатор не примет ставок, по которым Намбер должен играть, чтобы вернуть пятьдесят миллионов, но, если он и выиграет, у него больше шансов получить пулю, чем деньги.

Мы располагаем информацией, что Намбер изъясился из профсоюзной кассы еще двадцать пять миллионов и арендовал сроком на две недели, считая с завтрашнего дня, небольшую виллу севернее Дьеппа. Очевидно, что в один из этих дней он начнет в казино Руаяль-лез-О самую крупную в истории Европы игру. Курортная компания «Руаяль», надеясь переманить завсегдатаев Дорвилля и Туке, уже негласно уступила свой стол баккара и оба больших стола железки синдикату «Мохаммед Эли», банковской группе, принадлежащей египетским эмигрантам, имеющим по слухам в своем распоряжении часть вкладов бывшего египетского короля. Уже многие годы группа пытается принять участие в разделе доходов монопольных владельцев крупнейших карточных домов Франции — Зографоса и его греческих сообщников.

Через посредников в Руаяль-лез-О на этот период приглашены крупнейшие игроки Америки и Европы, и вполне вероятно, что забытый курорт вернет себе часть той славы, какой пользовался в викторианскую эпоху.

По нашим данным, игра начнется 15 июня.

Предлагаемая контроперация.

В наших интересах и в интересах других стран НАТО попытаться дискредитировать и нейтрализовать крупного советского агента, помешать финансированию коммунистического профсоюза, дискредитировать эту мощную «пятую колонну», способную в военное время контролировать большой сектор западной границы Франции, в глазах ее хозяев и развалить ее. Всего этого можно добиться при условии, что Намбер проиграет. (Убирать его бессмысленно. Хозяева Намбера постараются скрыть его финансовые махинации и представят его невинной жертвой.)

Таким образом, мы предлагаем предоставить лучшему из наших игроков необходимые средства, с тем чтобы он вывел Н. из игры. Рискованность такой операции очевидна, возможные потери тяжело скажутся на на-

шем бюджете, однако нами уже проводились операции, на которые выделялись значительные суммы при меньших шансах на успех и нередко ради менее значительных целей.

В случае отрицательного решения остается только передать нашу информацию и предложения Второму бюро или нашим коллегам из ЦРУ. Обе эти организации, безусловно, заинтересуются нашим планом.

Подпись: начальник центра S.

Приложение А.

Фамилия: Намбер.

Другие фамилии: варианты слова «цифра» или «число» на разных языках. Например: «герр Циффер».

Место рождения: неизвестно.

Основные сведения: из перемещенных лиц, принят в лагерь для перемещенных лиц в американской зоне в Германии в июне 1945 года. Отмечены амнезия и паралич голосовых связок (возможно, в обоих случаях симуляция). Голос в результате лечения возвращен, о прошлом, по словам самого Н., он вспомнил лишь то, что был как-то связан с Эльзасом-Лотарингией и Страсбургом, куда он и был направлен в сентябре 1945 года с паспортом апатрида № 304-596. Взял фамилию Намбер (мотивируя тем, что он всего лишь цифра в паспорте). Без имени. Возраст: около 45 лет.

Приметы: рост 1 м 75 см, вес 110 кг, цвет лица матово-бледный. Коротко стрижен, волосы рыжие. Глаза темно-карие, белки глаз открытые. Рот маленький, женский. Вставные зубы исключительного качества. Уши маленькие, с широкими, что характерно для людей с еврейской кровью, мочками. Руки узкие, ухоженные, волосатые. Ступня маленькая. Возможны средиземноморские корни с прусской или польской примесью. Одевается изысканно, носит, как правило, двубортный пиджак темной расцветки. Много курит. Предпочитает «Капорал», пользуется антиникотиновым мундштуком. Постоянно впрыскивает в нос ортедрин. Голос тихий, ровный. Билингв: французский и английский. Хорошо говорит по-немецки. Легкий марсельский акцент. Улыбается редко. Никогда не смеется.

Привычки: расточителен, но не хвастлив. Повышенные сексуальные потребности. Хорошо водит скоростные машины. Отлично владеет оружием, в том числе

ножом, различными видами индивидуального боя. Постоянно имеет при себе три лезвия бритвы: в подкладке шляпы, в каблуке левого ботинка, в портсигаре. Знаком с бухгалтерским делом, хорошо считает. Прекрасный игрок в карты. Постоянно в сопровождении двух вооруженных телохранителей (француз и немец, описания имеются).

Комментарии: опасный советский агент, связанный через Париж с Ленинградом.

Подпись: Архивист.

Приложение Б.

СМЕРШ

Источники: собственные архивы, материалы Второго бюро и ЦРУ.

СМЕРШ — аббревиатура от «Смерть шпионам». Действует под контролем МВД (бывший НКВД) и, вероятно, лично Берию.

Штаб-квартира: Ленинград (филиал в Москве).

В задачу СМЕРШ входит пресечение любых форм предательства и инакомыслия в советских секретных службах в стране и за границей. Самая мощная и «уважаемая» организация в СССР; считается, что СМЕРШ не провалил ни одной карательной акции. Полагают, что СМЕРШ причастен к убийству Троцкого в Мексике (22 августа 1940 года). Вероятно, репутация СМЕРШ основана на успехах в операциях, до того проваленных другими организациями.

После нападения Гитлера на Россию численность СМЕРШ в целях борьбы с предательством и дезертирством во время отступления советских войск была увеличена. В этот период СМЕРШ действовал как карательное подразделение НКВД. Нынешние функции закреплены за ним позже. После войны работники СМЕРШ прошли тщательнейшую чистку. Полагают, что в настоящее время СМЕРШ насчитывает всего несколько сотен высококлассных агентов, работающих по следующим направлениям:

Отдел I — контрразведка в СССР и в советских организациях за границей.

Отдел II — оперативный, включая ликвидацию.

Отдел III — административно-финансовый.

Отдел IV — научный, юридический. Кадры.

Отдел V — судебный. Через этот отдел проходят

все не подлежащие пересмотру дела арестованных. За послевоенное время нами был взят только один агент СМЕРШ: Гойчев, он же Гэррад-Джонс. 7 августа 1948 года в Гайд-парке он стрелял в Петчора, технического работника посольства Югославии. Во время допроса покончил с собой, проглотив пуговицу с цианистым калием. Каких-либо сведений, кроме того что Гойчев работал на СМЕРШ, чем он был весьма горд, получить не удалось.

Полагаем, что жертвами СМЕРШ были следующие британские двойные агенты: Донован, Хартрог-Вэйн, Элизабет Дюмон, Вентнор, Мэйс, Саварин (дополнительная информация в Архиве, центр Q).

Заключение: необходимо любыми усилиями получить дополнительные сведения об этой мощной организации и ликвидировать ее агентов».

Глава III

№ 007

Начальник центра S (подразделения Секретной службы, занимающегося Советским Союзом) настолько дорожил своим планом нейтрализации Намбера — впрочем, идея действительно принадлежала ему, — что лично поднялся с запиской на последний этаж мрачного здания, из окон которого открывается вид на Риджентс-парк. Здесь, миновав обитую дверь и дойдя до конца коридора, он вошел в последний кабинет.

Не замедляя шага, он направился к столу начальника штаба при М., молодого парня, бывшего сапера, обязанного своим назначением в члены секретариата комитета начальников штабов ранению, полученному в 1944 году во время диверсионной операции. Несмотря на оба этих испытания, сапер сохранял чувство юмора.

— Привет, Билл. Хочу подбросить шефу бомбу. Я пришел вовремя?

— Что скажете, Пенни? — повернулся Билл к личной секретарше М., с которой он делил кабинет.

Мисс Манипенни была бы обворожительной женщиной, если б не ее взгляд: холодный, прямой и насмешливый.

— Как нельзя вовремя. С утра М. одержал небольшую

победу над Форин Оффис, но вот уже полчаса, как к нему никто не заходил.

Она подбадривающе улыбнулась — исключительно для начальника центра S, который был симпатичен ей и сам по себе, и как руководитель важного подразделения.

— Отлично, вручаю вам, Билл, этот плод с дерева фантазий. — Он протянул черную папку с красной звездочкой — значком «совершенно секретно» — на обложке. — И ради бога, проявите свою смекалку, когда будете принуждать шефа к чтению. Передайте, что я жду здесь. Возможно, потребуется дополнительная информация. Во всяком случае попробую не дать вам его отвлечь, пока он будет читать.

— Договорились, сэр. — Штабист нажал кнопку селектора и низко наклонился к микрофону.

— Да? — слышался спокойный голос М.

— У начальника центра S для вас важный документ, сэр.

— Приносите, — ответил М. после секундной паузы.

Бывший сапер выключил селектор и, прихрамывая, пошел к двойной двери, ведущей в кабинет М.

— Спасибо, Билл, — кивнул ему начальник центра. — Я буду в соседней комнате.

Когда Билл выходил от М., над дверями вспыхнула маленькая голубая лампочка — просьба не беспокоить.

Позже на радостях начальник центра S сказал своему первому заместителю:

— С последним пунктом мы чуть не погорели. Он заявил, что это диверсия и шантаж, и говорил почти серьезно. Но в конце концов согласился, что идея, хотя она и кажется ему безумной, стоит того, чтобы ее разработать, если казна отпустит деньги, а он думает, что она отпустит. Он собирается им сказать, что это лучше, чем вкладывать деньги в полковников-дезертиров, которые уже через два месяца обработки становятся двойными агентами. М. очень хотел бы заполучить Намбера, и у него уже есть на примете подходящий человек. Он хочет попробовать его в этом деле.

— Кто это?

— Один из двойных нулей — думаю, 007. Крепкий парень, хотя М. опасается, что с охраной Намбера придется повозиться. Похоже, 007 очень силен в картах: перед войной, ведя вместе со Вторым бюро двух румын, он два меся-

ца продержался в Монте-Карло и привез не только румын, но еще и десять миллионов выигрыша.

В ту пору десять миллионов франков было целым состоянием.

Беседа Джеймса Бонда с М. была недолгой.

— Что вы на сей счет скажете? — спросил М., когда Бонд вновь появился у него в кабинете, прочтя записку центра S и позволив себе еще минут десять полюбоваться деревьями из окна комнаты ожидания.

У М. были ясные и пронзительные глаза.

— Весьма любезно с вашей стороны, сэр. Я хотел бы заняться этим делом. Но обещать, что выиграю, не могу. В баккара, как и в тридцать-сорок, шансы особенно велики при маленькой ставке, если сложится игра. Здесь игра будет большая, «окна» по полмиллиона. Я этого опасуюсь.

Холодный взгляд М. остановил Бонда. Все это М. знал, риск в баккара ему был известен не хуже Бонда. Такова была его профессия — знать риск каждой операции, знать людей, своих и противника. Сейчас Бонд хотел, чтобы М. забыл о его сомнениях.

— Ему тоже может не идти карта, — проговорил наконец М. — У вас будет большая сумма. Около двадцати пяти миллионов, как и у него. Десять получите сразу, еще десять мы перешлем, когда освоитесь. Остальные пять миллионов сможете выиграть сами. — Он улыбнулся. — Поезжайте заранее, разомнетесь. Гостиница, билеты, снаряжение — это к Q. Все, что касается денег, — к казначею. Со Вторым бюро я договорюсь. Это их территория, и было бы отлично, если б они не встали в позу. Попробую уговорить их послать Матиса. Вы, кажется, сработались в Монте-Карло? Вашингтон будет в курсе, дело касается НАТО. У ЦРУ есть один или два человека в Фонтенбло, в союзнической разведке. Все, как будто?

— Я бы очень хотел, чтобы со мной работал Матис, — кивнул Бонд.

— Хорошо, хорошо, посмотрим. Постарайтесь, чтобы вам повезло. Иначе нас засмеют — миленькое дельце. И поосторожнее: не думаю, что будет легко. Намбер — серьезный противник. Все, удачи.

— Благодарю вас, сэр. — Бонд направился к дверям.

— Еще секунду.

Бонд обернулся.

— Возможно, дам вам прикрытие, Бонд. Две головы

лучше, и потом вам нужен будет человек для связи. Я подумаю, кого послать. Вас найдут в Руаяль-лез-О. Не беспокойтесь, подберу вам, кого надо.

Бонд предпочел бы работать в одиночку, но спорить с М. не полагалось. Он вышел из кабинета, желая только одного: чтобы человек, которого к нему пошлют, оказался проверенным, не идиотом и не честолюбцем, что было бы еще хуже.

Глава IV

Соседи

В Руаяль-лез-О он прибыл после полудня. Никто не попытался выйти с ним на связь, не заметил он и любопытства в глазах портье, выдавшего ключ «Джеймсу Бонду, проживающему в Порт-Марии, Ямайка».

М., похоже, не слишком занимал вопрос «крыши» Бонда.

— Выберите что-нибудь приемлемое для публики, окочивающейся в казино, — буркнул он.

Бонд хорошо знал Ямайку, поэтому попросил разрешения держать связь через Кингстон и работать под богатого островитянина, чей отец сделал состояние на табаке и сахаре, а сын предпочитает рисковать деньгами на биржах и в казино. Если бы кто-нибудь поинтересовался подробностями, он мог бы сослаться на Чарлза Да Силва из фирмы «Каффери». Чарлз подтвердил бы все, что нужно.

Оба следующих вечера и большую часть ночи Бонд провел в казино, играя сложные мартингалы на чет-нечет в рулетку. Если ему предлагали партию в железку с крупным банком, он тут же соглашался. Когда проигрывал, «тянулся» за банком, но отказывался, если проигрывал два раза кряду.

Так он добрал еще три миллиона, одновременно тренируя нервы и то, что называется чувством карты. Но главное, он смог понаблюдать, как держится за столом Намбер, и отметил, что карта ему идет и играет он без ошибок.

Завтракать Бонд любил плотно. После холодного душа он устроился за столом перед окном и, любуясь солнечным утром, выпил большой бокал апельсинового сока, съел «хэм энд эггз» из трех яиц и запил все двумя большими

чашками черного кофе без сахара. После чего закурил первую сигарету. Он курил смесь турецких и балканских табаков, которую специально для него делали в магазине «Морлэнд» на Гросвенор-стрит. Медленные волны таяли на песке длинного пляжа, к горизонту, над которым уже дрожало море, тянулись рыбацкие лодки из Дьеппа, вокруг них носились серебристые чайки.

Телефонный звонок прервал его размышления. Звонил консьерж, чтобы сообщить, что представитель «Радио Стентор» доставил из Парижа приемник, который он заказывал, и ждет внизу.

«Радио Стентор» было прикрытием Второго бюро для своего связного. Бонд посмотрел на дверь, надеясь увидеть Матиса.

В номер чинно, как и подобает деловому человеку, действительно вошел Матис, неся большую прямоугольную коробку. Бонд широко улыбнулся; он с радостью обнял бы Матиса, если бы тот не подал ему знак глазами, а потом, тщательно заперев дверь, не показал свободной рукой на потолок.

— Я из Парижа, сэр. Наша фирма доставила для вас приемник, который вы заказывали: пять ламп, супергетеродин, так, кажется, это называется по-английски. Ловит практически все столицы Европы.

— Судя по всему, это хороший приемник, — сказал Бонд, пытаясь догадаться, что бы все это могло значить.

Не реагируя на немой вопрос Бонда, Матис установил распакованный приемник перед камином.

— Сейчас начало двенадцатого, из Рима на средних волнах должны идти музыкальные передачи. Попробуем?

Он подмигнул и повернул ручку громкости до предела. Но, хотя красная лампочка настройки светилась, приемник безмолвствовал.

Матис покопался в задней стенке, и комната наполнилась чудовищными хрипами. Несколько секунд он выжидал с довольным видом, потом выключил радио.

— Прошу прощения, сэр. Ошибка настройки.

Матис вновь склонился к шкале, и через мгновение из динамика полилась мелодичная песня. Он выпрямился, хлопнул Бонда по плечу и крепко пожал ему руку.

— Ладно, теперь объясни, что это за чертовщина, — попросил Бонд.

— Дружище, — ответил Матис, — вас засветили, как

говорится, от и до. В эту самую минуту над нашей головой, — он показал пальцем в потолок, — некий господин Мюнц со своей якобы супругой, будто бы заболевшей гриппом, сидит оглохший и, надеюсь, сильно расстроенный. — Поймав недоверчивый взгляд Бонда, Матис улыбнулся, сел на кровать и ногтем распечатал пачку «Капорал». Бонд ждал.

Довольный произведенным впечатлением, Матис заговорил серьезно:

— Как все произошло, не знаю. Наверное, они начали вести вас еще до вашего приезда сюда. Подготовились они основательно. Кстати, Мюнц — немец, она — из Центральной Европы, вероятно, чешка. Так вот, отель этот старый. Когда-то здесь были отличные каминь. Теперь дымоходы прочистили, а в каминь вставили обогреватели. А вот в этом месте, — он ткнул пальцем в стену сантиметров на пятнадцать-двадцать выше обогревателя, — висит мощный комбинированный микрофон. Провода от него по дымоходу протянуты в комнату Мюнцев, а у них там усилитель и магнитофон с наушниками. Слушают они по очереди, поэтому мадам Мюнц гриппует и обедает в номере, а мсье Мюнц не может оставить свою больную супругу одну и ради нее отказывается от солнечных ванн и прочих прелестей этого прекрасного курорта. Все это мы выяснили отчасти благодаря тому, что мы во Франции вообще очень умные, и еще потому, что развинтили ваш обогреватель за несколько часов до вашего приезда.

Бонд внимательно осмотрел винты, которыми обогреватель крепился к стене. На них были чуть заметны свежие царапины.

— Ну, продолжим нашу комедию, — сказал Матис, наклонился к приемнику и щелкнул выключателем. — Вы удовлетворены, сэр? — спросил он. — Согласитесь, замечательная четкость воспроизведения. Отличный аппарат. — Рукой он очертил в воздухе круг, после чего выразительно вскинул брови.

— Такая хорошая передача, — понял его Бонд, — если возможно, дослушаем ее до конца.

Он улыбнулся, представив, какими взглядами сейчас обменялись Мюнцы.

— Приемник безусловно хороший. Именно такой я хотел привезти с собой на Ямайку.

Матис саркастически усмехнулся и вновь включил музыку.

— Ох, уж эта ваша Ямайка! — Матис плюхнулся на кровать.

— Ладно, что случилось, то случилось, — заговорил Бонд серьезно. — Мы и не рассчитывали, что эта крыша надолго. Но чтобы так оперативно... — Бонд терялся в догадках, как такое могло случиться. Возможно ли, что русским удалось получить один из их кодов? Если так, то ему остается только упаковать чемоданы и вернуться в Лондон: операция обречена на провал.

Матис будто читал его мысли.

— Не похоже, что это из-за шифра, — сказал он. — Во всяком случае мы немедленно предупредили Лондон, и они его, кажется, поменяли. Да и мы тут без дела не сидели, — улыбнувшись, заверил он своего друга-соперника. — А теперь к делу, пока наши музыканты не выдохлись. Прежде всего, — он глубоко затыкнулся своим «Капоралом», — ваш второй номер. Мне кажется, вы будете довольны. Она очень красивая девушка. Очень красивая, — повторил он, вздохнув. Довольный реакцией Бонда, он продолжал. — Черные волосы, голубые глаза, выдающиеся формы — со всех точек зрения. Она специалист по радиосвязи. При близком знакомстве это, конечно, не так важно, но незаменимо для сотрудницы «Радио Стентор» и помощницы в моих многотрудных заботах представителя этой фирмы на богатом курорте. Мы оба поселились здесь, в отеле, так что моя помощница будет у вас всегда под рукой на случай, если у вашего нового радиоприемника обнаружится неисправность. Все новые аппараты, даже французские, дня два могут барахлить, — добавил он, подмигнув.

Бонд не разделял его веселья.

— Дьявол, зачем это? Что тут может женщина? Они что, думают, мы на пикнике?

— Успокойтесь, дорогой Джеймс. Ваша коллега серьезна ровно настолько, насколько вам это необходимо, и холодна, уверяю вас, как ледышка. По-французски она говорит, как француженка, дело знает до тонкостей. Прикрытие у нее самое подходящее. Что может быть естественнее, если вы, ямайский миллионер... — Матис почтительно кашлянул, — горячая кровь и все такое прочее... познакомьтесь здесь с красивой девушкой! Да без спутницы вы будете выглядеть, словно голый!

— Есть еще сюрпризы? — буркнул Бонд.

— Мелочи. Намбер уже поселился на вилле. Это в пят-

надцати километрах отсюда по дороге вдоль берега. С ним живут два телохранителя. Ребята, похоже, способные. Один из них навел на небольшой пансионат, где два дня назад объявились трое, если по документам, то — чехов-апатридов, хотя наш человек утверждает, что говорят они по-болгарски. Болгары появляются здесь не всякий день, нам привычнее турки и югославы. Не Сократы, но исполнительны. Русские используют их для несложных убийств и дают подержать свечку в более сложных делах.

— Большое спасибо. Хорошо, если бы дело пришлось иметь только с ними, — сказал Бонд и спросил. — Что еще?

— Все. Приходите перед обедом в бар отеля «Эрмитаж» на смотрины. Пригласите девушку поужинать — так вам будет удобнее взять ее с собой в казино. Я там буду с парочкой отличных ребят. Да, забыл! В отеле живет американец Лейтер. Он из отделения ЦРУ в Фонтенбло. Лондон просил вам это передать. Он классный парень и может нам быть полезен.

Из динамика слышалась итальянская речь, и Матис выключил приемник. Они еще немного поговорили о покупке и ее оплате, попрощались, и Матис откланялся.

Бонд сел у окна и сосредоточился. То, что сообщил Матис, не обнадеживало. Его вычислили и вели настоящие профессионалы. Возможно, они попытаются вывести его из игры еще до того как он сядет с Намбером за стол. У русских нет предрассудков по поводу ликвидации агентов. А теперь еще эта красotka. Он вздохнул. Женщины нужны для отдыха. В работе их прелести и чувства только помеха. Одни заботы.

— Идиоты, — сказал Бонд и, вспомнив о Мюнцах, повторил громче. — Идиоты! — и вышел из номера.

Глава V

Девушка из Центра

Когда Бонд вышел из «Сплэндида», часы на башне мэрии отбивали полдень. В воздухе стоял густой запах хвои — рядом была сосновая роща; сад вокруг казино, свежесполитый, с аккуратными цветниками и удобно проложенными дорожками, посыпанными каменной крошкой,

придавал этим декорациям ненавязчивую условность, более подходящую для балета, чем для мелодрамы.

День выдался солнечным, во всем чувствовалось какое-то искрящееся веселье — возможно, этот маленький курортный городок после стольких лет упадка действительно начинал новую эру популярности и процветания.

Руаяль-лез-О, расположенный в устье Соммы, в том месте, где ровный берег с песчаными пляжами еще не уперся в тянущиеся до самого Гавра белые утесы плато, почти повторил судьбу Трувилля.

Маленькая рыбацкая деревушка, когда-то называвшаяся просто Руаяль, превратилась в изысканный курорт еще при Наполеоне III. Мода на него, однако, держалась недолго. Так же, как в свое время Довиль после долгой борьбы разорил Трувилль, Туке практически уничтожил Руаяль.

В начале века, когда дела курортного городка шли очень плохо, поскольку в моду вошло совмещать светское безделье с лечением минеральными водами, неподалеку от Руаяля на холмах был открыт источник щелочной воды, полезной при заболеваниях печени. Как известно, французы все до единого страдают печенью, и Руаяль не замедлили превратить в Руаяль-лез-О, что значит Руаяль-на-водах, а сама вода «Руаяль», разлитая по бутылкам-торпедам, появилась в меню гостиниц и вагонов-ресторанов и незаметно пробралась в реестр лечебных вод.

Однако борьба с такими опытными и сплоченными противниками, как «Виши», «Перье» и «Витель», длилась недолго. Последовал период судебных разбирательств; множество людей потеряли много денег, и очень скоро продажа воды ограничилась пределами городка и близлежащих селений. Бюджет курорта вынужден был отныне ограничиться тем, что оставляли здесь летом отпускники-французы и редкие англичане; зимой — тем, что зарабатывала местная рыбацкая флотилия. Живописно облупившееся казино, в барочном здании которого все еще витал дух роскоши викторианской эпохи, подбирало крохи со столов казино в Туке. После войны вторую жизнь обрели Брайтон, Ницца. Ностальгия по временам позолоты и роскоши становилась источником дохода. В 1950 году к Руаялю вдруг проявил интерес некий парижский синдикат, распоряжающийся средствами бывших вишистов. Казино было отреставрировано, его бело-золотой фасад подновили, салоны отделали в бледно-серые тона, снабдили бордовыми

коврами и занавесями. Потолки украсили громадными люстрами. Были приведены в порядок сады, заработали фонтаны, вновь открылись оба больших отеля — «Спленид» и «Эрмитаж».

Даже городок и старый порт постарались изобразить — в который уже раз — приветливую улыбку. На центральной улице появились витрины парижских ювелиров, которые, несмотря на быстротечность курортного сезона, открыли в бесплатно предоставленных им помещениях свои салоны. Вот тогда-то и был приглашен в Руаяль-лез-О синдикат «Мохаммед Эли», взявшийся организовать крупную карточную партию. Городские власти очень надеялись, что со временем удастся вынудить Туке поделиться частью своих громадных доходов.

Бонд смотрел на залитый солнцем городок и думал о том, сколь странно и нелепо его задание, и о том, что мрачная роль, которую он должен сыграть, по сути, оскорбление для остальных актеров, занятых в этой драме.

Расправив плечи, он отогнал от себя эти мысли, вызванные минутной слабостью, и, вернувшись к отелю, спустился по эстакаде в подземный гараж. До встречи в «Эрмитаже» он решил совершить небольшую прогулку на машине вдоль побережья, взглянуть на виллу Намбера, а на обратном пути доехать до автострады, ведущей в Париж.

В отношении машин Бонд придерживался самых консервативных взглядов. Еще в 1933 году он приобрел одну из последних моделей «бентли», почти новую, с турбонаддувом «Амхерст Виллиерс». Всю войну она простояла в надежном месте, и каждый год ее осматривал бывший механик с заводов «Бентли», работавший в гараже неподалеку от дома Бонда в Челси; этот старик относился к машине с ревностным вниманием.

Бонд водил машину агрессивно, испытывая при езде почти физическое наслаждение. Его «бентли» стального цвета был с откидным — действительно откидным! — верхом и мог держать скорость 145 километров в час с запасом мощности еще на полсотни километров.

Бонд вывел машину из гаража, проскочил эстакаду и через секунду уже несся по бульвару, откуда свернул на оживленную заднюю улочку и поехал вдоль дюн по направлению к югу.

Через час Бонд вошел в бар «Эрмитажа» и сел за столик у одного из больших окон.

Бар напоминал выставку тех в высшей степени мужских игрушек, которые символизируют во Франции благополучие: жесткошерстные таксы, лежащие у ног своих хозяев, медовый аромат английского табака, всевозможные зажигалки на столиках перед посетителями. Все вокруг было либо светлого лакированного дерева, либо кожаным, с медными заклепками. Шторы и ковры одного голубого цвета. Официанты — в белых куртках с золотыми эполетами. Бонд заказал себе «американо» и стал рассматривать посетителей, одетых, все как один, элегантно, но без чувства меры. Как видно, все это были парижане. За столиками оживленно беседовали, похоже, о чем-то исключительно важном — в баре царила атмосфера, обычная для всех баров в час аперитива. Мужчины то и дело заказывали себе новые четверти шампанского, женщины пили сухой «мартини».

— *Moi, j'adore le dry!* * — воскликнула радостная юная особа за соседним столом. Ее спутник, несколько не по сезону одетый в безупречный твидовый костюм, смотрел на нее, положив руки на дорожную, увитую плющеной золотой проволокой трость, восхищенными глазами. — *Mais le dry fait avec du Gordon, bien entendu* **.

— *D'accord, Daisy. Mais tu sais, un zeste de citron...* ***

Внимание Бонда привлекла показавшаяся на тротуаре высокая фигура Матиса. Вместе с ним шла брюнетка в темном костюме. Матис поддерживал ее под руку, чуть выше локтя, тем не менее они не производили впечатление ни супружеской пары, ни просто близко знакомых; в профиле молодой женщины чувствовалась некоторая ироничная холодность. Бонд видел, как они вошли в бар, но продолжал, соблюдая правила игры, рассматривать прохожих.

— Ну да, это же мсье Бонд! — услышал он у себя за спиной радостный голос Матиса.

Бонд встал, как и подобало, приятно удивленный.

— Вы один?.. Или вы кого-то ждете?.. Позвольте представить вам мою коллегу мадемуазель Линд. Дорогая, познакомься, это господин Бонд с Ямайки, я имел удовольствие общаться с ним сегодня утром.

Бонд поклонился радушно, но не без сдержанности, приглашая садиться.

* Я обожаю «драй» (фр.).

** Но, разумеется, «драй» с «Гордоном» (фр.)

*** Я согласен, Дэйзи. Но, знаешь, немного лимонной цедры... (фр.)

— Я один, и вы доставите мне большое удовольствие, если посидите со мной, — сказал он, поклонившись спутнице Матиса.

Он пододвинул ей стул и, пока Матис и его знакомая устраивались, подозвал официанта. Несмотря на протесты Матиса, он заказал коньяк и «бакарди» для гостей.

Матис и Бонд громко обменялись несколькими фразами о хорошей погоде и о возрождении Руаяль-лез-О. Девушка сидела молча. Бонд предложил ей сигарету. Она закурила, похвалила табак, но без излишних восторгов; курила она, глубоко и резко затягиваясь. Ее движения были точными, легкими, без намека на самолюбование.

Спутница Матиса произвела на Бонда впечатление. Беседуя с Матисом, он то и дело поворачивался к ней, как бы вежливо приглашая ее к разговору, и с каждым разом находил новое подтверждение первому ощущению.

Густые, очень темные волосы обрамляли лицо. Они чуть закрывали концами изящную линию подбородка и ровно спадали сзади. При каждом движении волосы рассыпались у нее по лицу, но она не обращала на это никакого внимания. У нее были широко поставленные ярко-голубые глаза; взгляд прямой, но с оттенком насмешливого равнодушия. На слегка загорелом лице не было косметики, только яркая помада на красивых губах. Короткие ногти без всякого лака как бы подчеркивали сдержанность ее натуры; эта сдержанность чувствовалась во всем, вплоть до скупых движений оголенных рук. Украшения ее тоже нельзя было назвать кричащими — золотая цепочка из широких плоских звеньев на шее и кольцо с топазом на безымянном пальце. Средней длины серое шелковое платье с широким черным ремнем было скроено так, чтобы подчеркнуть восхитительную форму груди. У нее была черная, под цвет ремня, сумочка, рядом на стуле лежала золотистая соломенная шляпка с широкими полями и черной лентой, завязанной сзади в бант. Того же цвета были и туфли.

Бонд был заинтригован ее красотой и манерой держаться. Перспектива работать в паре с ней показалась ему весьма интересной. Хотя... Бонд непроизвольно постучал костяшками пальцев по дереву стола. Заметив несколько озабоченный вид Бонда, Матис встал.

— Прощу извинить, — обратился он к своей спутнице, — мне необходимо позвонить в Дюберн, я должен

договориться о встрече на вечер. Надеюсь, вы не будете скучать, если я вас на сегодня покину?

Она молча кивнула.

Бонд немедленно воспользовался тем, что Матис направился к телефонной кабине возле стойки.

— Если вы вынуждены провести этот вечер в одиночестве, может быть, вы согласитесь поужинать со мной? — предложил он.

Она понимающе улыбнулась.

— С удовольствием. Заодно вы можете показать мне казино. Мсье Матис сказал мне, что вы там знаете все и всех. А вдруг я принесу вам удачу?

С уходом Матиса отношение девушки к Бонду стало менее прохладным. Она как будто догадывалась, что их совместная работа здесь, возможно, окажется не такой уж простой, и, когда они условились о времени и месте встречи, Бонд понял, что ему будет вовсе не сложно обговорить с ней все детали плана. Ему показалось, что она с интересом и даже с азартом играет свою роль, так что работа с ним, вероятно, доставит ей удовольствие. Еще час назад он безрадостно думал о том, как трудно будет установить с новым человеком, тем более женщиной, нормальный рабочий контакт, теперь же он чувствовал, что может спокойно говорить с ней как с профессионалом. Впрочем, он был совершенно искренен с собой, размышляя о своем отношении к ней: она женщина, и ему хотелось бы переспать с ней, но только после того как закончится операция.

Когда Матис вернулся, Бонд попросил официанта принести счет, сказав, что его ждут в отеле друзья. Прощаясь, он на секунду задержал руку своей новой знакомой и почувствовал, что в их отношениях появился теплый оттенок взаимной симпатии и понимания.

Заметив, что его спутница проводила Бонда, вышедшего на бульвар, довольно внимательным взглядом, Матис придвинул свой стул поближе к столу.

— Это мой очень хороший друг, — сказал он тихо. — Я рад, что вы познакомились. Насколько я понял, пока меня не было, ваши отношения потеплели, — прибавил он с улыбкой. — Не думаю, что Бонд может окончательно оттаять, это был бы для него совершенно новый опыт, ну, а для вас...

Она ответила уклончиво.

— По-моему, очень приятный человек. Он немного напоминает мне Хью Кармайкла...

Девушка не договорила. В эту секунду окно рядом с ними со звоном лопнуло. Сильный взрыв опрокинул их на пол. Что-то с грохотом рухнуло на тротуар. С полки позади стойки бара одна за другой падали бутылки. Кругом стоял крик, люди бросились из бара на улицу.

— Не двигайтесь! — прокричал ей Матис.

Он отшвырнул ногой стул и через окно выскочил на тротуар.

Глава VI

Двое в соломенных шляпах

Выйдя из бара, Бонд неторопливо пошел вдоль тенистого бульвара в сторону отеля, до которого было всего несколько сотен метров.

День становился все жарче, но в тени платанов было свежо. Людей на бульваре почти не было, поэтому двое мужчин, стоявших под деревом на другой стороне бульвара, привлекли его внимание.

Бонд заметил мужчин, когда до них оставалось около ста ярдов. От них до «Сплэндида» было примерно столько же.

Выглядели оба довольно странно: низкорослые, одетые в одинаково темные и не по погоде плотные костюмы, они были похожи на артистов-комиков из мюзик-холла, ожидающих в условленном месте автобуса, который должен повезти их на представление. Оба были в соломенных шляпах с широкой темной лентой — видимо, в дань праздничной атмосфере курорта. Поля шляп и тень дерева скрывали их лица. Совершенно неожиданными в облике этих мрачных людей были яркие футляры фотоаппаратов: у одного — красный, у другого — синий.

Бонду оставалось пройти до них еще пятьдесят ярдов, он спокойно размышлял о разных видах оружия и о том, как от какого себя защищать, когда у него на глазах стало разворачиваться неожиданное и жуткое действо.

Человек с красным фотоаппаратом чуть заметно кивнул. Другой мгновенно сорвал с плеча свой синий аппарат, склонился над ним, что-то регулируя. Что именно, Бонд не заметил, ему помешало дерево. В тот же миг полыхну-

ла ослепительная вспышка, за ней раздался взрыв, и Бонда, хотя его закрывал ствол платана, легко, как пушинку, бросило опалившей ему лицо и грудь раскаленной взрывной волной на землю и понесло по брусчатке...

Он лежал на спине, не мигая, глядя на солнце, когда ветер (по крайней мере, так ему показалось) с гулом, как если бы били по басовым струнам рояля кувалдой, пронесся над ним.

Когда оглохший, едва не теряя сознание, он встал на одно колено, сверху на него посыпался град окровавленных ошметков, обрывков одежды, веток и камней. Потом начали падать листья. Бонд посмотрел вверх. В небо поднимался гриб черного дыма.

В воздухе стоял отвратительный запах пороховой гари и жареного мяса. Платаны на полсотню метров в одну и другую стороны стояли без листьев, многие обгорели. Два вырванных с корнями дерева лежали, перегораживая бульвар. Между ними еще дымилась небольшая воронка. От двух клоунов в соломенных шляпах не осталось ничего, если не считать красных пятен на дороге, тротуаре, стволах деревьев и окровавленных лохмотьев на ветвях. Бонда стошнило.

Первым к нему подбежал Матис. К этому времени Бонд уже поднялся и стоял, опершись рукой на спасшее ему жизнь дерево. В шоке, но невредимый, он безмолвно позволил Матису обхватить себя и повести в «Спленидид», откуда с криками выскакивали насмерть перепуганные люди. Когда вдалеке послышалась сирена скорой помощи и полиции, они поспешили протиснуться сквозь толпу и подняться в номер к Бонду.

Матис тут же включил радиоприемник и, не дожидаясь, пока Бонд снимет с себя перепачканную кровью одежду, стал задавать вопросы. Услышав, как выглядели те двое, Матис бросился к телефону.

— ...И передайте полиции, — сказал он под конец, — что я сам займусь тем англичанином с Ямайки, которого помяло взрывом. С ним все в порядке, и пусть его не беспокоят. Я им все объясню через полчаса. Нужно сказать журналистам, что это было, вероятно, сведение счетов между двумя болгарскими коммунистами: один убрал другого с помощью бомбы. О третьем, который скорее всего находился где-то поблизости, им знать не обязательно,

но найти его нужно во что бы то ни стало. Он наверняка ринулся в Париж. Блокировать все дороги. Alors, bonne chance

Матис повернулся к Бонду, и тот закончил свой рассказ.

— Merde! ** Но вам здорово повезло! — воскликнул француз. — Ясно, что бомба предназначалась для вас. У них что-то не сработало... Не беспокойтесь. Мы разберемся. Эти болгары, — сказал он, помолчав, — похоже, взяли за вас всерьез. Не пойму только, как они думали уходить? И зачем разноцветные фотоаппараты? Нужно поискать, что от них осталось.

Матис был возбужден, глаза его блестели. Для него был неожиданным драматический поворот в деле, в котором его роль первоначально сводилась лишь к тому, чтобы держать шляпу Бонда, пока тот будет обыгрывать Намбера. Он поднялся.

— Теперь вам нужно что-нибудь выпить, пообедать и немного отдохнуть, — посоветовал он. — А я должен успеть на место, пока полиция не затоптала все следы.

Матис выключил радио и махнул рукой на прощание. Дверь захлопнулась, в комнате стало тихо. Бонд сел к окну и почувствовал радость оттого, что еще жив.

Позже, когда Бонд уже допивал чистое виски со льдом и с удовольствием смотрел на поднос с паштетом и лангустом под майонезом, который только что поставил перед ним официант, зазвонил телефон.

— Это Линд, — девушка говорила взволнованно и тихо. — С вами все в порядке?

— Да, вполне.

— Я рада. И пожалуйста, берегите себя.

Она повесила трубку.

Несколько секунд Бонд размышлял над этим звонком, затем взял нож и выбрал самый толстый кусок поджаренного хлеба.

«С их стороны на двоих меньше, — подумал он, — а с моей — на одного больше. Неплохое начало».

Он опустил нож в стакан с горячей водой, стоящий рядом с горшочком из страбургского фарфора, и отметил про себя, что ему следует удвоить чаевые официанту за этот прекрасный паштет.

* Ну, желаю удачи (фр.)

** Черт! (фр.)

Глава VII

Красное и черное

Бонд был настроен сесть за игру, которая могла затянуться почти на всю ночь, бодрым и хорошо отдохнувшим. К трем часам он вызвал массажиста. После того как со стола убрали, он сел у окна и любовался морем до тех пор, пока в дверь не постучали.

Массажист-швед молча принялся за работу. Массируя, он постепенно снимал напряжение мускулов и нервов. Даже длинные красные ссадины на левом плече и боку перестали болеть. Как только швед ушел, Бонд мгновенно заснул.

Проснулся он под вечер, чувствуя себя совершенно отдохнувшим. Он принял холодный душ и пешком отправился в казино. За сутки чувство игры могло ослабнуть, и ему было необходимо вновь ощутить в себе ту сосредоточенность, состоящую наполовину из расчета, наполовину из интуиции, которая вкупе с раздраженным пульсом и сангвиническим темпераментом составляла, он это знал, необходимое снаряжение всякого готового к выигрышу игрока.

Бонд всегда был игроком. Ему нравились сухой треск карт и вечная немая драма застывших вокруг зеленого сукна хладнокровных людей. Ему нравился солидный и привычный комфорт карточных салонов и казино, мягкие подлокотники кресел, виски или шампанское рядом с каждым игроком, сдержанные, внимательные официанты. Его забавляли беспристрастность рулеточного шарика и карт и в то же время их вечная предвзятость. Ему нравилось быть одновременно актером и зрителем и, сидя в своем кресле, влиять на поступки и судьбы людей, когда наступит его черед сказать «да» или «нет».

Но больше всего он любил то, что ответственность за все происходящее здесь ложится на него одного.

Поздравлять и ругать за все ему нужно только самого себя. И удачный шанс должен быть принят либо как везение, либо как возможность использовать его до конца. Нужно только уметь увидеть этот шанс и не спутать с якобы вычисленной вероятностью. Смертельный грех — считать невезение ошибкой тактики. Каким бы ни был твой шанс, его надо любить, а не бояться. И Бонд смотрел на

любой свой шанс, как на женщину, которую нужно завоевывать осторожно, но овладевать ею решительно.

Впрочем, он знал: пока еще он ни разу не страдал ни из-за карт, ни из-за женщины, но когда-нибудь — и он заранее смирился с этим — или любовь, или удача поставят его на колени. Он знал, что, когда это случится, в его взгляде застынет тот же немой вопрос, который он так часто видел в глазах тех, кто сидел против него за карточным столом, — вопрос, который означал и приносимую еще до проигрыша клятву оплатить долг, и отказ от веры в свою непобедимость.

Но в этот июньский вечер, проходя черех «кухню» в игровой зал, он уверенно, с улыбкой обменял миллион франков на жетоны по пятьдесят тысяч и сел рядом с крупье за первую рулетку.

Попросив у служащего список выигравших номеров, Бонд изучил его с самого начала. Он неизменно начинал игру именно так, хотя знал, что каждый поворот колеса рулетки, каждое движение шарика, прежде чем он ляжет в пронумерованную ячейку, никак не связаны со всем, что было в предыдущих партиях. Он знал, что игра начинается заново всякий раз, когда крупье берет в правую руку шарик из слоновой кости, резким движением той же руки закручивает колесо по часовой стрелке и все той же рукой пускает шарик по краю колеса в направлении, противоположном вращению и, стало быть, времени.

Было очевидно, что устройство самой рулетки и весь этот ритуал за многие десятилетия выверены настолько, что ни хитрость, ни малейший наклон колеса не могли повлиять на движение шара. Тем не менее среди завсегдатаев рулетки существовал обычай, и Бонд следовал ему, вести тщательные записи хода партии и замечать все особенности вращения колеса. Обязательно бралось на заметку и считалось значимым, если повторялась одна и та же цифра или четырежды выпадали другие комбинации, включая чет-нечет.

Бонд не был ярым поклонником этой традиции. Он только утверждал, что с чем большим вниманием и фантазией ведется игра, тем больше выигрыш.

В выпавших за три часа игры на этом столе номерах Бонд не увидел для себя ничего интересного, если не считать того, что почти не выпадали номера из последней дюжины. Он привык играть так, как подсказывало ему колесо, и менял тактику, только когда выпадал «зеро». И

на этот раз он начал с одной из своих излюбленных комбинаций, сделав максимальную ставку на каждую из двух первых дюжин, то есть всего сто тысяч. Таким образом он закрывал две трети цифр, за исключением «зеро», и, поскольку дюжины оплачивались один к трем, он выигрывал сто тысяч всякий раз, когда выпадала цифра меньше двадцати пяти.

Он выиграл все шесть первых ставок. Седьмую, когда выпало «тридцать», проиграл. Его чистый выигрыш составил полмиллиона франков. Чутье подсказало Бонду пропустить одну ставку. Крупье бросил шарик. На этот раз выпал «зеро». Можно было продолжать.

Бонда приободрила выпавшая ранее «тридцатка», и сочтя, что теперь должна выигрывать третья дюжина, он решил ставить на первую и третью до тех пор, пока дважды не выпадет середина. На одиннадцатой и двенадцатой ставках он проиграл четыреста тысяч, но отошел от стола все же с чистым выигрышем в сто десять тысяч.

Бонд, называвший ставки по максимуму, быстро оказался в центре внимания всего стола. Поскольку ему везло, к нему тут же пристроилось несколько игроков. Один из них, сидевший по другую сторону стола, судя по всему, американец, разделял с ним радость от выигрыша с излишними непосредственностью и проявлениями симпатии. Раз за разом он широко улыбался Бонду и ставил свои скромные жетончики по десять тысяч франков рядом с большими фишками Бонда. Когда Бонд встал из-за стола, американец поспешил отодвинуть свой стул и без церемоний заговорил.

— Спасибо за эту экскурсию с прекрасным гидом. Я ваш должник. Вы не откажетесь выпить со мной?

Бонд был почти уверен, что этот парень и есть цереушник, о котором говорил Матис. Он не ошибся.

— Меня зовет Феликс Лейтер, — представился американец, когда Бонд, оставив крупье десяти тысячный жетон и дав официанту тысячный банкнот за то, что тот отодвинул его стул, направился к бару.

— Моя фамилия Бонд. Джеймс Бонд.

— Рад познакомиться, — улыбнулся Лейтер. — А теперь посмотрим, чем можно отпраздновать наше знакомство.

Бонд убедил Лейтера разрешить ему заказать «Хэйг-энд-Хэйг» со льдом, потом внимательно посмотрел на бармена.

— Сухой «мартини». В большом бокале.

— Oui, monsieur *.

— Секунду, еще не все. Три пальца «Гордона», один — водки, полпальца «Кины Ликлет». Хорошо взбейте в шейкере, а потом положите большую дольку лимона. Запомнили?

— Заказ принят, мсье, — сказал бармен и с уважением посмотрел на Бонда.

— Черт возьми, вот это рецепт! — воскликнул Лейтер.

— Когда я собираюсь с силами, — сказал Бонд с улыбкой, — я никогда не пью больше одного бокала до ужина. Но люблю, чтобы это был большой бокал очень крепкого, холодного и очень хорошо приготовленного коктейля. Ненавижу половинчатость во всем. Особенно если от нее страдает вкус коктейля. Кстати, я изобрел его сам. Обязательно его запатентую, как только подберу название.

Бонд внимательно проследил, как бармен осторожно наполнил из шейкера запотевший бокал золотистым напитком, отпил большой глоток и похвалил бармена:

— Отлично, если б водка была пшеничная, а не картофельная, было бы превосходно. Mais n'enculons pas les touches **, — добавил он театральным шепотом, на что бармен ответил улыбкой.

— Это довольно вульгарная поговорка, смысл которой в том, что коктейль все же можно пить, — пояснил Бонд Лейтеру.

Того, похоже, по-прежнему очень интересовал рецепт Бонда.

— Вы явно стремитесь быть во всем профессионалом, — заметил он с улыбкой, когда они отошли с бокалами в угол бара. И, понизив голос, посоветовал. — Вы могли бы называть его «коктейль Молотова», после того что продегустировали сегодня днем.

Они сели. Бонд рассмеялся.

— Я видел, там снесло указатель перекрестка, и полиция направляет машины в объезд. Надеюсь, это не станет поводом для большого шума.

— Людям приглянулась версия о болгарских коммунистах, но некоторые убеждены, что это взорвался газопровод. Обгоревшие деревья будут сегодня же спилены. Если

---

* Да, мсье (фр.).

** Однако не стоит... мух (фр.).

здесь работают так же быстро, как в Монте-Карло, то уже завтра никаких следов от взрыва не останется.

Лейтер вытряхнул из пачки «Честерфилд».

— Я рад поработать с вами в этом деле, — сказал он, по-прежнему не отрывая глаз от своего бокала. — Так что мне особенно приятно, что вы сегодня не взлетели на вершину славы. Наши люди очень заинтересованы в вашей операции, они считают ее столь же важной, как и ваши друзья. По их мнению, это отнюдь не выходка сумасшедшего одиночки. По правде говоря, Вашингтон сожалеет, что не мы играем в операции первую скрипку, но вы же знаете этих начальников... Полагаю, у вас то же самое.

— Любят тянуть одеяло на себя, — кивнул Бонд.

— Как бы там ни было, я послан в ваше распоряжение и буду оказывать любую необходимую помощь. Конечно, с Матисом и его командой мы от многого будем застрахованы. Но в любом случае помните, что я здесь.

— Спасибо. Похоже, что теперь Намбер, как мы и думали, в безнадежном положении. Так что ни о чем особенном я просить вас не буду, но был бы признателен, если б сегодня вечером вы задержались в казино или где-нибудь поблизости. У меня есть помощница, некая мисс Линд, и я хотел бы поручить ее вам, когда начнется игра. Стыдиться ее вам не придется, она очень милая девушка, — сказал Бонд, улыбаясь. — И кстати, можете присмотреть за двумя компаньонами Намбера. Не думаю, что они что-нибудь выкинут, но...

— Можете положиться на меня, — сказал Лейтер. — До того как я попал в эту контору, я служил в морской пехоте. Вам это говорит о чем-нибудь?

— Разумеется, — ответил Бонд.

Лейтер был родом из Техаса. Когда он стал рассказывать о своей службе в штабе разведки НАТО и о том, как трудно обеспечить безопасность организации, в которой представлено столько стран, Бонд заметил про себя, что американцы, попадающие в Европу, как правило, симпатичные ребята и почему-то большинство из них из Техаса.

Феликсу Лейтеру было около тридцати пяти. Высокий, худой, в темном «тропическом» костюме, как у Фрэнка Синатры. Его движения были медленными, но в нем чувствовалась скрытая сила, хорошая реакция и то, что в любой потасовке он не останется без дела.

Сейчас, склонившись над столом, он был похож на хищную птицу. Это сходство еще больше усиливали заостренные скулы и подбородок и чуть перекошенный большой рот. Серые колючие глаза постоянно щурились от дыма «Честерфилда», который Лейтер курил, не переставая. Морщинки в уголках глаз создавали впечатление, что Лейтер все время над чем-то посмеивается про себя. Светлая челка придавала его лицу наивность. Казалось, он открыто говорил о своей службе в Париже, но при этом ни разу не упомянул никого из своих коллег — американцев, работающих в Европе или в Вашингтоне. и Бонд понял, что Лейтер ставит интересы своей организации много выше общих забот союзников. Оба они сразу прониклись друг к другу симпатией.

Пока Лейтер пил второе виски, Бонд рассказал ему о Мюнцах и о своей короткой утренней вылазке на побережье. В половине восьмого они решили не торопясь вернуться в отель. Прежде чем выйти из казино, Бонд передал на хранение в кассу свой капитал, все двадцать четыре миллиона, оставив при себе лишь несколько банкнот по десять тысяч франков.

По дороге в «Сплэндид» они обратили внимание, что на месте взрыва уже кипит работа. Поврежденные деревья были выкорчеваны, поливальные машины отмывали мостовую и тротуары. Воронка от бомбы исчезла. Бульвар, если не считать нескольких случайных прохожих, был пуст. Бонд заметил, что «Эрмитаж» и витрины магазинов тоже приведены в порядок.

В теплых синих сумерках Руаяль-лез-О вновь казался тихим мирным городком.

— На кого работает консьерж? — спросил Лейтер, когда они подошли к отелю. Бонд не знал. Матис не смог узнать о нем ничего конкретного. «Если его не купили вы сами, — сказал он, — то имеете полное право предположить, что его купили другие. Все консьержи покупаются. Это не их вина. Их приучили смотреть на всех — за исключением, может быть, магарадж — как на потенциальных воров или шулеров. И ваш комфорт и хорошее настроение их волнуют так же, как крокодилов».

Бонд вспомнил эти слова Матиса, когда консьерж невзначай поинтересовался у него, оправился ли он после дневного приключения, и решил, что лучше всего будет ответить, что не совсем. Он надеялся, что, если его слова будут переданы по адресу, Намбер постарается во что бы

то ни стало начать игру сегодня, чтобы воспользоваться его плохим физическим состоянием. Консьерж с суконной улыбкой пожелал ему быстрее поправиться.

Лейтер занимал номер несколькими этажами выше, и они попрощались в лифте, договорившись встретиться в казино около половины одиннадцатого. В это время, как правило, начинается крупная игра.

Глава VIII

Красный абажур и шампанское

Судя по всему, в номере Бонда и на этот раз не побывало никого из посторонних. После горячей ванны Бонд принял холодный душ и растянулся на кровати. До встречи с мисс Линд у него был час, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Час, чтобы детально проанализировать план игры со всеми вариантами выигрыша и проигрыша. Кроме того, необходимо было определить роли Матиса, Лейтера и Линд и просчитать всевозможные ответные действия противника. Он закрыл глаза, и в его воображении, словно в калейдоскопе из цветных стеклышек, стали складываться одна за другой сцены предстоящего вечера.

Было без двадцати девять, когда он исчерпал все варианты своей дуэли с Намбером. Он встал, оделся и заставил себя больше не думать об игре.

Завязывая узкий черный галстук, он на секунду застыл перед зеркалом. Спокойный и чуть ироничный взгляд серо-голубых глаз, короткая непослушная прядь черных волос, запятой закручивающаяся над правой бровью. Тонкий вертикальный шрам через всю правую щеку придавал лицу несколько пиратское выражение. Не очень-то много для Хью Кармайка, подумал Бонд, укладывая тридцать сигарет «Морлэнд» с тройным золотым ободком в легкий металлический портсигар. Матис передал ему слова Линд.

Он сунул портсигар в задний карман брюк, щелкнул крышкой своего «ронсона», проверяя, не стоит ли заправить зажигалку. Пересчитав деньги, он выдвинул ящик шкафа и взял оттуда легкую замшевую кобуру, которую пристегнул на левом боку десятью сантиметрами ниже подмышки. Из другого ящика, где лежали рубашки, он из-

влек «беретту» 25-го калибра с облегченной рукояткой, разрядил пистолет, несколько раз проверил затвор, нажал на спусковой крючок. Затем он вставил обойму, дослал в ствол патрон и спрятал пистолет в кобуру. Оглядевшись вокруг, не забыл ли чего, он надел однобортный смокинг и, проверив перед зеркалом, не замечен ли пистолет, поправил галстук и вышел из номера, заперев дверь на ключ. Он чувствовал себя отдохнувшим и спокойным.

Он спустился по лестнице и собирался уже направиться в бар, как со стороны лифта его холодно окликнули:

— Добрый вечер.

Это была мисс Линд. Она остановилась у лифта и ждала, когда Бонд подойдет.

Он еще не забыл, как поразила она его днем, поэтому не удивился, что его вновь тронула ее красота.

На ней было черное бархатное платье, очень простое, но в его простоте чувствовалось совершенство, на какое может претендовать едва ли полдюжины модельеров во всем мире, тонкое бриллиантовое кольцо и такая же бриллиантовая брошь у основания глубокого смелого выреза. Рукой она придерживала у бедра небольшую сумочку. Черные, как смоль, прямые волосы были чуть закручены на концах.

Она была обворожительна, и Бонд понимал это.

— Вы сегодня исключительно хороши, — сказал он. — Значит, дела в мире радиоприемников идут прекрасно.

— Вы не возражаете, если мы отправимся ужинать? — спросила мисс Линд, взяв Бонда под руку. — Я хочу произвести сенсационное впечатление, а если говорить по правде, то должна открыть вам страшную тайну. Этот черный бархат... он мнется, когда садишься. Если сегодня вечером вы услышите, что я закричала, значит, я села на плетеный стул.

Бонд рассмеялся.

— Конечно, мы сейчас же идем ужинать. И выпьем по рюмке водки, пока будем изучать меню.

— Коктейль, если, разумеется, вы позволите, — поправила она с улыбкой. — Здесь самые лучшие в Руаяле.

На мгновение он почувствовал, как кольнули его ироничность и чуть приметная настойчивость взгляда, каким она лишала его права на решения, и то, как он сразу жеотреагировал на это. Их безмолвный поединок длился ка-

кие-то секунды, и, пока метрдотель вел их через людный зал к столику, все было забыто.

Бонд, пропустив вперед свою спутницу, с интересом наблюдал, как провожают ее взглядами посетители.

Лучшие столики были в застекленной и выступающей, как нос корабля, над зимним садом части зала, однако Бонд выбрал место позади большого зала, в одной из украшенных зеркалами ниш со старинной позолотой и красными светильниками в стиле ампира на белых стенах и такой же красной лампой на столе.

Пока они разбирались в огромном меню, написанном красными чернилами, Бонд подозвал старшего официанта и поинтересовался у своей спутницы.

— Что вы решили?

— Я бы очень хотела выпить рюмку водки, — сказала она, не отрываясь от меню.

— Графинчик очень холодной водки, — сказал Бонд и, чуть помедлив, добавил. — Я не могу позволить себе выпить за здоровье вашего нового платья, не зная вашего имени. Я не разобрал его, когда вы звонили мне днем по телефону.

— Веспер, — сказала она. — Веспер Линд.

Бонд не стал скрывать своего удивления.

— Скучно каждый раз объяснять, что я родилась вечером во время сильной грозы. Видно, мои родители хотели обязательно увековечить этот факт. — Веспер улыбнулась. — Одним нравится мое имя, другим — нет. Я лично к нему привыкла.

— Красивое имя, — сказал Бонд, — знаете, у меня есть идея! Одолжите мне свое имя? — Он рассказал ей про свой коктейль и про то, что он уже давно ищет для него название. — Веспер — красиво и очень подходит для того предвечернего часа, в который отныне во всем мире будут пить мой коктейль.

— Только после того как я его попробую, — предупредила она. — Судя по названию, этим коктейлем можно гордиться.

— Мы выпьем его вместе, когда все закончится, — сказал Бонд. — Либо победой, либо поражением. А теперь, что вы выбрали для себя? Пожалуйста, постарайтесь быть расточительной, — добавил он, видя ее замешательство. — Или мне подождать, пока вы сходите и переоденетесь в другое платье?

— Я выбрала два блюда, — рассмеялась она, — и оба

изумительны, но коли вы настаиваете, чтобы я вела себя, как миллионер, я начну с икры, затем *goûton de veau* * на гриле с суфле. И еще я хочу землянику с большим количеством взбитых сливок. Я неправильно поступаю, что так решительна и так расточительна? — И она вопросительно улыбнулась.

— На мой взгляд, это исключительно добродетельное сочетание, особенно когда речь идет о простой и здоровой пище. — Бонд повернулся к метрдотелю. — И принесите корзину тостов. Вся трудность не в том, чтобы было достаточно икры, а чтобы хватило тостов. Ну, а я, — сказал он, возвращаясь к меню, — я составлю мадемуазель компании в том, что касается икры, но затем я хотел бы небольшой ломтик *tournedos* ** с кровью под беарнским соусом и *sœur d'artichaut* ***. И пока мадемуазель будет наслаждаться земляникой, я бы попробовал авокадо с каплей майонеза. Одобряете?

Метрдотель поклонился.

— Прекрасный выбор, мадемуазель и мсье. Мсье Жорж! — крикнул он старшему официанту и повторил ему меню Бонда и Линд.

— Прошу вас. — Мсье Жорж протянул Бонду винную карту в кожаном переплете.

— Если вы согласитесь, я хотел бы пить сегодня шампанское. Веселое вино и подходит для нашего вечера... По крайней мере, я надеюсь, что подходит.

— Да, я буду пить шампанское, — ответила Веспер.

Отметив пальцем нужную строчку, Бонд повернулся к официанту.

— Что вы скажете о «Тэттинже» сорок пятого года?

— Это замечательное вино, мсье. Но если мсье позволит, — и официант указал карандашом другую строчку, — «Блан де Блан Брют» сорок третьего года среди прочих таких же вин совершенно несравнимо.

— Я согласен... Это не очень известная марка, — пояснил Бонд своей спутнице, — но, пожалуй, это лучшее шампанское в мире. — И сам рассмеялся тому оттенку претенциозности, с каким прозвучало его замечание. — Вы должны простить меня. Я до смешного люблю вкусную еду и хорошее вино. Отчасти потому, что я холост, но главное из-за привычки уделять много внимания мелочам.

* Блюдо из почек (фр.).

** Нарезанное кусками говяжье филе (фр.).

*** Мякоть артишока (фр.).

Конечно, это немного несуразно и старомодно, но когда я работаю и мне приходится проводить время за столом в одиночестве, приятно чуть усложнить свою задачу.

Веспер улыбнулась.

— Мне это нравится, — сказала она. — Я люблю делать все до конца и из всего извлекать максимум возможного. Мне кажется, что жить нужно именно так. Впрочем, вслух об этом лучше не стоит, звучит слишком правильно, — добавила она, будто извиняясь.

Принесли графин, обложенный льдом. Бонд наполнил рюмки.

— Во всяком случае я с вами согласен. А теперь, Веспер, за то, чтобы сегодняшний вечер нас не огорчил.

— Да, — тихо согласилась она, поднимая рюмку и неожиданно прямо взглянув ему в глаза. — Надеюсь, что все сегодня будет хорошо.

Бонду показалось, что она чуть поежилась.

— У меня есть кое-какие новости от Матиса, — прошептала она. — Он хотел сам все рассказать вам. Но... Это касается той бомбы. Невероятная история.

Глава IX

Игра под названием «баккара»

Бонд оглянулся, но слышать их никто не мог, а икру подадут нескоро, лишь когда поджарят тосты.

— Расскажите, — глаза у него заблестели.

— Они взяли третьего болгарина на дороге в Париж, — начала Веспер. — Он ехал на «ситроене» и по пути для прикрытия подобрал двух английских туристов. Во время проверки машин он отвечал на таком плохом французском, что у него попросили документы. Он вытащил пистолет и застрелил патрульного мотоциклиста. Но второй патрульный, не знаю как, его задержал и не дал ему покончить с собой. Болгарина перевезли в Руан и там его «разговорили» в обычном французском стиле.

Как оказалось, все трое — из специальной группы, занимающейся такого рода акциями. Матис уже ищет остальных. Этой троице, как теперь известно, пообещали за вас два миллиона франков и объяснили, что, если они будут в точности выполнять инструкции, нет ни малейшего

риска, что они попадутся. Вот тут-то и начинается самое интересное. — Веспер отпила из рюмки. — Связник передал им два фотоаппарата, те, что вы видели. Он сказал, что в синем футляре мощная дымовая шашка, в красном — взрывное устройство. Когда один бросит в вас красный футляр, другой должен нажать кнопку на синем аппарате, и в дыму они сумеют скрыться. На самом же деле никакой дымовой шашки не было. В обоих футлярах была очень сильная взрывчатка. Следом за вами должны были взлететь на воздух и двое террористов. Был, наверное, еще какой-то план, чтобы убрать третьего.

— Что дальше? — спросил Бонд, восхищенный остроумностью этой двойной операции.

— Так вот, болгары решили, что, хоть план и очень удачный, лучше не рисковать и сначала устроить дымовую завесу, а потом уже бросать взрывчатку. То, что вы видели, это был как раз тот момент, когда один из них нажал кнопку за футляре якобы с дымовой шашкой. Естественно, оба взлетели на воздух. Третий болгарин ждал их в машине на углу «Сплэндида». Он видел, что произошло, но был уверен, что его люди что-то перепутали. Полиции удалось собрать части невзорвавшейся красной бомбы, и ему их показали. Когда он понял, что его друзей подставили, он заплакал. Он до сих пор дает показания, однако выстроить цепочку от болгар к Намберу не удастся. О Намбере болгарин никогда не слышал. Все переговоры вел посредник, возможно, кто-то из телохранителей Намбера.

Веспер замолчала как раз в тот момент, когда принесли икру, гору горячих тостов, мелко нарезанный лук, растертые желтки и отдельно — белки.

Официанты переложили икру аккуратными горками им на тарелки, и они молча принялись за еду. Через некоторое время Бонд нарушил молчание.

— Признаться, я испытываю удовлетворение, когда убийцы становятся трупами вместо тебя. В данном же случае они попали в собственную ловушку. Матис должен быть доволен результатами дня: пять человек из команды противника уже нейтрализованы. — И Бонд рассказал, как были раскрыты Мюнцы.

— Между прочим, как вы сюда попали? — поинтересовался он. — К какому отделу вы приписаны?

— Я личный помощник начальника центра S, — сказала Веспер. — Поскольку это был его план, он хотел, чтобы

у его центра было право контролировать операцию, и просил М. послать сюда меня. Речь, кажется, шла только о том, чтобы я обеспечивала связь, поэтому М. согласился, хотя и сказал моему шефу, что вы будете в ярости, когда узнаете, что к работе подключили женщину. — Она выдержала паузу, но, поскольку Бонд молчал, продолжила. — Я должна была встретиться с Матисом и приехать вместе с ним. У него есть подруга, она продавщица в магазине «Диор». Ей удалось взять для меня на время это платье и то, в котором я была утром: иначе я бы не смогла состязаться со всеми этими людьми, — кивнула она в зал. — Мне очень завидовали девушки из бюро, но они не знали, в чем суть дела. Им было известно только, что мне предстоит работать с одним из двойных нулей. Вы все, разумеется, наши герои. Мне, правда, это тоже льстило.

— Получить два нуля нетрудно, если готов убивать, — сказал Бонд. — Таков смысл номера, и гордиться тут особенно нечем. Я обязан своими нулями трупам японского эксперта по шифрам в Нью-Йорке и двойного норвежского агента в Стокгольме. Вероятно, они были вполне нормальные люди. Но их закрутило в мировом водовороте так же, как югослава, которого убрал Тито. Все это очень сложно, но, когда это твоя работа, делаешь то, что тебе говорят. Как вам яйцо с икрой?

— Замечательное сочетание. Чудесный ужин. Мне почти стыдно... — она осеклась, заметив, как похолодел взгляд Бонда.

— Мы здесь в интересах дела, — ответил он.

Бонд внезапно пожалел и о дружеской атмосфере самого ужина, и об этом разговоре. Он почувствовал, что сказал слишком много для того, что должно было быть лишь рабочей встречей.

— Посмотрим, что нам сегодня предстоит, — сказал он, переходя к делу. — Лучше я объясню вам, что собираюсь предпринять, и тогда определим, чем вы сможете мне помочь. Боюсь, немногим. В двух же словах дело вот в чем.

Бонд стал обрисовывать Веспер план операции, перечисляя возможные варианты. После перемены блюд он продолжил свой монолог. Веспер слушала Бонда со сдержанной покорностью, хотя и внимательно. Она испытывала глубокую растерянность из-за неожиданно зазвучавших в его голосе ледяных интонаций и пожалела, что не

придала большого значения советам своего шефа. Знакомя ее с заданием, тот вдруг сказал: «Бонд — человек, абсолютно преданный своему делу. Не думайте, что это будет поездка на курорт. Во время работы все его мысли подчинены только работе. Но он ас, каких мало, так что скучать он вам не даст. И не пытайтесь в него влюбиться. Не думаю, что он щедр на чувства. Во всяком случае, удачи и счастливого возвращения».

Во всем этом был какой-то вызов, и она приятно удивилась, почувствовав, что заинтересовала Бонда, — это подсказывала ей интуиция. И вдруг — всего лишь намек на удовольствие, которое им обоим доставил этот вечер, даже не намек, а лишь попытка вежливой благодарности, и он тут же изменился, как будто человеческие чувства были для него чем-то наподобие яда. Вечер была обижена и не знала, как вести себя дальше. Пересилив себя, она сосредоточила все внимание на том, что говорил Бонд. Она не собиралась дважды повторять свою ошибку.

— ...И самое лучшее, что мы можем сделать, это пожелать, чтобы карты шли мне и не шли ему.

Бонд объяснил ей, как играют в баккара.

— Эта игра похожа на все остальные азартные игры. Шансы банкомета и понтировщика практически одинаковы. Одного тура может быть достаточно, чтобы сорвать банк или проиграть. Сегодня, по нашим сведениям, Намбер купил кресло банкомета у египетского синдиката, который держит здесь основные столы, и за вычетом миллиона его капитал теперь двадцать четыре миллиона. В моем распоряжении почти такая же сумма. За столом будет, думаю, человек десять.

Обыкновенно эти овальные столы делятся на две части, и банкомет играет на обеих сторонах по очереди. С помощью очень сложных расчетов он должен суметь выиграть, играя на одной части против другой. Но в «Руаяль-лез-О» пока еще мало игроков, и Намбер попытается сыграть на одной половине. Такие партии редкость, поскольку это уменьшает шансы банкомета, но все же они и без того в его пользу, поэтому он и назначает максимальные ставки.

Итак, банкомет сидит во главе стола, кроме него, в партии участвует еще крупье — он собирает карты и объявляет ставки, а также ведущий партии — шеф-де-парти. Он следит за соблюдением правил игры. Я сяду, если удастся, на-

против Намбера. Перед ним будет стоять сабо с шестью хорошо тасованными колодами. Какие-либо манипуляции с колодами невозможны, карты тасует крупье, снимает кто-нибудь из играющих, в сабо их кладут на глазах у всего стола. Мы проверяли персонал казино — абсолютно честны. Есть еще вариант с краплеными картами, но это почти невозможно и потребовало бы соучастия как минимум крупье. Но в любом случае придется учитывать и этот вариант.

Бонд отпил глоток шампанского и продолжал.

— Вот как проходит игра. Каждое место за столом имеет свой номер, нумерация начинается справа от банкомета. Банкомет объявляет открытие банка с пятисот тысяч франков. Первый номер может принять ставку, в этом случае он выставляет свои деньги на середину стола, или спасовать, если находит ставку слишком большой или хочет пропустить вперед следующий номер. После этого очередь второго номера, если он отказывается — третьего, и так далее. Если никто из игроков не принимает ставку, она предлагается всему столу в целом, включая стоящих зрителей, пока не наберется пятьсот тысяч.

Это маленькая ставка, и ее наберут быстро, но когда речь идет о миллионе или двух, бывает трудно найти желающего и даже группу понтировщиков, если банкомет показывает серьезные намерения. В такие моменты я буду обязательно принимать ставку и пытаться войти в игру. Впрочем, я и так буду атаковать Намбера при малейшей возможности до тех пор, пока кто-то из нас не разорится. На это может потребоваться время, но в конце концов условия игры таковы, что кто-то из нас двоих, не считая остальных (разумеется, они также могут сделать вас богаче или беднее), обязательно должен победить.

У него как у банкомета есть небольшое преимущество. Но то, что Намбер знает мою цель, и то, что он, я надеюсь, не знает, какими деньгами я располагаю, будет ему действовать на нервы. Так что, думаю, мы будем в равных условиях.

Когда принесли землянику и авокадо, Бонд замолчал. Потом за кофе они говорили о чем-то необязательном, курили, отказавшись и от ликера, и от коньяка. Под конец ужина Бонд решил, что настало время объяснить своей спутнице механизм игры.

— Все предельно просто, и вы сразу поймете, если ког-

да-нибудь играли в «двадцать одно», где нужно набрать столько и таких карт, чтобы сумма очков была ближе к двадцати одному, чем у противника. В баккара и я, и банкомет получаем по две карты, и если кто-то из нас не выиграет сразу, мы можем взять еще по одной карте. Цель игры: имея на руках две-три карты, набрать десять очков или чуть меньше. Картинки и десятки — ноль очков. Туз — одно очко, все остальные карты — по номиналу. В сумме очков учитывается только последняя цифра. То есть девятка и семерка дают шесть очков, а не шестнадцать. Если счет равный, играют новую партию.

Веспер слушала внимательно, но так же внимательно наблюдала за выражением его лица — страстным, хотя он говорил всего лишь о правилах игры.

— Теперь, — продолжал Бонд, — когда банкомет сдал мне две карты, я набрал восемь или девять очков, я раскрываюсь и выигрываю, если только он не набрал столько же. Если у меня семь или шесть очков, можно блефовать, если пять — надо подумать, просить или не просить еще карту, если меньше пяти — обязательно нужно взять еще одну. Пять очков — предел, с такими очками шансы улучшить или ухудшить свое положение одинаковы. Банкомет может заглянуть в свои карты, только когда я постучу пальцем по столу, то есть попрошу еще карту, или по картам, это значит, что я остаюсь при своих. Если он набрал нужные очки, он раскрывает карты и выигрывает. Если нет, он оказывается перед той же проблемой, что и я. Но у него преимущество: он видит мою реакцию. Если я остаюсь при своих, он может предположить, что у меня пять, шесть или семь очков, если беру, значит, у меня меньше шести, и я не обязательно улучшу свое положение. Тем более что эта карта сдается открытой. По ней, просчитав мои шансы, он будет знать, брать ему или оставаться при своих.

Так что некоторое преимущество все-таки за ним. Но в этой игре есть карта, которая неизменно вызывает проблемы: если на руках пять очков, брать еще или нет? И как поступит в такой же ситуации противник? Есть игроки, которые обязательно берут, есть — кто останавливается. Я доверяю своей интуиции. Хотя, — сказал Бонд, гася сигарету и делая знак, чтобы принесли счет, — все решает восьмерка или девятка на первой сдаче, и нужно, чтобы они шли мне чаще, чем ему.

Глава X

Большой стол

Как только Бонд заговорил об игре и о сценарии будущего сражения, его лицо вновь просветлело. Перспектива скрестить наконец шпаги с Намбером будоражила его кровь. Казалось, он забыл настороженность, которая внезапно возникла между ним и Веспер. Она, с облегчением, — тоже.

Он оплатил счет и оставил официанту щедрые чаевые. «Бентли» стоял на улице. Бонд отвез Веспер в казино и припарковался перед входом. Ведя Веспер по богато отделанным коридорам, он почти не говорил. В какой-то миг она заметила, что на крыльях носа у него заблестели капельки пота. В остальном он казался раскованным и с улыбкой отвечал на приветствия окружающих. У дверей клубного зала у них не спросили членских карточек: играющий по-крупному Бонд уже стал здесь уважаемым клиентом, и его гостья делила с ним эту привилегию.

Когда они вошли в зал, от одного из рулеточных столов поднялся им навстречу Феликс Лейтер и приветствовал Бонда как старого знакомого. После того как его представили Веспер и они обменялись с ней несколькими незначительными фразами, Лейтер предложил:

— Поскольку сегодня вечером вас ждет баккара, позвольте мне, мисс, показать вам, как срывают банк в рулетку. У меня в запасе три верные цифры, которые вот-вот должны выиграть. Думаю, что господин Бонд подскажет вам еще несколько выигрышных цифр. Затем мы можем пойти посмотреть, как будет развиваться партия.

Бонд вопросительно посмотрел на Веспер.

— Я не могу отказаться, — сказала она. — Только подскажите мне какую-нибудь из ваших заветных цифр.

— У меня таких нет, — ответил Бонд серьезно. — Есть только цифры, шансы которых равны или почти равны. Так что я вас оставляю. Мой друг Феликс Лейтер составит вам приятную компанию.

Он улыбнулся, прощаясь с ними, и не спеша пошел к кассе. Подчеркнутая сдержанность не ускользнула от внимания Лейтера.

— Он очень серьезный игрок, мисс Линд, и я думаю, что таким и должен быть. А теперь идемте со мной и посмотрите, как цифра семнадцать повинуется моим заклин-

нениям. Вы испытаете очень приятное чувство, когда ни за что получите много денег.

Бонд почувствовал облегчение, когда вновь остался наедине с собой и получил возможность думать только о том, что было важно в данный момент. Он остановился у кассы и получил свои двадцать четыре миллиона франков в обмен на расписку, выданную ему днем. Половину он положил в левый карман смокинга, другую — в правый и неторопливо прошел в глубь многолюдного зала. Там, за медной загородкой, его ждал стол баккара.

За столом шли приготовления, крупье, разложив перед собой колоды, перевернутые рубашками вверх, мешал карты по методу «брасаж», при котором подтасовать их сложно, если не невозможно.

Шеф-де-парти снял обшитую бархатом цепочку, пропуская Бонда к столу.

— Я оставил за вами шестой номер, мсье Бонд, как вы хотели.

За столом оставалось еще три свободных места. Бонд обошел стол, занял предупредительно отодвинутое для него кресло и раскланялся с остальными игроками. Он достал свой большой портсигар и аккуратно положил его на зеленое сукно справа от себя. Официант тут же протер массивную стеклянную пепельницу и поставил ее рядом с ним. Бонд закурил и откинулся в кресле.

Место банкмета пустовало. Бонд огляделся по сторонам. Большинство сидящих за столом он знал в лицо, однако по именам — всего несколько человек. На седьмом месте, справа от него, сидел некто Сиккет, богатый бельгиец, имеющий отношение к рудникам в Конго. Деятым номером был лорд Денвер, благородный, но несчастный человек, которому деньги на игру, вероятно, выдала его богатая супруга-американка, мощная, похожая на барракуду женщина с большой нижней челюстью. Она сидела на третьем номере. Бонд был уверен, что супруги станут играть осторожно, нервно, и, вероятно, будут среди первых, кто выйдет из игры. На первом номере, по правую руку от банкмета, играл грек, владелец, как похоже все в Восточном Средиземноморье, очень доходной морской компании. Этот будет играть хладнокровно и до конца.

Бонд попросил принести лист бумаги и, поставив вопросительный знак, записал номера 2, 4, 5, 8, 10, после чего служащий отнес записку распорядителю. Тот не замедлил

вернуть ее с фамилиями против цифр. Второй номер, пока пустующий, был зарезервирован за Кармель Делэйн, американской киноактрисой, мечтающей растратить отсуженное у трех мужей, с прицелом, как полагал Бонд, на четвертого, которым мог стать приехавший с ней знакомый. Сангвиник по характеру, она, вероятно, будет играть весело и изящно, ей может пойти карта.

На четвертом и пятом номерах играли мистер и миссис Дюпон, за которыми, вполне возможно, были кое-какие деньги настоящих Дюпонов. Бонд видел в них основательных игроков. У обоих был вид деловых людей, они весело переговаривались и, кажется, очень уверенно чувствовали себя за большим столом. Бонд был рад такому соседству и решил войти в долю или с Дюпонами, или с сидящим слева от него Сиккетом, если ставки окажутся для них слишком высокими.

На восьмом номере сидел магараджа маленького индийского штата. Не исключено, что он прихватил с собой все свои долларовые кредиты времен войны. По опыту Бонд знал, что азиаты редко бывают мужественными игроками и даже китайцы, несмотря на все, что про них рассказывают, способны потерять голову, когда игра не идет. Но магараджа, возможно, не станет бросать карты, если только не проиграет много за один раз.

Десятым номером был молодой итальянец цветущего вида; какой-нибудь домовладелец из Милана, где жилье стоит сумасшедших денег. Он, похоже, будет играть неосторожно, может потерять голову и создать трудную ситуацию.

Едва Бонд закончил анализ характеров игроков, как около стола бесшумно, экономя, подобно большой рыбе, движения, возник Намбер. Он холодно улыбнулся присутствующим и занял свое место в кресле банкмета напротив Бонда.

Таким же скупым движением он с треском распечатал грубыми, но быстрыми пальцами толстую пачку карт, которую крупье положил перед ним. Затем, когда крупье ловко уложил все шесть колод в сабо, Намбер что-то шепнул ему.

— Mesdames et Messieurs, les jeux sont faits. Un banco de cinq cent mille *, — объявил крупье и, когда грек на первом номере постучал пальцем по столу, добавил. — Le banco est fait **.

* Дамы и господа, ставки сделаны. На банке пятьсот тысяч (фр.).

** Ставка принята (фр.).

Намбер наклонился к сабо, чуть встряхнул его, подравнявая колоды, и вот первая карта показалась из отверстия, похожая на бледно-розовый язык. Указательным пальцем Намбер прижал ее к сукну и отодвинул сантиметров на тридцать вправо, в сторону грека. Потом вытащил карту для себя, затем вторую для грека и еще одну для себя.

Он застыл, не прикасаясь к картам, вглядываясь греку в лицо. Крупье осторожно поддел обе карты грека своей длинной лопаткой и быстрым движением перекинул их еще на несколько сантиметров, так, чтобы они легли точно перед бледными волосатыми руками, похожими на двух притаившихся крабов. Оба краба двинулись к картам.

Накрыв широкой ладонью карты, грек склонил голову и осторожно открыл угол верхней карты. Затем другой рукой чуть выдвинул нижнюю карту, так, чтобы была видна только она.

Лицо грека оставалось каменным. Он опустил левую ладонь на стол и плавно убрал ее, оставив перед собой две загадочные карты.

Он смотрел Намберу прямо в глаза.

— Нет, — сказал он ничего не выражающим голосом.

То, что грек оставил свои две карты и не взял третью, говорило лишь о том, что у него либо пять, либо шесть, либо семь очков. Чтобы быть уверенным в выигрыше, банкومت должен предъявить восемь или девять. Если у него их нет, он, как и все, имеет право взять третью карту, которая может и улучшить, и ухудшить его положение. Карты Намбера лежали в нескольких сантиметрах от его сцепленных рук. Правой рукой он придвинул их к себе и легким щелчком перевернул.

Это были четверка и пятерка. Девять на сдаче. Он выиграл.

— *Neuf a la banque **, — ровным голосом сказал крупье. Своей лопаточкой он перевернул карты грека и так же бесстрастно объявил. — *Et le sept ***.

После этого он забрал со стола битые семерку и даму и опустил их в прорезь в столе рядом со своим креслом. Они упали в металлическую коробку, в которой сохранялись все использованные в партии карты, довольно громко ударившись о пока еще не устланное картами дно. Следом туда упали карты Намбера.

* Девять на банке (фр.).

** И семь (фр.).

Грек снял с большой стопки сотысячных жетонов пять кружков, и крупье придвинул их к центру стола, к пяти-соттысячному жетону Намбера. С каждого выигрыша казино получает небольшой процент, но по традиции на больших столах этот процент берет на себя банкомет, либо заранее внося оговоренную сумму, либо рассчитываясь по окончании партии, с тем чтобы на банке всегда стояла равная сумма. Намбер выбрал второй вариант.

Крупье опустил в специальную прорезь несколько жетонов, которые потом будут предложены к оплате банкомету, и спокойно объявил:

— Un banco d'un million *.

— Suivi **, — тихо сказал грек, пользуясь своим правом отыграть проигранный банк.

Бонд закурил и поудобнее устроился в кресле.

Большая игра началась; эти же спокойные слова будут из раза в раз повторяться до конца, до того момента, когда игроки выйдут из-за стола. После этого использованные колоды будут преданы огню, стол накроют чехлом, похожим на саван, зеленое поле боя, впитав последние капли крови своих жертв, утолит жажду.

Взяв третью карту, грек смог набрать только четыре очка против семи у банкомета.

— Un banco de deux millions ***), — сказал крупье.

— Принято, — сказал Бонд.

Глава XI

Момент истины

Намбер без видимого интереса посмотрел в сторону Бонда; круглые глаза придавали его бесстрастному взгляду что-то кукольное. Его рука медленно сползла со стола и скользнула в карман смокинга. Он извлек маленький цилиндрический предмет, отвинтил крышку и, с не очень уместной тщательностью вставив горлышко цилиндра в ноздри, глубоко вдохнул пары ортедрина.

Не торопясь, он убрал распылитель в карман и привычно встряхнул сабо.

Во время этой неприятной пантомимы Бонд хладно-

---

* На банке один миллион (фр.).

** Принимаю (фр.).

*** На банке два миллиона (фр.).

кровно выдерживал взгляд Намбера, не переставая рассматривать его широкое бледное лицо с коротким ершиком рыжеватых волос, мокрые пунцовые, никогда не улыбающиеся губы, плечи под широким смокингом, который, не будь отблеска света на сатиновых лацканах, более подходил бы на черную шкуру Минотавра.

Бонд положил, не считая, на стол пачку банкнот. Если он проиграет, крупье возьмет из нее столько, сколько нужно. Суть этого принятого в картах жеста заключалась в желании показать: игрок не собирается скоро закончить партию, и предъявленные деньги — лишь небольшая часть имеющихся у него в наличии.

Все почувствовали напряжение противников, и, когда Намбер начал сдавать карты, за столом стало тихо.

Концом лопатки крупье пододвинул к Бонду две его карты. Тот, продолжая смотреть на Намбера, протянул к ним руку, на мгновение опустил глаза, затем, вновь взглянув на противника, небрежно перевернул их.

Девять: четверка и пятерка.

По столу прокатился завистливый вздох, двое, сидящих слева от Бонда, обменялись грустными взглядами, жалея, что у них не хватило смелости принять игру.

Чуть заметно пожав плечами, Намбер медленно перевернул свои карты и отбросил их от себя. Два валета. Ни очка.

— Баккара, — сказал крупье, пододвигая к Бонду жетоны. Тот убрал их в правый карман вместе со своей нераспечатанной пачкой. Хотя его лицо по-прежнему не выдавало ни малейшего волнения, он был рад первому успеху и молчаливым поздравлениям, идущим со всех сторон.

Дама, сидящая слева от него, миссис Дюпон, повернулась к нему и натянуто улыбнулась.

— Надо было опередить вас. Как только сдали карты, я почувствовала, что вы выиграете.

— Игра только начинается, — сказал Бонд. — Наверное в следующий раз вы не ошибетесь.

Сидящий рядом с супругой господин Дюпон наклонился к Бонду и философски заметил:

— Если бы мы умели никогда не ошибаться, никто из нас здесь бы не сидел.

— Я бы все равно была здесь, — откликнулась миссис Дюпон со смехом. — Я же играю для собственного удовольствия!

Игра возобновилась. Бонд бросил взгляд на толпу, собравшуюся у загородки. Он без труда заметил двух телохранителей Намбера, стоящих позади хозяина, по обе стороны от него. Они были более или менее похожи на остальных зрителей, но недостаточно переживали игру, чтобы остаться незамеченными.

Тот, который держался справа от Намбера, был высоким, в смокинге, с похоронной миной на невыразительном земляного цвета лице. Глаза у него бегали и сверкали, как у заговорщика. Его длинное тело все время дергалось, руки беспокойно полировали медную загородку. Бонд подумал, что этот человек должен убивать, не спрашивая, кого он убивает, и скорее всего предпочитает душить своих жертв. В нем было что-то от Ленни из «Мышей и людей», с той разницей, что у этого жестокость порождали наркотики, а не инфантильность. Марихуана, определил Бонд.

Второй — маленький, чрезвычайно смуглый, с плоской головой и густо набриолиненными волосами — был похож на корсиканского лавочника. Должно быть, он был инвалидом. Толстая бамбуковая трость с резиновой пяткой висела рядом с ним на загородке.

«Он должен был получить разрешение, чтоб пронести ее с собой», — отметил про себя Бонд, знающий, что в игорных домах на трости и прочие подобные предметы наложен запрет во избежание бурного проявления эмоций. «Корсиканец» производил впечатление довольного собой человека, не считающего нужным скрывать свои плохие зубы. У него были густые черные усы, очень волосатые руки. Наверное и все его тело было покрыто такими же черными густыми волосами...

Игра шла без неожиданностей, но с чуть заметным оживлением за столом.

В железке и в баккара третья партия подобна звуковому барьеру. Удача может отвернуться от вас в первых двух, в третьей — это уже катастрофа. Вероятно, поэтому банкомет и игроки предпочитали не рисковать, хотя на банке за два часа игры уже побывало в общей сложности десять миллионов. Бонд не знал, сколько именно Намбер выиграл за предыдущих два дня. Предположительно — около пяти миллионов, так что теперь его капитал не должен превышать двадцати.

На самом же деле сегодня днем Намбер проиграл. И проиграл много. В его распоряжении оставалось всего де-

сять миллионов против двадцати восьми миллионов Бонда, если считать те четыре, которые он выиграл к часу ночи.

Бонд был доволен тем, как шла игра, но не расслаблялся. Намбер ничем не выдавал своего волнения. Он продолжал играть, как автомат, молча, лишь изредка тихо отдавая распоряжения крупье о ставке в очередной партии.

За пределами зоны большого стола, где царила тишина, атмосфера была более шумной: шепот за столами железки, рулетки и «тридцать-сорок», гул голосов, прерываемый зуммером крупье, внезапный смех и нервные выкрики доносились со всех сторон огромного зала.

В глубине зала отсчитывал свои проценты с каждого поворота рулетки, с каждой перевернутой карты символический метроном казино, большая хитрая кошка с пульсирующим нулем на месте сердца.

На часах Бонда было десять минут второго, когда ритм игры за большим столом внезапно изменился.

Грек на первом номере переживал тяжелые минуты. Проиграв за первую и вторую партии по полмиллиона, он спасовал на очередном банке в два миллиона. Кармель Делэйн тоже не приняла ставку. Равно как и леди Денвер, номер три.

Дюпоны переглянулись.

— Принято, — сказала миссис Дюпон и тут же проиграла восьми очкам банкомета на первой сдаче.

— Un banco de quatre millions *, — объявил крупье.

— Banco **, — сказал Бонд, бросив перед собой пачку банкнот.

Взгляд на Намбера, быстрый взгляд на карты. У него на руках были пятерка и бесполезная картинка. Положение было опасным.

Намбер предъявил валета и четверку. И взял еще одну карту. Тройка.

— Sept a la banque ***, — сказал крупье. — Et ciq****, — добавил он, перевернув карты Бонда, пододвинул к себе пачку банкнот, отсчитал четыре миллиона и вернул остальное Бонду.

---

* На банке четыре миллиона (фр.).

** Принято (фр.).

*** Семь на банке (фр.)

**** И пять (фр.).

— Un banco de huit millions *.

— Suivi **, — ответил Бонд.

Он вновь проиграл: Намбер сдал себе девять очков. За две партии Бонд лишился двенадцати миллионов. У него еще оставалось шестнадцать, но это было ровно столько, сколько объявил крупье на следующем банке.

Внезапно Бонд почувствовал, что у него вспотели ладони. Его капитал таял, как снег на солнце. Намбер выжидал, барабанил пальцами по столу. Бонд смотрел в его глаза, в которых стоял насмешливый вопрос; «Не желаете ли, чтобы вас обработали по полной программе?»

— Suivi, — тихо и спокойно произнес Бонд.

Он достал оставшиеся банкноты и жетоны из правого кармана, всю пачку — из левого и положил их перед собой. Ничто в его движениях не выдавало, что это его последняя ставка.

Во рту у него пересохло. Подняв глаза, он увидел Веспер и Феликса Лейтера на том самом месте, где недавно стоял «Корсиканец». Бонд не заметил, когда они появились. Лейтер выглядел чуть озабоченным, Веспер ободряюще улыбалась.

За спиной Бонда, у загородки, послышалось легкое шуршание. Он обернулся. Усатый «Корсиканец» улыбнулся ему, показав полную пасть гнилых зубов.

— Le jeu est fait ***, — сказал крупье, и две карты скользнули к Бонду по зеленому сукну, которое уже казалось ему не мягким, но шершавым, как камень, и неестественно зеленым, как молодая трава на свежей могиле.

Уютный поначалу свет ламп под шелковыми абажурами теперь лишь подчеркивал бледность его рук, когда он приподнял свои карты. Он положил их, потом снова заглянул в них.

Хуже быть не могло: черный король и туз, туз пик. Туз был похож на ядовитого паука.

— Карту, — сказал он по-прежнему спокойным голосом.

Намбер раскрыл свои карты. У него были дама и черная пятерка. Он посмотрел на Бонда и вытянул из сабо толстым указательным пальцем еще одну карту. За столом стояла полная тишина. Намбер перевернул карту и бросил ее на сукно. Крупье, аккуратно подцепив ее, пододвинул к

* На банке восемь миллионов (фр.).

** Беру (фр.).

*** Ставки сделаны (фр.).

Бонду. Карты была хорошая, пятерка червей, но Бонду это красное сердечко напомнило отпечаток окровавленного пальца. У него было шесть очков, у Намбера — пять, но банкомет, имеющий на руках пятерку и сдавший пятерку партнеру, мог и обязан был взять еще одну карту, чтобы попытаться улучшить свое положение с помощью туза, тройки или четверки. Все прочие карты по правилам означали проигрыш.

Шансы были в пользу Бонда, и теперь Намбер смотрел ему в глаза. Чуть приподняв карту, он бросил ее на всеобщее обозрение.

Четверка, лучшее, что могло быть, и девять в сумме. Он выиграл. Бонд проиграл все.

Глава XII

Лицо смерти

Бонд сидел неподвижно, не в силах встать и уйти. Он открыл портсигар и взял сигарету. Щелкнул крышкой своего «ронсона», закрыл и медленно поставил зажигалку на стол. Глубоко затянувшись, выпустил дым узенькой струйкой.

Что теперь делать? Вернуться в отель, лечь и не выходить, чтобы не видеть полных сочувствия взглядов Матиса, Лейтера и Веспера? Сообщить в Лондон, потом самолет, такси до Риджентс-парка, длинный коридор и холодный взгляд М. по ту сторону стола, вежливое сожаление: «В следующий раз повезет». Следующего раза, разумеется, не будет; такого случая, как сейчас, больше не представится.

Бонд скользнул взглядом по игрокам и поднял глаза на зрителей. Многие не разошлись, ждали, когда крупные подсчитает деньги, в прямом смысле слова горой лежащие перед банкометом. Им хотелось убедиться, что уже никто, хотя это было очевидно, не рискнет бросить вызов огромному банку в тридцать два миллиона, чудом доставшемся за одну партию банкомету.

Лейтер куда-то исчез. «Наверное, — подумал Бонд, — чтобы не видеть глаз побежденного после нокаута». Вesper стояла у стола странно спокойная и улыбающаяся.

«Она ничего не понимает в этой игре, — сказал себе Бонд. — Она не знает горечи поражения».

К Бонду направился служащий казино. Он остановился, положил ему на колени толстый, как словарь, конверт и, сказав что-то о кассе, удалился.

Сердце у Бонда забилося. Конверт был тяжелым. Тут же под столом Бонд вскрыл его. Клей еще не успел засохнуть.

Все еще не веря, хотя уже зная, что это правда, он почувствовал в руках толстые пачки банкнот. Он осторожно переложил их в карманы, открепив от верхней пачки приколотый к ней листок бумаги. Пряча его под столом, он бросил на записку быстрый взгляд. В ней была только одна строчка, написанная чернилами: «Помощь Маршалла: тридцать два миллиона франков. С наилучшими пожеланиями от США».

Бонд поднял глаза. Лейтер стоял рядом с Веспер. Он улыбнулся, и Бонд ответил ему взмахом руки. Затем он постарался окончательно освободиться от захлестнувшего его минуту назад чувства безысходности. Это был шанс, но последний. Чудес больше быть не могло. Теперь Бонду нужно было выиграть, если только Намбер еще не набрал свои пятьдесят миллионов и продолжит игру.

Крупье закончил высчитывать часть, причитающуюся казино, поменял проигранные Бондом деньги на жетоны, высыпав их горкой в центре стола.

Тридцать два миллиона. «Может быть, — подумал Бонд, — Намберу нужна всего одна игра, всего несколько миллионов, и он, получив все, что хотел, уйдет. Завтра он вернет растраченные деньги и укрепит свое положение».

Намбер продолжал сидеть, и Бонд с некоторым облегчением подумал, что мог и преувеличить начальный капитал своего противника.

Теперь единственной надеждой Бонда было суметь разгромить Намбера в следующей партии. Не делить банк со столом, играя на незначительные суммы, но рискнуть, поставив все деньги разом. Для Намбера это стало бы ударом. Даже ставка в десять-пятнадцать миллионов, принятая сейчас, привела бы его в бешенство; но он не ожидал, что кто-то поддержит весь тридцатидвухмиллионный банк. Возможно, он не догадывался, что у Бонда не было ничего, но мог предвидеть, что осталось совсем немного. Если бы он знал, что получил Бонд в конверте, он, вероятно, снял бы банк, чтобы начать игру заново с пятисот тысяч франков.

Бонд рассуждал правильно. Намберу не хватало еще восьми миллионов, и он кивнул крупье.

— Un banco de trente-deux millions *.

Голосом, преисполненным гордости и чуть громче, чем обычно, шеф-де-парти еще раз объявил эту ставку, чтобы привлечь внимание солидных понтировщиков за соседними столами, где играли в железку. Такой рекламы можно было не стесняться.

В истории баккара подобная ставка случилась только однажды, в Довилле, в 1950 году. Казино «Де ля Форэ» в Туке и близко не подходило к такой сумме.

В этот момент Бонд слегка подался вперед.

— Suivi **, — произнес он спокойным голосом.

Вокруг послышался возбужденный шепот. Известие быстро облетело казино. К столу стали подходить люди. Тридцать два миллиона! Большинство из них не заработало столько за всю жизнь. Настоящее состояние!

У стола появился один из управляющих казино. Он переговорил с шеф-де-парти. Тот с извиняющимся видом повернулся к Бонду.

— Excusez-moi, monsieur. La mise ***?

Это означало, что Бонд должен предъявить сумму, необходимую для продолжения игры. Естественно, за столом знали, что он очень богат, но тридцать два миллиона!.. Не так уж редки случаи, когда от безысходности люди садятся играть при пустом кармане и, проиграв, с улыбкой отправляются в тюрьму.

— Excusez-moi, monsieur Bond ****, — повторил шеф-де-парти.

Когда крупье начал пересчитывать банкноты в толстых пачках, которые Бонд бросил на стол, тот поймал взгляд Намбера, обращенный к стоящему позади Бонда «Корси-канцу».

В ту же секунду он почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в самый низ спины, и вежливый голос со средиземноморским акцентом тихо, но властно сказал ему в правое ухо.

— Эта штука стреляет, мсье. Абсолютно бесшумно. Она может снести вам половину позвоночника, и никто не услышит. Вы как будто упадете в обморок. Тем временем

---

* На банке тридцать два миллиона (фр.).

** Принято (фр.).

*** Извините, мсье. Ставка? (фр.).

**** Извините, мсье Бонд (фр.).

меня здесь уже не будет. Снимите ставку, считаю до десяти. Позовете на помощь — стреляю.

Голос был спокойным. Бонд понял, что угроза серьезна. Эти люди уже показали, что их ничто не остановит. Смысл появления массивной трости в зале теперь был ясен. Внутри нее ствол пистолета был обложен рядом каучуковых гасителей, поглощающих звук выстрела. Такие трости были изобретены и использовались в покушениях во время войны. Бонд умел обращаться с ними.

— Un, — сказал голос.

Бонд обернулся. «Корсиканец» стоял прямо за ним, облокотившись на загородку, и широко улыбался в черные усы, как будто желая ему успеха. В шумной толпе он чувствовал себя в полной безопасности.

— Deux, — сказал он громко.

Бонд посмотрел на Намбера. Тот наблюдал за ним. Его глаза блестели. Рот был приоткрыт: Намберу не хватало воздуха. Он ждал, когда Бонд подаст знак крупье или, внезапно вскрикнув, рухнет с перекошенным лицом на стол.

— Trois.

Бонд бросил взгляд на Веспер и Лейтера. Они переговаривались и улыбались. Безумцы. Где Матис? Где его люди?

— Quatre.

А зрители, эта толпа стрекочущих зевак! Неужели ни один человек не видит, что происходит? Шеф-де-парти, официант?

— Cinq.

Крупье аккуратно укладывал в стопку банкноты. Шеф-де-парти с улыбкой поклонился, заметив взгляд Бонда. Как только крупье закончит, будет объявлено: «Les jeux sont fait» *, — и еще до того как «Корсиканец» досчитает до десяти, последует выстрел.

— Six.

Бонд принял решение. Ничего другого ему не оставалось. Он осторожно подвинул руку к краю стола, уперся в него, вжавшись в спинку кресла и чувствуя, как все сильнее давит ему в спину трость.

Шеф-де-парти повернулся к Намберу, вопросительно подняв брови, ожидая, когда банкомет подаст ему знак, что готов.

---

* Ставки сделаны (фр.).

Внезапно Бонд изо всех сил опрокинулся назад. Кресло упало с такой быстротой, что, зацепив спинкой трость, чуть не переломило ее, вырвав из рук «Корсиканца» прежде, чем тот успел нажать на курок.

Бонд упал на спину почти под ноги зрителям. Спинка кресла с громким треском раскололась. Кто-то в испуге закричал.

Зрители отступили, потом, придя в себя, прижались к загородке. Крупье подбежал к шеф-де-парти. Им важно было любой ценой избежать скандала.

Бонд поднялся, держась за загородку. Вид у него был растерянный и смущенный.

— Минутная слабость, — сказал он. — Ничего страшного. Нервы, духота...

Послышались одобрительные возгласы. Конечно, такая сумасшедшая игра! Мсье хочет отказаться от дальнейшей игры, отдохнуть, вернуться к себе? Не нужно ли вызвать врача?

Бонд покачал головой. С ним уже все в порядке. Он принес свои извинения игрокам, а также банкомету. Ему подали другой стул, он сел и, кроме приятного ощущения от того, что все еще жив, испытал еще и миг наслаждения, увидев на толстом бледном лице выражение ужаса.

За столом оживленно комментировали происшествие. С обеих сторон соседи Бонда наклонились к нему и сочувственно заговорили о жаре, позднем часе, табачном дыме, духоте.

Бонд вежливо отвечал. Потом он оглянулся назад, рассматривая толпу у себя за спиной. «Корсиканец» исчез. Служащий казино искал глазами кого-нибудь, кто бы забрал у него трость.

Кажется, она была цела, но уже без резиновой «пятки». Бонд подал ему знак.

— Будьте любезны, передайте этот предмет тому господину, — указал он на Лейтера. — Эта вещь принадлежит одному из его знакомых.

Бонд подумал, что, осмотрев трость, Лейтер поймет, почему Бонд устроил это представление. Он вновь повернулся к столу и тихо постучал пальцем, давая понять, что готов начать игру.

Глава XIII

«Шепот любви и ненависти»

— *La partie continue*, — громко объявил шеф-де-парти. — *Un banco de trente-deux millions* *.

Зрители вытянули шеи. Намбер сильно стукнул ладонью по сабо. Затем, как будто задумавшись, достал свой флакончик с ортедрином и сделал несколько глубоких вдохов.

— Животное, — буркнула сидящая слева от Бонда миссис Дюпон.

Бонд вновь ощутил прежнюю ясность мыслей. Он чудом избежал страшного выстрела. Спина еще помнила, как упиралась в нее трость, но эта борьба с «Корсиканцем» помогла ему забыть о недавних переживаниях после проигрыша.

Зрители все еще посмеивались над Бондом. Игра по меньшей мере на десять минут была из-за него прервана, случай беспрецедентный в солидном казино; но теперь в сабо его ждали карты. Они не должны обмануть. Он чувствовал, как сильно забилося сердце в ожидании того, что произойдет.

Было два часа ночи, но в казино было многолюдно. Кроме множества людей, собравшихся вокруг большого стола, продолжалась игра за тремя карточными и тремя рулеточными столами.

За большим столом воцарилась тишина. В этот момент откуда-то издалека донесся голос крупье: «*Neuf. Rouge gagne, impair et manque*» **.

Это было как предзнаменование. Кому? Ему или Намберу?

Две карты плыли к нему по зеленому морю. Как спрут, притаившийся за камнем, Намбер следил за ним с другого конца стола. Бонд спокойно протянул руку и придвинул карты к себе. Не этим ли картам так сильно радовалось, уловив предзнаменование, его сердце? Девятка? Или восьмерка на худой конец?

Он заглянул в карты, спрятал их в ладонях, желваки свело судорогой, так сильно он сжал зубы. Все тело напряглось, повинуясь инстинкту самосохранения.

Это были две дамы, обе красной масти.

* Партия продолжается. На банке тридцать два миллиона (фр.).

** Девять. Красное, нечет и манк выигрывают (фр.).

Они игриво смотрели на него с картинок. Худшего расклада быть не могло. Ни одного очка. Ноль. Баккара.

— Карту, — сказал Бонд. Он изо всех сил старался не выдать интонацией охватившего его отчаяния. Намбер буравил его взглядом, пытаясь догадаться, что он задумал. Банкомет неторопливо открыл свои две карты. У него были король и тройка черной масти: всего три очка.

Бонд выпустил долгую струйку дыма. Еще не все было потеряно. Настал момент истины. Намбер постучал по сабо, извлек карту, карту судьбы для Бонда, и медленно ее перевернул.

На столе лежала девятка, долгожданная девятка червей, карта, которую цыганки называют «шепот любви и ненависти». Для Бонда она означала безусловную победу.

Крупье тихонько подтолкнул ее вперед. Намберу эта карта не говорила ничего. У Бонда мог быть туз, в таком случае у него будет баккара. Или двойка, тройка, четверка и даже пятерка. Тогда максимум, что он мог иметь с этой девяткой, было четыре очка.

Ситуация, когда у банкомета на руках три очка и при этом он сдает девятку, одна из самых спорных в баккара. Шансы почти равны, возьмет банкомет еще карту или нет. Бонд предоставил Намберу право немного помучиться. Поскольку его девятка могла быть нейтрализована лишь в том случае, если банкомет сдает себе шестерку, можно было раскрыть свои карты. Если бы это была обыкновенная партия.

Карты Бонда по-прежнему лежали без движения: две красные «рубашки» и открытая девятка червей. Намберу девятка говорила правду, которая не отличалась от любой возможной лжи. Все решали две загадочные карты.

Пот заблестел на крыльях крючковатого носа банкомета. Он облизал высохшие губы, посмотрел на карты Бонда, потом на свои, снова на карты противника...

Вздрыгнув всем телом, он вытащил из сабо еще одну карту. Перевернул. Все за столом подались вперед. Прекрасная карта: пятерка.

— *Huit a la banque* *, — объявил крупье.

Бонд сидел неподвижно, и Намбер не сдержался и хищно улыбнулся. Он должен был выиграть.

С извиняющимся видом крупье через стол потянулся

---

* Восемь на банке (фр.).

лопаточкой к картам Бонда. Никто не сомневался, что это был проигрыш. Две дамы легли на сукно.

— Et le neuf *.

Секунду вокруг стола было слышно лишь громкое дыхание зрителей. И вдруг все разом заговорили.

Бонд посмотрел на Намбера. Тот, как в сердечном приступе, откинулся на спинку и замер. Он несколько раз открыл рот, как будто хотел что-то возразить, схватился за грудь. Потом закинул голову назад. Губы у него были серого цвета.

Крупье пододвинул к Бонду огромную кучу жетонов. Вдруг Намбер резким движением выхватил из внутренне-го кармана смокинга пачку банкнот.

Крупье быстро пересчитал их.

— Un banco de dix millions **, — сказал он и бросил в центр стола десять жетонов по одному миллиону.

«Эта ставка на смерть, — подумал Бонд. — Намбер ступил за черту, откуда уже не возвращаются. У него больше нет денег. Он в том положении, в каком был я час назад, и пытается сделать последний шаг, который я тоже сделал. Но если он проиграет, ему никто не поможет, второго чуда не случится».

Бонд сел поглубже в кресло и закурил. Рядом с ним появился столик на колесиках, на котором как по волшебству возникли бутылка «Клико» и бокал. Не спрашивая, кому он обязан этим щедрым подарком, он наполнил бокал до краев и двумя глотками осушил его.

Затем откинулся в кресло, положив руки на стол. Он был похож на борца, выжидающего удобный момент, чтобы начать схватку. Соседи слева молчали.

— Banco ***, — произнес он, обращаясь к Намберу.

И новые две карты скользнули к Бонду. На этот раз крупье провел их лопаткой так, что они легли в зеленую «гавань» между ладонями Бонда.

Бонд приподнял их правой рукой и, едва заглянув в них, бросил открытыми в центр стола.

— Le neuf, — сказал крупье.

Намбер смотрел на своих двух черных королей.

— Et bassara. — Крупье передвинул к Бонду столбик жетонов.

Намбер, не отрываясь, смотрел, как они перемеща-

---

* И девять (фр.).

** На банке десять миллионов (фр.)

*** Принято (фр.).

лись туда, где рядом с левой рукой Бонда лежали остальные миллионы, затем медленно встал и молча двинулся к выходу. Он снял с крючка цепочку и, не закрыв за собой проход, пошел сквозь расступившуюся толпу. Зрители смотрели на него с любопытством и испугом, как будто от него веяло смертью. Бонд потерял его из виду.

Пора было уходить. Бонд снял с одного из столбиков сотысячный жетон и отодвинул его в сторону шеф-департи. Он холодно прервал его обильные расшаркивания и попросил крупье отнести свой выигрыш в кассу. Другие игроки тоже встали. Без банкмета игра продолжаться не могла. К тому же была уже половина третьего. Бонд обменялся парой вежливых фраз со своими соседями по столу и вышел за загородку к Веспер и Лейтеру.

Все вместе они направились к кассе, когда Бонда попросили зайти в кабинет управляющего казино. Там на столе громоздилась огромная куча жетонов, к которой Бонд прибавил и те, что оставались у него в карманах.

Здесь было больше семидесяти миллионов.

Бонд взял часть, причитающуюся Лейтеру, банкнотами, остальное — около сорока миллионов — чеком «Креди Лионэ». Его горячо поздравили с выигрышем и пожелали видеть в казино снова.

На приглашение Бонд ответил уклончиво. Он вернулся в бар и вручил Лейтеру его деньги. Они еще поговорили за бутылкой шампанского об игре, потом Лейтер положил на стол пулю сорок пятого калибра.

— Я отдал оружие Матису, — сказал он. — Он забрал его с собой. Ваш кульбит его озадачил. В тот момент он со своими людьми был позади толпы, поэтому телохранитель Намбера ушел без труда. Можете представить, каково им было, когда они увидели эту тросточку. Матис передал мне пулю, чтобы вы полюбовались, что вас ожидало. Головка пули рассечена на четыре части, по типу пули «дум-дум». Но записать эту пулю на счет Намбера невозможно. Тот хромой пришел один. Матис нашел карточку, которую тот заполнил при входе. Разумеется, все, что написано, липа. Разрешение на пронос трости он получил, предъявив сертификат инвалида войны. Эти люди отлично организованы. С трости сняты его отпечатки, их уже передали в Париж, может быть, к утру что-то будет ясно. В любом случае все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Лейтер, вытягивая из пачки новую сигарету. — Можно считать, что Намбер уже

ликвидирован, хотя, признаться, в какой-то момент я сильно понервничал. Думаю, вы тоже.

Бонд улыбнулся:

— Этот конверт — самое великое чудо, которое случилось у меня в жизни. Я думал, что все действительно кончено, не скажу, что это приятное ощущение. Хорошо иметь рядом друзей, когда ты сам уже ничего не можешь. Я на минуту зайду в отель, чтобы убрать чек. — Бонд встал и похлопал себя по карману. — Не хочется чувствовать себя заложником. У Намбера еще могут быть кое-какие виды на эти деньги. А после я бы хотел отпраздновать победу. Вы не против?

Он повернулся к Веспер, которая все это время молчала.

— Перед сном мы можем выпить шампанское в клубе. Очень симпатичное место, называется «Галантный король».

— Я — с радостью, — сказала Веспер. — Пойду приведу себя в порядок, пока вы отнесете свои миллионы. Встретимся у входа в отель.

— А вы, Феликс? — спросил Бонд, надеявшийся остаться с Веспер один на один.

Лейтер взглянул на него и понял, о чем он думает.

— Надо же знать меру, я должен хоть немного поспать, — сказал он. — День был не из легких. Я жду, что Париж попросит меня завтра кое-что прояснить. Тут много всего накручено, но это уже мои дела. Я провожу вас до отеля. Перед портом лучше уж не оставлять без присмотра галион с золотом.

Они шли неторопливо, осторожно пересекая темные места на освещенных лунным светом аллеях. Оба держали руки на пистолетах. В три часа ночи людей было еще много, и все новые машины подъезжали к казино.

Их маленькая прогулка прошла без приключений. В отеле Лейтер настоял на том, чтобы довести Бонда до его номера. В номере все было так, как оставил Бонд шесть часов назад.

— Обошлось без торжественной встречи, — заметил Лейтер, — но я не поверю, что они не сделают последнюю попытку. Может быть, мне все-таки пойти с вами?

— Вам действительно нужно отдохнуть, и не беспокойтесь. Без денег я их уже не интересую. К тому же я знаю,

как тут поступить. Спасибо за все, что вы сделали. Я надеюсь, что мы еще где-нибудь встретимся.

— Договорились, — кивнул Лейтер. — При одном условии, что когда будет нужно, вы сумеете вытащить девятку. И захватите с собой Веспер, — прибавил он, чуть насмешливо улынувшись, и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Бонд вновь был один. После людного казино и трехчасового напряжения было приятно видеть даже такие мелочи, как разложенную на кровати пижаму, расческу на туалетном столике. Он пошел в ванную, умылся холодной водой и долго полоскал горло. Ссадины на затылке и правом плече давали о себе знать. Дважды за день он избежал смерти, и думать об этом было приятно. Что теперь? Ждать всю ночь, когда Намбер появится вновь? А может быть, он уже выехал в Гавр или Бордо, чтобы успеть на корабль, который отвезет его подальше от глаз и пуль СМЕРШ?

Бонд пожал плечами. Ясно, что ему не хотелось новых сюрпризов. Он посмотрел на себя в зеркало и решил думать о Веспер. Поведение делало ее еще более привлекательной. Ему хотелось ее. Хотелось увидеть в ее голубых глазах слезы и желание, хотелось провести рукой по ее черным волосам, прижать ее к себе. Он вернулся в комнату, достал из кармана чек, несколько раз сложил его, открыл дверь номера и осмотрел коридор. Оставив дверь открытой настежь, чтобы слышать лифт или шаги, он принялся за дело.

Глава XIV

Жизнь в розовом свете

Вход в клуб «Галантный король» украшала большая, метра в два с половиной высотой, старинная рама, вероятно, обрамлявшая когда-то портрет вельможи в полный рост. Сразу за дверями начиналась «кухня» — игровой зал. Рулетки на нескольких столах еще крутились. Предложив Веспер руку, чтобы помочь ей перешагнуть через позолоченный порог, Бонд подумал было поменять немного денег в кассе и поставить по максимуму на ближайшем столе. Но подавил в себе это желание, понимая, сколь неуместен был бы подобный жест, рассчитанный на пуб-

лику. Выиграл бы он или проиграл, он бросил бы вызов случаю, который только что был к нему более чем благо-склонен.

Ночной клуб был крохотным заведением, освещающимся исключительно свечами. Их дрожащий свет отражался в зеркалах, забранных в богатые рамы, и искрился на позолоте канделябров. Стены были обиты темно-красным шелком, того же цвета были бархатные кресла. В дальнем углу трио — рояль, гитара и ударник — тихо наигрывало «Жизнь в розовом свете». В зале царил полумрак, и Бонд представил, как нежны, должно быть, слова, звучащие сейчас за уединенными столиками.

Их усадили за столиком в углу, рядом с входом. Бонд заказал бекон и шампанское «Вдова Клико». Несколько минут они молчали, слушая музыку. Бонд заговорил первым.

— Мне приятно быть здесь с вами, приятно, что все уже позади. Это дивное завершение дня, настоящая награда!

Он думал, что Веспер улыбнется, но она довольно сухо, продолжая внимательно слушать музыку, ответила:

— Да, пожалуй.

Она сидела, облокотившись на стол, подперев подбородок тыльной стороной ладони, и Бонд заметил, как белы у нее от напряжения фаланги пальцев.

Она курила, держа сигарету, как держат карандаш художники, между большим и указательным пальцами. Внешне она казалась спокойной, лишь чуть чаще, чем нужно, стряхивала пепел.

Бонд подмечал эти детали потому, что Веспер по-прежнему была для него загадкой, и еще потому, что ему хотелось, чтобы она разделила с ним легкое, лирическое настроение, вдруг нахлынувшее на него. Он прекрасно чувствовал, что сдержанность ее идет не от души. Либо, казалось ему, она опасается его, либо это ответ на ту холодность, с которой он повел себя за ужином и которую, он знал, она приняла за пренебрежение.

Бонд умел быть терпеливым. Они пили шампанское, говорили о событиях минувшего дня и об их вероятных последствиях для Намбера, о Матисе, о Лейтере, при этом Бонд не выходил за рамки того, во что должны были посвятить Веспер еще в Лондоне.

Она отвечала ему, но холодно. Сказала, что Матис и Лейтер, разумеется, вычислили обоих телохранителей, но

не придали никакого значения тому, что один из них встал позади Бонда. Они были уверены, что в казино Намбер ничего предпринимать не станет. Как только Бонд с Лейтером отправились в отель, она позвонила в Париж сообщить о результате игры представителю М. Пришлось говорить иносказательно, ее абонент, выслушав сообщение, без комментариев повесил трубку. Все это было предусмотрено полученными ею инструкциями при любом исходе партии. М. лично просил держать его в курсе в любое время дня и ночи.

На этом разговор иссяк. Веспер пила шампанское маленькими глотками и изредка поднимала глаза на Бонда. Она не улыбалась. Бонд мрачнел. Он пил один бокал за другим, заказал еще бутылку. Когда принесли мясо, они молча принялись за еду.

К четырем часам Бонд собрался уже попросить счет, как к столу подошел метрдотель и, спросив мисс Линд, передал ей записку, которую она тут же прочла.

— Это Матис. Просит меня выйти к нему на улицу, у него для вас сообщение. Может быть, он без вечернего костюма, иначе бы зашел сюда. Я на минуту. Потом можем вернуться в отель.

Она принужденно улыбнулась.

— Боюсь, что я составила вам на этот вечер не лучшую компанию. День был тяжелым. Извините меня.

Бонд возразил из вежливости и встал, задев стол.

— Я попрошу счет, — сказал он, когда она подходила к двери.

Он вновь сел и закурил. Накопившаяся за день усталость вдруг навалилась на него. Ему стало душно, как в казино. Он попросил счет и выпил последний глоток шампанского, показавшегося ему горьким, как часто бывает с первым глотком. Он бы с удовольствием увидел сейчас бодряка Матиса, послушал его, может быть, он скажет что-нибудь приятное.

Внезапно письмо, которое передали Веспер, показалось ему странным. Это не было похоже на Матиса. Тот мог бы назначить встречу в баре казино им обоим или бы сам, одевшись, как подобает, пришел сюда. Им было над чем посмеяться. Матис наверняка понервничал сегодня. И ему было что рассказать Бонду, больше, чем Бонд мог рассказать ему. Вероятно, продолжал давать показания их арестованный болгарин; Намбер должен был что-то предпринять, уйдя из казино...

Бонд вздрогнул. Он спешно расплатился и, не дожидаясь сдачи и не отвечая на «доброй ночи» метрдотеля и посыльного, бросился к двери. Бегом пересек «кухню», на секунду задержался, оглядывая холл, где стояли два портье и несколько человек в вечерних костюмах ждали одежду у гардероба.

Веспер и Матиса нигде не было.

Он выбежал на улицу, огляделся по сторонам, присмотрелся к машинам, припаркованным у входа в клуб.

— Желаете такси, мсье? — спросил вышедший посыльный.

Бонд отстранил его и бросился бежать через двор, вглядываясь в темноту, чувствуя, как холодит виски посвежевший ночной воздух.

Он был уже на середине двора, когда где-то справа слышался сдавленный крик, затем хлопнула дверца автомобиля. Тут же заработал мотор, и из темноты вырулил, попав в полосу лунного света, «ситроен». Его низко посаженный бампер несколько раз царапнул неровный булыжник, зад «ситроена» раскачивался на мягкой подвеске, как будто внутри шла отчаянная борьба.

Вывернув из мостовой мелкие камни, машина рванулась к воротам. Темный предмет вылетел из переднего окна и упал на клумбу. Громко взвизгнули покрышки, «ситроен» резко свернул на бульвар, затем стало слышно, как водитель переключил скорость, и машина начала удаляться в сторону идущего вдоль берега шоссе.

Бонд уже знал, что на клумбе он найдет сумочку Веспер. С ней он бегом вернулся к освещенному входу в ночной клуб и, не обращая внимания на расхаживающего вокруг него посыльного, вытряхнул ее содержимое на землю.

Среди обычных женских мелочей он нашел смятую записку.

«Можете ли вы выйти на секунду в холл? У меня новости для вашего друга. Рене Матис».

Глава XV

Черный заяц и серая гончая

Это была фальшивка, самая откровенная фальшивка.

Бонд ринулся к «бентли», благословляя тот миг, когда

он решил после ужина подогнать машину сюда. Педаль газа до отказа, стартер сработал мгновенно, и рев мотора заглушил недоуменные возгласы посыльного, отскочившего в сторону, когда из-под колес на расшитые лампасами брюки брызнула галька.

Сразу за воротами Бонд свернул влево, ища глазами «ситроен» с низко посаженным передом. Он быстро набрал скорость и, чуть откинувшись на сиденье, приготовился к погоне. Он с наслаждением слушал рокот мотора, раскатистым эхом отражающийся от стен домов. Широкое, как и положено национальной дороге, шоссе шло между дюн. Еще утром Бонд отметил, что покрытие в прекрасном состоянии и вся трасса удачно размечена катафотами. Он поднял стрелку спидометра до 130, потом до 150 километров в час; большие фары «Маршал» пробивали в ночи тоннель чуть меньше, чем на километр. Бонд чувствовал себя в безопасности.

«Ситроен», он знал, мог проехать только этой дорогой. Бонд слышал его мотор, когда ехал через город, и видел пыль, еще не успевшую осесть на виражах. С минуты на минуту он надеялся увидеть его задние огни. Ночь была спокойной и ясной. Только на выходе в открытое море, должно быть из-за жаркой погоды, стоял небольшой туман, оттуда доносились завывания сирен.

Бонд проклинал Веспер, а заодно и М., пославшего ее в Руаяль-лез-О. Случилось именно то, чего он опасался. Эти женщины возомнили, что они могут делать мужскую работу! Какого черта они не сидят дома и не занимаются своими кастрюлями, платьями; сплетничали бы себе, а мужьям оставили их мужские дела!

И надо же было этому случиться именно тогда, когда все шло к блестящей развязке! Из-за дешевой фальшивки за Веспер теперь, как за какую-нибудь красавицу из комиксов, будут требовать выкуп!

Бонд кипел от злости, обдумывая ситуацию, в которой оказался.

Конечно, теперь начнутся торги! Веспер в обмен на чек в сорок миллионов! Но он не собирается играть в эти игры! Бонд не стал бы обсуждать с М. этот вопрос. Работа прежде всего. Красивая девушка, да, но он не попадетсЯ на эту удочку. Это не игра. Он постарается догнать «ситроен» и будет стрелять, а, если зацепит Веспер, будет жалко, и все. Он поступит так, как должен поступить, попытается вытащить ее, пока они еще не спрятали ее в надежном ме-

сте. Не догонит — вернется в отель и просто ляжет спать. Завтра утром покажет Матису записку и попросит его выяснить, что с Веспер случилось. Если Намбер выйдет на Бонда и предложит обменять ее на деньги, он ничего не станет предпринимать и никому об этом не сообщит. Мисс Линд получит только то, что заслужила. Если проговорится посыльный из клуба, Бонд заявит, что это была мелкая ссора на личной почве.

Бонд со злостью отгонял от себя эти мысли, несясь вдоль берега моря, машинально закладывая виражи так, чтобы не задеть какого-нибудь возницу или велосипедиста, едущего в этот ранний час на рынок в Руаяль-лез-О. На прямой турбонаддув подхлестывал лошадиные силы, и мотор ныл на одной высокой ноте. Бонд довел скорость до 180 километров в час, стрелка спидометра приблизилась к отметке 200...

Он чувствовал, что догонит их. С таким грузом даже на этой дороге «ситроен» не мог выдать больше 145 километров в час. Бонд сбросил скорость до 115, выключил дальние фары и включил противотуманные. Теперь, когда ему не мешал резкий свет, он ясно увидел в двух-трех километрах впереди отблеск другой машины.

Бонд нащупал под приборным щитком армейский длинноствольный кольт «сешл» 45-го калибра и положил его рядом с собой на сиденье. С таким оружием он мог надеяться, если позволит рельеф дороги, прострелить колесо или бак со ста метров.

Он снова включил дальний свет и прибавил скорость.

В «ситроене» трое мужчин и Веспер. За рулем, подавшись грузным телом вперед, сидел Намбер. Рядом — коренастый «Корсиканец». Левой рукой он сжимал рычаг, торчащий между передними сиденьями и похожий на тот, с помощью которого регулируется сиденье водителя. Сзади, откинув голову и глядя куда-то вверх, сидел второй телохранитель Намбера, длинный и худой. Он, похоже, не обращал ни малейшего внимания на спидометр. Правой рукой он медленно поглаживал обнаженное бедро лежащей рядом Веспер.

Ее длинное бархатное платье было задрано вверх и перехвачено веревкой над головой. Чтобы она не задохнулась в этом мешке, на уровне лица была прорезана маленькая дырка. Веспер не двигалась.

Намбер то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, следя за приближающимися фарами «бентли». Гончая бы-

ла уже не более чем в километре, но он был спокоен и даже сбавил скорость до ста километров в час. На вираже он замедлил ход еще больше. Через несколько сот метров дорожный знак показал приближающееся пересечение со второстепенной дорогой.

— Внимание! — громко сказал Намбер «Корсиканцу».

Тот крепче сжал рычаг. За сто метров до перекрестка скорость машины упала до пятидесяти километров в час. В зеркало Намбер видел, что фары «бентли» осветили вираж.

— Давай!

«Корсиканец» резко рванул рычаг. Багажник «ситроена» хищно распахнулся. На дороге что-то зазвенело, потом послышался ровный скрежет, как будто за машиной тянулась длинная цепь.

— Хватит.

«Корсиканец» опустил рычаг. Скрежет прекратился.

«Бентли» был уже на вираже. Намбер резко развернул «ситроен» на месте и, выключив подфарники, свернул налево на узкую грунтовую дорогу.

Здесь «ситроен» затормозил. Трое его пассажиров тут же выскочили из машины и, прячась за невысоким кустарником, побежали к перекрестку, уже освещенному фарами «бентли». Все трое были вооружены пистолетами, длинный, кроме пистолета в правой руке, держал круглый черный предмет.

«Бентли» с воем, как экспресс, летел на них.

Глава XVI

Снова вместе

Когда Бонд заложил вираж, всем телом помогая длинной машине плавно пройти опасный участок, он обдумывал план своих действий на момент, когда расстояние между двумя машинами значительно сократится. Он был уверен, что противник попытается, если представится возможность, уйти на какую-нибудь боковую дорогу. Выйдя из виража и не увидев только что мелькавшие впереди габаритные огни, он инстинктивно сбросил газ. Заметив указатель, он приготовился к повороту.

Стрелка спидометра показывала не больше ста кило-

метров, когда Бонд проскочил мимо темного пятна на правой обочине, пятна, которое он принял за тень от стоявшего неподалеку дерева. Впрочем, даже если бы он сразу понял, что там стоит «ситроен», он бы не успел ничего предпринять. В ту же секунду под правым крылом блеснула сталью дорожка острых шипов.

Бонд машинально нажал на тормоз и изо всех сил вцепился в руль, стараясь выправить резкий занос влево, но лишь на долю секунды сумел выровнять машину. С обоих правых колес мгновенно сорвало покрышки, и тяжелую машину со скрежетом развернуло поперек дороги, швырнуло боком влево на насыпь и снова вынесло на шоссе; передние колеса медленно оторвались от асфальта, все еще светящие фары нацелились в небо, машина на миг замерла, как испуганный богомол, и рухнула, сминая кузов и дробя стекла.

В наступившей звенящей тишине, такой, что всем свидетелям этой сцены показалось, что они оглохли, чуть слышно шуршало, крутятся, переднее левое колесо.

Выйдя из укрытия, Намбер со своими людьми остановились в нескольких метрах от «бентли».

— Оставьте оружие и идите вытащите его, — приказал он. — Я вас прикрою. И поосторожнее с ним. Мне не нужен труп. Шевелитесь, скоро рассвет.

Громилы засуетились. Они опустили на колени, один из них достал длинный нож, вспорол край брезентовой крыши «бентли» и схватил Бонда, который был без сознания и не шевелился, за плечи. Другой протиснулся между насыпью и машиной и через разбитый ветровик высвободил ноги Бонда, зажатые между рулем и крышей. Понемногу им удалось вытащить его наружу. Они были мокры от пота, все в масле и пыли, когда опустили Бонда на асфальт.

Худой приложил руку к груди Бонда, потом несколько раз хлестнул его по щекам. Бонд застонал и пошевелил рукой. Худой дал еще одну пощечину.

— Хватит, — сказал Намбер. — Свяжите ему руки и несите в машину. Держи, — он кинул кусок электрического провода. — Но сначала посмотри его карманы и поищи пушку. Наверняка она у него не одна, но с этим мы разберемся потом.

Намбер взял предметы, которые ему протянул телохранитель, не глядя, сунул их так же, как и «беретту» Бонда,

в карман и вернулся к машине. Его лицо не выражало ни удовлетворения, ни даже оживления.

В чувство Бонда привела боль в связанных запястьях. В ту же секунду он почувствовал такую же боль во всем теле, будто его избили палками. Его поставили на ноги и подтолкнули к стоящему на грунтовой дороге «ситроену» с работающим мотором.

«Кажется, без переломов», — подумал он, но пытаться бежать он был не в состоянии и дал усадить себя на заднее сиденье. Его воля была столь же слаба, сколь и тело. Слишком много испытаний за одни сутки, и этот последний удар, кажется, мог стать решающим. На сей раз чудес уже не будет. Никто не знал, где он, и никто до утра не заметит его исчезновения. Изуродованный «бентли», быть может, скоро кто-нибудь увидит, но потребуются несколько часов, чтобы выяснить, кто его владелец.

А что Веспер? Он посмотрел направо, где за длинным телохранителем, вновь, кажется, задремавшим, в углу лежала та, из-за которой все так обернулось. Первой его реакцией было презрение. Так по-идиотски подставиться. И это платье на голове, глупее не придумаешь. Но понемногу злость прошла. Ее голые коленки торчали по-детски беззащитно...

— Веспер, — позвал он тихо.

Она молчала и не двигалась. Внутри у Бонда все похолодело, но тут она слегка пошевелилась.

В ту же секунду худой с силой ударил его кулаком в грудь.

— Молчать!

Бонд согнулся и от боли, и чтобы защитить сердце, но получил новый удар в затылок, заставивший его откинуться назад. У него перехватило дыхание. Удар был нанесен ребром ладони с силой и уверенностью профессионала. Было что-то жуткое в его точности и кажущейся простоте. Громила вновь полулежал, закрыв глаза. Жесткое каменное лицо. Бонд надеялся, что ему представится случай убить этого человека.

Внезапно машину тряхнуло, и сзади открылся багажник. «Корсиканец» принес с дороги металлическую ленту, утыканную шипами. Нечто подобное бойцы французского Сопротивления во время войны использовали против машин немцев.

Бонд вновь подумал о том, насколько серьезно подготовились его противники. Неужели М. недооценивал их воз-

можности? Впрочем, слишком легко было обвинять Лондон в провале операции. Там обязаны были знать, должны были по косвенным сведениям предусмотреть, принять меры предосторожности! Мысль о том, что, пока он устраивал себе праздник с шампанским в «Галантном короле», противник готовил контрудар, была для него невыносимой пыткой. Он проклинал себя за то, что поверил, будто сражение выиграно и враг бежал.

Все это время Намбер молчал. Как только багажник закрылся и «Корсиканец», которого Бонд сразу узнал, плюхнулся на сиденье рядом с водителем, «ситроен» вырулил на шоссе и, быстро набрав скорость, помчался вдоль моря.

Начало светать: было, как прикинул Бонд, около пяти утра. Он понял, что через пару километров они свернут в сторону виллы Намбера. Он должен был сразу догадаться, что именно туда они и везли Веспер. Теперь ему было совершенно ясно, что она была нужна им не как заложница, а как приманка. Дело принимало крайне неприятный оборот. По спине у Бонда пробежал холодок.

Через десять минут «ситроен» круто свернул влево на узкую, почти заросшую травой дорогу, проехал метров сто и мимо колонн с отваливающейся штукатуркой под мрамор въехал на неухоженный двор, обнесенный высокими стенами. Машина остановилась перед белой, с облупившейся краской дверью, на которой повыше звонка была прибита деревянная табличка в рамке. Маленькими серебристыми буквами на ней было написано: «Вилла «Полуночники». Просьба звонить».

Судя по деталям цементного фасада, какие смог увидеть Бонд, это была типичная для побережья вилла, из тех, которые приводят в порядок в последний момент. Горничная, нанятая местным курортным агентством, наспех проветривает комнаты перед приездом снявшей виллу на лето семьи. Раз в пять лет по стенам в комнатах и по деревянным балкам фасада проходят кистью маляры, и несколько недель вилла выглядит привлекательно. Затем за дело принимаются зимние ливни, на полу появляются дохлые мухи, и она вновь обретает свой подлинный вид заброшенного дома.

Но все это, понимал Бонд, было Намберу на руку. Ни одного дома в округе. Ближайшая одинокая ферма, которую Бонд обнаружил вчера во время своей вылазки, была в нескольких километрах к югу.

Когда худой ударами локтя под ребра вытолкнул Бонда

из машины, внутренне тот был уже готов к тому, что Намбер будет творить с ним и Веспер все, что захочет, по крайней мере несколько часов не опасаясь, что его побеспокоят. Холодок вновь побежал у него по спине.

Намбер отпер дверь и исчез в доме. Веспер, униженно выглядящую при свете раннего утра, втолкнули за ним следом под аккомпанемент фривольных рассуждений на французском того из громил, которого Бонд называл про себя «Корсиканец». Бонд вышел сам, стараясь не давать худому повода его торопить.

Входную дверь заперли на ключ. Намбер стоял в проходе, ведущем в комнату справа. Он нацелил на Бонда скрюченный палец, похожий на паучью лапку, молча приказывая подойти.

Веспер повели по коридору в дальнюю комнату. Бонд принял мгновенное решение.

Резко повернувшись, он ударил ногой худого в берцовую кость. Громила вскрикнул от боли. Бонд бросился по коридору, догоняя Веспера. Поскольку свободны у него были только ноги, он не строил никакого точного плана, кроме того, чтобы как можно сильнее изуродовать обоих телохранителей и попытаться обменяться хотя бы парой слов с Веспером. Рассчитывать на большее не приходилось. Он хотел только успеть сказать ей, чтобы она не сдавалась.

Когда изумленный «Корсиканец» повернулся, Бонд был уже рядом. Он выбросил вперед правую ногу, целя в пах.

С быстротой молнии «Корсиканец» прижался к стене, и, когда нога Бонда скользнула у него по бедру, он быстро, но даже ласково перехватил ее, сжал ступню и резко вывернул.

Бонд полностью потерял равновесие, вторая его нога оторвалась от пола, он повернулся в воздухе и, ударившись о стену, упал поперек коридора.

Минуту он лежал неподвижно. Худой поднял его за воротник и прислонил к стене. В руке он держал пистолет и смотрел Бонду в глаза. Это был взгляд инквизитора. Не спеша худой размахнулся и со страшной силой ударил Бонда стволом пистолета в пах. Бонд застонал и рухнул на колени.

— В следующий раз займись твоими зубами, — сказал худой на плохом французском.

Хлопнула дверь. Веспер и «Корсиканец» исчезли. Бонд с трудом повернул голову вправо. Намбер стоял в начале

коридора. Он вновь поднял свой скрюченный палец и впервые заговорил:

— Пойдемте, мой друг. Мы теряем время.

Он говорил по-английски без акцента. У него был низкий тихий голос. Говорил он медленно и совершенно спокойно. Так врач приглашает в кабинет из комнаты ожидания очень нервного пациента, только что довольно резко выговорившего санитарке.

И вновь Бонд почувствовал себя слабым и беспомощным. Только мастер дзюдо мог обработать его так, как «Корсиканец» — без лишних движений и усилий. Хладнокровие, с каким худой вернул ему его удар, столь же неторопливо, как его коллега, было почти красивым.

Бонд покорно пошел по коридору. Результат его неудачной попытки оказать сопротивление свелся к нескольким новым кровоподтекам.

Проходя в комнату мимо худого, он чувствовал себя целиком и полностью во власти противника.

Глава XVII «Мой мальчик»

Комната была просторная и голая, меблированная убого и дешево. Трудно было сказать, гостиная это или столовая, поскольку качающийся буфет с находящимися на нем зеркалом, многократно склеенной вазой и двумя крашеными деревянными подсвечниками, занимал большую часть стены напротив двери, соседствовал со стоящей у другой стены розовой выцветшей софой.

Под лепной розеткой в центре потолка не было стола; там лежал грязный квадратный ковер с геометрическим орнаментом.

У окна стояло нелепое, больше похожее на трон кресло резного темного дерева с красной бархатной обивкой. Перед ним — низкий столик с пустым графином и двумя стаканами, а рядом — маленькое кресло с круглым плетеным сиденьем.

Шелковые шторы наполовину закрывали окно, но пропускали лучи утреннего солнца, падавшие на ковер и яркие обои. Намбер указал на плетеное кресло.

— Оно подойдет как нельзя лучше, — сказал он, обра-

щаясь к худому. — Приготовь все, если будет сопротивляться, сделай ему больно, но не слишком.

Он повернулся к Бонду. Широкое лицо ничего не выражало, круглые глаза казались совершенно безразличными ко всему происходящему.

— Раздевайтесь. Будете упрямяться, Безил сломает вам палец. Мы люди серьезные, и ваше здоровье нас не интересует. Ваша жизнь или смерть зависит от того, как пойдет беседа.

Он подал знак громиле и вышел из комнаты.

Худой делал что-то непонятное. Он открыл нож, которым недавно резал брезент «бентли», схватил кресло и вырезал плетенку из сиденья. Сунув открытый нож, как авторучку, в нагрудный карман, он подошел к Бонду. Подтолкнув его к полосе света, он перерезал ему провод на запястьях и отскочил в сторону. Нож снова был у него в руке.

— Быстрей.

Бонд медлил, растирая затекшие кисти и прикидывая, сколько времени он сможет выиграть, если не подчинится. Долго размышлять об этом ему не пришлось. Худой сделал шаг в его сторону и, схватив воротник смокинга свободной рукой, сдернул его вниз так, что руки Бонда тут же оказались стянутыми за спиной. Бонд отреагировал классическим способом на эту известную полицейскую хитрость. Он упал на одно колено, но худой тут же присел вместе с ним и приставил острие ножа ему к спине. Бонд почувствовал, как нож скользнул вдоль позвоночника. Затрещала ткань, руки разом освободились, смокинг повис двумя половинками у него на локтях.

Он поднялся с колена. Худой уже стоял, вновь поигрывая ножом. Бонд сбросил на пол половинки смокинга.

— Давай! — проговорил худой, демонстрируя нетерпение.

Бонд посмотрел ему в глаза и начал медленно расстегивать рубашку.

В комнату беззвучно вошел Намбер. Он принес кастрюлю, полную жидкости, по запаху похожей по кофе. Поставив ее на столик у окна, он положил рядом еще два предмета сугубо домашнего обихода: колотушку, какой выбивают пыль, метровой длины на гибкой витой ручке, и консервный нож.

Устроившись в кресле-троне, он плеснул немного кофе

в один из стаканов, подцепил ногой другое кресло и придвинул его к себе.

Бонд стоял посреди комнаты совершенно голый; на белой коже по всему телу зловеще алели кровоподтеки; по его серому и отрешенному лицу можно было понять: он догадывается, что его ждет.

— Присаживайтесь, — сказал Намбер, кивком показывая на стоящее перед ним кресло без сиденья.

Бонд сделал несколько шагов и сел.

Худой тут же привязал его кисти к ручкам кресла, а ноги — к передним ножкам. Несколько раз пропустив провод у Бонда под мышками, он затянул его за спинкой. Узлы были сделаны профессионально, провод, впившийся в тело, не дал слабину даже на миллиметр. Ножки кресла были широко расставлены, и пытаться сломать их было бесполезно.

Бонд неподвижно сидел, провалившись в дыру в кресле, голый и беспомощный.

Намбер кивнул худому, и тот тихо вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

На столе лежали пачка сигарет «Голуаз» и зажигалка. Намбер закурил, отпил кофе. Затем взял со стола колотушку, пристроил ее ручку у себя на колене, а конец в форме трилистника завел вниз точно под кресло Бонда. Он заботливо, почти ласково заглянул своему пленнику в глаза и с силой взмахнул колотушкой. Удар был чудовищный. Тело Бонда пронзила парализующая боль.

Лицо исказилось в немом крике, рот открылся. Голова запрокинулась назад, вздувшиеся мышцы на шее, казалось, сейчас лопнут. На мгновение судорога сдавила все его мускулы, пальцы сжались в кулаки и побелели. Затем судорога отпустила, тело обмякло, и по лицу покатился пот. Бонд глухо застонал.

Намбер терпеливо подождал, когда он откроет глаза.

— Вы поняли, мой мальчик? — Он нежно улыбнулся. — Ситуация теперь ясна?

Капля пота упала с подбородка Бонда и поползла по груди.

— Перейдем к делу и посмотрим, как быстро вы сможете выбраться из положения, в которое сами себя поставили.

Он с наслаждением затянулся сигаретой и постучал колотушкой по полу.

— Мой мальчик, — произнес Намбер отеческим то-

ном, — теперь не играют в индейцев: все кончено, вообще все... К несчастью для вас, вы ввязались в игру для взрослых и наверное уже поняли это. Вам еще рано играть в эти игры, мой мальчик, и ваша няня из Лондона не подумала, посылая вас сюда с вашей лопаткой и ведерком для песка. Увы, не подумала. Забавы кончились, мой мальчик, хотя я уверен, вы бы хотели послушать продолжение моей нраво-учительной сказочки.

Он резко сменил тон и спросил, с ненавистью глядя на Бонда:

— Где деньги?

В покрасневших глазах Бонда сквозила пустота.

Вновь взмах колотушки, и Бонд вновь изогнулся от боли.

Намбер подождал, пока Бонд придет в себя и приоткроет глаза.

— Наверное, я должен вам объяснить, — сказал Намбер. — Я намерен продолжать причинять боль наиболее чувствительным частям вашего тела до тех пор, пока вы не ответите на мой вопрос. На помощь вам в последнюю минуту никто уже не придет, а бежать отсюда невозможно. Это не романтическое приключение, в котором злодей в конце концов будет побежден, герой получит награду и женится на красавице. Увы, в жизни так не бывает. Если вы будете упорствовать, вас будут пытать до тех пор, пока вы не окажетесь на грани безумия, затем мы приведем сюда вашу красавицу с займемся ею в вашем присутствии. Если и этого будет мало, вас обоих убьют самым мучительным способом. Я с сожалением распрощаюсь с вашими трупами и отбуду за границу, где меня ждет симпатичный домик. Я займусь каким-нибудь полезным и доходным делом и буду жить до глубокой старости со своей семьей, которой я непременно обзаведусь. Вот видите, мой мальчик, я ничем не рискую. Отдадите деньги — прекрасно. А нет — тоже ничего.

Он умолк на секунду и слегка приподнял над коленом орудие пытки. Бонд сжался, почувствовав, как колотушка коснулась тела.

— Что касается вас, то надежда у вас одна: на то, что я избавлю вас от новых страданий и оставлю в живых. Только на это, ни на что большее.

Бонд закрыл глаза, ожидая удара. Он знал, что в пытке самое худшее именно начало. Это как агония. Нарастающее до максимума крещендо. Потом нервы все слабее и

слабее откликаются на боль, затем беспмятство и смерть. Единственной надеждой было быстрее достичь этого максимума боли, уповая на то, что его силы воли хватит, чтобы дождаться желанного мига. А там можно отпустить тормоза и катиться под гору.

Коллеги, которые побывали под пытками немцев и японцев и выжили, говорили ему, что под конец наступает момент приятной апатии и почти физиологического наслаждения, когда боль оборачивается удовольствием, а ненависть и страх перед мучителями уступают место мазохистской сосредоточенности. Высшее проявление силы воли, как ему говорили, — скрыть в тот момент признаки этого состояния. Если палач поймет, что с вами происходит, он либо немедленно убивает, либо оставляет вас на время в покое, чтобы нервы заработали вновь. И потом продолжает.

Бонд на секунду открыл глаза.

Намбер ждал именно этого мига. Словно гремучая змея прыгнула вверх. Намбер бил и бил. Бонд закричал и потом, как брошенная марионетка, обмяк в кресле.

Намбер бил до тех пор, пока не заметил, что реакция Бонда на удары стала слабеть. Тогда он присел на свой трон, налил себе еще кофе и чуть поморщился, как хирург, бросивший во время сложной операции взгляд на электрокардиограф.

Когда веки у Бонда дрогнули и он открыл глаза, Намбер вновь заговорил, но теперь с чуть заметным нетерпением.

— Мы знаем, что деньги где-то в вашем номере, — сказал он. — Вы получили чек на предъявителя на сорок миллионов франков и поднялись к себе, чтобы его спрятать.

Удивительно, отметил вдруг Бонд, что он так во всем уверен.

— Как только вы отправились в ночной клуб, четверо моих людей обыскали вашу комнату.

«Должно быть, Мюнцы помогали», — подумал Бонд.

— Мы нашли много разных вещей в ваших наивных тайниках. Поплавок в смывном бачке подарил нам интересный листочек с кодом. Были и другие бумажки, приклеенные снизу к ящику стола. Мы разобрали по досочкам всю мебель, а вашу одежду, шторы, простыни аккуратно нарезали мелкими кусочками. Каждый сантиметр в номере был прощупан, каждая розетка развинчена. И очень

жалко, что нам не удалось найти чек. Иначе вы бы сейчас спокойно спали в своей постели, может быть, с симпатичной мисс Линд, а не сидели бы здесь. — И он снова ударил Бонда колотушкой.

Сквозь кровавый туман накатившей боли Бонд подумал о Веспер. Можно было представить, что с ней вытворяли те двое. Бонд вспомнил толстые слюнявые губы «Корсиканца», методическую жестокость худого. Бедное создание, попавшее в этот капкан! Бедная зверушка!

Намбер вновь заговорил.

— Пытка — ужасная вещь, — начал он, закулив новую сигарету, — но для исполнителя — совсем не сложная, особенно, если пациент, — тут он улыбнулся, — мужчина. Вы видите, дорогой Бонд, с мужчиной нет никакой нужды терять время на реверансы. С помощью этого простого инструмента либо другого подходящего предмета мужчине можно причинить сколько угодно или сколько нужно боли. Не верьте тому, что вы читали в романах или мемуарах про войну. Результат этой процедуры — не только мгновенная агония от боли, но и постоянная мысль о том, что в конце концов, если вы не уступаете, то перестаете быть мужчиной. И эта мысль, дорогой Бонд, печальна и страшна. Словом, непрерывная цепь страданий не только тела, но и души. А в конце — тот миг, когда вы закричите, моля, чтобы я вас убил. Все это неизбежно, по крайней мере, если вы не скажете мне, где спрятан чек.

Он налил себе немного кофе и неторопливо выпил его. В уголках губ остались коричневые следы от стакана.

Бонд с трудом разжал зубы. Во рту пересохло. Он хотел сказать: «Пить», но выдавил из себя только страшный хрип. Распухшим языком он облизал потрескавшиеся губы.

— Ну, разумеется, мой мальчик! Как я забыл!

Намбер наполнил кофе другой стакан. На полу вокруг кресла Бонда образовалось кольцо из капель пота.

— Нужно, чтобы голос вернулся.

Намбер положил колотушку на пол и встал. Подойдя к Бонду сзади, он собрал в кулак прядь его мокрых от пота волос и, резко дернув, откинул его голову назад. Чтобы Бонд не задохнулся, он вливал ему в горло кофе понемногу. Потом отпустил волосы, и голова Бонда упала на грудь. Намбер вернулся на свое место и взял в руку колотушку.

Бонд приподнял голову, захрипел и медленно проговорил:

— Деньги... вы ничего не сможете с ними сделать... Вас найдет полиция.

Эта фраза отняла у него много сил, и он вновь уронил голову на грудь. Он играл, но лишь немного. Он действительно был очень слаб. Ему нужно было выиграть время.

— Да, мой мальчик, забыл вам сказать! — хищно улыбнулся Намбер. — После нашей партии мы с вами снова встретились в казино. Вы были настолько благородны, что согласились сыграть со мной еще раз. Красивый жест настоящего британского джентльмена. К несчастью, вы проиграли, и это вас так расстроило, что вы решили немедленно уехать из Руаяль-лез-О в неизвестном направлении. Как джентльмен вы имели честь вручить мне письмо, в котором изложили ситуацию таким образом, что мне будет исключительно просто получить по чеку ваши деньги. Видите, мой мальчик, мы все предусмотрели, и вам не стоит беспокоиться обо мне. — Намбер тихо засмеялся.

— Продолжим? Я никуда не тороплюсь, и мне будет довольно интересно посмотреть, сколько времени мужчина может выдерживать подобный вид побуждения к действию...

Он ударил колотушкой по полу.

Стало быть, приближается развязка, понял Бонд, чувствуя, как замерло у него сердце. «В неизвестном направлении» — это под землю, в море или, может быть, просто под разбитый «бентли». Но если ему так или иначе предстоит умереть... Не было никакой надежды, что Матис и Лейтер смогут вовремя оказаться здесь, но шанс, что они успеют поймать Намбера до того, как он уйдет за границу, был. Если сейчас около семи часов, то, вероятно, машину уже обнаружили. Нужно было выбирать из двух зол, но чем дольше Намбер будет его пытаться, тем больше шансов, что расплата все-таки придет.

Бонд видел глаза Намбера, красные, в прожилках лопнувших сосудов; в них, как смородина в крови, плавали зрачки. Лицо Намбера было желтого цвета, потное, с черной щетиной; из-за расползавшихся вверх следов кофе в углах губ оно казалось улыбающимся; свет из-за штор ложился на него яркими полосами.

— Нет... — ясно произнес Бонд, — вы...

Намбер выругался и неистово заработал колотушкой. Время от времени он рычал, как дикий зверь.

Через десять минут Бонд с наслаждением потерял сознание.

Намбер вытер пот с лица, посмотрел на часы и задумался.

Он поднялся со своего трона и подошел к Бонду сзади. Лицо Бонда и верхняя часть тела были белыми, как мел. Только легкое подрагивание кожи на левой стороне груди говорило, что он еще жив.

Намбер схватил Бонда за уши и с силой крутанул. Потом наклонился и стал бить его по щекам. Голова Бонда перекатывалась по груди из стороны в сторону. Постепенно дыхание стало глубже. Нечленораздельный звук вырвался из открытого рта.

Намбер схватил стакан с кофе, немного влил в рот Бонда, остальное плеснул ему в лицо. Веки Бонда дрогнули.

Намбер сел на свой трон и принялся ждать. Он курил и смотрел, как кровь капает на пол и собирается в лужицу под стоящим перед ним креслом.

Бонд застонал. Это был нечеловеческий стон. Он открыл глаза и тупо посмотрел на своего мучителя.

Намбер оживился.

— Вот и все, Бонд. Теперь мы будем вас убивать. Вы понимаете?... Не убьем, а будем убивать. Потом приведут вашу подружку, и мы посмотрим, можно ли что-нибудь вытянуть из того, что от вас обоих останется.

Он протянул руку к столу. И тут кто-то негромко произнес.

— Пожелай ему что-нибудь на прощание, Бонд.

Глава XVIII

Ангел смерти

Странно было слышать незнакомый голос, приглашавший к не менее странному диалогу на фоне пытки. Ослабевший Бонд с трудом уловил смысл. Внезапно он оказался посередине между явью и забытьем. Он понял, что может снова видеть и слышать. После этих слов, произнесенных спокойным голосом кем-то, стоящим в дверях комнаты, воцарилась тишина, и Бонд ее слышал. Он увидел, как медленно полз вверх взгляд Намбера и как на его лице вы-

ражение недоумения, а затем нескрываемого изумления постепенно сменилось гримасой ужаса.

— Не двигаться! — все так же спокойно сказал голос.

Бонд услышал за спиной медленные шаги.

— Бросьте эту штуку! — скомандовал голос.

Бонд видел, как Намбер послушно уронил на пол консервный нож. По лицу Намбера Бонд отчаянно пытался понять, что происходит сейчас у него за спиной, но единственное, что он видел, был страх. Намбер открыл рот, хотел что-то сказать, но только коротко и тонко вскрикнул. Его толстые щеки задрожали, как будто он хотел и не мог о чем-то спросить. Руки суетливо задвигались на коленях. Правая дернулась к карману, но тут же вновь легла на колено. На долю секунды Намбер опустил глаза, Бонд понял, что он вооружен.

Стало тихо.

— СМЕРШ.

Слово было произнесено медленно, так, как будто ничего другого и не могло быть сказано в этот момент. Вот оно, последнее объяснение. Последнее слово.

— Нет, — выдавил из себя Намбер, — я... — Он осекся.

Должно быть, он хотел что-то объяснить, молить о пощаде, но по лицу того, кто стоял за спиной у Бонда, понял, что это бессмысленно.

— Оба ваших человека уже трупы. Вы идиот, вор и предатель. Я послан из Советского Союза, чтобы вас убить.

Голос смолк. В тишине отчетливо слышалось прерывистое дыхание Намбера.

За окном запела птица, слышались другие звуки просыпающейся природы. Свет за шторой стал ярче, и на лице Намбера заблестел пот.

— Вы признаете себя виновным?

Бонд старался не потерять сознания. Он хотел тряхнуть головой, но шея онемела, не смог он и перевести взгляд, глазные мышцы не повиновались. Он видел перед собой бледное лицо с вытаращенными глазами. Струйка слюны выползла из открытого рта на этом лице и повисла на подбородке.

— Да, — прошептал Намбер.

Послышался тихий хлопок, как будто лопнул пузырек воздуха в выдавливаемой из тюбика зубной пасте, и внезапно на лице Намбера появился еще один глаз в том мес-

те, где лоб переходил в мясистый нос. Маленький черный глаз без ресниц.

Секунду все три глаза смотрели перед собой, затем лицо Намбера дернулось и поползло куда-то вбок. Зрачки тех глаз, которые даны человеку от природы, закатились под веки. Сначала тяжелая голова свесилась набок, затем и все тело сместилось вправо, будто Намбер внезапно почувствовал себя очень плохо. Еще секунду было слышно, как скребут об пол каблуки. Наконец Намбер затих на своем троне.

Позади Бонда послышался шорох. Чья-то рука сжала его подбородок и закинула ему голову назад. Бонд увидел блестящие глаза на лице, закрытом черной маской, низко надвинутую шляпу и поднятый воротник плаща. Больше он ничего не увидел. Голова его вновь упала на грудь.

— Тебе повезло, — произнес голос. — У меня нет приказа тебя убивать. Но ты можешь подтвердить своим, что СМЕРШ оставляет в живых только случайно или по ошибке. Сначала тебя спас случай, а второй раз — ошибка, потому что я не получил приказа убивать всех агентов, которые крутились вокруг этого предателя, как мухи вокруг собачьей кучи. Но я оставляю тебе кое-что на память. Ты — игрок. Может быть, ты еще будешь играть против кого-нибудь из нас. Тебя смогут сразу узнать.

Послышался щелчок открывшегося ножа. Бонд увидел большую волосатую руку, грязную манжету, серую ткань плаща. Пальцы руки, как авторучку, сжимали узкое лезвие ножа. Оно застыло над привязанной к креслу рукой Бонда. Острые трижды быстро рассекло тыльную сторону ладони. Четвертый надрез пересек линии у самых пальцев. Выступившая кровь образовала букву m и струйкой потекла вниз на пол.

Бонд вновь потерял сознание.

Шаги неспешно удалились. Тихо закрылась дверь. Звук начинающегося дня проникли в комнату из-за закрытых окон.

Глава XIX

Последний кошмар

Когда вам снится, будто вам что-то снится, значит, вы просыпаетесь.

Два следующих дня Бонд пребывал в этом состоянии постоянно, не приходя в сознание. Он наблюдал за тем, как сменяются его сны, не делая ни малейшего усилия, чтобы как-то изменить их ход; между тем многие из его снов были жуткими и все без исключения мучительными. Он знал, что лежит на кровати лицом вверх, что он не может пошевелиться; в одно из тех мгновений, когда к нему частично возвращалось сознание, ему казалось, что вокруг него люди. Но он даже не пытался открыть глаза и вернуться к реальности.

Он чувствовал себя в большей безопасности в забытии и цеплялся за него.

На рассвете третьего дня его разбудил кровавый кошмар; дрожа и обливаясь холодным потом, он проснулся, почувствовав чью-то ладонь у себя на лбу. Он хотел сбросить эту ладонь, попытался поднять руку, но не смог. Его руки, тело были привязаны к кровати, прямоугольная конструкция из белой материи, похожая на гроб, укрывала его от груди до ног. Бонд прокричал целую обойму ругательств, но силы ему изменили, и последние слова были чуть слышны. Слезы отчаяния и жалости к себе катились у него из глаз.

Он слышал женский голос и постепенно стал разбирать слова. Голос был приятный. Бонду казалось, что он успокаивает, что это голос друга. И все же он не верил. Все это время он был убежден, что находится по-прежнему в плену, что с минуты на минуту пытка возобновится. Он ощутил бережное прикосновение прохладной, пахнущей лавандой салфетки к лицу и вновь погрузился в сон.

Когда несколько часов спустя он открыл глаза, то уже не помнил, что ему снилось. Он чувствовал себя ожившим и очень слабым. Комната была наполнена солнечным светом, из открытого окна доносился шелест листьев. Где-то далеко слышалось, как волны разбиваются о берег. Бонд пошевелил головой и услышал шуршание юбки; медицинская сестра, сидевшая у изголовья кровати, встала и подошла к нему так, чтобы он ее видел. Она была красивой. Она улыбнулась Бонду и измерила ему пульс.

— Ну вот, я рада, что вы наконец очнулись. В жизни не слышала такой ругани.

— Где я? — спросил Бонд, улыбнувшись ей в ответ. Он был удивлен, что голос у него твердый и ясный.

— Вы в клинике Руаяль-лез-О, а меня направили сюда из Англии, чтобы я за вами ухаживала. Я здесь с одним из

моих коллег. Моя фамилия Гибсон. А теперь лежите спокойно. Я пойду скажу доктору, что вы пришли в себя. Вы были без сознания с тех пор, как вас доставили сюда, и мы все очень тревожились за вас.

Бонд закрыл глаза и мысленно ощупал свое тело. Сильнее всего болели запястья, щиколотки и располосованная ножом правая рука. Середину тела он не чувствовал, должно быть, ему сделали местную анестезию. В остальных местах все ныло. Повязки сдавливали ноги, грудь, шею. Когда он поворачивал голову, подбородок скреб щетиной по наволочке подушки. Судя по всему, он не брился дня три, значит, с того утра, когда его пытали, прошло два дня.

Он обдумывал несколько коротких вопросов, когда дверь открылась, и в комнату в сопровождении медсестры вошел врач. За их головами мелькнуло знакомое лицо Матиса; хотя он и широко улыбался, видно было, что он встревожен. Матис приложил палец к губам, на цыпочках прошел к окну и сел на подоконник.

Врач был французом с молодым умным лицом. Второе бюро откомандировало его для лечения Бонда. Он подошел к Бонду, пощупал ему лоб, глядя в температурный график, висящий на спинке кровати. Заговорив, он сразу перешел к делу.

— У вас к нам много вопросов, дорогой господин Бонд, — сказал он на прекрасном английском, — и на большинство из них я могу ответить. Не хочу, чтобы вы тратили силы, поэтому сам изложу вам основные факты. Затем вы сможете несколько минут поговорить с Матисом, который жаждет уточнить у вас одну или две детали. Честно говоря, немного преждевременно устраивать такие беседы, но я хочу, чтоб ваша душа была спокойна. С тем, чтобы ваше моральное состояние не мешало нам заниматься вашим здоровьем.

Медсестра пододвинула врачу стул и вышла.

— Вы здесь уже два дня, — продолжил он. — Вашу машину обнаружил фермер, ехавший на рынок в Руаяль, он позвонил в полицию. Через некоторое время, когда Матису сообщили, что машина принадлежит вам, ваш друг со своими людьми немедленно выехал на виллу «Полуночники» и там нашел вас, Намбера и вашу знакомую мисс Линд. Она невредима и, по ее словам, не подвергалась никаким зверствам. Она была в состоянии шока, но теперь уже все позади. Она в отеле. Непосредственное начальство

попросило ее остаться в вашем распоряжении в Руаяле до тех пор, пока вы не сможете вернуться в Англию... Вам, наверное, будет интересно узнать, что оба телохранителя Намбера были убиты выстрелами из пистолета 35-го калибра в затылок. По спокойному выражению их лиц, можно предположить, что они не видели и не слышали, как к ним подошел тот, кто стрелял. Их нашли в той же комнате, что и мисс Линд. Намбер был убит выстрелом в переносицу из того же оружия. Вы видели, как его застрелили?

— Да, — кивнул Бонд.

— У вас серьезные повреждения, но жизнь вне опасности, хотя вы и потеряли много крови. Если все пойдет, как я предполагаю, обещаю вам полное выздоровление. Боясь, что еще несколько дней вам придется пострадать, но я попытаюсь обставить ваши страдания максимальным комфортом. Теперь, когда вы в сознании, вам освободят руки, но вы не должны шевелиться. Медсестра имеет указание по-прежнему привязывать вам руки на ночь. В первую очередь нужно, чтобы вы отдыхали и восстанавливали силы. Пока у вас все еще состояние сильного физического и психического шока. Сколько времени вас пытали? — спросил он, помолчав.

— Около часа.

— В таком случае позвольте мне поздравить вас с тем, что вы выжили. Немногие мужчины выдержали бы то, что устроили вам. Может быть, вас это порадует. Матис мог бы подтвердить мои слова, мне пришлось лечить несколько человек, с которыми проделали подобную процедуру, и все они выбрались с большими потерями.

Врач еще несколько секунд смотрел на Бонда, потом резко повернулся к Матису.

— У вас десять минут, после чего я силой заставлю вас отсюда выйти. Если у него поднимется температура, будете отвечать.

Он широко улыбнулся и вышел из комнаты. Матис сел на место врача.

— Замечательный тип, — сказал Бонд. — Он мне нравится.

— Он работает у нас, действительно замечательный тип, — кивнул Матис. — Я вам как-нибудь о нем расскажу. Он считает вас феноменальным человеком, и я с ним согласен. Впрочем, все это потом. Как вы догадываетесь, вопросов у меня немало. Меня взгрел Париж, и, естественно, Лондон, и даже Вашингтон при посредничестве на-

шего друга Лейтера. Кстати, — попутно заметил Матис, — мне звонил лично М. Попросил передать вам, что он восхищен. Я спросил, что передать еще, и он сказал: «Скажите ему, что казна заметно успокоилась».

Бонд довольно улыбнулся. Приятнее всего было то, что М. сам позвонил Матису. Такого еще не случалось. Существование М., не говоря уже о его настоящем имени, тщательно скрывалось. Так что Бонд мог представить, какие эмоции вызвала вся эта операция в здании, где меры предосторожности возведены в абсолют.

— Высокий и худой человек, у него еще не хватает одной руки, прилетел из Лондона в тот же день, как вас нашли, — продолжал Матис, зная, что эти подробности более всего заинтересуют Бонда и доставят ему удовольствие. — Он сам подобрал для вас медсестру и вообще всем занимался сам. Контролировал даже, как ремонтируют вашу машину. Этот человек, похоже, патрон Веспер. Он долго беседовал с ней и дал ей четкие инструкции заботиться о вас.

«Начальник центра S, — понял Бонд. — Мне устроили почетную встречу».

— Теперь, — сказал Матис, — о серьезном. Кто застрелил Намбера?

— СМЕРШ.

Матис тихо присвистнул.

— Боже мой! — в голосе Матиса звучало уважение. — Стало быть, они за ним следили! Опишите-ка этого стрелка.

Бонд коротко объяснил все, что предшествовало смерти Намбера, говоря только о существенном. Это стоило ему больших усилий, и он был рад побыстрее закончить свой рассказ. Вспомнив финальную сцену, он вновь пережил весь тот ужас, лоб у него покрылся потом, тело содрогнулось от боли.

Матис понял, что зашел слишком далеко. Голос Бонда ослаб, глаза затуманились. Матис закрыл блокнот и положил руку Бонду на плечо.

— Простите меня, — сказал он тихо. — Все уже позади, вы в добрых руках. Операция полностью завершена и завершена замечательно. Мы объявили, что Намбер убил своих сообщников и покончил с собой, чтобы избежать следствия по делу о профсоюзной кассе. Страсбург и восток Франции бурлят. Намбер был там чуть ли не героем и столпом Французской компартии. История с борделями и

казино сильно потрянула всю эту организацию. Теперь они носятся, как ошпаренные, не знают, что предпринять. Пока компартия заявила, что этот человек исключен из Центрального Комитета. Но это мало что даст, особенно на фоне недавнего поражения Тореза. В лучшем случае они добьются только того, что выставят своих вождей полными идиотами. Бог знает, как они будут выбираться из этого положения.

Матис заметил, что его энтузиазм произвел должный эффект: глаза Бонда чуть заблестели.

— Последний вопрос, и я ухожу, — сказал Матис, взглянув на часы. — Сейчас на меня напустится доктор. Где чек? Где вы его спрятали? Мы прошупали всю вашу комнату. Его там нет.

— Он там есть, — усмехнулся Бонд, — более или менее там. На каждой двери в отеле есть маленькая черная пластмассовая табличка с номером комнаты. Со стороны коридора, разумеется. Когда в тот вечер Лейтер ушел от меня, я открыл дверь, чуть отвинтил табличку, спрятал туда сложенный чек и завинтил ее. Он по-прежнему там. Я рад, что глупый англичанин смог чему-то научить умного француза.

Матис польщенно улыбнулся.

— Я был вознагражден за труды уже тем, что знал, что не я один там ничего не нашел. Кстати, мы взяли Мюнцев с поличным. Они оказались мелкой рыбешкой, их наняли по случаю. Но несколько лет тюрьмы мы им обеспечили.

Он поспешно встал, увидев вошедшего в комнату врача.

— Вон! — сказал ему врач. — Вон, и чтобы я вас больше не видел!

Матис успел только махнуть Бонду рукой и сказать: «До встречи», как был выпихнут из комнаты. Бонд услышал за дверью настоящую бурю на французском, которая утихала по мере того как врач и Матис удалялись по коридору. Он откинулся на подушку совершенно без сил, но повеселевший от всего, что узнал. Он поймал себя на мысли о Веспер и тут же погрузился в тревожный сон.

Без ответов осталось еще немало вопросов, но они могли подождать.

Глава XX

Природа зла

Бонд выздоравливал быстро. Когда Матис навестил его через три дня, он уже сидел на кровати. Нижняя часть туловища все еще была под белым тентом, но несмотря ни на что Бонд пребывал в хорошем настроении; лишь изредка болезненные ощущения заставляли его морщиться. Матис же был мрачен.

— Вот ваш чек, — сказал он Бонду. — Мне было лестно прогуляться с сорока миллионами в кармане, но вы еще должны поставить на нем передаточную подпись, чтобы я мог положить деньги на ваш счет в «Креди Лионэ»... Никаких следов вашего знакомого из СМЕРШ, ни одного. На виллу он, очевидно, прибыл пешком или на велосипеде, поскольку ни вы, ни телохранители ничего не слышали. Отчаянная ситуация. Об этом человеке в Лондоне тоже ничего. Вашингтон сообщил, что у него кое-что есть, но оказалось, все это обычные фантазии эмигрантов. Приблизительно то же самое порасскажут вам на улице англичане про Секретную службу, а французы — про Второе бюро.

— Он, по всей вероятности, добирался в Европу через Варшаву и Берлин, — сказал Бонд. — От Берлина идет множество открытых дорог. Сейчас он, должно быть, уже в Ленинграде и получает разнос за то, что заодно не убрал и меня. Думаю, что после двух операций, которые М. мне поручил в конце войны, у них на меня пухлое досье. Этот парень посчитал, что с меня хватит и той буковки, которую вывел мне на руке.

— Кстати, что это? — спросил Матис. — Врач мне сказал, что порезы сделаны в форме перевернутой ш. Зачем эта кабалистика?

— Я видел шрам, когда мне меняли повязку, уверен, что это русская буква ш. СМЕРШ расшифровывается как «Смерть шпионам», так что ш — это «шпион». Приятного мало, потому что М., вероятно, попросит меня сделать пересадку кожи. Хотя большой надобности в этом нет. Я решил подать в отставку.

Матис изумленно посмотрел на Бонда.

— В отставку? — переспросил он. — Какого черта?

Бонд отвел глаза и занялся изучением повязок на руках.

— Когда меня собрались убивать, мне вдруг понравилось быть живым. Перед тем как начать пытку, Намбер употребил выражение, которое меня поразило: «Играть в индейцев». Он сказал, что это именно то, что я делаю. Так вот я подумал, что он, возможно, был прав. Знаете, — продолжал разглядывать повязки Бонд, — в молодости кажется, что можно легко отличить добро от зла. С возрастом это становится труднее. В школе дети четко знают: тот — герой, этот — враг. И растут, думая стать героями и расправиться с врагами. За последние годы, — Бонд посмотрел Матису прямо в глаза, — я убил двух таких врагов. Первого — японца, специалиста по шифрам в Нью-Йорке, в японском представительстве на тридцать шестом этаже здания «Ар Си Эй» в Рокфеллеровском центре. Я снял квартиру на сороковом этаже соседнего дома, откуда через улицу хорошо просматривался кабинет японца. нас было двое, и у каждого по «ремингтону» 30/30 с оптическим прицелом и глушителем. Мы засели в квартире и ждали своего шанса несколько дней. Мой коллега выстрелил за секунду до меня. Его задача была только пробить стекло, чтобы я уже мог стрелять в японца. В Рокфеллеровском центре очень толстые стекла, чтобы с улицы не было слышно шума. Все получилось очень удачно. Пуля коллеги пробила стекло. Я выстрелил в дыру сразу после него. Я попал японцу в лоб в тот момент, когда он обернулся на звон стекла.

Бонд закурил, несколько раз сильно затянулся.

— Работа была сделана отлично. Красиво и чисто. Почти с трехсот метров. Никаких личных контактов. Позже, в Стокгольме, было уже не так красиво. Я должен был убить норвежца, двойного агента, работавшего на немцев. Он выдал двух наших людей, которых, насколько я знаю, потом казнили. По различным причинам все нужно было сделать совершенно бесшумно. Я выбрал спальню в его квартире и нож. Так вот, он умер не очень быстро... В качестве награды за эти операции я получил номер с двумя нулями. Это приятно. За тобой репутация надежного человека. Номер с двумя нулями означает у нас, что выхладнокровно убили во время операции человека. Как благородно, — сказал он, снова глядя на Матиса, — хороший герой расправляется с плохими врагами. Но когда хороший Намбер собирается убить плохого Бонда, а плохой Бонд знает, что он вовсе не плохой, замечаешь, что у этой медали есть оборотная сторона. И непонятно, кто плохой,

а кто хороший. Разумеется, — добавил он, видя, что Матис собирается возразить, — на помощь приходит патриотизм. Он помогает создавать впечатление, что все прекрасно. Но рассуждения о добре и зле у нас потихоньку выходят из моды. Сегодня мы воюем против коммунизма. Замечательно. Если бы я жил полвека назад, тот консерватизм, который у нас сейчас, встречал бы точно такую же реакцию, что и нынешний коммунизм, и нам могли бы приказать с ним бороться. В наше время история движется быстро. Хорошие и плохие то и дело меняются ролями.

Матис мрачно смотрел на Бонда. Потом мягко дотронулся до его плеча.

— Вы хотите сказать, что этот милейший Намбер, который делал все, чтобы превратить вас в евнуха, не имеет права называться плохим? Разумеется, после всех ваших сказочек ни у кого не будет сомнений, что он бил вас по лицу, а не по... — Он кивнул на кровать. — Подождите, у М. еще будет возможность попросить вас заняться очередным Намбером! Держу пари, что вы помчитесь за ним на всех парах... А СМЕРШ?.. Должен сказать, что мне не нравится, когда эти люди разгуливают по Франции как хотят и убивают всех, кто, как им кажется, предал их режим. Да вы просто анархист!

Он собрался сказать что-то еще, но выразительно махнул рукой.

Бонд засмеялся.

— Очень хорошо, — вновь заговорил он. — Возьмем нашего друга Намбера. Очень легко сказать, что он злой человек; мне, по крайней мере, просто, потому что он причинил мне боль. Будь он сейчас здесь, я бы без колебаний его убил; но только из личной мести, а не по причинам высокой морали или во имя спасения родины.

Он посмотрел на Матиса, стараясь понять, насколько убедительны его самокопания и рассуждения о проблемах, которые для его друга были не более, чем вопросом долга. Матис улыбнулся.

— Продолжайте, прошу вас. Интересно познакомиться с новым Бондом. Англичане весьма занятные люди! Они, как китайские ларчики, которые укладываются один в другой. Нужно долго добираться до самого последнего. Доберешься, а в результате одно расстройство, но сам процесс поучительный и любопытный. Продолжайте. Развивайте свои аргументы. Может быть, какими-нибудь из них я тоже смогу воспользоваться, когда в следующий раз мне

нужно будет уговорить шефа не поручать мне скучной работы.

Матис продолжал улыбаться, но уже с хитрецей, которую Бонд, кажется, не замечал.

— Теперь, чтобы объяснить, в чем различие между добром и злом, мы изобрели образы, олицетворяющие две крайние противоположности, — самое черное и самое белоснежное белое. Но тут мы немного схитрили. Образ Бога чист и ясен, можно разглядеть каждый волосок его бороды. А дьявол? На кого похож дьявол? — спросил Бонд, торжествующе глядя на Матиса.

— На женщину, — хохотнул Матис.

— Все это очень красиво, — сказал Бонд. — Но теперь я спрашиваю, на чьей стороне я должен быть? Я думал над этим вопросом, и в конце концов судьба дьявола и его слуг, таких, как Намбер, вызвала у меня жалость. Дьяволу не до веселья, а я люблю быть на стороне жертвы. Мы отказываем бедняге в единственном шансе. Есть книга о добре, она объясняет, что нам нужно делать, чтобы быть хорошими и так далее, но нет книги о зле, которая рассказывает, как нужно поступать, чтобы быть плохим. У дьявола нет ни пророков, чтобы составить свои десять заповедей, ни команды писателей, чтобы написать его биографию. Его судят заочно. Мы не знаем про него ничего, кроме множества сказок, которые рассказали нам родители и учителя. Нет книги, по которой мы могли бы изучить природу зла во всех ее формах, книги с иносказаниями, пословицами и народными мудростями о зле. Все, чем мы располагаем, это примером живых людей, которых мы считаем хорошими, а по сути дела, только собственной интуицией. Вот почему, — продолжал Бонд, распаляясь, — Намбер выполнял прекрасную, жизненно важную и, может быть, самую благородную миссию. Своим существованием как человек зла, человек, которого я по недоумию помогал уничтожить, он создавал критерий зла, благодаря которому, и только ему одному, может существовать критерий добра. Нам была подарена редчайшая возможность за тот недолгий период, в который мы с ним соприкасались, узнать глубину его подлости и стать лучше и добродетельнее.

— Bravo! — воскликнул Матис. — Я горжусь вами. Вы должны устраивать для себя пытки каждый день. Я тоже непременно придумаю себе на вечер какую-нибудь гадость. Надо быстрее приниматься за дело. Для меня еще не

все — многое, конечно, увы, — грустно добавил он, — но не все потеряно, но теперь, когда я прозрел, я буду работать не покладая рук. Как я повеселюсь! Надо подумать, с чего начать: убийство, поджог, насилие? Нет, это все детский лепет! Надо справиться у старины Де Сада! Поучиться никогда не мершает. Вот только как же наша совесть, дорогой Бонд? Что делать с ней, пока мы будем творить наши героические грехи? Целая проблема! Очень хитрая дама, эта совесть, и очень старая. Ей столько же лет, сколько первой семье обезьян, которые ее родили на свет. Нам надо серьезно заняться этой проблемой, иначе мы рискуем испортить себе удовольствие. Конечно, старуху нужно убрать, но придется повозиться, уж очень она крепенькая. Зато когда мы с ней покончим, мы сможем дать фору самому Намберу... Вам, дорогой Джеймс, легко. Вы можете начать со своей отставки. Это отличная идея, замечательное начало для новой карьеры. И как все просто! У каждого в кармане револьвер собственной отставки. Нажал спусковой крючок — и точно попал и в свою страну, и в свою совесть. Убийство и самоубийство одним выстрелом! Красота! Какое мужество и величие в отстаивании своего кредо! Что касается меня, то я должен немедленно идти трудиться во благо нашего начинания. Ба-а, — протянул Матис, посмотрев на часы, — да я уже начал. Я на полчаса опоздал на встречу с начальником полиции.

Он встал.

— Все было очень забавно, дорогой Джеймс. Вам следовало бы выступать на эстраде. Теперь что касается вашего затруднения, как отличить добрых от злых, подлецов от героев и так далее. Конечно, это трудно в теории. Все дело в личном опыте, неважно, кто вы, китаец или англичанин.

Матис остановился у двери.

— Вы признаете, что Намбер лично вам причинил зло и что вы убили бы его, если бы он был сейчас здесь? Так вот, когда вы вернетесь в Лондон, вы увидите, что есть много Намберов, которые пытаются причинить зло вам, вашим друзьям и вашей стране. М. расскажет вам о них. Теперь, когда вы увидели по-настоящему злого человека и знаете, в каком обликии может проявляться зло, вы будете искать и уничтожать его и защищать всех тех, кто вам дорог, и себя самого. Вы лучше многих знаете теперь, какое оно, это зло. Вы будете мучиться, выбирая себе задание. Вы получили право требовать доказательств того, что в цент-

ре мишени действительно черный круг, но вокруг нас немало таких черных пятен. Для вас еще много работы. И вы будете ее делать. И когда вы кого-нибудь полюбите, когда у вас будет любимая женщина, может быть, жена и дети, которых нужно беречь, вы скажете, что работать стало легко.

Матис открыл дверь и уже с порога сказал.

— Нужно, чтобы вокруг вас были люди. Делать что-то ради них легче, чем ради принципов. Но сами не станьте человеком. Мы потеряем восхитительную машину.

Он махнул на прощание рукой и закрыл дверь.

— Эй! — крикнул вслед Бонд.

Но из коридора донеслись торопливые шаги француза.

Глава XXI

Веспер

На следующий день Бонд попросил, чтобы пришла Веспер. До этого ему не хотелось ее видеть. Ему говорили, что она каждый день приходит в клинику и справляется о его состоянии. Она присылала ему цветы. Бонд не любил этого и попросил медсестру отдать цветы другому больному. Когда он попросил о том же во второй раз, цветы больше не приносили. Бонд не хотел обидеть Веспера, но он не любил, когда около него были эти сугубо женские атрибуты. Цветы требовали ответной благодарности по отношению к тому, кто их дарил, они постоянно намекали на некоторую нежность и симпатию, а это Бонда утомляло. Он ненавидел, когда с ним нянчились, ему казалось, что у него начинается приступ клаустрофобии.

Бонда не радовала перспектива все это объяснять Веспер. Его также смущала необходимость задать ей несколько вопросов о том, что все еще его волновало и что касалось связанных с ней недавних событий. Он был почти уверен, что ее ответы напомнят ей о неразумности некоторых ее поступков. Но ему нужно было обдумать доклад об операции, который он должен будет представить М., и он не хотел быть вынужденным критически отзываться в нем о Веспере, которой это могло стоить службы.

Впрочем, самый болезненный вопрос, на который он должен был ответить сам, он избегал себе задавать.

Врач не раз говорил с Бондом о его ранах. И не раз по-

вторял, что страшная пытка не скажется никакими нежелательными последствиями. Он обещал, что здоровье Бонда полностью восстановится и ни одна из функций организма не будет нарушена. Однако то, что видел и чувствовал Бонд, ему самому оптимизма не внушало. Кровоподтеки и опухоли по всему телу не проходили, и, когда действие укола прекращалось, он мучился от сильных болей. Его воображение, однако, подвергалось еще большим испытаниям, чем тело. За час, проведенный под пытками Намбера, уверенность, что как мужчина он уже ни на что не годен, оставила в сознании Бонда глубокую рану, и ни один медик не мог бы ее залечить.

С тех пор как Бонд в «Эрмитаже» впервые увидел Веспер, его по-прежнему тянуло к ней. Он знал: если бы в ночном клубе все сложилось иначе, если бы Веспер каким-то образом ответила на его шаг навстречу, если бы не было того похищения, они бы закончили тот вечер в постели. Даже потом, в машине, по дороге на виллу, в какой-то момент, когда, видит Бог, ему было о чем подумать, он, глядя на ее несуразно обнаженные ноги, задумался — и весьма сильно — о ней.

Теперь, когда он должен был ее увидеть, ему было страшно. Страшно, что его чувства никак не откликнутся на эффектную красоту Веспер. Страшно ощутить себя куском льда рядом с ней. Этот страх — и Бонд не обманывал себя — был истинной причиной того, что он больше недели оттягивал испытание встречей с Веспер. Он и сейчас хотел отложить эту встречу, но убеждал себя, что ему необходимо подготовиться к докладу, что эmissар прибудет из Лондона со дня на день и захочет узнать все детали операции и что если ему, Бонду, суждено худшее, то время ничего не изменит.

На восьмой день его пребывания в клинике, ранним утром, когда после сна он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим, Бонд попросил пригласить к нему Веспер.

Неведомо почему, он ожидал увидеть ее бледной и усталой, ему казалось, что пережитое им самим должно как-то проявиться и в ней. Он никак не ожидал, что в комнату весело ворвется высокая загорелая девушка в тусоровом платье с черным поясом. Улыбаясь, Веспер остановилась перед ним.

— Боже, Веспер, — сказал Бонд, несколько неестественно приподняв руку в приветствии, — но вы просто рас-

цвели! То, что мы с вами пережили, пошло вам на пользу. Как вам удалось так замечательно загореть?

— Я чувствую за собой огромную вину, — сказала она, присаживаясь у кровати. — Пока вы лежите здесь, я каждый день проводила на пляже. Врач сказал, что это мой долг; я подумала, что ничем не помогу вам, если буду весь день страдать в себя у номере. Я нашла прекрасный маленький песчаный пляж и до вечера сижу там с книгой. Туда ходит автобус, но остается еще немного пройти через дюны, и есть возможность забыть, что это как раз по дороге к вилле.

Она заговорила тише. Упоминание о вилле заставило Бонда отвести взгляд, однако Веспер продолжала, стараясь не замечать молчания своего собеседника.

— Врач считает, что вам совсем скоро разрешат вставать... Я подумала, что немного погодя смогла бы показать вам мой пляж. Врач говорит, что купание вам было бы полезно.

— Еще неизвестно, когда я буду в состоянии выйти отсюда, — зло проговорил Бонд. — А уж когда я смогу купаться, вероятно, лучше будет делать это в одиночку. Мне не хотелось бы пугать людей. Не говоря обо всем остальном, — сказал он, переведя взгляд на одеяло, — все тело у меня сплошной синяк. Но вы должны развлекаться, врача нужно слушаться.

Веспер задела горечь и несправедливость этих слов.

— Я сожалею, — сказала она, — я только думала... Я хотела...

Глаза у нее вдруг наполнились слезами. Она с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Я хотела... помочь вам быстрее поправиться.

Голос ее задрожал. Она виновато смотрела на Бонда, в глазах которого было осуждение. Не выдержав, она закрыла лицо руками и расплакалась.

— Простите, — проговорила она глухим голосом, — прошу вас, простите. — Она вынула из сумочки носовой платок и промокнула глаза. — Во всем виновата я, я знаю.

Бонд вдруг растрогался. Он положил забинтованную ладонь ей на колено.

— Не будем больше об этом, Веспер. Извините меня, я был очень груб с вами. Вы поймете, это ревность, вы загораете, а я прикован к постели. Как только я чуть поправлюсь, я поеду с вами, и вы мне покажете ваш пляж. Вы

правы, это действительно то, что мне нужно. Я очень хочу побыстрее выйти отсюда.

Она погладила его руку, отошла к окну и, приведя себя в порядок, вновь села рядом.

Бонд с нежностью смотрел на нее. Как все закаленные жизнью мужчины, он легко впадал в сентиментальность. Веспер была очень красива, и его властно влекло в ней. Он решил не откладывать с вопросами. Он предложил ей сигарету, они заговорили о приезде шефа центра S и о реакции Лондона на поражение Намбера.

Даже судя по тому, что знала Веспер, было очевидно, что операция завершалась удачно. Скандал вокруг имени Намбера продолжал разрастаться по всему миру. В Руаяль прибыли корреспонденты многих английских и американских газет, они искали того ямайского миллионера, который победил Намбера за карточным столом. Им удалось выйти на Веспер, но она сказала, что Бонд собирался ехать играть в Канны и Монте-Карло. Толпа журналистов двинулась из Руаяль-лез-О на юг Франции. Матис с помощью полиции постарался убрать все следы операции, и газетам пришлось искать сенсации в Страсбурге и рассказывать о панике в рядах французских коммунистов.

— Веспер, — прервал ее Бонд, — что на самом деле произошло в ночном клубе? Я видел только, как вас увозили. — И он в нескольких словах пересказал ей то, что увидел, выйдя из казино.

— В тот момент я растерялась, — сказала она, избегая смотреть на Бонда. — Не найдя Матиса у входа, я вышла на улицу. Ко мне подошел посыльный и спросил, не я ли мисс Линд; он сказал, что человек, передавший мне записку, находится в машине на стоянке. Честно говоря, меня это не очень насторожило. Я была знакома с Матисом всего несколько дней и не знала, как он работает. Словом, я вышла во двор и пошла к машине. Она стояла чуть в отдалении справа, и там было довольно темно. Когда я подошла, двое людей Намбера выскочили из-за соседних машин и задрали мне платье над головой. — Веспер покраснела. — Кажется, пустяк, — сказала она смущенно, — но невероятно эффективно, даже крика, похоже, никто не услышал. Я пыталась отбиваться ногами, но это совершенно бесполезно, я ничего не видела. Они схватили меня с двух сторон и запихнули в машину. Я, конечно, отбивалась. Когда машина тронулась и пока они возились с веревкой, я высвободила одну руку и бросила сумочку в окно. Наде-

юсь, она на что-то сгодились. Это было почти инстинктивно. Я просто испугалась, что вы не будете знать, что со мной случилось, вот и сделала первое, что пришло в голову.

Бонд был уверен, что, не выброси Веспер сумочку, Намбер, поскольку того интересовал Бонд, возможно, сам бы выкинул ее.

— Разумеется, мне это очень помогло, — сказал Бонд. — Но почему вы не подали какого-нибудь знака, когда я окликнул вас там, в машине, уже после того как они меня схватили? Вы меня испугали. Мне показалось, что они вас оглушили.

— Возможно, я была в обмороке. В моем «мешке» невозможно было дышать даже после того как они прорезали дырку. Я несколько раз теряла сознание и не помню почти ничего, что происходило со мной до приезда на виллу. Я по-настоящему поняла, что они вас схватили, лишь когда вы побежали за мной в коридоре.

— Эти двое вас не тронули? — спросил Бонд. — Они... не попытались воспользоваться вашей беспомощностью, пока Намбер возился со мной?

— Нет, — сказала Веспер. — Они связали мне ноги и посадили в угол, лицом к стене, а сами ушли в соседнюю комнату и играли в карты — наверное в белот, судя по тому, что я слышала, — а потом оба, кажется, заснули. Тогда их застрелили. Я услышала какое-то странное шипение и потом грохот, как будто кто-то из тех двоих упал со стула на пол. После этого послышались тихие шаги, и кто-то закрыл дверь. А потом, до появления Матиса, не происходило уже ничего. Я почти все это время была как в полусне. Я не знала, что с вами, — тихо сказала она, — один раз я услышала какой-то страшный крик, но как будто очень издалека. По крайней мере, мне так кажется, что это был крик. В тот момент я подумала, что это галлюцинация.

— Боюсь, это не было галлюцинацией, — сказал Бонд.

Веспер протянула к нему руку. Глаза ее были полны слез.

— Чудовищно, что они с вами сделали, — прошептала она. — И все это из-за меня. Если бы только...

Она спрятала лицо в ладони.

— Мало ли, что могло быть, — успокаивал ее Бонд. — Вчерашний день — это уже вчерашний день. Слава Богу,

они оставили в покое вас, — сказал он, похлопав ее по руке. — Они должны были заняться вами после того как по-настоящему размягчили бы меня («размягчить» — удачное слово, подумал Бонд). Мы должны благодарить СМЕРШ. А теперь хватит. Забудем! В том, что произошло, я убежден, нет вашей вины. Кто угодно поймался бы на записку. Так что хватит думать об этом, — закончил он, повеселев.

Веспер с благодарностью улыбнулась сквозь слезы.

— Правда?.. Вы мне обещаете? — спросила она. — Я думала, вы никогда не захотите меня простить... Я... стараюсь... как-нибудь ответить вам на это.

«Как-нибудь?» — сказал про себя Бонд. Он посмотрел на нее. Она улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

— Будьте осторожней, — заметил он. — Я могу поймать вас на слове.

Она посмотрела ему в глаза и ничего не ответила, но Бонд понял, что недосказанный вызов принят. Она поднялась, осторожно пожала ему руку и сказала.

— Обещание есть обещание.

На этот раз они оба знали, в чем смысл этих слов.

Она сняла свою сумочку со спинки кровати и сделала несколько шагов к двери.

— Нужно ли мне прийти завтра? — Она смотрела на Бонда серьезно.

— Да, пожалуйста, Веспер. Мне будет приятно. И хорошенько обследуйте окрестности. С вашей помощью я буду строить планы на то время, когда начну ходить. Вы согласны?

— Да, — сказала Веспер. — И поторопитесь выздороветь.

Когда Веспер вышла, Бонд долго прислушивался к ее шагам.

Глава XXII

Черный фургон

Бонд быстро выздоравливал.

В один из дней он составил доклад для М. Была в нем и часть, посвященная тому, что Бонд по-прежнему считал непрофессиональным поведением Веспер. Умело подчеркивая необходимые детали, он сумел представить похище-

ние девушки куда более изощренным, чем было в действительности. Он отметил выдержку и хладнокровие, которые Веспер проявляла на протяжении всей операции, опустив при этом некоторые необъяснимые ее действия.

Веспер навещала его каждый день, и он ожидал ее прихода с нетерпением. Она весело рассказывала о том, как проводит время, о своих походах по побережью, о том, как готовят в ресторанах, в которых она побывала. Ее познакомили с комиссаром полиции Руаяль-лез-О и с одним из директоров казино. Они как могли развлекали ее и, когда было нужно, давали ей машину. Она следила за тем, как идет ремонт «бентли», который отправили в кузовную мастерскую в Руан, позаботилась даже о том, чтобы из лондонской квартиры Бонда переслали одежду. Из той, что была в отеле, не уцелело ничего. Все швы были вспороты, сама ткань в поисках сорока миллионов была изрезана в лоскуты.

О Намбере они больше не говорили. Время от времени Веспер рассказывала забавные случаи из своей работы в центре S, куда она была переведена из военно-морского флота. Бонд вспомнил кое-что из своей биографии.

Он поймал себя на мысли, что ему исключительно легко говорить с Веспер, и был удивлен.

Его отношения с большинством женщин имели устойчивые свойства смеси лаконизма и страсти. Медленные подготовительные маневры утомляли его практически так же, как выяснения отношений, неизбежно приводящие к разрыву. Незыблемое единообразие сценариев всех любовных интриг казалось ему зловещим.

Их схема — сентиментальные речи, прикосновение руки, поцелуй, страстный поцелуй, обнаженное тело, апогей в постели, снова постель, меньше постели, безразличие, финальное разочарование — представлялась ему постыдной и фальшивой. Более того, он старательно сокращал в каждом действии этой пьесы количество мизансцен: встреча на приеме, ресторан, такси, его собственная квартира, ее собственная квартира, уик-энд на берегу моря, снова квартиры, потом уловки, алиби и под занавес — бурная сцена разрыва на пороге дома под дождем.

Но с Веспер ничего похожего быть не должно.

Каждый ее приход превращал тоскливую больничную комнату в радостный оазис посреди изнурительных лечебных процедур. Их разговоры были просто разговорами двух товарищей с чуть приметным более страстным вто-

рым планом: эту сторону приносило обещание, о котором они не вспоминали, но которое со временем, определенным ими самими, должно было быть выполнено. Со временем...

Впрочем, как ни старался Бонд ускорить свое выздоровление, он должен был пройти через все его этапы. И они были прекрасны. Ему разрешили вставать, затем выходить в сад, потом была короткая прогулка пешком по окрестностям, долгая — на машине. Наконец настал вечер, когда врач, едва приехав из Парижа, объявил Бонда совершенно здоровым. Веспер привезла ему одежду, он попрощался со всеми, кто ухаживал за ним, и они сели в такси, заранее заказанное Веспер.

Минуло три недели, как смерть отступилась от него. Был уже июль. Дюны и море томились под жарким летним солнцем. Бонд наслаждался каждым новым мгновением жизни и — будущего.

Он не знал, куда они ехали. Возвращаться в большие отели Руаяль-лез-О он не хотел, и Веспер обещала ему подыскать что-нибудь за пределами города. Но настояла на том, что не откроет раньше времени, где это место, сказала только, что ему там должно понравиться. Ему были приятны ее хлопоты, хотя, чтобы не возникло впечатления, будто он отказывается от собственных прав, он тут же окрестил местечко, куда они ехали, «Дыра-сюр-Мер» (Веспер сказала, что это на побережье) и громко расхваливал туалеты в глубине сада, клопов и тараканов.

По дороге случилось любопытное происшествие.

Такси ехало вдоль берега моря по направлению к «Полуночникам». Бонд рассказывал о погоне на «бентли», показал вираж, после которого произошла авария, и место, где были поставлены шипы. Он попросил притормозить, чтобы Веспер увидела глубокие борозды, оставленные в асфальте ободами машины, масляное пятно там, где она перевернулась.

Веспер отвечала рассеянно и односложно. Бонд заметил, что она несколько раз бросила взгляд в зеркало заднего вида. Оглянувшись после очередного поворота, ничего подозрительного он не заметил.

Он взял ее за руку.

— Вас что-то тревожит, Веспер? — спросил он. Она улыбнулась в ответ, но несколько натянуто.

— Нет, нет, ничего. Вообразила, что за нами кто-то следит... Это нервы... Какая-то зловещая дорога. — И, за-

смеявшись, она вновь посмотрела в зеркало. — Вот он, смотрите... — В голосе ее был страх.

Бонд послушно оглянулся. Сомнений не было: метрах в четырехстах — пятистах сзади на хорошей скорости их догонял черный фургон. Бонд рассмеялся.

— Было бы странно, если б мы одни ехали по этой дороге, — сказал он. — И потом, кому нужно за нами следить? Ничего плохого мы не сделали. — Он похлопал ее по руке. — Уверяю вас, это возвращается в Гавр какой-нибудь коммивояжер, запродавший партию шампуня для мытья автомобилей. Сейчас он думает об обеде и о любовнице, которая осталась в Париже. Право, Веспер, не подозревайте беднягу в коварных замыслах.

— Будем надеяться, что вы правы, — сказала она недоверчиво. — Как бы там ни было, мы почти приехали.

Она замолчала и отвернулась к окну. Слова Бонда ее явно не успокоили. Внутренне Бонд посмеялся над тем, что счел последствием их недавнего приключения. Однако решил уступить капризу и, когда они съехали с шоссе на проселочную дорогу, велел водителю остановиться. Они стали ждать фургон.

Когда к спокойным звукам летней природы примешался нарастающий гул мотора, Веспер сдвинула руку Бонда. Фургон пронесся мимо, не сбавляя скорости, за стеклом мелькнул профиль водителя.

Бонду, правда, показалось, что водитель фургона все-таки бросил взгляд в их сторону, но у дороги стояло рекламное панно с броской надписью: «Гостиница и ресторан «Запретный плод» — омары, рыба во фритюре!» У него не вызывало сомнений, что внимание водителя привлекло именно оно.

Веспер сидела, съежившись, в углу. Она была бледна.

— Он посмотрел на нас, — сказала она, — уверяю вас. Я чувствовала, что за нами следят. Теперь им известно, где мы.

Бонд не смог скрыть раздражения.

— Что за ерунда! Он смотрел вот сюда! — он показал на панно.

— Вы, правда, так думаете?.. — Веспер как будто немного приободрилась. — Да, вижу... Конечно, вы правы. Все как-то глупо получилось... Давайте поедем.

Она наклонилась вперед и попросила водителя ехать дальше. Машина тронулась, и Веспер, откинувшись на си-

денье, с улыбкой посмотрела на Бонда. От ее бледности почти не осталось следа.

— Мне очень стыдно. Все из-за того, что... что я никак не поверю, что нам уже нечего и некого опасаться. — Она сжала ему руку. — Наверное, я кажусь вам очень глупой.

— Отнюдь нет. Но мы действительно уже никого не интересуем. Забудьте обо всем. Работа закончена. Мы на отдыхе, и небо синее. Ведь так? — настойчиво спросил он.

— Да, конечно. — Она легонько тряхнула головой. — Я просто не в себе. Но теперь мы уже вот-вот приедем. Надеюсь, вам здесь понравится.

Они стали вглядываться в дорогу. Их лица вновь повеселели, и о происшествии было окончательно забыто, когда за дюнами показались море и маленькая аккуратная гостиница среди сосен.

— Тут не очень роскошно, — сказала Веспер. — Но чисто и прекрасно готовят. — Она смотрела на Бонда, опасаясь, что он не одобрит ее выбор.

Беспокоилась она напрасно. Бонду с первого взгляда понравилось это место. Аккуратный трехэтажный дом с красными шторами на окнах, стоящий почти на линии прилива, полукруглая бухта, голубое море и золотой песок. Сколько раз в жизнь он был готов отдать все, чтобы вот так съехать с дороги, очутиться в забытом всеми уголке, где можно оставить мир с его суетой и с утра до вечера не вылезать из моря. А теперь все это у него будет — и целую неделю! И еще — Веспер.

Перед домом их встретили хозяин и его жена.

Мсье Версуа был преклонных лет, без руки, он потерял ее, сражаясь в Свободных французских силах на Мадагаскаре. Он был другом комиссара полиции, который подсказал Веспер эту гостиницу и даже сам позвонил хозяину.

Мадам Версуа оторвалась от приготовления ужина и стояла в переднике, с деревянной ложкой в руке. Она была моложе мужа, недурна собой и приветлива. Бонд без труда догадался, что у них нет детей и все свои нерастраченные душевные силы они отдают друзьям, немногочисленным завсегдатаям и, вероятно, животным. Впрочем, жизнь у них скорее всего была не из легких; зимой гостиница пустовала, начинались высокие приливы и сильные ветры.

Хозяин проводил гостей наверх. Веспер был отведен номер с большой кроватью, Бонду — соседний, угловой, с двумя окнами. Одно окно выходило на море, другое — на

дальний край бухты. Между номерами была ванная комната. Все было аккуратно, удобно и просто.

Хозяин был рад, что комнаты гостям понравились. Он сказал, что ужин будет подан в семь. Хозяйка приготовит им омаров на гриле в топленном масле. Он посетовал, что будет мало гостей — вторник, а люди приезжают на выходные. В этом году сезон неудачный. Раньше здесь было много пансионеров-англичан, но теперь времена за Ла-Маншем настали тяжелые, и англичане приезжают в Руа-яль на воскресенье, все проигрывают и сразу уезжают.

— Раньше было не так, — закончил он, смиренно вздохнув, — но дни меняются, и мы меняемся...

— Истинная правда, — согласился Бонд.

Глава XXIII

Прилив

Они разговаривали на пороге комнаты Веспер. Когда хозяин спустился вниз, Бонд резко закрыл дверь, взял Веспер за плечи и коснулся губами ее щеки.

— Здесь настоящий рай, — сказал он

Глаза Веспер блеснули. Она положила ладони на руки Бонда. Он обнял ее. Веспер подалась вперед, и Бонд почувствовал, целуя ее, как приоткрылись ее губы.

— Милая, — прошептал он.

Он целовал ее, все сильнее прижимая к себе, чувствуя, как ее губы, язык сначала робко, потом с большей и большей страстью откликались на его ласки. Его руки скользнули вниз, сжали ее бедра. Прерывисто дыша, она отняла губы, замерла, прижавшись к нему; Бонд чувствовал ее упругую грудь, горячее дыхание. Он провел рукой по ее волосам, подался вперед, чтобы поцеловать снова, но она слегка оттолкнула его и без сил опустилась на край кровати. Еще мгновение они смотрели друг на друга, переполняемые желанием.

— Простите, Веспер! Я не хотел... сейчас.

Он сел рядом с ней, с нежностью глядя ей в глаза, но прилив их страсти уже начал спадать.

Веспер придвинулась к нему, поцеловала его в уголок губ и медленно провела пальцем ему по лбу, убирая прилипшую черную прядь волос.

— Дайте мне сигарету, — попросила она, обводя рассе-

янным взглядом комнату. — Не знаю, куда я положила сумочку.

Бонд раскурил сигарету и передал ее Вesper. Она глубоко затянулась и медленно выпустила струйку дыма. Бонд обнял ее, но она поднялась, подошла к окну и застыла, повернувшись к Бонду спиной. Бонд видел, что у нее дрожат руки.

— Мне нужно немного привести себя в порядок перед ужином, — сказала Вesper, не оборачиваясь. — Вы не хотите пока сходить искупаться? Я разберу ваши вещи.

Бонд встал и подошел к Вesper. Она не обернулась. Он обнял ее, взял в ладони ее грудь, чувствуя, как набухают ее соски под его пальцами. Ее руки легли на его ладони, прижали их сильнее, но взгляд по-прежнему был устремлен за окно.

— Не сейчас, — сказала она тихо.

Бонд наклонился, все еще удерживая Вesper, провел губами по ее шее и отступил назад.

— Конечно, Вesper... — сказал он.

У двери он обернулся. Вesper по-прежнему стояла у окна. Ему показалось, что она плачет. Он сделал шаг к ней и понял, что сейчас ему нечего ей сказать.

— Милая Вesper, — проговорил он и вышел, закрыв за собой дверь.

У себя в комнате он сел на кровать, чувствуя усталость от охватившего его возбуждения. Ему одновременно хотелось лечь и вытянуться во всю длину, и пойти на море, окунуться в воду, и ощутить себя заново родившимся. В конце концов он открыл чемодан и достал белые плавки и темно-синюю пижамную куртку.

Бонд всегда ненавидел пижамы и предпочитал спать совершенно голым до тех пор, пока в конце войны в Гонконге не нашел для себя замечательный компромисс. Куртка доходила ему почти до колен, была без пуговиц и завязывалась на талии поясом. Широкие короткие рукава доходили только до локтей. В ней было нежарко, удобно, а теперь появилось еще и то преимущество, что она скрывала все его шрамы, кроме тех, которые были у него на щиколотках и запястьях, и еще отметины СМЕРШ на правой руке.

Он переобулся в синие кожаные сандалии, спустился вниз и вышел из дома. Пройдя по пляжу перед фасадом гостиницы, он подумал о Вesper, ему захотелось посмотреть, стоит ли она у окна, но он заставил себя не оборачи-

ваться. Возможно, она видела его, но никак не дала о себе знать.

Он шел вдоль моря по золотистому, твердому, как камень, песку до тех пор, пока гостиница не скрылась из вида. Тогда он скинул с себя куртку и, пробежав несколько метров, нырнул в невысокую волну. Дно круто уходило вниз. Он долго, сколько хватило воздуха, плыл под водой, всем телом ощущая ее нежную прохладу. Потом вынырнул и откинул назад волосы. Было около семи, и солнце светило не так жарко, как днем, и вот-вот должно было скрыться за дальней оконечностью бухты; Бонд лег на спину и поплыл через бухту, догоняя его.

Когда, проплыв километра полтора, он вышел на берег, тень уже скрыла то место, откуда он начал свой путь, но здесь, на мысе, у него было еще время полежать на песке и обсохнуть, прежде чем наступят сумерки.

Он положил на песок плавки и, раскинув руки, стал смотреть в безоблачное небо, думая о Веспер. Он относился к ней сложно, и эта сложность не нравилась ему.

Поначалу Бонд думал переспать с Веспер и не более того, — сначала просто потому, что она ему понравилась, а позже еще и потому (и он не видел в этом ничего предосудительного), что хотел раз и навсегда забыть о своей страшной травме. Он знал, что их роман продлится еще какое-то время в Лондоне. Потом будет неизбежный и не слишком тяжелый, благодаря особенности их работы, разрыв. Если не уладится само по себе, он мог попросить себе работу за границей, а в конечном счете, об этом он по-прежнему думал, уйти в отставку и поездить наконец по свету, о чем он всегда мечтал.

Но незаметно для себя он сильно привязался к Веспер; последние две недели еще больше изменили его отношение к ней.

С ней было легко и просто. И в то же время в Веспер было что-то неразгаданное, что постоянно не давало Бонду покоя. Она открывала свою душу понемногу; Бонд чувствовал: сколько бы они ни были вместе, в ней всегда останется что-то такое, куда, как в заповедный сад, он никогда не будет допущен. Она была предупредительна и исполнена уважения к нему, но не рабски и ни в чем не в ущерб своей гордости.

Теперь, когда он знал, как она чувственна, страстна, именно благодаря таинственности ее души ему еще больше хотелось завоевать ее тело. Физическая любовь могла

наконец стать путешествием без разочарования, которое обыкновенно ждет на станции прибытия. Она, думал Бонд, должна любить с жадностью, наслаждаясь всем, что предполагает близость, но не позволяя завладеть собой.

Тень от мыса почти подползла к Бонду. Он встал, стряхнул с себя песок, решив, что примет душ в гостинице, взял плавки и пошел по берегу. Лишь дойдя до того места, где он оставил свои вещи, он заметил, что все это время шел голым. Он надел куртку и пошел к гостинице.

К тому времени он уже принял решение.

Глава XXIV Fruit defendu *

Поднявшись к себе, Бонд был искренне тронут, когда увидел, что все его вещи аккуратно разложены в шкафу, а на стеклянной полочке в ванной выставлены его зубная щетка и бритвенные принадлежности. На другом краю полочки лежала зубная щетка Веспер, стояли пара ее флакончиков и баночка с кремом для лица.

Бонд удивился, что в одном из флакончиков были таблетки снотворного. Должно быть, происшедшее на вилле куда сильнее сказалось на нервах Веспер, чем он представлял.

Ванна была наполнена водой, и на стуле около полотенца стоял другой флакон с хвойной эссенцией для ванны.

— Веспер...

— Да?

— Это слишком. Я начинаю казаться себе расточительным жиголом.

— Мне было приказано заботиться о вас. Я это и делаю.

— В таком случае не намылите ли мне спину?

— Вы хотите иметь рабыню, а не заботливую женщину.

— Я хочу вас.

— А я хочу омаров и шампанского. Так что поторапливайтесь.

Бонд насухо вытерся, надел белую рубашку и темно-синие брюки. Он думал, что Веспер будет одета так же просто, и был восхищен, когда она без стука появилась у него

* Запретный плод (фр.).

в комнате в голубой блузе под цвет глаз и в темно-красной плиссированной юбке.

— Я не могу больше ждать. Я голодна, как волк, моя комната прямо над кухней, и запах оттуда божественный.

Бонд подошел к ней и обнял ее за талию. Она взяла его под руку, и они спустились на открытую террасу, где в том месте, куда падал свет из безлюдной гостиной, для них был накрыт стол.

Шампанское, которое Бонд заказал по приезду, стояло в серебряном ведре со льдом. Бонд наполнил бокалы до краев. Веспер, уже не сдерживаясь, восхищалась домашним паштетом, передавая Бонду хрустящий хлеб и масло на кусочках льда.

Глядя друг другу в глаза, они выпили вина, и Бонд тут же наполнил бокалы вновь.

За ужином Бонд рассказал Веспер о своем купании, и они условились утром же пойти на пляж. На протяжении всего вечера они старались избегать намеков на чувства, которые испытывали друг к другу, но чем темнее становилась ночь, тем заметнее становился блеск глаз. Иногда их руки и колени соприкасались, как будто для того, чтобы немного снять напряжение их тел.

Когда появился и исчез омар, когда вторая бутылка шампанского была наполовину пуста и они пыльным слоем положили взбитые сливки на землянику, Веспер вздохнула.

— Я веду себя, как хрюшка, — сказала она, улыбаясь. — Вы мне всегда предлагаете то, что я больше всего люблю. Меня так никогда не баловали. — Она посмотрела на освещенное луной море, почти подступающее к террасе. — Я этого не заслужила. — В ее голосе, как слышалось Бонду, зазвучало какое-то напряжение.

— Что вы хотите сказать? — удивился Бонд.

— Сама не знаю! Мне кажется, что люди имеют то, что заслуживают. Значит, я заслуживаю то, что имею.

Она вновь улыбнулась, и глаза ее тоже улыбались.

— По правде говоря, вы немногое знаете обо мне, — вдруг сказала она.

Бонд был поражен ее неожиданно серьезной интонацией.

— Я знаю вполне достаточно, — сказал он, смеясь. — Все, что мне нужно знать до завтра, послезавтра и после-послезавтра. Вы тоже обо мне почти ничего не знаете, если на то пошло. — Он налил ей и себе шампанского.

Веспер задумчиво смотрела на него.

— Люди — это острова, — сказала она. — Они никогда не сходятся. Как бы близки друг другу они ни были, они все равно раздельны. Даже если они женаты полсотню лет.

Бонд подумал, что они выпили слишком много шампанского. От него бывает *vin triste* *. Но неожиданно она звонко рассмеялась.

— Не делайте такое лицо! — Она погладила его по руке. — Меня просто потянуло на сентиментальности. В любом случае мой остров сегодня, кажется, совсем приблизился к вашему.

Она отпила шампанское.

Бонд с облегчением улыбнулся.

— В таком случае им нужно соединиться и образовать полуостров, — сказал он. — Если мы уже покончили с десертом...

— Нет, — кокетливо ответила она, — мне еще кофе.

— Тогда мне еще коньяк, — в тон ей сказал Бонд.

Взгляд его — второй раз за вечер — помрачнел. Пусть всего на мгновение, но в воздухе повис немой вопрос, впрочем он быстро растаял к тому времени, когда принесли кофе.

Бонд неторопливо пил коньяк. Веспер встала и подошла к нему сзади.

— Я устала, — сказала она, положив ему руку на плечо.

Он удержал ее руку. На мгновение оба замерли. Потом Веспер наклонилась, прикоснулась губами к волосам Бонда и ушла. Через несколько секунд в окне ее комнаты зажегся свет.

Бонд курил и ждал, когда свет погаснет. Потом он встал из-за стола, на секунду задержался, чтобы поблагодарить хозяев за ужин. Пожелав им доброй ночи, он поднялся по лестнице.

Было не больше половины десятого, когда он, пройдя через ванную комнату, вошел к Веспер и закрыл за собой дверь.

Полоска лунного света проникала сквозь неплотно прикрытые ставни и тянулась к посеребренному луной неясному силуэту тела посередине широкой кровати...

Бонд проснулся на рассвете в своей комнате и не-

---

* Меланхолия во хмелю (фр.).

сколько секунд лежал неподвижно, собираясь с мыслями.

Он бесшумно встал, надел свою куртку и, пройдя мимо комнаты Веспер, спустился на пляж.

Море было спокойным. Маленькие, розовые в восходящем солнце волны лениво накатывались на песок. Было прохладно. Тем не менее Бонд снял куртку и так пошел по берегу до того места, где купался вечером. Там он решительно вошел в воду и медленно шел до тех пор, пока она не достигла подбородка. Холодное море казалось колючим. Он подобрал ноги и, зажав нос и закрыв глаза, погрузился под воду. Он знал, что зеркальная гладь бухты сейчас совершенно ровная, лишь кое-где выпрыгивают рыбы. И подумал, что было бы забавно, если б Веспер сейчас показалась на берегу из сосновой рощи. Как бы она удивилась, когда бы он вдруг вынырнул из воды.

Через минуту с лишним он шумно вынырнул и с сожалением оглядел пустой берег. Никого. Он немного поплавал, потом лег на воду и, дождавшись, когда солнце осветило пляж, вышел на берег, растянулся на песке и с наслаждением подумал о подаренной ему Веспер ночи.

Как и вчера вечером, он вглядывался в высокое небо и читал в нем все тот же ответ на свой вопрос.

Через некоторое время он поднялся и медленно пошел по пляжу назад.

Он решил сегодня же просить Веспер выйти за него замуж. Он был совершенно уверен в принятом решении. Главное теперь было выбрать удачный момент.

Глава XXV

Черная повязка

Медленно пройдя по террасе и войдя в полутьму гостиной, где еще были закрыты ставни, он увидел, как Веспер отошла от застекленной телефонной кабинки у входной двери и, стараясь не шуметь, стала подниматься по лестнице.

— Веспер! — окликнул он, решив, что она, должно быть, получила какое-то важное сообщение, касающееся их обоих.

Она резко обернулась и вскинула руку ко рту. Мгнове-

ние, длившееся чуть дольше, чем нужно, она смотрела на него удивленными глазами.

— Что случилось, милая? — спросил он, слегка недоумевая и боясь, как бы что-то непредвиденное не нарушило его планы.

— Ох, — вздохнула она, — вы меня напугали! Я просто... Я звонила Матису. Хотела спросить его, не может ли он еще раз обратиться к своей знакомой, продавщице «Диора», я вам о ней говорила...

Она говорила очень быстро, путано, одновременно стараясь быть убедительной.

— Признаться, я не захватила сюда платьев, и мне нечего надеть. Я думала застать Матиса дома, пока он не ушел на работу. Я не знаю телефона той подружки, а мне очень хотелось преподнести вам сюрприз. Я не знала, что вы уже проснулись. Вы купались? Хорошая вода?.. Вам нужно было меня разбудить.

— Вода замечательная, — сказал Бонд, решив ее успокоить, хотя ясно видел, что за наивностью хитростей скрывается что-то более значительное. — Спускайтесь быстрее, и пойдем завтракать на террасе. Я очень проголодался. Простите, если напугал вас. Я просто не ожидал кого-нибудь увидеть здесь в такой ранний час.

Он обнял ее, но она высвободилась и стала быстро подниматься по лестнице.

— Я тоже не думала вас встретить, — говорила она, стараясь своей беззаботностью показать, каким пустяковым был этот случай. — Вы появились, как привидение. Волосы мокрые, всклокоченные! — Она засмеялась, но, почувствовав, что смех хвучит натянуто, закашлялась. — Надеюсь, море не очень холодное? — спросила она.

Вечер упрямо не хотела признать, что ее нагромождение лжи уже рухнуло. Хотелось отшлепать ее, чтобы она расслабилась и сказала правду. Но Бонд только тихонько и весело хлопнул ее по плечу, когда они подошли к ее двери, и сказал, чтобы она быстрее выходила завтракать.

* * *

Их любви не суждено было вновь стать такой, какой она была. Последующие дни были наполнены фальшью и недосказанностью, с примесью слез и вспышками животной страсти — они предавались ей с жадностью, которую недостаток искренности на протяжении дня делал тягостной. Несколько раз Бонд пытался разрушить стену недопони-

мания. Он то и дело подводил разговор к роковому телефонному разговору, но Веспер упрямо цеплялась за свою версию, расцвечивая ее новыми поворотами придумок, сделанных, Бонд это понимал, задним числом. Как-то она сказала даже, что Бонд наверное считает, что у нее есть кто-то еще. Эти сцены неизбежно заканчивались слезами и почти истериками. С каждым днем атмосфера становилась все более тягостной. Бонду казалось непостижимым, что связь между двумя людьми может рваться вот так, прямо на глазах, с каждым днем все больше, и он мучительно искал объяснение. Он чувствовал, что для Веспер не менее, чем для него, отвратительна эта ситуация, во всяком случае переживала она ее даже сильнее. Но тайна телефонного разговора, которую Веспер по-прежнему отчаянно, почти в страхе оберегала, нависла над ними грозой тучей, разрастающейся по мере того как появлялись новые поводы для вопросов. Такой повод представился уже в тот же день за обедом. После завтрака, стоившего им обоим большого напряжения, Веспер сказала, что у нее разболелась голова и она не хочет выходить на солнце. Бонд взял книгу и отправился в долгую прогулку по пляжу. Возвращаясь, он решил за обедом выяснить, что же произошло. Как только они сели за стол, он, посмеявшись над собой, извинился за то, что напугал ее у телефонной кабинки, затем сменил тему разговора и принялся рассказывать, что видел во время своей прогулки. Но Веспер отвечала рассеянно и односложно. Она ковыряла вилкой в тарелке, избегала взгляда Бонда и беспокойно оглядывала террасу. Когда она оставила несколько его фраз без ответа, заметивший это Бонд погрузился в мрачное раздумье. Внезапно Веспер замерла. Ее вилка звякнула о край тарелки, подпрыгнула на столе и упала на пол.

Бонд поднял глаза. Веспер была белой, как полотно. На лице ее был ужас, она смотрела куда-то через плечо Бонда. Он обернулся и заметил мужчину, который садился за столик на другом конце террасы, довольно далеко от них. Обыкновенный господин в несколько темноватом костюме; с первого взгляда Бонд определил его как делового человека, совершающего поездку по побережью и наткнувшегося на это заведение случайно, в крайнем случае благодаря дорожному справочнику.

— Что случилось, дорогая? — с тревогой спросил Бонд. Веспер не могла отвести взгляда от незнакомца.

— Это тот человек, из фургона, — сдавленным голосом

проговорила она. — Тот, который за нами следил. Я знаю, это он.

Бонд еще раз оглянулся назад. Хозяин, стоя рядом с новым клиентом, принимал заказ. В этой сцене не было ничего странного. Хозяин и гость обменялись улыбками по поводу какой-то детали в меню; заказ был обсужден, и хозяин убрал меню со стола. Они обменялись еще несколькими фразами, вероятно, уже о вине, и хозяин удалился.

Незнакомец, похоже, почувствовал, что на него смотрят. Он повернулся и секунду разглядывал парочку без видимого интереса. Затем он взял с соседнего стола свою папку, достал газету и, поставив локти на стол, погрузился в чтение.

Когда он смотрел в их сторону, Бонд заметил, что глаз у него прикрыт черной повязкой, маленькой, похожей на монокль. В остальном это был ничем не приметный молодой шатен с зачесанными назад волосами и — Бонд заметил, когда тот разговаривал с хозяином, — с белыми, очень крупными зубами.

Бонд повернулся к Веспер.

— Право, дорогая, у него безобидный вид. Вы уверены, что он — тот самый? Трудно предположить, что эта гостиница всегда будет только для нас двоих.

Лицо Веспер было по-прежнему мертвенно бледным, пальцы судорожно сжимали край стола. Ему показалось, что она теряет сознание, он собрался встать, чтобы помочь ей, но Веспер жестом остановила его, торопливо поднесла к губам бокал с вином и сделала большой глоток. Бокал стучал о зубы, и ей пришлось держать его обеими руками.

Поставив бокал на стол, она грустно взглянула на Бонда.

— Я знаю, что это тот человек.

Он попытался убедить ее рассуждать здраво, но она не обратила на его слова внимания. Еще несколько раз бросив полный обреченности взгляд на незнакомца, она сказала, что у нее невыносимо болит голова и что она останется у себя в комнате. Она вышла из-за стола и, не оборачиваясь, пошла в гостинцу.

Бонд надеялся доказать ей, что она ошибается. Заказав кофе, он встал и незаметно прошел во двор. Черный фургон «пежо», стоявший там, тем не менее вполне мог быть именно тем фургоном, который они видели, но это могла быть и другая машина из миллиона подобных, едущих по дорогам Франции. Бонд заглянул в кабину, но ничего нео-

бычного не увидел, попытался открыть заднюю дверцу, но она была заперта. Он запомнил номер, номер был парижский, зашел в туалет рядом с гостиной, спустил воду и вернулся на террасу.

Незнакомец, занятый едой, казалось, не обратил на Бонда никакого внимания. Бонд сел на место Веспер, откуда мог видеть его столик.

Через некоторое время незнакомец попросил счет, расплатился и ушел. Бонд услышал, как заработал мотор, и «пежо» двинулся в сторону Руаяль-лез-О.

Хозяину, появившемуся на террасе, Бонд объяснил, что у мадам, к несчастью, случился легкий солнечный удар. Хозяин посочувствовал ей и заговорил о том, как небезобидна здешняя погода. Бонд между делом поинтересовался недавним посетителем.

— Он мне напоминает одного знакомого, тот тоже потерял глаз и носит такую же повязку.

Хозяин ответил, что он его никогда раньше не видел. Ему очень понравилось, как у нас готовят, и он сказал, что, возможно, дня через два-три он будет возвращаться назад — у него какие-то дела, связанные с продажей часов, — и заедет к нам пообедать. Судя по акценту, он швейцарец. Ужасно быть без глаза. Весь день носить эту повязку! Впрочем, — хозяин покачал головой, — к ней можно привыкнуть.

— Действительно, все это очень грустно. Вам ведь тоже, — прибавил Бонд, кивнув на пустой рукав хозяина, — не повезло. А меня Бог миловал.

Они поговорили немного о войне, и Бонд встал из-за стола.

— Да, не забыть бы заплатить, — сказал Бонд. — Сегодня рано утром мадам звонила по телефону в Париж. Кажется, на Елисейские поля?

— Благодарю вас, мсье, все в порядке. Мне звонили утром из города со станции и сказали, что один из моих клиентов просил соединить с Парижем, но номер не отвечал. Телефонистка спрашивала, не нужно ли повторить вызов. Простите, мсье, но у меня это вылетело из головы. Может быть, мсье спросит у мадам? Только, по-моему, телефонистка назвала какой-то другой коммутатор...

Глава XXVI

«Теперь все будет хорошо»

Следующие два дня были похожи на предыдущий.

На четвертый день рано утром Веспер вызвала такси и уехала в Руаяль. Ей нужно было купить лекарства.

Вечером она очень старалась быть веселой. Много пила и, когда они поднялись к себе, увела его в свою комнату. Она была необыкновенно страстной в этот вечер. Но потом уткнулась в подушку и горько заплакала. Отчаявшись ее успокоить, Бонд ушел к себе. Он почти не спал. Рано утром он слышал, как Веспер тихо вышла из своей комнаты. Снизу до него донесся знакомый звук, он не сомневался, что она вошла в телефонную кабину. Чуть позже дверь в комнату Веспер осторожно закрылась. Он понял, что номер в Париже вновь не ответил.

Это было в субботу.

В воскресенье человек с черной повязкой вновь появился с гостинице. Бонд первым заметил его машину. К этому времени он уже рассказал Веспер все, что услышал о нем от хозяина гостиницы, умолчав только (чтобы не волновать ее), что он, может быть, заедет еще раз.

Бонд также позвонил Матису и попросил его получить сведения о черном «пежо». Машина, оказалось, была взята напрокат две недели назад в дорогой фирме. Клиент предъявил швейцарский паспорт на имя Адольфа Геттлера и указал номер счета в одном из банков в Цюрихе. Матис запросил швейцарскую полицию. Да, в указанном банке есть счет на это имя. Счетом почти не пользуются. Герр Геттлер, кажется, связан с часовой промышленностью. Если против него выдвинуты обвинения, можно за ним понаблюдать.

Выслушав эту информацию, Веспер пожала плечами. На этот раз, едва только швейцарец появился на террасе, она сразу же ушла к себе.

Бонд размышлял. Закончив обедать, он поднялся за ней. Обе двери в комнату Веспер были закрыты. Когда ему удалось открыть дверь, он увидел, что она сидит перед окном и, не отрываясь, смотрит на улицу.

Лицо ее было, как каменная маска. Бонд взял Веспер за руку и усадил ее рядом с собой на кровать. Они сидели в напряженном молчании, как пассажиры в купе поезда.

— Веспер, — заговорил он, удерживая ее холодные ру-

ки, — так не может больше продолжаться. Мы мучаемся, мучаем друг друга, и есть только один способ остановиться. Или вы скажете, что все это значит, или мы уезжаем. Немедленно.

Она молчала, руки ее были холодны.

— Милая, — сказал он, — почему вы не ответите мне? Вы помните, что утром в первый день я попросил вас выйти за меня замуж? Может быть, мы начнем все заново с этого момента? Откуда этот чудовищный кошмар, который медленно убивает нас?

Она по-прежнему не проронила ни слова, потом Бонд увидел, как по ее щеке медленно покатилась слеза.

— Вы хотите, чтобы я стала вашей женой?

Он кивнул.

— Господи! Господи! — Она повернулась к нему и уткнулась ему в грудь.

Он прижимал ее к себе.

— Скажи, любимая моя, — просил он. — Скажи, что причиняет тебе боль.

Она немного успокоилась и перестала плакать.

— Оставь меня ненадолго, — попросила она странным голосом, как человек, решивший покориться судьбе. — Дай мне подумать. — Она обняла его, поцеловала и сказала, глядя с нежностью. — Милый, я пытаюсь сделать все, чтобы нам было хорошо. Прошу тебя, верь. Но я в безвыходном положении.

Она вновь заплакала и прижалась к нему, как ребенок, которого разбудил страшный сон.

Он гладил ее волосы и нежно целовал их.

— Теперь уйди, — сказала она. — Мне нужно подумать.

Крепко обнявшись, они дошли до двери, он поцеловал ее и закрыл за собой дверь.

Этот вечер был почти таким же радостным и нежным, как первый. Вечер была возбужденной, смеялась, хотя иногда ее смех звучал неестественно, но Бонд решил, что стиснет зубы и будет ждать. Лишь под конец ужина промелькнувшее в разговоре неосторожное слово заставило ее вздрогнуть.

Она погладила его руку.

— Не будем сейчас об этом. Забудь на вечер о том, что было. Это уже в прошлом. Завтра утром я скажу тебе все.

Она взглянула на него, и вдруг он снова увидел в ее гла-

зах слезы. Она достала из сумочки платок и промокнула уголки глаз.

— Налей мне еще шампанского, — попросила она, неожиданно усмехнувшись. — Я хочу много шампанского. Ты пьешь больше, чем я, это несправедливо.

Они выпили всю бутылку. Веспер встала, чуть покачиваясь.

— Похоже, я пьяна, — сказала она, — это ужасно! Пожалуйста, Джеймс, не стыдись меня. Я так хочу быть веселой. И я веселая.

Она подошла к нему и потрепала его волосы.

— Приходи скорее. В этот вечер мне очень хочется тебя. — Она поцеловала его и исчезла.

Они медленно, нежно, переполняемые страстью, которой Бонд уже не ждал, долго любили друг друга. Стена отчуждения, казалось, рухнула; слова, которые они произносили, вновь стали легкими и искренними.

— Скоро утро, — прошептала Веспер, когда Бонд ненадолго заснул в ее объятиях.

Она крепче обняла его, будто хотела вернуть сказанное назад. Она шептала ему нежные слова, прижимаясь к нему всем телом.

Когда он все-таки открыл глаза, встал и, поцеловав в последний раз, пожелал Веспер спокойного сна, она протянула руку к лампе и включила свет.

— Посмотри на меня, — сказала она, — и дай мне посмотреть на тебя.

Он опустился рядом с ней на колени.

Веспер вглядывалась в его лицо так, будто увидела его впервые. Потом она обвила рукой его шею. Ее голубые глаза блестели от слез, когда она нежно наклонила его голову к себе и осторожно поцеловала его в губы.

— Спокойной ночи, любимый мой, — сказала она и выключила свет.

Бонд наклонился и поцеловал Веспер последний раз. Он чувствовал на губах ее слезы... У двери он обернулся.

— Спи спокойно, милая, — пожелал он. — Теперь все будет хорошо.

Он тихо прикрыл дверь и с тяжелым сердцем вошел в свою комнату.

Глава XXVII

Прощание

Утром хозяин гостиницы принес ему письмо.

Он ворвался в комнату к Бонду, держа конверт перед собой так, будто он жег ему пальцы.

— Случилось несчастье! Мадам...

Бонд вскочил, ринулся в ванную комнату, но дверь к Веспер была заперта. Он бросился назад, выбежал в коридор, где чуть не сбил с ног испуганную горничную.

Дверь в комнату Веспер была открыта настежь. Сквозь ставни пробивался солнечный свет. Бонд увидел сначала черные волосы на белой подушке, затем, под покрывалом, застывшую, как изваяние, Веспер.

Он упал на колени и откинул покрывало.

Она спала. Казалось, она спала. Ее глаза были закрыты. Ничто не изменилось в выражении ее милого лица. Она вся была такой, какой должна была быть, и все же без движения, без пульса, без дыхания. Да, она не дышала.

Чуть позже в комнату зашел хозяин и, тронув Бонда за плечо, кивнул на пустой стакан на ночном столике, где лежала книга, которую она читала, сигареты, спички и те женские мелочи, которые теперь были похожи скорее на символы: зеркальце, губная помада, платок. На дне стакана белел засохший осадок. На полу валялся пустой флакончик из-под снотворного, тот самый, который Бонд заметил в первый вечер.

Бонд поднял его, потряс. Хозяин гостиницы протянул ему письмо, Бонд взял его.

— Пожалуйста, позвоните комиссару полиции, — сказал Бонд. — Если потребуюсь ему, я у себя в комнате.

Бонд, не оборачиваясь, медленно пошел к себе. Он сел на край кровати и посмотрел в окно на спокойное море. Затем долго смотрел на конверт. На нем размашистыми буквами было написано короткое «Для Него».

Внезапно Бонда поразила мысль, что Веспер, должно быть, специально попросила разбудить ее пораньше, чтобы не он первым нашел ее мертвой.

Он перевернул конверт, заклеенный совсем недавно.

Бонд глубоко вздохнул и распечатал письмо.

Он прочел его быстро, затаив дыхание. Трудно дались ему только первые строки.

Дочитав письмо, он, как скорпиона, отбросил его от себя.

«Мой дорогой Джеймс (так начиналось письмо).

Я люблю тебя всем сердцем, и сейчас, когда ты читаешь эти строки, надеюсь, ты еще любишь меня. Так что прощай, мой милый, любимый, пока мы еще любим друг друга. Прощай, мой дорогой.

Я — агент МВД. Да, двойной агент, и работала на русских. Они завербовали меня через год после окончания войны. Я была любовницей одного поляка из британских военно-воздушных сил. Когда я встретила тебя, я его еще любила. Ты можешь узнать, кто он. Он был дважды награжден орденом «За боевые заслуги». После войны М. подготовил его для заброски в Польшу. Русские его взяли, и под пытками он многое рассказал, в том числе и обо мне. Они нашли меня и сказали, что сохранят ему жизнь, если я буду на них работать. Он об этом ничего не знал, но ему разрешили мне писать. Письма от него приходили 15-го числа каждого месяца. Я скоро поняла, что попала в замкнутый круг. Я не могла представить, что однажды 15-го числа не получу от него письма. Это было все равно, как если бы я убила его собственной рукой. Я старалась давать им как можно меньше сведений. Ты можешь мне верить. Потом они занялись тобой. Это я сказала им, что в Руаяль посылают тебя. Вот почему они знали о тебе еще до твоего приезда и успели установить микрофоны. Они подозревали Намбера, но о твоём задании, кроме того, что оно как-то связано с ним, они ничего не знали. Я ничего им не говорила. Потом они требовали, чтобы я не стояла позади тебя в казино и сделала так, чтобы ни Лейтер, ни Матис не заняли это место. Вот почему их человеку чуть не удалось застрелить тебя. Потом потребовалось, чтобы я сыграла то похищение. Ты наверняка удивлялся, почему у них все так легко получилось в ночном клубе. Потому что я работала на русских.

Но когда я узнала, что они сделали с тобой, хотя это были не они, а предатель Намбер (к тому времени он уже стал для них предателем), я решила, что с меня довольно. Я уже любила тебя. Они хотели, чтобы я, пока ты лежал в клинике, выясняла у тебя какие-то сведения, но я отказалась. Они контролировали меня через Париж. Я должна была дважды в день звонить туда. Я не звонила. Они мне угрожали. Сказали, что мой друг в Польше должен будет умереть. Возможно, они боялись, что я могу заговорить,

по крайней мере я так думаю. Мне передали последнее предупреждение — если я откажусь работать на них, мной займется СМЕРШ. Я не испугалась. Я любила тебя. А потом я увидела в «Сплениде» человека с черной повязкой и выяснила, что он интересовался мной. Это было накануне того, как мы приехали сюда. Я надеялась, что смогу спрятаться от него. Я любила тебя, и хотела быть с тобой, а потом я бы попыталась через Гавр уехать в Латинскую Америку. Я хотела иметь от тебя ребенка и начать другую жизнь. Но нас нашли. От них невозможно убежать.

Я знала, что, если я все расскажу тебе, это будет конец нашей любви. И я поняла, что у меня нет выбора: или я буду ждать, пока меня убьет СМЕРШ, и тогда, возможно, тебя убьют вместе со мной, или я умру сама.

Вот так, любимый мой. Ты не можешь запретить мне называть тебя так и сказать тебе, что я тебя люблю. Все это остается со мной.

Помочь тебе я почти ничем не могу. Я знаю очень немного. Номер в Париже — коммутатор Энвалид 55-20. В Лондоне все передавалось через связника — продавца в газетном киоске на Чаринг-кросс, 450.

В самом начале нашего знакомства ты рассказывал мне о человеке, о котором сказал, что его закрутил мировой водоворот. Это единственное, что меня извиняет. Это и еще любовь к человеку, которому я пыталась спасти жизнь.

Уже утро, я устала, а ты рядом — за этими двумя дверями. Но я должна быть мужественной. Ты мог бы спасти мне жизнь, но я не смогла бы больше вынести твой взгляд, любимый.

Любимый мой... любимый»

Бонд бросил письмо. Машинально вытер руки. Потом с силой ударил себя в виски и встал. Некоторое время он смотрел на спокойное море, потом громко и грязно выругался.

В глазах у него стояли слезы; смахнув их, он взял себя в руки. Лицо его было спокойно и безучастно, когда он, одевшись, спустился к телефону.

Дожидаясь, когда дадут Лондон, он хладнокровно выстраивал в одну линию факты из письма Веспер. Все становилось на свои места. Те вопросительные знаки, которые его инстинкт расставлял последние четыре недели, а разум отmetal, были теперь понятны, как указатели на дороге.

Сейчас он видел в ней только агента противника. Их любовь и его боль были отброшены на второй план. Когда-нибудь потом, быть может, он извлечет их из памяти, попытается бесстрастно разобраться в своих чувствах и спрятать их поглубже, туда, где хранятся и постепенно исчезают другие сентиментальные воспоминания. Сейчас он мог думать только о предательстве Веспер и о том, чем это предательство обернется. Как профессионал он думал только о последствиях: горели «крыши», служившие годами, коды, которые наверняка раскрыты; центр S, который должен был раскрывать секреты Советского Союза, выдавал ему свои собственные...

Все это было страшно. Одному Богу было ведомо, сколько времени потребуется, чтобы выбраться из хаоса.

Бонд сжал зубы. Внезапно в памяти всплыли слова Матиса: «Вокруг нас много черных мишеней». И еще раньше: «А СМЕРШ?.. Мне не нравится, когда эти люди спокойно разгуливают по Франции, как хотят, и убивают всех, кто, как им кажется, предал их режим». Как быстро подтвердились эти слова! И как быстро рассыпались его собственные софизмы!

Пока он, Бонд, все последнее время играл в индейцев (выражение Намбера показалось Бонду очень точным), настоящий противник спокойно, хладнокровно, без всякого героизма работал рядом с ним.

Бонд вдруг представил Веспер, несущую по коридору документы. На подносе. Их приносили его противнику на подносе, пока он, секретный агент с двумя нулями, носился по всему миру и играл в индейцев.

Он сжал кулаки, ногти впились в ладони. Он был в холодном поту от стыда. Ну что ж, еще не поздно! Для него есть подходящая цель, она совсем рядом. Он займется СМЕРШ и будет охотиться на него, пока не затравит этого зверя. Без СМЕРШ, этого орудия смерти и мести, МВД будет самой обычной организацией обычной разведки, той, которая не хуже и не лучше, чем любая разведка других стран.

СМЕРШ — это кнут. Будьте послушными, делайте, что прикажут, или умрете. Само собой разумеется, что вас будут преследовать до самой смерти.

В этом была вся суть русской машины. Ее двигателем был страх, при котором человеку безопаснее идти вперед, чем отступить. Иди на врага, и его пуля, может быть, пролетит мимо. Отступи, сделай шаг в сторону — и пуля не

пощадит. Теперь его цель — рука с кнутом и пистолетом. Разведка пусть остается за мальчиками с белыми воротничками. Пусть они посылают и ловят агентов. Он же займется теми, чьего удара в спину боятся люди. Страхом, который делает их агентами.

Зазвонил телефон. Бонд снял трубку.

На проводе было «звено», офицер наружной связи, единственный человек в Лондоне, с которым разрешалось связываться по телефону из-за границы при крайней необходимости.

— 007 у телефона. Говорю по открытой линии. Срочная информация. Вы меня слышите. Немедленно передайте: «3030 был двойным агентом, работающим на красных». Да, черт возьми, я сказал «был». Она сдохла.

Джеймс Хедли Чейз

ОСТОРОЖНЫЙ УБИЙЦА

Действующие лица:

Дэвид Чизхольм — архитектор

Лаура Фанчини — владелица виллы на Лаго-Маджоре

Бруно Фанчини — ее муж, миллионер и искусствовед

Валерия — его дочь от первого брака

Марио Беллини — гангстер

Торчи — карманный вор

Симона — его любовница

Доктор Пирелли — врач

Мария — прислуга на вилле

Сестра Флеминг — медицинская сестра

Действие происходит в Италии — в Милане и на Лаго-Маджоре

Туристы осторожно выбирались из автобуса — двадцать две старухи со своими мужьями. Они столпились, как стадо овец, и начали глазеть на собор с его ста тридцатью пятью остроконечными готическими башенками и двумя тысячами двумястами сорока пятью статуями.

Легко можно было отличить американцев от англичан. Английские туристы разглядывали собор высокомерно, потому что у них самих в стране были не менее величественные и древние постройки. Американцы же были глубоко поражены и тотчас схватились за фотокамеры.

— Это моя группа. Ну, начинаются мои страдания, — вполголоса сказал Умберто. — Что за стадо! Не успеют сесть в автобус, как забудут все, что я им говорил. А завтра утром они не будут помнить, даже как выглядит собор.

— Вполне согласен с тобой, — ответил я. — Человек с твоими талантами не должен тратить время на таких баранов. Если хочешь, я возьму эту группу на себя.

— Ты? — спросил Умберто. В его голосе звучало презрение. — А что ты знаешь о соборе? Лучше убирайся отсюда подобру-поздорову, пока я не переломал тебе ноги.

Он нахлобучил на голову форменную фуражку гида и с деланной улыбкой двинулся навстречу своим экскурсантам. К стоянке перед собором опять подъехал автобус, и из него высыпала новая группа туристов.

— Это мои, — сказал Филиппо. Погасив сигарету, он аккуратно засунул окурок за ленту шляпы и, глядя на меня, усмехнулся: — Что за сборище уродов! Ну и скучища будет!

Я взял его под руку.

— Подожди немного. Ты сегодня выглядишь очень усталым. Мы с тобой всегда были друзьями. Отдохни и позволь мне провести по собору этих придурков. Я согласен сделать это за пятьсот лир, а все чаевые, разумеется, пойдут тебе.

— Пошел к черту, жулик, — отрезал Филиппо, вырывая руку. — Ты скоро лопнешь от зависти!

— Я завидую тебе? — спросил я, мрачно глядя на него. — Да ты посмотри на себя. Рубашка грязная, пиджак с дырками. Ты похож на бродягу. Неужели ты действительно думаешь, что я тебе завидую?

— Лучше грязная рубашка, чем вообще никакой, — с усмешкой отпарировал Филиппо. — И лучше дыра в пиджаке, чем в брюках. Взгляни сначала на себя, а потом осуждай других.

Я наблюдал, как Филиппо подошел к экскурсантам, и потом украдкой оглядел свои манжеты. Они были чистые, но немного обтрепались. Немало забот мне доставляли и ботинки. Только сегодня я вставил в них пару картонных стелек, но знал, что в первый же дождливый день они разползутся и я не смогу выйти на улицу, лишившись основного источника дохода. Рано или поздно придется покупать новые ботинки, если я не захочу жить на милостыню.

Если бы я был итальянцем, а не американцем, то мне было бы гораздо легче стать официальным гидом. Но как американец я не мог получить необходимое разрешение на эту работу.

Разница между официальным и «диким» гидами была большая. Официальный гид имел постоянную работу в туристских агентствах, и ему было обеспечено постоянное жалованье, а «дикий» гид вроде меня пробавлялся случайным заработком, причем ему приходилось с трудом ловить своих клиентов, которые с подозрением смотрели на человека, предлагавшего им свои услуги, но лишенного официальных знаков достоинства — служебной фуражки или повязки на рукаве. Однако, не имея разрешения, можно было подрабатывать только в качестве «дикого» гида. Во всяком случае, для меня это была единственная возможность жить в Милане без полицейского разрешения.

Этот день сложился для меня неудачно. Уже два часа я терпеливо дожидался клиентов. Постепенно мной начинало овладевать беспокойство: денег у меня не было совершенно, а уже близилось время обеда. Я был голоден и на-

чинал подумывать о том, не найти ли мне Торчи, одного из самых ловких карманных воров, работавших в соборе, и не занять ли у него сотню лир. Он всегда был готов одолжить мне деньги, но отдавать приходилось в двойном размере.

Пока я решал, что лучше — остаться голодным или занять деньги у Торчи, — из темного переулка на залитую солнечным светом площадь перед собором вышла молодая женщина и легкой грациозной походкой направилась к нашей группе.

На вид ей было лет тридцать. На лице выделялись широко расставленные глаза фиалкового цвета и большой рот, подчеркнутый помадой алого цвета. Волосы ее отливали медью. Стройную фигуру облегали коричневая юбка и зеленая шелковая блузка. Эта женщина не была красивой в обычном понимании этого слова, но внешность ее была броской, как сияющая неоновая реклама на темной улице.

За несколько шагов до меня она остановилась и вынула из сумочк туристский путеводитель по собору. Не успел я оторвать взгляд от ее длинных стройных ног в тонких нейлоновых чулках, как к ней уже бросились два других «диких» гида. В два прыжка я опередил их.

— Прошу прощения, синьора, — сказал я с почтительным поклоном. — Может быть, вам нужен гид? В соборе есть много интересного, о чем не упомянуто в путеводителе, и я с удовольствием покажу вам это.

Она оторвалась от путеводителя, и наши взгляды встретились. У нее был уверенный взгляд, который мужчина не мог не заметить.

Женщина улыбнулась. У нее были крупные белоснежные зубы, и под длинными темными ресницами сверкнули фиалковые глаза.

— Вы действительно можете «обставить» путеводитель? — спросила она.

— Я являюсь специалистом по готической архитектуре и итальянским соборам, — ответил я. — В прошлом году я провел по собору тысячу сто двадцать три посетителя, и все они остались довольны.

Она захлопнула путеводитель.

— Бог мой, так много?! Вы официальный гид?

— Нет, но это и к лучшему. Посмотрите, вон у дверей стоит один из них с красным носом и гнилыми зубами.

Я указал на Джузеппе, одного из моих лучших друзей.

Он ежедневно напивался и действительно не являл собой эталон красоты. Оглядев его, женщина рассмеялась.

— Да, пожалуй, вы правы, он не слишком привлекателен. Но, возможно, вы дорого берете?

— Я лучший и самый дешевый экскурсовод в Милане, синьора.

Она подняла голову.

— Я заплачу вам тысячу лир, но не больше.

— За тысячу лир, синьора, сверх того покажу вам «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи в монастыре Санта-Мария делла Грация и даже сам заплачу за такси.

— Там я уже была, — ответила женщина. — Вы американец?

— Да, ваш соотечественник, осмелюсь сказать.

Она бросила на меня пронзительный взгляд.

— А мне казалось, что я хорошо говорю по-итальянски.

— Прекрасно, но выглядите вы, как американка.

Женщина рассмеялась.

— Правда?.. А теперь не пройти ли нам в собор?

— С удовольствием, синьора.

Мы бок о бок вошли в тускло освещенную громаду собора, под сводами которого гулко раздавались голоса экскурсоводов.

— Сегодня в соборе особенно много туристов, — сказал я, проходя мимо Филиппо и его группы. — Советую вам прежде всего пройти к гробнице святого Карла Борromeо, миланского архиепископа, умершего в 1584 году и сохранившегося в нетленном виде до наших дней. Теперь, правда, лицо его немного попортилось, и он не так красив, как когда-то. Однако это все-таки любопытное зрелище — человек, сохранившийся в течение четырех веков после смерти. К тому времени, когда мы кончим осмотр его гробницы, большинство туристов уйдет и станет посвободнее.

— Я не знала, что он здесь похоронен. Мне хорошо знакома его огромная статуя на Лаго-Маджоре. Почему ее сделали такой большой?

— Друзья опасались, что его скоро забудут. Они решили, что при статуе высотой в двадцать один метр архиепископ лучше сохранится в народной памяти. Вы бывали на Лаго-Маджоре, синьора?

— У меня там вилла.

— Прекрасное место. Вам можно только позавидовать.

У начала лестницы, которая вела в подземную часовню, я остановился.

— Могу я попросить вас об одном одолжении, синьора?

Она посмотрела на меня. В этой полутьме мы были совершенно одни, и я с трудом удерживался, чтобы не схватить ее в объятия.

— В чем дело? — спросила она.

— Приглядывающий за гробницей архиепископа монах ожидает чаевых, а у меня, к сожалению, нет денег. Я был бы вам благодарен, если бы вы дали ему сто лир. Потом вы можете вычесть их из моего гонорара.

— У вас действительно нет денег?

— Временные затруднения.

Она открыла сумочку и дала мне двести лир.

— Судя по всему, вы не слишком много зарабатываете на этом месте.

— Но это совсем не значит, что я плохой гид. Просто иногда случаются неудачи.

— По-моему, вы прекрасный гид, — сказала женщина, улыбнувшись мне.

— Прошу прощения...

Я бросился вперед и схватил за руку Торчи, пытавшегося проскользнуть мимо меня. Не выпуская его руки, я подвел его к женщине.

— Позвольте вам представить, синьора, самого знаменитого карманника, работающего в соборе. Будь так добр, Торчи, верни синьоре те вещи, которые ты у нее только что украл.

Торчи, небольшой толстячок с круглым жизнерадостным лицом, стал шарить в карманах, лучезарно улыбаясь.

— Это только для практики, сирьор Дэвид, — начал оправдываться он и вернул женщине бриллиантовую брошь, наручные часы, портсигар и кружевной носовой платок. — Вы же знаете, что я никогда не потрошу ваших клиентов. Вот, все возвращено.

— Убирайся, негодяй! — крикнул я. — Если ты еще раз повторишь со мной этот номер, я сверну тебе шею.

— Как вы разговариваете в соборе! — сказал искренне возмущенный Торчи. — Не забывайте, что вы находитесь в Божьем храме.

Я погрозил ему кулаком, и он поспешно исчез в темноте.

— Вот это ловко! — восхитилась женщина. — Как это ему только удалось?

Я рассмеялся.

— Да ведь для него это детские игрушки. Венцом его

воровской ловкости был трюк, когда он на улице стянул с одной молодой женщины пояс для чулок. Она заметила пропажу только тогда, когда у нее начали спадать чулки. Сейчас этот пояс висит в качестве трофея у него над кроватью.

— Боже!

— Торчи — величайший художник своего дела, но он здесь не один. Собор буквально кишит карманниками, которые неплохо зарабатывают на туристах. К счастью, я знаю большинство из них, и они не трогают моих клиентов. Вероятно, Торчи соблазнился бриллиантовой брошью.

— Мне не следовало прикалывать ее. — Она нерешительно посмотрела на едва освещенную лестницу, ведущую вниз. — Можно взять вас под руку? Ступеньки здесь очень крутые.

— Я как раз хотел вам это предложить.

Она слегка оперлась на мою руку, и мы начали спускаться.

На полпути женщина споткнулась и чуть не упала, но я успел ее поддержать и невольно притянул к себе, чтобы она не упала.

— Ах, эти высокие каблуки, — задыхнувшись, сказала она.

Я ощутил ее грудь у своего плеча и взглянул на женщину. Ее глаза светились в полутьме, как у кошки. Склонившись, я поцеловал ее в губы, она слегка прижалась ко мне. Так мы стояли некоторое время, потом женщина отстранилась.

— Этого нам не следовало делать, — сказала она, подняв на меня глаза.

— Да, — согласился я и прижал ее к себе еще крепче.

Я поцеловал ее еще раз, и тогда она ответила на мой поцелуй.

— Не надо, прошу вас...

Задышавшись, я отпустил ее.

— Прошу прощения, — сказал я, — мне действительно очень жаль. Не знаю, что на меня нашло.

— Не говорите, что вы жалеете, мне это очень понравилось. Но не лучше ли нам выбраться из этого мрачного места?

После тишины и покоя собора нас ослепил свет. Движение на площади было оживленным — множество людей сновало взад и вперед. Минуту мы стояли на ступенях со-

бора, шурясь от солнца. Толпа обтекала нас, и мы чувствовали, будто мы наедине друг с другом.

— Я сунула вам тысячу лир в карман, — сказала женщина. — Еще немного практики, и я смогу быть такой же ловкой, как синьор Торчи.

— Но я их не заработал, — возразил я. — Я не могу принять эти деньги.

— Замолчите, пожалуйста. Терпеть не могу разговоры о деньгах.

— Тогда позвольте мне по крайней мере проводить вас на крышу. Там вы сможете осмотреть статуи вблизи.

— С меня хватит собора. Пойдемте куда-нибудь поесть. Мне хочется с вами поговорить.

С этими словами женщина открыла сумочку и вытащила черные очки. Она надела их, и ее глаза полностью скрылись за темными стеклами. Я с удивлением отметил, что при этом ее лицо потеряло всю выразительность. Глаза — это было единственное, что оживляло его.

— Что вы сказали? — озадаченно переспросил я.

— Вы всегда такой тупой? Разве вам не хочется поболтать со мной? Куда мы пойдем?

Я не знал, что и подумать. Мне в голову не приходило, что она говорит серьезно.

— Можно пойти в «Сан Дженнаро» или в «Савиньи» — там попроще.

— Меня больше устроила бы какая-нибудь trattoria.

— Вы, правда, хотите в кабачок?

— Да, и лучше всего туда, где вы обычно обедаете.

Я отвел ее к Пьеро, в кабачок недалеко от собора. Пьеро вышел из-за стойки, чтобы обслужить нас. Это был небольшой человечек с брюшком и узким лицом, скрытым за густой черной бородой. Подойдя к столику, он оглядел мою спутницу, и в его глазах загорелись удивление и восхищение.

— Синьора, синьор, — сказал он, — какая радость видеть вас у себя. Что вам принести?

Женщина сняла очки, и в красноватом свете настольной лампы ее глаза сверкнули рубинами.

— Прошу вас, заказывайте, — сказала она. — Что здесь лучшее?

— Здесь отличное ризотто. Это фирменное блюдо trattoria, и никто не готовит его лучше Пьеро.

— Итак, ризотто, — сказала она Пьеро с улыбкой.

— Потом оссобоку.

Она кивнула.

— И к этому бутылку бароло.

Когда Пьеро скрылся в кухне, она достала из сумочки портсигар и предложила мне закурить. Я взял сигарету, первую за два дня, и зажег для женщины спичку.

— Наверное, вы думаете обо мне черт знает что, — сказала она, прямо глядя мне в глаза.

— Нет, но я не могу поверить своему счастью.

Она рассмеялась.

— Наверняка я кажусь вам слишком эксцентричной.

— Никким образом. Но вы, вероятно, слишком импульсивны и теперь жалеете о том, что поддались первому порыву.

— Так оно и есть. Я не знаю, что лучше — уйти или остаться.

— Останьтесь, — сказал я. — Лучше всего следовать своим желаниям.

— Вы так думаете?

— Да.

— Прекрасно. Тогда я остаюсь. Но скажите, как вас зовут?

— Дэвид Чизхольм. А вас?

— Лаура Фанчини.

— Я считал вас американкой, но Фанчини — это ведь известная итальянская фамилия.

— Я и есть американка, но мой муж — итальянец.

Я бросил на нее быстрый взгляд.

— Он итальянец или был итальянцем?

— Разве это так важно?

— Да.

— Тогда я отвечу: все еще итальянец.

Появился Пьеро с двумя бокалами кампари и сифоном.

— Ризотто будет готово через пять минут, синьора. А пока позвольте предложить вам аперитив.

Я незаметно толкнул его в бок.

— Убирайся, Пьеро, ты нам мешаешь.

Он с улыбкой вернулся за стойку.

— Что вы подразумеваете под словами «все еще»? — спросил я. — Он жив или умер?

— И то, и другое. Четыре года назад он попал в страшную катастрофу и с тех пор не может двигаться. И не говорит. Но он жив.

— Это печально.

— Да, очень.

Она разбавила кампари водой из сифона.

— Если бы я раньше знал об этом, то не поцеловал бы вас, — сказал я.

— А почему вы меня поцеловали? — спросила она, не глядя на меня. Ее тонкие пальцы вертели ножку бокала.

— Сам не понимаю.

Женщина продолжала играть бокалом. После долгого молчания она сказала:

— Я почувствовала то же самое.

Сердце у меня сильно забилося.

— Вы просили меня остаться здесь, — продолжала она. — Значит, вы влюбились в меня с первого взгляда. Верно?

Я улыбнулся.

— Не совсем точно, я поправлю вас, просто, впервые взглянув на вас, я почувствовал как бы удар тока.

В этот момент появился Пьеро с бутылкой вина и ризотто. Он откупорил бутылку. Мы молчали до тех пор, пока он не скрылся за стойкой.

— Я не могу понять, почему такой человек, как вы, занимаетесь работой экскурсовода, — сказала она.

— Для меня нет другой работы. Я не отмечен в полиции. Но это, конечно, тайна.

— Вы хотите сказать, что у вас нет разрешения на жительство?

— Вот именно.

— Но ведь его нетрудно достать.

— Не для меня... Мне не дают разрешения потому, что у меня нет гарантированной работы, а работы мне не дают потому, что у меня нет прописки. Типично итальянский заколдованный круг.

— Тогда почему вы вообще остаетесь в Италии?

— Мне нравится эта страна, и, кроме того, я пишу книгу об итальянских соборах.

— Вы последний человек на Земле, которому следовало бы заниматься таким делом.

— Вы так считаете? Когда я еще жил в Нью-Йорке, я был архитектором. Не знаменитым, но на жизнь себе зарабатывал. Потом меня призвали в армию, и в конце концов я оказался в Италии. Демобилизовавшись, я осел в Милане. У меня не было денег, а так как мне не хотелось вступать в конфликт с полицией, то я стал «диким» гидом.

— Не лучше ли вам все-таки было бы добиться в по-

лиции разрешения на жительство? Я уверена, что это можно устроить.

— Наверное, но мне не хочется заниматься этим.

Пьеро принес оссобуко. Когда он ушел, Лаура спросила:

— У вас действительно нет денег?

— Теперь немного есть.

— Но раньше вы сказали...

— Я работаю с переменным успехом, но меня это не волнует. С меня вполне хватает моего заработка, расскажите мне лучше о себе.

Лаура пожала плечами.

— Мне особенно и нечего рассказывать. Я работала секретаршей у американского консула в Риме. Затем его перевели сюда, в Милан. Здесь я встретила с Бруно, моим теперешним супругом, и он предложил мне выйти за него замуж. Он очень богат, вы даже представить себе не можете, как он богат. Мне надоело работать в бюро, да и Бруно, казалось, очень любил меня, ну я и вышла за него замуж. Год спустя он попал в автомобильную катастрофу, сломал позвоночник и получил другие серьезные повреждения. Врачи говорили, что он не оправится от них, но они не знают Бруно. Для него нет ничего невозможного, если он что-нибудь вобьет себе в голову. Он твердо решил жить и делает это уже четыре года. Он не двигается, не говорит, не может пошевелить ни одним пальцем, но он живет.

— Неужели для него нет никакой надежды?

Она покачала головой.

— Не знаю, сколько это еще продлится. Врачи говорят, что с таким же успехом он может и умереть через день, и прожить еще много лет, — с горечью сказала она.

— Мне очень жаль.

Вдруг Лаура рассмеялась.

— Как видите, мне сейчас нелегко.

— А что вы делаете в Милане?

После моего вопроса улыбка исчезла с ее лица, и появилось выражение горечи.

— Я договорилась на два часа со своим парикмахером. Атмосфера дома такая гнетущая, что я решила выехать пораньше и заглянуть в собор. Я очень рада, что эта идея пришла мне в голову.

Лаура с нежностью посмотрела на меня, но я думал о ее муже, который не может ни шевельнуться, ни заговорить. Каково мне было бы на его месте? Наверняка я постоянно

был бы в беспокойстве. Каждая отлучка жены заставляла бы меня волноваться.

— Бруно доверяет мне, — сказала Лаура, как бы прочитав мои мысли. — Ему в голову не приходит, что я могу поддаться слабости. Он верит в чувство долга, самообладание, женскую верность.

Я был поражен тем, как легко она читала мои мысли.

— Для вас это должно быть тяжело.

— До сих пор мне было это безразлично, — продолжала Лаура, не глядя на меня, — но постепенно мне в голову стала приходить мысль, что я веду себя, как дура. Четыре года — это очень долгий срок. И стоит мне подумать, что проходят, может быть, лучшие годы моей жизни, как я спрашиваю себя: что же делать? Кроме того, он вряд ли что-нибудь заметит.

Я почувствовал, как у меня вся кровь прилила к голове. Следующий ход был за мной. Она хотела, чтобы ее убедили, и это было нетрудно сделать. Если я не решусь на это, то на моем месте окажется кто-нибудь другой. Но я не мог отделаться от мысли о ее больном муже, не мог выбросить эту картину из головы. Я все время представлял себя на его месте.

— Вы не совсем правы, — сказал я. — Есть люди с очень тонким ощущением в отношении окружающих. Он может догадаться очень быстро. Скорее всего, вы сами выдадите себя. Для него это открытие будет очень неприятным.

Некоторое время Лаура сидела, не глядя на меня.

— Это очень мило, что вы заботитесь о Бруно. Большинство мужчин на вашем месте это и в голову не пришло бы.

— Я подумал не столько о нем, сколько о вас. Я знаю, каким тяжким грузом может быть нечистая совесть. Особенно она донимает нас ночью.

Она рассмеялась холодным смешком, а ее глаза остались бесстрастными.

— В таком случае вам лучше продолжать работу над вашей книгой, Дэвид, — сказала она. — Вы мне вдруг напомнили святого или, во всяком случае, именно такого человека, которому стоит писать книгу о соборах.

Я покраснел.

— Вы правы, но здесь совершенно особый случай. Если бы ваш муж был здоров и мог постоять за себя, тогда другое дело. Я не могу бить лежачего.

— Поэтому вы мне и понравились, Дэвид.

В глазах Лауры загорелся огонек. Она говорила так, будто меня здесь не было, и как бы признавалась в своих тайных мыслях.

— Да, нам пришлось бы бить лежачего. Жаль, что я не обладаю вашей силой воли. Мне все равно, кого бить — сидячего или лежачего.

Лаура взглянула на часы.

— Мне нужно бежать. Я не решаюсь заплатить за обед — вы, вероятно, обидетесь.

Она встала.

— Прошу вас, не провожайте. Я предпочитаю уйти одна.

Это показалось мне правильным.

— Мы увидимся?

В ее глазах появилась насмешка.

— А зачем? Меня не интересуют ваши соборы, а вас — мои неприятности.

Сейчас она стояла против света, и я лишний раз отметил, что она красива. Мои добрые намерения начали испаряться. Я стал искать возможность для отступления.

— Минутку...

— Желаю вам счастья, Дэвид. Благодарю за прекрасный обед и советую продолжать писать вашу книгу. Я уверена, что она будет иметь успех.

Не обернувшись, она вышла на улицу. Я остался сидеть за столиком, злой на себя и на весь мир. Какого дурака я сваял! Однако внутреннее чувство подсказывало мне, что я поступил правильно.

Пьеро, выйдя из-за стойки, подошел к моему столику.

— Вы довольны обедом, синьор Дэвид?

— Да. Дай мне счет.

— Синьора очень красива.

— Дай счет.

Он отошел и вернулся со счетом, на его лице больше не играла жизнерадостная улыбка. Я дал ему банкноту в тысячу лир.

— Сдачу оставь себе, Пьеро.

— Это слишком много! — воскликнул он. — Тебе же самому нужны деньги.

— Оставь их себе и пошел к черту!

Он ушел обиженный.

Я нагнулся, чтобы погасить сигарету, и увидел бриллиантовую брошь. Она лежала около пепельницы, полу-

прикрытая салфеткой. Наверняка Лаура нарочно оставила ее. Перед уходом она, вероятно, тайком вынула ее из сумочки и оставила там, где бы я мог найти ее.

Торчи жил в небольшой квартирке около площади Лорето. Она находилась на верхнем этаже обветшавшего, полуразрушенного дома. Я поднялся наверх, пробираясь среди детей, игравших на площадках, и раскланиваясь направо и налево с мужчинами и женщинами, праздно стоявшими у дверей.

Торчи должен был сейчас находиться дома. Я знал, что в полдень он всегда вкушает сиесту — полуденный отдых.

Я постучал в дверь и, ожидая ответа, вытер платком лицо и руки. Здесь, наверху, под железной крышей, было жарко.

Торчи сам открыл дверь. На нем были грязноватая белая рубашка и черные брюки. Он был босиком, и по его круглому лицу градом катился пот.

— Салют, Дэвид! — воскликнул он, просяив. — Прошу вас, входите. Вы у меня уже давненько не были.

— Вполне возможно, — сказал я и прошел за ним в большую неубранную гостиную.

На кушетке около окна лежала подружка Торчи Симона, маленькая смуглая девушка с большими черными глазами и короткими кудрявыми волосами. Она равнодушно посмотрела на меня и опять отвернулась к окну.

— Не обращайтесь внимания на Симону, — сказал Торчи. — Она сегодня не в духе. Как только станет прохладней, я ее как следует отколочу, и тогда к ней опять вернется хорошее настроение.

Не поворачивая головы, Симона пробурчала что-то неразборчивое, Торчи подавил смешок.

— Не обращайтесь на нее внимания, синьор Дэвид, она — как кошка. Прошу вас, садитесь. У меня еще осталось немного виски, которое я приберег специально для вашего прихода.

Я уселся за стол и стал смотреть, как Торчи достает из буфета бутылку, стаканы и ставит их передо мной.

— Я хочу извиниться перед вами за утренний инцидент, — сказал он, разливая виски в стаканы. — Искушение было слишком велико. Вы же знаете, что я впервые тронул вашего клиента.

— Знаю, — сказал я. — Но зачем вы взяли бриллиантовую брошь? Ведь вы не смогли бы ее сбыть.

Торчи с удовольствием отпил виски и со вздохом сказал:

— Хорошее виски. Один приятель достал мне целый ящик. Попробуйте его.

— Вам не удалось бы продать брошь, — повторил я. — Почему вы ее взяли?

— Да нет, я бы мог ее продать. У меня есть один друг, который занимается бриллиантами. Он дал бы хорошую цену.

— Сколько же?

— Не знаю точно. В соборе было темно, и я не смог ее разглядеть.

Я вынул брошь из кармана и положил на стол.

— Разглядите теперь.

Торчи молча смотрел на брошь, не скрывая своего удивления. Симона вскочила с кушетки и подошла к столу. Встав за спиной Торчи, она стала смотреть на драгоценность.

— Принеси мне лупу, — сказал Торчи.

Она подошла к комоду, нашла лупу, которой пользуются часовщики и ювелиры, и подала ее Торчи. Он вставил ее в глаз и принялся рассматривать брошь.

Он долго и молча изучал ее, потом передал лупу и брошь Симоне. Она рассматривала драгоценность еще дольше. Потом она положила все на стол и вернулась на кушетку. Вкрадчивыми кошачьими движениями она вытянулась и закурила сигарету.

— Вы хотите продать брошь, синьор Дэвид? — спросил Торчи.

— Сколько она стоит?

— Я дал бы вам за нее двести тысяч лир.

Симона вмешалась:

— Да ты с ума сошел! Она не стоит и ста тысяч!

Торчи улыбнулся ей.

— Синьор Дэвид мой хороший друг, а друга я не стану обманывать. Двести тысяч — это настоящая цена.

— Идиот! — в ярости крикнула Симона. — Кто тебе за нее столько даст? Заплати ему за нее сто пятьдесят тысяч, и это будет более чем достаточно. Или ты хочешь разориться ради своих друзей?

— Не обращайтесь на Симону внимания, сеньор Дэвид, — сказал Торчи. — У нее плохое настроение, в душе

она не такая. Я готов уплатить вам за эту брошь двести тысяч лир.

Это означало, что настоящая цена броши была, по крайней мере, триста, если не все четыреста тысяч лир. Не очень решительно я забрал брошь у Торчи и стал вертеть ее между пальцами.

— Это та женщина отдала вам брошь, синьор Дэвид? — спросил Торчи, пристально глядя на меня.

— Нет, она положила ее на стол и забыла.

— Ни одна женщина не поступила бы так. Наверняка это подарок. Вы сможете получить деньги через четыре часа.

— Их хватит, чтобы купить паспорт, Торчи? — спросил я.

— Думаю, что нет. Паспорт стоит больше двухсот тысяч лир, сеньор Дэвид, но я постараюсь разузнать, что можно сделать для вас в этом смысле.

— Хорошо. — Я допил виски и встал. — Можете вы одолжить мне пятьсот лир, Торчи?

— Значит, вы не хотите продавать брошь?

— Думаю, что нет. Я это окончательно еще не решил.

— Предлагаю вам за нее двести тридцать тысяч. Это моя последняя цена.

— Я подумаю, а пока мне нужно пятьсот лир.

Торчи достал толстую пачку банкнот.

— Возьмите больше. Берите пять тысяч.

— С меня хватит пятиста.

Пожав плечами, он бросил мне через стол пятьсот лир.

— Сообщите мне, если получите от кого-то более выгодное предложение. Оставьте за мной право первой руки.

— Разумеется, — сказал я, засовывая деньги и брошь в карман.

— До свидания!

Я спустился по лестнице и вышел на залитую солнцем улицу.

Я лежал на кровати. Моя комната находилась в нижнем этаже дома позади оперного театра Ла Скала. В жаркую погоду, когда вентиляторы театра были открыты, до меня доносились музыка и пение. Если ветер был постоянный и дул в мою сторону, то мне иногда удавалось прослушать всю оперу.

Комната стоила не слишком дорого. Единственным ее

достоинством была чистота, и то я сам заботился об этом. Обстановка была убогая, а при взгляде на обои человеку могло сделаться тошно. Вся меблировка состояла из стола, кресла, кровати, умывальника и дорожки на полу. На стене висела плохая репродукция «Весны» Боттичелли.

На столе у окна лежали мои записные книжки и аккуратно сложенная рукопись, над которой я работал уже четыре года. Под столом я положил справочники, которые представляли для меня большую ценность.

На деньги Торчи я купил пачку сигарет, батон, салями и бутылку красного вина. Теперь я курил лежа, и рядом со мной стоял стакан вина.

Было около семи вечера. Я все еще не пришел ни к какому решению, хотя выбор у меня был не такой уж большой. Я мог либо вернуть брошь, либо оставить ее себе. Если бы на деньги, вырученные от ее продажи, можно было купить паспорт, то я, не задумываясь, отдал бы ее Торчи. Правда, и без этого деньги дали бы мне возможность прилично одеться и полгода не работать. Я не солгал, когда сказал Лауре Фанчини, что мне никогда не удастся получить прописку и работу в Милане. Это было невозможно, потому что итальянская и военная американская полиция разыскивали меня в связи с некоторыми событиями, случившимися в последние недели войны. Поэтому двести тысяч лир были для меня большим искушением.

Почему, собственно говоря, Лаура Фанчини оставила брошь на столике? Было ли это сделано из сочувствия ко мне, и не хотела ли она таким образом мне помочь? Или она рассчитывала, что я верну брошь и это даст ей возможность еще раз увидеть меня?

В результате я пришел к решению не продавать брошь. До сих пор мне удавалось сводить концы с концами, обходясь без краж и без сутенерства. Так будет и впредь.

Хотелось ли мне снова увидеть Лауру Фанчини? Лежа на кровати в жаркой душной комнате, я вызвал в памяти ее образ — такой, какой я увидел ее в последний раз на пороге кабачка. И я почувствовал, что не просто хочу ее увидеть, а должен. Теперь мне было безразлично, что ее муж — калека и прикован к постели. Как я был самоуверен и рассудителен, когда говорил о том, что нельзя бить лежачего. Муж Лауры прожил с нею целый год, и теперь ему нечего было предложить ей, как и ей ему. Я ничего не отниму у него. Ему просто больше не на что рассчитывать.

Наиболее верным решением этого вопроса было бы пре-

доставить право выбора самой Лауре. Она уже готова была это сделать, но я уклонился. Теперь я снова должен представить ей возможность решать. Если она не захочет меня видеть, то мне придется ее забыть. Однако выбор должен быть за ней.

Я прошел по коридору к телефонной кабине. Мне не сразу удалось найти номер телефона Лауры. Наконец я разыскал его под именем Бруно Фанчини. Я набрал номер, и трубку взяла Лаура, как будто она сидела возле телефона и ждала моего звонка.

— Кто говорит? — тихо спросила она.

Я попытался представить себе комнату, из которой она говорила. Насколько близко ее муж?

— Дэвид, — ответил я.

— О, вот это неожиданность. Как вам удалось разыскать мой номер?

— У меня находится ваша брошь.

— Не может быть! Она лежала в моей сумочке.

— Вы забыли ее на столике. Я нашел ее сразу после того, как вы ушли.

— Кошмар! Я совершенно ее не заметила.

— Как мне быть? — спросил я. — Послать ее вам по почте или завезти самому. Я сделаю так, как вы захотите.

Наступила долгая пауза. В трубке было слышно дыхание Лауры.

— Алло, — сказал я. — Вы слушаете?

— Конечно. Просто я размышляю. Вы можете сделать мне одно одолжение?

— Какое?

— Приложите на минутку трубку к вашему сердцу.

— Нет, этого я не сделаю, — сказал я. Мне не хотелось, чтобы она знала, как сильно оно бьется, хотя я подозревал, что ей уже известно это.

— Разве это не называется бить лежачего?

— Да, и раз уж мы об этом заговорили, то должен вам сказать, что я изменил свое мнение в отношении этой поговорки. В будущем я стану поступать так, как вы.

— Но ведь это неспортивно?

— Теперь мне это безразлично.

— В таком случае, моя брошь слишком ценна, чтобы доверять ее почте. Как вы считаете?

— Это ваша брошь, вам и решать, — сказал я, пытаясь вложить в голос металл.

— По-моему, лучше все-таки не посылать брошь по почте.

— Тогда я привезу ее вам.

— О, нет. Этого мне не хотелось бы. Где вы живете, Дэвид?

— Виа Карнина, дом 23, сразу за театром Ла Скала, в нижнем этаже.

— Я приеду за брошью завтра около семи.

— У меня очень примитивно, — сказал я, — но как хотите.

— Итак, до завтра, — отозвалась Лаура. — Спокойной ночи, Дэвид.

Глава 2

Утром следующего дня я водил по собору пожилую американскую пару. Они оказались очень милыми людьми и щедро отблагодарили меня за труды.

Едва они отъехали в своем автомобиле, как ко мне подошел Торчи.

— Очень рад, что ваши дела процветают, синьор Дэвид, — сказал он, дружески улыбаясь. — Два последних дня были очень удачными для вас.

— Согласен, — сказал я, возвращая ему пятьсот лир. — Благодарю за заем. Эти деньги принесли мне счастье.

— Вы решили относительно броши? Я могу отдать вам деньги через час.

— Я не продам ее. Она мне не принадлежит, и я собираюсь вернуть ее.

Торчи пожал плечами.

— Я люблю вас, как брата, синьор Дэвид. Надеюсь, вы простите меня, если я выскажу вам свое убеждение: очень немногие женщины в мире стоят двести тысяч лир.

— Я не люблю, когда в одной фразе говорят о женщинах и о деньгах.

— Прошу прощения, но я видел все, что произошло в соборе между вами и той дамой. Это все естественно и понятно. Такая красивая женщина создана для любви. Но если вы продадите брошь мне, то вы сможете употребить эти деньги с пользой. Если же вы вернете брошь ей, то получите благодарность, а может быть, и нечто большее. Но в сравнении с тем, что она вам может предложить, по-

теря денег — плохая сделка. Подумайте как следует, синьор Дэвид.

— Убирайся, искунитель! — со смехом сказал я. — Я не продам брошь.

— Подождите, не торопитесь с решением, — со страхом крикнул Торчи. — Я делаю вам другое предложение: я дам вам двести пятьдесят тысяч лир и Симону в придачу. Это хорошая сделка. Симона — очень искусная девушка и в домашнем хозяйстве, и в любви.

— Это действительно прекрасное предложение, но я не продам брошь. Если бы она была моей собственностью, то я бы ни минуты не раздумывал, но она принадлежит не мне, и тут ничего не поделаешь. И поставим на этом точку.

Торчи печально смотрел на меня.

— Боюсь, что синьора произвела на вас слишком большое впечатление. Это плохо. Мужчине нельзя слепо влюбляться в женщину.

— Хватит, Торчи.

— Думаю, что вы еще раскаетесь в своем решении, — продолжал он. — Человек, предпочитающий женщину деньгам, назовет на себя беду. Я буду молиться за вас.

— Пошел к черту! — крикнул я, потеряв терпение. Я особенно разозлился на Торчи потому, что он говорил то, что я уже не раз повторял себе после телефонного разговора с Лаурой.

— Я попрошу и Симону молиться за вас, — с достоинством сказал Торчи.

Потом он отошел от меня, благочестиво склонив голову и опустив глаза.

Горшок с медно-красными бегониями украсил стол возле окна. Картина Боттичелли была запрятана под кровать. У Филиппо я позаимствовал красивую скатерть на стол, у Умберто — шелковое голубое покрывало на кровать, а у Джузеппе — красивый персидский ковер. Моя комната совершенно преобразилась. Я купил две бутылки бароло и попросил Пьеро сделать мне десяток бутербродов. Он заботливо снабдил меня двумя бокалами и тарелками и в последний момент настоял на том, чтобы прислать мне сверх всего еще полбутылки коньяка.

Мой костюм был вычищен и выглажен. Я заложил ча-

сы, чтобы купить себе пару приличных ботинок. Теперь мне оставалось только ждать.

Я закурил сигарету и стал в шестой раз переставлять посуду на столе. Рот мой пересох, сердце билось тяжело, и я немного задыхался. Я плюхнулся в кресло и случайно взял в рот сигарету другим концом. Боль от ожога языка заставила меня отбросить сигарету. В этот момент во входную дверь дома постучали. Секунду я стоял неподвижно, сжав кулаки и прерывисто дыша, потом пошел к двери.

На улице стояла Лаура Фанчини и смотрела на меня. На ней было простое голубое платье и большая соломенная шляпа, глаза скрывались за темными очками.

— Привет, Дэвид, — сказала она. — Я точно, не правда ли?

— Да, — хрипло выдавил я. — Прошу вас, входите.

Я отстранился от двери и пропустил ее.

— Вот сюда, — показал я, распахивая дверь своей комнаты.

Она вошла и огляделась, потом сняла темные очки и улыбнулась мне.

— Здесь очень красиво.

— У меня щедрые друзья. — Я закрыл дверь. — Вам было сложно найти меня?

— Не очень... Было время, когда я чуть ли не каждую неделю ходила в Ла Скала.

Лаура сняла шляпу и положила ее вместе с сумочкой на комод, потом остановилась перед зеркалом. Я смотрел на нее и не мог поверить, что она действительно у меня.

— Когда ветер дует в мою сторону, то можно услышать музыку, — сказал я.

Она повернулась с улыбкой.

— Музыка и соборы — подходящее сочетание. Как подвигается ваша книга?

— В последнее время я мало работаю. Иногда по целым неделям не прикасаюсь к ней.

Я понимал, что веду себя по-идиотски напряженно и официально, но ничего не мог поделать. Присутствие Лауры, ее близость смущали и беспокоили меня.

Наступило молчание. Тишина действовала на меня угнетающе, и у меня вдруг появилось чувство, что наше свидание будет неудачным. Лаура так заставляла меня нервничать, что я почти жалел, что она пришла.

— Может быть, возьмете бутерброд? — беспомощно предложил я. — Вы наверняка голодны.

— Голодна? — переспросила она. — Да, Дэвид, я голодна в течение всех этих четырех лет.

Часы на церковной башне пробили девять, когда Лаура пошевелилась и высвободилась из моих объятий.

— Мне нужно идти, Дэвид, — сказала она. — Я должна быть дома к одиннадцати часам.

— Останься еще немного. Разве ты не можешь позвонить туда?

— Нет, я обещала вернуться к одиннадцати.

Она поднялась, и я стал наблюдать в сумерках, как она поспешно одевается. Когда же я хотел встать, Лаура сказала:

— Лежи, дорогой. Тут не хватит места нам обоим.

— Как ты поедешь?

— У меня поблизости стоит машина, и если я потороплюсь, то через полтора часа смогу быть дома.

— Прошу тебя, будь осторожна!

Она рассмеялась.

— Разве я теперь представляю для тебя такую ценность, Дэвид?

— Да. Больше всего на свете.

— Это меня радует. А тебе теперь не жаль немного?

— Нет, а тебе?

— Немного жаль. Каждая новая любовь приносит с собой волнение и боль.

— Да, но за это она и вознаграждает людей счастьем.

Застегнув платье, Лаура надела шляпу и взяла сумочку.

— Оставайся, Дэвид. Я найду дорогу сама.

— Как глупо! — со смехом сказал я. — Ты не съела ни кусочка, и все мои труды пошли прахом.

Она присела ко мне на кровать.

— У меня теперь нет аппетита, дорогой, — сказала она, склоняясь надо мной и нежно целуя.

— Когда ты опять придешь? — спросил я, сжав ее руку.

— А тебе хочется, чтобы я опять пришла?

— Конечно. И чем чаще, тем лучше.

— Может быть, я приеду на следующей неделе. Это зависит от того, когда мне удастся вырваться.

— Подожди, не уходи, — попросил я. — Как насчет понедельника?

— В понедельник у сиделки, которая ухаживает за моим мужем, выходной день.

— А во вторник?

— По вторникам я читаю ему вслух.

— Так когда же?

— Не знаю. Сегодня мне и так было непросто вырваться. Я уже говорила тебе, Дэвид, что я четыре года живу, как в монастыре. Я не имею права выйти из дома без предложения. Так долго, как сегодня, я, вероятно, редко смогу у тебя оставаться.

— Черт возьми, не делай из меня дурака! Мы должны увидеться как можно скорей. Может быть, тебе удобнее приезжать сюда днем? Между двумя и пятью часами здесь очень тихо. Как насчет среды?

— Я постараюсь, Дэвид, но обещать тебе ничего не могу. Разве ты забыл, что как-то сказал?..

— Что я сказал?

— Ты сказал, что есть очень чуткие люди в отношении восприятия окружающего. Возможно, муж что-то заметит. Вероятнее всего, я сама себя выдам, а это будет ему больно.

— Зачем ты говоришь мне все это? — резко спросил я. — Хочешь лишний раз уколоть меня моей же подлостью?

— Не валяй дурака, Дэвид. О подлости не может быть и речи. Ведь мы любим друг друга. Я только хотела тебе сказать, что мы должны быть очень осторожны, чтобы не причинить боль Бруно.

— Значит, я должен просто ждать твоего прихода?

— Больше ничего не придумаешь. Но ты помни одно: если я не с тобой, значит, я думаю о тебе.

Лаура открыла сумочку и вынула записную книжку.

— Дай мне номер твоего телефона.

Я назвал его.

— Я дам тебе знать, когда смогу приехать. И прошу тебя, Дэвид, не звони мне. Это опасно. Второй телефон находится у Бруно в комнате, а его сиделка очень любопытна. Она может подслушать нас. Обещай мне, что ты не будешь звонить.

— Обещаю. Но ты действительно приедешь, как только сможешь?

— Конечно. А теперь мне нужно спешить, дорогой. Прощай!

— Подожди, ты забыла брошь. — Я вскочил с кровати и

вынул драгоценность из ящика стола. — Забавно, если бы ты еще раз оставила ее.

Лаура взяла брошь и спрятала ее в сумочку.

— Поцелуй меня, Дэвид.

Я стиснул ее в объятиях и впился губами в ее алый рот. Я долго не выпускал ее. Потом она освободилась и, тяжело дыша, сказала:

— Дэвид, ты потрясающий любовник. С какой радостью я бы еще осталась у тебя! Не забывай меня, Дэвид!

Затем наступило время ожидания. Я надеялся получить известие от Лауры еще до понедельника. Однако суббота и воскресенье прошли без звонка. Это время я трудился гидом и заработал пять тысяч лир. В понедельник я опять ждал звонка Лауры и надеялся, что она сможет приехать в четверг или в пятницу. Поскольку она не сказала, когда именно позвонит, я не выходил даже обедать. Но часы шли, а звонка все не было. Лаура не позвонила ни во вторник, ни в среду. Я начал ненавидеть Бруно Фанчини и радовался, что он не может ни двигаться, ни говорить. И вообще желал ему скорейшей смерти.

В четверг я опять сидел в кресле и ждал. Эти дни я не брился и почти не спал. Настроение у меня было отвратительное.

В пятницу я тоже не получил никаких известий от Лауры. Я выдержал до шести часов вечера, потом пошел к телефону и набрал ее номер.

В состоянии полного отупения я стоял в душной кабинке и ждал. Мое сердце тяжело билось. Наконец раздался щелчок, и женский голос произнес:

— Номер синьора Фанчини. У аппарата сестра Флеминг.

Я стоял, держа трубку около уха, и прислушивался к шуму, который мог бы выдать пребывание Лауры в этой комнате. Но я не услышал ничего, кроме дыхания сестры и потрескивания на линии.

— Кто говорит? — снова нетерпеливо спросила сестра.

Я медленно повесил трубку и пошел к себе в комнату, чувствуя себя измотанным, как боксер после схватки. Я понял, что Лаура значит для меня больше всего остального в мире. Она была у меня в крови, как болезнь, и это ожидание отняло у меня последние остатки мужества. В течение нескольких лет я вел жалкое существование в мучи-

тельном ожидании в один прекрасный день опять' возвыситься. Я видел, как все мои планы на будущее лопаются, как мыльные пузыри. И все только из-за того, что женщина с алым ртом не удосуживается снять трубку и позвонить мне. Взявшись за ручку двери, я решил поступить так, как поступают все безвольные неудачники. Я решил выйти, выпить и подцепить какую-нибудь девушку на улице.

Открыв дверь, я вошел в свою грязную комнатушку. На ручке кресла сидела Лаура, сложив руки на коленях и скрестив стройные ноги. Одета она была в то же голубое платье.

Прислонившись к двери, я смотрел на нее.

— Мне очень жаль, Дэвид, — сказала она, — но я ничего не могла поделать. Мне так хотелось услышать твой голос, но за телефоном у нас постоянно наблюдают. Я понимала, как ты ждешь моего звонка. Мы мучились оба. Сегодня днем я больше не могла выдержать и сказала, что собираюсь поехать вокруг озера. Из Милана я позвонила сиделке и сказала, что у меня прокол и я вынуждена остаться в городе.

Я не верил своим ушам.

— Значит, ты сегодня не уедешь?

— Да, Дэвид, я останусь у тебя.

Шатаясь, я добрался до кровати и рухнул на нее.

— Если бы ты меня видела только что в коридоре, — сказал я, стиснув руками голову. — Я звонил тебе, но к телефону подошла сестра. Я был так расстроен, что хотел уйти из дома и выпить. Еще пять минут, и ты бы меня не застала. А теперь повтори еще раз, что ты сможешь остаться у меня на всю ночь. Это как сон.

— Я не хотела тебя мучить, Дэвид, — сказала Лаура. — Ты решил, что я тебя забыла?

— Нет, это мне в голову не приходило, но я уже с понедельника жду твоего звонка. Я чуть не начал головой колотиться о стены.

— Ну вот, я и здесь.

— Это так чудесно, что я не верю своим глазам.

Я оглядел комнату и увидел беспорядок, пятна на обоях. Не было ковра, одолженного покрывала на кровать, скатерти — и вообще вся комната выглядела очень убого.

— Ты действительно хочешь остаться в этой конуре, Лаура?

— Ты думаешь, меня шокирует эта обстановка? С то-

бой я могла бы быть счастлива в шалаше, Дэвид. Не сходи с ума. Для меня ничто не важно, кроме часов, проведенных с тобой.

Я встал и посмотрел на себя в зеркало. С запавшими глазами и двухдневной щетиной на лице я выглядел ужасно.

— Я сейчас побреюсь, — сказал я.

— Я тебе не мешаю? Может быть, мне лучше подождать на улице? Я могу пока погулять.

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя хотя бы на пять минут? Но мне нужно побриться, иначе я не смогу тебя целовать.

Я налил воду в мисочку и стал дрожащей рукой намыливать щеки. Лаура сидела молча и наблюдала за мной. Когда я закончил, она сказала:

— Нам нужно что-то предпринять, Дэвид. Такая ситуация опять может повториться и что тогда?

— Ты должна уйти от мужа, Лаура. Неужели ты этого не понимаешь? Он не имеет права принуждать тебя оставаться с ним.

— Я уже думала об этом. Но если я его оставлю, Дэвид, значит, я должна буду переехать к тебе сюда?

Я медленно повернулся и посмотрел на Лауру. Я глядел на ее дорогие чулки, платье модного покроя, на холеные руки с маникюром, золотые часы, на дорогую бриллиантовую брошь и идеальную прическу, на которую ее парикмахер потратил много времени и труда. Потом я оглядел свою комнату с грязными выцветшими обоями, узкой кроватью и вытертым ковриком возле нее.

— Сюда ты, конечно, не можешь переехать.

— Куда же мне тогда деваться, Дэвид? Я располагаю только теми деньгами, которые мне дает муж. Может быть, я смогу работать вместе с тобой? Наверное, из меня получился бы неплохой экскурсовод. Вообще, бывают женщины-гиды?

— Прошу тебя, не говори глупостей, — сказал я, чувствуя, как кровь бросилась мне в лицо.

— Но я не шучу, дорогой, я говорю вполне серьезно. Я пытаюсь решить эту проблему. Может быть, тебе удастся найти лучшее место или закончить свою книгу? Во всяком случае, я могла бы работать где-нибудь. Мне не хотелось бы сидеть сложа руки. Как ты согласишься на то, если я стану официанткой?

— Прекрати! — сердито сказал я. — Мне не удастся

найти лучшей работы, а моя книга не обещает мне много денег. Кроме того, пройдет немало времени до тех пор, пока она будет готова, даже если мне придется работать над ней с утра до вечера. Как только тебе в голову пришла мысль стать официанткой?

— Но мы должны же работать, Дэвид.

Я выплеснул воду.

— У тебя совсем нет денег? — спросил я, не глядя на нее.

— К сожалению, нет. Правда, я могла бы продать свои драгоценности. Это позволит нам прожить некоторое время, пока ты не станешь больше зарабатывать.

— Зачем мы обсуждаем эту чепуху? — спросил я. — Ведь мы оба понимаем, что не сможем так жить. Скорее я предпочел бы отказаться от тебя, чем втянуть в такую жизнь. Ты скоро возненавидела бы меня, Лаура.

Она взяла мою руку.

— Нет, тебя я никогда не возненавижу. Я уже говорила тебе, что могу быть счастлива с тобой и в шалаше.

— Поговорим хоть минуту серьезно, — сказал я. — Есть только один выход.

— Какой?

— Я должен найти себе место поблизости от Лаго-Маджоре. Возможно, мне поможет в этом Джузеппе. Ему известны все ходы и выходы. Тогда мы сможем чаще встречаться. На один час тебе всегда удастся освободиться.

— Тебя это устроило бы, Дэвид? — спросила Лаура, потянувшись за сигаретой. — Тебе этого было бы достаточно?

— Во всяком случае, это лучше, чем то, что мне пришлось пережить за последние три дня. По крайней мере, я смог бы иногда видеть тебя, а по ночам, когда все спят, ты приходила бы ко мне.

— Возможно, — устало и разочарованно сказала Лаура.

— В твоем голосе не так уж много радости, — сказал я и посмотрел на нее. — Кажется, ты не в восторге от моего предложения.

— Я думаю, что оно довольно опасно. Ты не знаешь этой местности. Здесь столько любопытных глаз. Мы не сумеем сохранить наши встречи в тайне. Я должна быть очень осторожна. Если Бруно узнает, что я обманываю его, он разведется со мной и не оставит мне ни лиры. Только подумай: после его смерти я стану обладательницей

прекрасного дома и целой кучи денег. Но один неверный шаг — и все потеряно.

— Ах, вот как, — отозвался я. — Об этом я и не подумал. Я не знал, что после смерти мужа ты будешь так богата. Это, конечно, увеличивает пропасть между нами, не правда ли?

— Наоборот, Дэвид.

— Неужели ты думаешь, что я буду жить на твои деньги?

— Нет. Но, во-первых, это не мои деньги, а Бруно. А во-вторых, ты мог бы занять у меня некоторую сумму, вложить ее в какое-нибудь дело, а потом вернуть долг.

— Ты все обдумала, — сказал я. — Но раз твой муж прожил после катастрофы четыре года, почему бы ему не прожить и дольше?

— Дорогой, мы сейчас поссоримся, — заметила Лаура.

— Мне очень жаль, Лаура, но мне не хотелось бы повторения подобных трех дней. Я уже сказал тебе, что собирался сделать перед твоим приходом.

— Да, я знаю. Все мужчины поступают так, когда они разочарованы. Ты не исключение.

Она стряхнула пепел в камин.

— Ты ведь обещал мне не звонить.

— Знаю, но это было как наваждение.

— Если бы ты поселился у озера, все бы еще только больше осложнилось. Не увидев меня несколько дней, ты подходил бы к вилле... Нет, Дэвид, это не выход.

— Как же тогда быть, ради всего святого?

Некоторое время Лаура молча смотрела на меня, потом сказала:

— Есть только один выход, Дэвид.

Неожиданно я почувствовал, что она уже давно все обдумала. Она только ждала, когда я выложу все свои идеи и станет ясно, что они неприемлемы.

— Врач настаивает, чтобы Бруно проводил день в кресле на колесах. Вечером его переносят с кресла на кровать. Сестре Флеминг это не под силу. У нас есть человек, который ей помогает. Кроме того, на его попечении находятся машина и моторная лодка. За это он получает бесплатное содержание плюс семь тысяч лир в неделю.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — резко спросил я. — Какое отношение я имею ко всему этому?

— Этот человек уходит от нас в конце недели.

Меня обдало жаром.

— Ты хочешь, чтобы я занял его место?

Лаура на меня не смотрела.

— Это единственный выход, Дэвид.

— Ах, вот как. — Я с трудом пытался взять себя в руки. — Давай выясним все до конца. Я должен помогать сделке при твоём муже. Каждое утро я буду переносить его с кровати в кресло, а каждый вечер буду развлекаться с его женой. И за это я буду получать семь тысяч лир и бесплатное содержание. Заманчивое предложение.

Лаура посмотрела на меня сверкающими глазами.

— Это все, что ты можешь сказать?

— О нет, я могу сказать еще очень многое. Разве есть что-нибудь худшее, чем каждое утро встречаться взглядом с человеком, который не может ни пошевелиться, ни заговорить и с женой которого ты провел ночь? Для меня это был бы опыт, которого так не хватало в моей и без того грешной жизни. Я не только буду красть у него жену, но мне еще за это будут платить. Вот уж действительно потрясающее предложение.

Кивнув, Лаура встала, подошла к комоду и взяла свою сумочку и шляпу.

— Подожди немного, Лаура, — сказал я. — Не уходи, мы должны поговорить.

— Нет, я переночую в отеле. Всего хорошего.

Я закрыл дверь.

— Неужели ты не видишь, что это предложение неприемлемо для меня? — спросил я.

— Ладно, я все вижу. Все так, как ты сказал, но пропусти меня.

— Ты не уйдешь, нам надо поговорить.

— Дэвид,пусти меня!

— Не говори так драматично! Черт возьми, ты останешься здесь. Мы найдем другой выход. Сядь и дай мне подумать.

Лаура побелела от ярости. Она стояла против меня, сжав кулаки.

— Тут не о чем думать, — сказала она. — Я указываю тебе единственно возможный выход. Если ты так горд, глуп и примитивен, то поставим на этом точку. Я не останусь здесь больше ни минуты. Я была душой, что связалась с тобой. Подумай обо всем, когда я уйду. — Ее голос стал еще напряженней. — Я не хочу больше говорить на эту тему. Пропусти меня.

Я схватил ее за плечи и встряхнул.

— Ты, вероятно, совсем не подумала о нас, — крикнул яростно я, — иначе ты никогда не сделала бы мне такого позорного предложения. Только представь себе — я буду обнимать тебя в доме твоего мужа, за его спиной. Ты согласна на это?

Сумочка выпала из рук Лауры, она обняла меня и прижала мою голову к себе.

— Я так сильно люблю тебя, Дэвид! Я готова обнимать тебя даже при муже. Неужели ты не понимаешь, дорогой, что он для меня ничего не значит и никогда ничего не значил? Я вышла за него замуж ради денег и теперь расплачиваюсь. У меня нет к мужу ни капли сочувствия, так же, как у него не было ко мне, когда он был еще здоров. Ты не можешь себе представить, как он раньше со мной обращался! Я могу быть неверна ему, и у меня нет к нему жалости. Сделай то, что я тебе предлагаю, Дэвид, иначе мы больше никогда не увидимся. Мне было не легче, чем тебе, когда я не могла тебе позвонить. — Ее голос прервался. — Я не могу больше выдержать ни одного такого дня. Ты должен сделать так, как я тебя прошу, иначе между нами все кончено.

Я отстранил ее и взглянул в ее белое, как мел, лицо.

— Поцелуй меня, Дэвид.

Когда наши губы встретились, мое сопротивление рухнуло.

Я проснулся оттого, что меня трясли за плечо.

— Проснись, Дэвид, — сказала Лаура, склонившись надо мной. — Я сварила кофе. Мне нужно скоро идти, дорогой.

— Ты уже одета? Сколько же сейчас времени?

— Седьмой час. Ты так сладко спал, что мне не хотелось будить тебя. — Она подала мне чашку кофе в постель. — Кажется, будет прекрасный день, не правда ли?

— Надеюсь, — пробормотал я и вдруг вспомнил, что обещал Лауре, перед тем как заснуть. — Как бы не пришлось раскаиваться в нашем решении, дорогая.

— У нас нет другого выбора. — Лаура присела на кровать, очаровательная и желанная, как всегда. — Мне нужно идти, однако перед этим мы все еще раз обсудим. Ты приедешь на нашу виллу в воскресенье вечером. В Милане ты сядешь на шестичасовой поезд. Я буду ждать тебя в Стреза, и мы вместе переправимся через озеро. Сегодня

днем зайди в магазин Нервини на Виа Бокаччо и объясни, что ты приглашен на место у Фанчини и что тебе нужно одеться соответствующим образом. Они знают, что для этого необходимо.

— Что мне придется делать? Носить белую куртку официанта или шоферскую форму?

— Утром и вечером тебе придется помогать Бруно. Кроме того, ты будешь заботиться о машине и возить меня в Милан или Лавено за покупками. На твоём попечении будет также моторная лодка. Если у нас будут гости, то тебе придется подавать напитки и прислуживать за столом. Но большая часть дня будет в твоём распоряжении. Ты будешь жить в двух прекрасных комнатах над лодочным ангаром около озера. Там спокойно, и тебя никто не потревожит. Я буду приходить к тебе так часто, как только смогу. Ночью это можно будет делать без всякого риска. Таковы твои обязанности. Если это тебе не подходит, то поставим точку и расстанемся.

Некоторое время я смотрел на нее. Я впервые столкнулся с такой женщиной, как она. Достаточно было ей с любовью взглянуть на меня своими фиалковыми глазами, и я совершенно терял голову.

— Для тебя я готов на все, — сказал я.

Глава 3

От вокзала в Стреза и к озеру вела мощеная дорожная. Лаура сидела в тени на пирсе и ждала меня. Рядом с ней стояли две крестьянки в черном и с любопытством разглядывали ее.

Заметив меня, она отошла от пирса и пошла к моторной лодке. Она не улыбнулась, не махнула мне рукой и вообще не показала никакой радости при виде меня.

Я спустился по ступенькам следом за ней. Лаура вошла в лодку и уселась на сиденье рядом с местом рулевого. Обе женщины наблюдали за нами. Они подошли ближе и облокотились на парапет.

— Вы умеете управлять моторной лодкой? — безразлично спросила Лаура.

— Конечно, — ответил я, отвязывая канат.

— Это почти так же, как автомобилем, — сказала Лаура.

ра и потом прошептала: — Рада видеть тебя, дорогой. Эти старые ведьмы с удовольствием нас подслушали бы.

Я нажал на стартер, и мотор заработал.

— Здесь все шпионят друг за другом, — продолжала Лаура, откидываясь на спинку сиденья. — Возможно, ты теперь поймешь, почему безопаснее всего для тебя — это работать в нашем доме.

Я чувствовал себя отвратительно. Сначала я рассердился на то, что Лаура слишком холодно поздоровалась со мной, а теперь, после ее объяснений, разозлился на самого себя.

— Куда ехать? — коротко спросил я.

— Прямо через озеро к тому высокому берегу. Вилла видна даже отсюда.

Волшебство озера и его красота действовали на меня. Мое плохое настроение испарилось.

— Что с тобой было, Дэвид? — вдруг спросила Лаура.

Я улыбнулся ей.

— Минуту у меня было такое чувство, будто кто-то прошел по моей могиле, — ответил я. — Не обращай на это внимания! Все уже прошло. Кстати, это отличная лодка.

— Все, чем владеет Бруно, отличного качества. Он покупает за свои деньги только самое лучшее. Именно поэтому мы с ним не находим общего языка.

— Не расстраивайся. Иначе я сейчас отпущу руль и начну целовать тебя.

Лаура рассмеялась.

— Этого делать нельзя. Может быть, кто-то наблюдает за нами с берега в бинокль. Людям здесь совершенно нечего делать. Ну, скажи, Дэвид, разве это не чудесно, что мы теперь вместе? Я все время думала о тебе и почти всю прошлую ночь не могла заснуть.

— Я тоже, — ответил я, умолчав при этом, что я думал не только о ней, но и о ее муже. — Между прочим, кто еще живет в доме, кроме тебя и Бруно?

— Прежде всего Мария, кухарка. Будь с ней поосторожней, Дэвид. Она давным-давно служит у Бруно, задолго до того, как я вышла за него замуж. Она мне не доверяет и постоянно следит за мной.

— Она ночует в доме?

— Нет, иначе твой приезд сюда был бы бессмысленным. Она живет в небольшом домике в соседней деревне Ароло

и приходит к нам по утрам в семь часов, уходит вечером в девять.

— Кто еще живет здесь?

— Сестра Флеминг. Она уверена, что Бруно упомянул ее в своем завещании, и обращается с ним, как со своей собственностью. Так или иначе, но она очень любопытна и пользуется любой удобной возможностью, чтобы вселить в Бруно какие-нибудь подозрения. Она спит в комнате рядом с Бруно, и смежная дверь всегда открыта. Сегодня у нее выходной день.

Все это мне не слишком понравилось, но я только спросил:

— Это все?

— Нет, есть еще садовник Джулио. Он стар и глух, так что ты можешь его не опасаться. Но есть еще доктор Пирелли, который дважды в неделю навещает Бруно. Он его старый друг и душеприказчик и тоже не слишком жалует меня. Он принадлежит к тем людям, которые считают всех красивых женщин аморальными от рождения. Лучше всего, если ты не будешь попадаться ему на глаза, Дэвид. Если он увидит тебя, он может что-нибудь заподозрить.

— Похоже, что я попаду в какое-то змеиное гнездо.

— А я вынуждена жить в нем уже пять лет. Но все пойдет хорошо, если ты будешь осторожен, мой дорогой. И еще одно. Но только прошу тебя, пойми меня правильно. В течение всего дня мне придется обращаться с тобой, как со слугой. Никогда нельзя будет угадать, наблюдают за нами или нет. Не сердись на меня и не оскорбляйся, если я иногда буду говорить с тобой не так, как мне хотелось бы.

Об этом я никогда не думал. Слова Лауры были для меня, как острый нож.

— Ладно, — сказал я, — конечно, мы должны быть осторожны.

— Я тебя расстроила? — спросила Лаура со страхом.

— Да.

— Я постараюсь тебя за это вознаградить, — сказала она, сопровождая слова нежным взглядом.

Достаточно ей было так посмотреть на меня, как я забыл все неприятности и почувствовал себя на седьмом небе. Она вошла в меня, как болезнь, и я ничего не мог поделать с этим. Я понимал, что это чистейшее безумие — взвалить на себя все эти заботы и обязанности и так всецело довериться женщине, но дело зашло слишком далеко.

— Вилла за этими ивами, — вдруг сказала Лаура. — Отсюда уже виден лодочный ангар и твоя квартира.

Я увидел среди скал небольшое двухэтажное здание с большим «фонарем». В нижнем этаже было помещение для лодок. С обеих сторон домик был окружен плакучими ивами, в тени которых, как я позже узнал, был плавательный бассейн. Длинная каменная лестница вела наверх к вилле.

— Этим путем я буду приходить к тебе, — сказала Лаура.

— В темноте это опасно.

Она рассмеялась.

— Не для меня, Дэвид. Я хорошо знаю эту дорогу. Когда в доме становится для меня невыносимо, я всегда ухожу в лодочный ангар. Я сама обставила там квартиру, она тебе наверняка понравится.

Я выключил мотор, и лодка скользнула в маленькую бухточку под сенью ив.

— Я думаю, что ты сам найдешь свою квартиру, Дэвид, — сказала Лаура, выпрыгивая на пристань. — Я не рискну сама тебе ее показывать. Когда переоденешься, приходи в дом и зайди на кухню, Мария накормит тебя ужином. Потом я отведу тебя к Бруно.

— О'кей, — сказал я, вылезая из лодки.

Лаура дала мне ключ.

— Это ключ от твоих комнат. Прошу тебя, будь осторожен, Дэвид, и никогда не забывай запирать их, когда уходишь. Туда могут входить только я и одна женщина из деревни, которая там убирает. Больше там никто никогда не бывал, и так должно оставаться впредь. Иначе встанет вопрос, почему я позволила тебе поселиться там. Ты сможешь сам содержать все в порядке?

— Убирал же я свою прежнюю комнату, — со смехом сказал я.

— Раз в неделю будет приходить старуха из деревни и делать основательную уборку. На нее я могу положиться, она будет молчать. Я скажу тебе, когда она придет. Тогда тебе лучше не попадаться ей на глаза.

— К чему столько предосторожностей?

Лаура рассмеялась.

— Подожди, пока не увидишь квартиру.

Она положила руку мне на плечо и посмотрела на меня. Я привлек ее к себе. Губы ее были сухими и горячими, как будто у нее была лихорадка. Лаура теснее прижалась ко

мне и пальцами впиалась в мои плечи. Так мы стояли некоторое время. Потом она отстранилась, легко взбежала по ступенькам и исчезла.

Привязав лодку, я взял свой чемодан и поднялся по узкой лестнице на второй этаж в квартиру над лодочным ангаром. Отперев данным мне ключом дверь, я широко распахнул ее и остановился, как громом пораженный. Оглядевшись, я вошел в комнату.

Три великолепных персидских ковра лежали на полу этого огромного помещения. Стены были обтянуты белым и красным шелком. В оконной нише стоял широкий диван, на нем было шелковое покрывало с красной оборкой. Посередине комнаты стояли четыре кресла и небольшая кушетка, выглядевшие в этом огромном пространстве довольно одиноко.

В одном углу находился встроенный бар, который поворачивался от легкого толчка и превращался в полки с книгами. Около стены стоял огромный радиоприемник с проигрывателем. Напротив была дверь, которая вела в небольшую туалетную комнату. Там были два зеркала во весь рост и два платяных шкафа, внутри которых загорался свет, стоило только открыть дверцы. Позади находилась ванная комната, а собственно ванна была вделана в пол. Стены этой комнаты были зеркальными, в обрамлении черного мрамора.

Я подошел к бару и налил себе двойного виски. Сейчас это мне было необходимо. Теперь я понимал, почему дверь этой квартиры следовало всегда запирать.

Кухарка Мария была пожилой старухой с добрым лицом и дружелюбным взглядом. Когда я вошел в кухню, она как раз накидывала на плечи шаль и, казалось, собиралась уходить домой.

— Добрый вечер, — сказал я. — Меня зовут Дэвид Чизхольм. Синьора сказала мне, что я буду здесь есть.

Она долго изучала меня взглядом и потом спросила подозрительно:

— Вы приехали, чтобы ухаживать за синьором Бруно?

— Не совсем так. Я должен только помогать переносить его.

— Синьора не предупредила меня, что вы американец.

— А разве это было необходимо? — спросил я, оглядывая накрытый стол. — Мне сюда сесть?

— Ваш ужин в печи, — 'ответила она, запахивая шаль. — Синьора уже распорядилась, где вы будете жить?

Вопрос был задан вскользь, но я понял, что ответ на него будет очень важен для нее.

— Я буду жить в комнатах над лодочным сараем, — сказал я, не глядя на нее.

— Над лодочным сараем? Значит, тот человек уже выехал?

Я вынул из печи тарелку с телятиной и спагетти и поставил на стол.

— Именно поэтому я и здесь.

— Вы должны очень осторожно переносить синьора Бруно, — сказала кухарка, пристально глядя на меня. — Тот человек мне очень не нравился. По-моему, у него в голове гулял ветер.

— Я постараюсь быть осторожным, — ответил я.

Кивнув, она подошла к двери. Явно она очень неохотно оставляла меня в доме одного.

— Спокойной ночи, — сказал я.

— А вы не привезли с собой жену? — спросила Мария, взявшись за ручку двери.

— Я не женат.

— В вашем возрасте уже пора.

— Я подумаю над этим, — сказал я с улыбкой. — Спокойной ночи.

Она не улыбнулась мне в ответ.

— Тот мужчина тоже не был женат.

— Какой мужчина?

— Беллини. Она работал у нас три месяца. Здоровенный грубый парень. Целый день он валялся то здесь, то там и курил свои вонючие сигареты. Он был очень неосторожен, поднимая синьора Бруно, и доктор Пирелли прогнал его.

— Не смею вас задерживать. Вы наверняка спешите домой, — сказал я.

Немного помешкав, Мария вышла из кухни и закрыла дверь. Невольно я почувствовал, что у нее не просто зародилось подозрение, нет, она точно знала, почему я здесь.

Лаура поджидала меня в саду. Услышав мои шаги, она обернулась.

— Мария ушла?

— Да.

— Значит, теперь мы одни в доме, если не считать Бру-

но. Сегодня мне придется остаться на ночь здесь, Дэвид, но завтра я приду к тебе. Как тебе понравились комнаты?

— Они великолепны! Но ты не считаешь, что мне опасно там жить? Если меня там кто-нибудь увидит, то сразу поймет, в каких мы отношениях.

— Пока никто не войдет в квартиру, это не играет никакой роли, — ответила Лаура. — Я очень рада, что комнаты тебе понравились. Я сама обставляла их. Мы проведем там счастливые часы.

— Эта квартира лучше шалаша.

Лаура рассмеялась.

— Я говорила совершенно серьезно. Однако я предпочитаю шалашу эту квартиру. Как прошло твоё знакомство с Марией?

— По-моему, она обо всем догадалась.

Лаура быстро взглянула на меня.

— Что ты хочешь сказать?

— Во всяком случае, мне так показалось. Это вытекает из ее слов. Беллини жил в квартире над лодочным сараем?

— Почему ты так решил? Конечно, нет! — Лаура пристально посмотрела на меня. — Почему ты спросил об этом? Беллини был только служащим и жил в деревне.

Мои подозрения ослабли.

— В словах Марии было кое-что, что заставило меня предположить, что Беллини жил в этой квартире.

Лаура легко положила мне руку на плечо.

— Не обращай на нее внимания, Дэвид. Эта квартира принадлежит мне, а я поселила там тебя. Конечно, Беллини никогда там не жил, он даже ни разу не входил туда.

— Где он теперь?

— Не знаю. Вероятно, вернулся в Милан. Почему он тебя так интересуется?

— Интерес к нему у меня вызвала Мария.

— Она вечно плетет какие-то интриги. Не слушай ее, Дэвид. А теперь я должна представить тебя Бруно. Он наверху, на веранде. Будь осторожен. От его взгляда ничего не укроется. Когда будешь с ним, не поглядывай на меня, особенно так, как сейчас.

— Это очень неприятная процедура, Лаура.

— Я понимаю, но так или иначе через нее придется пройти.

Она погладила мое лицо пальцами.

— Прошу тебя, не забывай, что он для меня ровно ничего не значит, так же, как и я для него.

Лаура пошла впереди, а я двинулся за ней.

— Бруно, это наш новый слугитель, — сказала Лаура, когда мы подошли к ее мужу, сидевшему в инвалидном кресле. — Его зовут Дэвид Чизхольм, он американец и живет в Милане, где изучает итальянскую архитектуру. Его рекомендовало мне агентство Донетти.

Она повернулась и кивнула мне, чтобы я подошел.

Я приблизился к креслу. На душе у меня было нехорошо, ладони стали влажными. Я не знал, как смогу выдержать взгляд смотревших на меня глаз на узком бескровном лице.

Бруно Фанчини было около сорока пяти лет. У него были густые с проседью волосы. Тонкое лицо носило следы красоты и аристократичности. Оно сияло такой белизной, как будто было высечено из мрамора. Но у него были удивительно живые и пронизательные черные глаза. Они говорили о незаурядных способностях этого человека. Он наверняка был очень умен, добр и великодушен, но при желании мог быть также и безжалостным.

Было тяжело смотреть на него и знать, что он не может ни пошевелиться, ни заговорить и что он беспомощен, как труп. Я почувствовал, как его глаза остановились на мне с дружеским интересом, и ощутил волнение и стыд. Чтобы скрыть смущение, я отвесил неловкий поклон и опять отошел в тень.

— Может быть, вкатить кресло в дом, синьор? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Пожалуй, стоит вернуться в дом, Бруно, — сказала Лаура. — Тебе пора спать.

Она повернулась к мужу, и я случайно поймал взгляд, который он бросил на нее. Он подействовал на меня, как удар. Столько в нем было ярости и презрения, почти ненависти. Но это выражение исчезло так же быстро, как и появилось. Я подошел к изголовью кресла. Лаура повернулась ко мне.

— Прошу вас, вкатите кресло в дом. Но только осторожно и без толчков.

Я вкатил кресло с веранды в огромную спальню. В середине комнаты стояла огромная кровать. Мозаичный пол был покрыт дорогим персидским ковром, на стенах висели старинные гобелены. Все указывало на тонкий вкус хозяина и, должно быть, стоило целое состояние.

Я подкатил кресло к кровати. Встав в ноги, Лаура наблюдала за мной. Она не сделала попытки помочь мне и не

посоветовала, как лучше поднять больного. Я нервничал, потому что они оба наблюдали за мной. Откинув простыню с кровати, я снял плед с длинного исхудавшего тела Бруно. Затем обнял его одной рукой за плечи, а другой подхватил под колени. Он был очень легким, и я без напряжения положил его на кровать. Потом накрыл одеялом и отступил назад.

— Благодарю вас, — сказала Лаура. — Теперь вы можете идти. До завтрашнего утра вы мне не понадобятся.

Поклонившись, я вышел на веранду. Я успел услышать, как Лаура сказала Бруно:

— Он был немного неловок, но скоро научится поднимать и перекладывать тебя.

Сбега по лестнице в сад, я услышал в спальне первые нежные звуки шопеновского этюда. Некоторое время я прислушивался, затем двинулся дальше.

Когда на следующее утро я открыл дверь и вошел в комнату рядом со спальней Бруно, там стояла сестра Флеминг и причесывалась. Это была высокая худощавая особа с карими глазами, длинным красноватым носом и узким подвижным ртом. Несмотря на чопорный вид, чувствовалось, что она очень хорошо знает свое дело. Вероятно, в трудной ситуации на нее можно было положиться.

— Значит, это вы и есть новый человек, — сказала она на плохом итальянском.

— Да, сестра, — ответил я по-английски.

— Как вас зовут?

Я ответил.

— Насколько я понимаю, вы обучены тому, как надо обращаться с больными? — спросила она.

— К сожалению, нет.

Она сделала недовольный жест.

— Сколько раз я просила синьору Фанчини нанять на это место опытного человека. Доктор Пирелли может без труда найти такого, но синьора предпочитает подыскивать людей сама. Ну что ж, ладно, надеюсь, по крайней мере, что вы старательнее этого ужасного Беллини. Разумеется, мне придется сообщить доктору Пирелли, если вы будете небрежно относиться к своим обязанностям.

— Я буду стараться, — холодно ответил я и вышел на веранду.

Оглядывая сад, я увидел Лауру, которая в белом бикини

с полотенцем через плечо шла к озеру. Я восхищенно смотрел на ее стройную фигуру и надеялся, что она обернется. Но она не обернулась. Лаура прошла дальше и исчезла в зарослях. Спустя несколько минут я увидел ее плывущей по озеру.

— Вот я и готова, — вдруг раздался позади меня голос сестры Флеминг.

Она бесшумно вышла на веранду и, вероятно, заметила, каким взглядом я смотрел на Лауру. Я пристально посмотрел ей в глаза, но мне первому пришлось отвести взгляд.

— Пойдемте, — сказала она и прошла в комнату Бруно.

Он лежал на кровати точно в том же положении, в котором я оставил его вечером. Когда он взглянул на меня, я поклонился. Его глаза были действительно очень выразительны. Они так явно приветствовали меня, как будто он заговорил. У меня возникло болезненное чувство: мне показалось, что он начал привязываться ко мне. Во всяком случае, он смотрел на меня дружески и заинтересованно. Когда же он перевел взгляд на сестру Флеминг, в глазах его появилось равнодушие.

Выслушав указания сестры, я осторожно поднял Бруно и перенес его в кресло. Я постарался не споткнуться и не толкнуть его. Сестра Флеминг осталась довольна и одобрительно кивнула мне.

— Это все, Чизхольм, — сказала она. — Теперь я справлюсь и сама.

Я опять поклонился Бруно. В его взгляде явно читалась зависть по отношению ко мне: как я счастлив, что мне не приходится оставаться в руках этой сварливой сиделки. Возможно, я нафантазировал себе, но мне показалось, что он именно это хотел дать мне понять.

Я вышел и поспешил к лодочному ангару. Спрятавшись за ивами, я стал искать глазами Лауру. Ее купальная шапочка белела далеко на поверхности озера. Наконец она поплыла к берегу. Когда она выходила из воды, я сказал:

— Доброе утро, синьора.

Она не обернулась, только ее спина напряглась.

— Тебя не должны здесь видеть, Дэвид. Это опасно. Рядом живет один старый хрыч, который постоянно наблюдает за мной в бинокль. Прошу тебя, уходи.

— Черт с ним, — сердито сказал я. — Меня он, во всяком случае, не видит.

— И все-таки, Дэвид, прошу тебя, уйди и постарайся, чтобы тебя никто не заметил.

— Какие еще будут распоряжения, синьора? — саркастически спросил я.

— Осмотри лодку и почини что-нибудь, если нужно. Иногда доктор Пирелли пользуется ею, и мы не хотим по-давать ему ни малейшего повода к жалобам. После этого распоряжайся своим временем, как хочешь. А сегодня ночью, дорогой, я приду к тебе.

— Да, — сказал я.

— Ты уже почувствовал на себе обаяние Бруно? — спросила Лаура, ополаскивая в воде свои длинные стройные ноги.

— Кажется, нет.

— У него много обаяния. И даже в своем теперешнем тяжелом положении он завоевывает себе друзей гораздо легче, чем я. Хотелось бы тебе стать его другом?

— Вряд ли, — резко ответил я. — Лучше мне теперь заняться лодкой.

Я вошел в ангар, запер дверь и принялся за работу.

Лаура была права, у Бруно было обаяние. Несмотря на неподвижность и нищету, ему удавалось с помощью одного взгляда выразить дружелюбие и приязнь.

Когда я вечером пришел к нему, он был один. Я не знал, что мне делать — уйти или подождать сестру Флеминг. Я уже повернулся, чтобы уйти, но меня задержал взгляд Бруно. Он смотрел на меня с дружеским любопытством. И я начал рассказывать ему о том, как провел день, и о ремонте лодки. Его глаза улыбались мне.

— Если хотите, мы как-нибудь на днях можем покататься по озеру, — сказал я. — Я буду очень осторожен, а для вас это будет приятным разнообразием.

Взглядом он согласился со мной, но потом с насмешливым выражением перевел глаза на вошедшую сестру Флеминг, как бы желая сказать мне, что в его состоянии такая прогулка исключается. Я вкатил кресло в спальню и перенес Бруно на кровать. На этот раз все получилось удачно, и сестра Флеминг одобрительно кивнула.

В спальню вошла Лаура. Я поклонился Бруно и ушел к себе. Переодевшись, я уселся на подоконник и закурил сигарету. Меня мучила совесть. Если бы Бруно был неприятным человеком, то я без особых мучений выносил бы свое положение. Но поскольку он был симпатичен мне, я подумал: а не сложить ли мне свои вещи и не убраться отсюда

подобру-поздорову? С другой стороны, искушение пожить в такой роскошной квартире было очень велико, а мысль о том, что через несколько часов сюда придет Лаура и останется на всю ночь, не давала мне покоя.

Я стал думать о Лауре. Действительно ли она любила меня? С ее внешностью и деньгами она могла выбирать из сотен мужчин. Почему же она остановилась на мне? С неприятным чувством я вспомнил о нашей первой встрече. Мне показалось невероятным, чтобы женщина ее положения зашла так далеко в отношениях с совершенно незнакомым мужчиной. Может быть, она была их тех, кто не в состоянии обходиться без мужчины, все равно каким бы он ни был? Слова Марии о том, что Беллини жил в квартире над лодочным ангаром возбудили у меня подозрения. Может быть, он был любовником Лауры? А до него могли быть еще и другие?

Я попытался проанализировать свои чувства к Лауре. Когда ее не было рядом со мной, я мог рассуждать объективно. Что мне было известно о ней, если не считать ее сексуальной привлекательности? Несмотря на ее красоту, в ней было что-то странное. В некотором смысле она была похожа на Бруно — у нее на лице жили только глаза. Но я не знал, какие мысли таятся за ее гладким лбом.

Так я ломал себе голову над тайной характера Лауры, и все безрезультатно. Я все еще сидел на окне, когда пришла Лаура. Я не услышал ее и вздрогнул, когда она дотронулась до меня.

— О чем ты думаешь, Дэвид?

Я поспешно встал.

— Разве ты не рад, что я пришла?

Искушение было сильнее меня.

— Нет, очень рад, — ответил я и крепко обнял ее.

Яркий лунный свет проник через окно и разбудил меня. Я поднял голову. Лаура лежала рядом со мной, тяжело дыша. Наверное, ее мучили кошмары. Я потряс ее за плечо.

— Что с тобой, Лаура? Тебе снится кошмар?

Она порывисто вскочила, растерянно огляделась вокруг, потом прижалась ко мне, и я почувствовал, как тяжело стучит ее сердце.

— Что тебе приснилось? Черти тащили тебя в ад?

Она вся дрожала.

— Который час?

— Около трех, — ответил я. — Еще рано. Можешь вернуться на другой бок и снова заснуть.

— Нет, мне нужно поговорить с тобой, дорогой. Дай мне сигарету.

Я дал ей закурить.

— Что тебе приснилось?

— Это неважно, Дэвид. Как ты относишься к Бруно?

— А как я должен к нему относиться? — спросил я. Мне было неприятно сейчас говорить о Бруно. — Живой дух в полумертвом теле — вот все, что я могу о нем сказать.

— Значит, он нравится тебе?

— Не то чтобы нравится, но я восхищаюсь его мужеством и волей к жизни.

— По-твоему, он хороший человек?

— Наверное, иначе он не мог бы вынести ту жизнь, какую ведет.

— Нет, ты не прав. Разве хороший человек стал бы привязывать жену к себе так, как делает он?

Я промолчал. После долгой паузы Лаура спросила:

— Как ты думаешь, он еще долго проживет?

— Не знаю.

— Временами меня охватывает страх, что это никогда не кончится.

— Лучше не думать об этом, — сказал я. — Так что же тебе приснилось?

— Бруно. Мне всегда снится только он. — Она заложила руки за голову. — Если бы я только могла от него освободиться! Представляешь, что бы это значило? Нам больше не нужно было бы встречаться тайно. Мы даже могли бы пожениться.

Интересно, устроил бы меня брак с Лаурой? Что скрывается за безразличной маской ее лица? Хочется ли мне вообще жениться на ней, если она освободится?

— Деньги значат для тебя что-нибудь, Дэвид? — неожиданно спросила она.

— Конечно. Мне всегда хотелось иметь деньги, но у меня их не было. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Меня интересует, что ты готов сделать за достаточно крупную сумму?

— Что сделать? Что ты хочешь этим сказать?

Лаура повернулась на бок и взглянула мне прямо в глаза.

— Ты мог бы рискнуть, если бы ставка была достаточно высокой?

Я почувствовал, что мы вступаем на опасную почву. Я сравнил себя со слепым, который стоит на краю пропасти и чувствует, что следующий шаг может быть гибельным.

— Не могу сказать, что ради денег я готов на все, — ответил я непринужденно, — но многое, конечно, зависит от суммы.

Руки Лауры ласкали меня.

— Допустим, это будет триста миллионов лир.

— Откуда возьмется такая сумма?

— Состояние Бруно гораздо больше. Если бы я освободилась, то оно перешло бы ко мне, а если бы мы поженились, то я отдала бы половину тебе — сто пятьдесят миллионов лир. Вряд ли нам удалось бы покинуть Италию, но ты смог бы открыть в Милане или Риме архитектурное бюро. А позже, если бы дела пошли хорошо, ты расплатился бы со мной. Или даже лучше: я стала бы твоим компаньоном. Это мне нравится, Дэвид.

— Я и понятия не имел, что речь идет о такой огромной сумме, — сказал я. — Но ты уверена, что после смерти Бруно унаследуешь столько денег?

— Да, я видела завещание. Его состояние еще больше, но часть отойдет к его дочери. Я получу две трети, а она треть всего состояния.

— Я не знал, что у Бруно есть дочь.

— Его первая жена умерла за три или четыре года до нашего знакомства с ним. Дочери его девятнадцать лет, и она воспитывается в Англии.

— Она вернется сюда?

— Возможно, но я не знаю. Триста миллионов, Дэвид! Разве это не заманчивая перспектива?!

— К чему строить воздушные замки? Бруно может прожить еще долго.

— Знаю. — Красный огонек ее сигареты описывал в темноте круги. — Но разве не ужасно, что он должен так долго жить? И, в конце концов, разве можно это назвать жизнью?

Я промолчал.

— Мне приснилось, что он умер, — сказала Лаура после долгой паузы.

— Но ведь он жив, — резко ответил я. — Оставим эти разговоры.

— Тебе известно, что жизнь Бруно буквально висит на волоске? — продолжала Лаура, как будто не слыша моего

замечания. — Если однажды ты уронишь его на пол, то он умрет.

— Вряд ли он упадет, пока я переносу его, — ответил я.

— От несчастья никто не застрахован. Триста миллионов — это большие деньги. Половина тебе, половина мне.

— К чему ты клонишь?

— Тебе не кажется, что это было бы добром позволить ему упасть?

Мне не верилось, что Лаура говорит серьезно. Она была так спокойна и хладнокровна, голос звучал так естественно, а рука нежно ласкала меня, и, однако, она только что предложила мне убить ее мужа.

— Тебе действительно кажется, что это было бы добрым делом? — спросил я. — Но к чему говорить об этом? Вряд ли это произойдет.

— Дорогой, почему ты так глуп? Ты ведь можешь его уронить, не правда ли?

Я задохнулся. Настал подходящий момент ясно и недвусмысленно изложить свою точку зрения на это дело.

— Это же убийство, Лаура!

— Не говори глупостей, Дэвид. Это совсем не убийство. Назови это выстрелом из сострадания. Если лошадь ломает себе ногу, ее пристреливают.

— Хотел бы я видеть лицо судьи, когда ты скажешь ему это.

— Причем здесь судья?

— При том, что это убийство. Неужели ты этого не понимаешь?

— Какая разница, что это такое, — нетерпеливо продолжала она. — Никто ведь об этом не узнает и ничего не заподозрит. А триста миллионов — о, на них можно многое сделать, дорогой! Не говоря уже о том, что для Бруно смерть явилась бы избавлением.

— А ты учитываешь, что будет со мной, если меня заподозрят в убийстве? — спросил я. — А разве тебя не назовут соучастницей? Черт возьми, никакие деньги этого не стоят!

— Успокойся. Я уже сказала тебе, что никто ничего не заподозрит. Это просто будет несчастный случай.

— Нет, все это наверняка откроется.

Перегнувшись через Лауру, я включил свет.

— Зачем ты это сделал? — нахмурившись, спросила она и прикрыла грудь руками.

— Послушай, — почти грубо сказал я. — Мотив этого дела лежит на поверхности, а все, что нужно полиции, — это ясный мотив. Им стоит только увидеть эту комнату, чтобы все понять. И не рассчитывай, что Мария или сестра Флеминг будут держать язык за зубами. У нас нет ни малейшего шанса на успех.

— Дэвид, не кричи на меня! Почему ты так нервничаешь?

— Потому что ты подстрекаешь меня убить Бруно. Или нет?

— Зачем так грубо выражаться? Он и без того уже почти труп. Разве это называется убийством, если ты его уронишь?

Я встал и надел халат.

— Значит, ты хочешь его убить?

— Конечно, нет. Я только рассматриваю эту возможность теоретически. — Она приподнялась и посмотрела на меня. — Это заманчиво, не правда ли, Дэвид? Теперь, после того как я познакомилась с тобой, мне так хочется быть свободной. А плюс к этому еще и деньги! Но я сомневаюсь, что думаю об этом всерьез. Разве что ты меня уговоришь. Вот если бы ты предложил мне, что уронишь его, я бы не стала мешать тебе.

— Ни при каких обстоятельствах я не сделаю тебе такого предложения! Выброси эту мысль из головы.

— Прошу тебя, не злись, Дэвид. Если бы я знала, что ты такой раздражительный, то я не завела бы этого разговора.

— Это было бы убийство! Неужели ты этого не понимаешь? Бруно имеет точно такие же права на жизнь, как и ты.

Лаура покачала головой.

— Тут я с тобой не согласна, дорогой. Но не буду спорить. Я начала этот разговор, не подумав. Виной всему этот сон. Мне приснилось, что Бруно умер. Во сне все так просто. Не будем больше об этом говорить.

— Вот это самое лучшее! — Я подошел к окну и стал смотреть на озеро, освещенное лунным светом. — Самое лучшее для тебя сейчас заснуть. Еще очень рано.

— Вряд ли мне удастся заснуть. Ты не будешь возражать, Дэвид, если я вернусь в дом?

Часа три назад мне и в голову не могло прийти, что я так обрадуюсь ее уходу.

— Нет, конечно. Так, пожалуй, будет безопаснее.

— Хорошо.

Лаура соскочила с кровати. Я остался стоять у окна спиной к ней. Я не оборачивался, а только слышал, как она поспешно одевалась.

— Ты не сердишься на меня, Дэвид?

Я повернулся.

— Нет, конечно.

— Я рада. Мне хочется только, чтобы ты был счастлив.

— Да.

— Скоро я опять приду.

— Да.

Лаура не сделала ни одного шага ко мне. Мы вдруг стали чужими. Остановившись у двери, она послала мне воздушный поцелуй. Ее огромные глаза были лишены всякого выражения, улыбка — холодная и натянутая. У меня появилось чувство, что в эту ночь не только мне хочется остаться одному. Больше я так и не уснул.

Глава 4

На следующее утро, покончив со своей обычной работой, я отправился а гараж, чтобы привести в порядок большую машину марки «Альфа-Ромео». Голова лучше работает, если руки заняты, а мне нужно было о многом подумать.

Ночью я был твердо убежден, что она говорила серьезно. Я даже подумал, что она нарочно познакомилась и связалась со мной, чтобы я убил ее мужа.

Однако теперь, ясным солнечным днем; я понимал, как темнота искажает вещи. Еще раз я обдумал наш разговор. Лаура была тогда так спокойна и невозмутима, что, наверное, просто не отдавала себе отчета в том, что говорит. Человек, планирующий убийство, не может оставаться таким спокойным. Нет, все это было просто ночной болтовней, которая днем не имеет никакого значения.

Однако все-таки меня это тревожило. В душе остался неприятный осадок от ночных разговоров. Лаура говорила о трехстах миллионах. Половина тебе, половина мне, ска-

зала она. Я подумал о том, какие возможности открылись бы передо мной, имея я такие деньги. Я мог бы купить себе паспорт, а, следовательно, и свободу. Больше мне не надо было бы перебегать на другую сторону улицы при виде полицейского. «Ты мог бы его нечаянно уронить», — сказала она. Да, действительно, Бруно мог при переноске выскользнуть у меня из рук. Его хрупкое, истощенное тело упало бы на мозаичный пол. Ему даже не было бы больно. Такое падение убило бы его быстрее, чем даже удар по голове.

У меня на лбу выступил пот. Теперь каждый раз, когда я буду поднимать Бруно, я стану думать: «Тебе стоит только уронить его, чтобы заработать сто пятьдесят миллионов...»

Я перестал мыть машину и вытер пот.

— О, Дэвид!

От неожиданности я вздрогнул и чуть не выронил тряпку. Это была Лаура. На ней был белый купальный костюм, а в руках она держала шапочку. Лаура была бледна, и под глазами виднелись темные круги. Она нерешительно улыбнулась.

— Прости, я не хотела тебя испугать.

— Я сегодня что-то не в себе.

— Мне нужно ехать в Лавено за покупками. Лодка в порядке?

— Да.

— Мне хотелось бы, чтобы ты поехал со мной и помог мне нести вещи. Ты сможешь быть готовым через час?

— Да.

Она повернулась и изящной походкой пошла к плавательному бассейну. Я смотрел ей вслед, и по коже у меня подирал мороз.

Через час Лаура, свежая и привлекательная, подошла к лодке, около которой я возился. В своем яблочно-зеленом платье, широкополой соломенной шляпе, белых туфлях и перчатках она была похожа на дорогой манекен.

— Я сяду за руль, — сказала она, когда я завел мотор.

Я уселся рядом.

— Мне надо поговорить с тобой, Дэвид.

— Я так и думал, — ответил я и приготовился слушать.

— Мы расстались вчера ночью врагами, это ужасно.

— Ничего удивительного: мы говорили об ужасных вещах.

— Надеюсь, ты не принимаешь это всерьез?

— Я знаю только то, что ты сказала, Лаура.

— Но я совсем не это имела в виду.

— Надеюсь, что нет.

Она со страхом взглянула на меня.

— Это испортило наши отношения, Дэвид?

— Во всяком случае, ты меня здорово напугала.

— Во всем виноват мой сон, дорогой. Мне приснилось, что доктор Пирелли, сестра Флеминг и я были в комнате, когда ты переносил Бруно. Ты споткнулся. Доктор Пирелли вскрикнул, и ты уронил Бруно головой прямо на пол.

— Замолчи! — крикнул я и схватил ее за руку. — Я не хочу больше слушать!

Лаура посмотрела на меня. В ее глазах появилось какое-то странное испытующее выражение, как будто ей хотелось проникнуть в мои мысли.

— Дэвид, почему ты на меня кричишь? Что я тебе сделала?

— Я закричал на тебя? — Я отпустил ее руку. — Прости.

— Поверь мне, я не хочу, чтобы с Бруно что-нибудь случилось.

— Надеюсь.

— Это звучит не слишком-то уверенно, — обеспокоенно сказала Лаура. — Мне хотелось бы убедить тебя. Послушай, Дэвид, если бы у меня действительно было намерение убить Бруно, то сначала мне пришлось бы убрать тебя. Но я не хочу ни того, ни другого, и ты значишь для меня больше всего на свете.

— Я уже говорил тебе: оставим эту тему.

Лаура прижалась ко мне, подняла голову, и я поцеловал ее. Алые губы ее были мягкими и соблазнительными. Она обняла меня одной рукой.

— Дорогой, не знаю, что бы я без тебя делала.

— Я не останусь больше в этой квартире.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Почему, дорогой?

— Это выдаст нас. Я сниму, как Беллини, комнату в деревне.

— Но тогда мы больше не сможем встречаться по ночам.

— Я не имею ничего против встреч в этой квартире, но жить там я больше не буду.

Лаура опять испытующе посмотрела на меня.

— Помнишь, что ты сказал прошлой ночью? — спросила она. — Ты заявил, что все, что полиции нужно, — это убедительный мотив и что им стоит только увидеть квартиру в лодочном ангаре, чтобы понять наши отношения.

— Я помню, что я сказал.

— Ты боишься полиции, Дэвид?

Стоило большого труда выдержать ее взгляд, но мне удалось.

— Не боюсь... Просто я не чувствую себя в той квартире спокойно. Она для меня слишком роскошна.

— Если ты решил переехать в деревню, я не буду тебя удерживать.

— Вот и хорошо.

— Но в остальном между нами все в порядке, дорогой?

— Да, все опять по-прежнему.

Когда мы вернулись из поездки и я отнес покупки в дом, Лауру ждала телеграмма. Она распечатала ее, прочла и издала удивленный возглас.

— Это телеграмма от Валерии. Она приезжает во вторник на следующей неделе.

В этот момент из кухни вышла Мария, и Лаура поделилась с ней новостью.

Мария засияла от радости и захлопала в ладоши.

— Вот синьор Бруно обрадуется!

— Я думаю, — равнодушно ответила Лаура, повернулась ко мне и сказала: — Мне очень жаль, но вам придется подыскать себе комнату в деревне. Когда приедет синьорина Валерия, комната над лодочным ангаром понадобится мне.

— Слушаюсь, синьора.

Она повернулась к Марии.

— Вы не знаете, где в Ароло он может снять комнату?

— Может быть, у хозяина гаража, — ответила Мария. — Джан Биччи говорил как-то, что хочет сдать комнату.

— Тогда спросите у него, Дэвид.

Лаура повернулась и через веранду пошла в комнату Бруно. Я услышал, как она ему сказала:

— Бруно, приезжает Валерия. Она могла бы сообщить

мне об этом раньше. Я думала, что она вернется только осенью.

Затем дверь закрылась.

— Где я могу найти этого Биччи? — спросил я Марию, которая в кухне открывала пакеты.

— Он живет прямо в начале деревни. Кратчайшая дорога ведет через сад, а дальше по тропинке вокруг холма.

— Спасибо.

Я закурил сигарету.

— Схожу к нему после обеда. Вы, конечно, рады приезду синьорины Валерии?

— Это не то слово, — сказала Мария, сияя. — Больше, чем рада. Она должна была бы приехать раньше. Синьор Бруно ждет ее не дождется. Вот увидите, как он переменился с ее приездом.

— Надеюсь.

Дожидаясь обеда, я все обдумал и решил, что мне надо делать. Хотя Лаура и пыталась убедить меня, что ее предложение было несерьезным, я чувствовал, что нахожусь в критической ситуации. Повторялась древняя история — двое любовников и богатый муж, стоящий у них на пути. К тому же его состояние было огромным, так что и искушение было велико. В такой ситуации я не мог доверять ни Лауре, ни самому себе. В сердце у меня уже сидела заноза. Если я еще задержусь здесь, то вполне возможно, что Лауре удастся спровоцировать меня, и тогда мы оба в конце концов придем к убийству. Так что у меня оставался один выход — как можно скорее убраться отсюда. Конечно, мне будет не просто порвать с Лаурой. Особенно я чувствовал ее притягательную силу, когда она была рядом со мной. Мне также не слишком улыбалась мысль вернуться в свою одинокую каморку в Милане, но это было все-таки лучше, чем то жуткое чувство, которое меня теперь одолевало.

Через шесть дней приедет Валерия. Тогда я сложу свои вещи и вернусь в Милан. Так я сказал себе.

В сущности, я понимал, что лучше всего мне уехать сейчас же. Но искушение провести еще несколько дней на Лаго-Маджоре в ожидании еще нескольких ночей с Лаурой было сильнее меня. Кроме того, если я сегодня же уеду, я вряд ли получу мое недельное жалованье, а эти семь тысяч лир могли мне очень пригодиться.

Меня очень интересовало, что удалось сделать Торчи в отношении моего паспорта. Я решил после чая отправить-

ся в Милан и поговорить с ним об этом. Возможно, ему известно также что-нибудь и о Беллини, а мне хотелось узнать об этом человеке как можно больше.

После обеда я отправился в Ароло, чтобы подыскать себе комнату. Джиан Биччи был небольшой толстячок с лысиной и длинными седеющими усами. Мы с ним быстро договорились, и я сказал ему, что перееду завтра в течение дня.

— Вы с виллы Фанчини? — с любопытством спросил он.

— Да. Меня взяли на работу вместо Беллини.

— Беллини! Этого ужасного типа! Я рад, что он уехал, — проворчал он.

— Что он из себя представлял?

— Грубый, жестокий тип, всегда полупьяный. Постоянно бегал за девушками.

— Он жил в деревне?

— Сначала да, но потом он стал так невозможен, что его вышвырнули. Насколько я знаю, он устроился тогда в лодочном сарае. Счастье, что его здесь нет.

— Вы уверены, что он жил в лодочном сарае? — спросил я.

— Он жил там примерно неделю, а потом исчез.

— Почему он ушел?

Биччи провел запачканной маслом рукой по лысине.

— Какие-то неприятности с женщиной.

Я понял, что ему не хочется больше говорить на эту тему, и поэтому спросил, нет ли у него весельной лодки, чтобы порыбачить в свободное время.

— Можете взять зеленую лодку с подвесным мотором, — сказал он. — Она лежит на берегу.

— Спасибо, — ответил я. — Я предупрежу вас, когда она мне понадобится.

Возвращаясь на виллу, я обдумывал только что услышанное. Итак, Беллини все-таки жил в лодочном ангаре. Значит, он был любовником Лауры. Во мне снова проснулись прежние сомнения. Действительно ли она планировала убийство Бруно или она просто была, как я уже догадывался, нимфоманкой? Прежде всего мне нужно было поговорить с Торчи, чтобы попробовать раздобыть сведения о Беллини. Даже самые мелкие подробности помогли бы мне лучше заглянуть в душу Лауры. Мне хотелось знать, что таится за прекрасной, но такой холодной и непостижимой маской ее лица.

Потом мои мысли перекочевали к Бруно. Каким одиноким он, наверное, чувствовал себя! Импульсивно я решил пойти к нему. Может быть, ему понравится, если я прочитаю ему немного из книги Вазари «Жизнеописание художников». Я зашел в квартиру над лодочным ангаром, снял с полки книгу и пошел на виллу.

Сначала взгляд Бруно смутил меня, но, заметив, что он рад мне, я подошел поближе.

— Я сейчас перечитываю Вазари, — сказал я, показывая ему книгу. — Здесь много занимательного. Хотите, я немного прочитаю вам?

В его взгляде зажглись интерес и удивление.

— Здесь есть прекрасное место о ссоре Бандинелло с Челлини. Это вас интересует?

Казалось, мое предложение понравилось Бруно. Удивительно, как легко можно было его понять, стоило только внимательно понаблюдать за его глазами. Я взял стул и уселся.

Закончив примерно через час чтение главы о Бандинелло, я сказал:

— Удивительно, подумать только, что это было написано лет четыреста назад. Я, наверное, уже десяток раз перечитал эти четыре тома.

Потом я стал рассказывать Бруно о своей работе над книгой об итальянских соборах. Я видел, что этот разговор живо занимает его, и радовался, что нашел такого внимательного слушателя. Я так увлекся этой темой, что совершенно забыл о времени и пришел в себя только тогда, когда сестра Флеминг подошла и прервала меня на середине описания собора в Сиене.

— Что вы здесь делаете? — сварливо спросила она, когда я поспешно вскочил с места.

— Я читал господину Фанчини, чтобы развлечь его.

Она хотела сделать мне выговор, но заметила взгляд Бруно, который приказывал ей молчать. Сиделка только сердито передернула плечами и исчезла.

Бруно умоляюще посмотрел на меня, как будто хотел попросить, чтобы я пришел еще раз. Я кивнул ему и вышел в сад. Там мне встретилась Лаура.

— Вы не будете возражать, если я сегодня ненадолго съезжу в Милан? — спросил я, заметив, что сестра Флеминг наблюдает за нами с веранды... — Мне хотелось бы взять кое-что из моих книг.

— Конечно. Может быть, вам нужна машина?

- С удовольствием, если вы не возражаете.
- Берите, она мне не понадобится.

Спустя час я был уже в Милане. Я оставил машину на стоянке возле собора и пустился на поиски Торчи. Он стоял на солнце около главного входа и высматривал добычу.

— Синьор Дэвид! — воскликнул он, сияя. — Где вы пропадали? Я уже несколько дней ищу вас.

— Я нашел себе место на Лаго-Маджоре.

Он поднял свои густые брови.

— Значит, вы больше не гид?

— Сейчас нет, но через неделю я опять вернусь сюда. Как вы поживаете, Торчи. Если вы не очень заняты, мы можем вместе выпить бокал вина.

— С удовольствием! Сегодня у меня был удачный день. Правда, мы договорились через полчаса встретиться с Симоной, но она никогда не приходит вовремя, так что мы спокойно можем пойти. Сейчас она в хорошем настроении, потому что начала работать натурщицей у одной американки. Вы еще не изменили своего намерения относительно броши?

— Я вернул ее владелице, Торчи, — сказал я, открывая дверь trattoria Пьеро.

Пьеро принес нам бутылку кьянти и сказал:

— Приведите сюда еще раз прекрасную синьору.

— Возможно, как-нибудь приведу, — ответил я.

Когда он ушел, Торчи спросил:

— Вы все еще встречаетесь с той синьорой?

— Сейчас разговор не о ней, — сказал я, поднимая бокал. — Ваше здоровье!

— У меня есть новости для вас, синьор Дэвид, — сказал Торчи, выпив вино и вытерев рот тыльной стороной руки.

— Какие?

— Насчет паспорта. Вчера вечером у меня был Джакопо. Он долго болел, но теперь опять работает. Он сказал, что постарается что-нибудь для вас сделать.

— А он достаточно ловок?

— Ловок? — Торчи стукнул по столу мясистой рукой. — Да ему нет равных по всей стране.

— Вы думаете, что действительно есть такая возможность? — взволнованно спросил я.

Торчи скорчил гримасу.

— Да, но за какую цену!

— Сколько он запросил?
— Шестьсот пятьдесят тысяч лир.
— Он с ума сошел! — воскликнул я. — Это же грабеж!
— Знаю. Я ему так и сказал. Я заявил, что по такой цене ему сделку не заключить, но он ничего не хотел слушать. Он утверждает, что сам зарабатывает на этом только десять тысяч.

— Лжет, — сказал я.

Торчи пожал плечами.

— Возможно. Но его паспорта идеальны, синьор Дэвид.

→ К сожалению, у меня нет таких денег.

— Может быть, красивая синьора одолжит их вам, — хитро сказал Торчи.

— Оставь ее в покое.

— Простите, это было только предположение.

— Итак, мой план сорвался, — проворчал я, снова наполняя бокалы. — Мне придется торчать в этой стране до скончания века.

— Неужели вас так тянет в Америку?

— Там я снова смогу заняться архитектурой, Торчи. Но оставим это. Тебе когда-нибудь попадался парень по фамилии Беллини? Здоровый, грубый и курит сигареты.

Торчи изумленно посмотрел на меня.

— Марио Беллини? Да, я знаю его. Почему он вас интересуется?

— Что тебе известно о нем?

— Ничего хорошего. Он бандит и насильник.

— Он сейчас в Милане?

— В данный момент нет. Ему пришлось месяца на четыре отправиться в Рим.

— Расскажи мне о нем, Торчи. Это очень важно.

— Беллини задержал на улице двух проституток и ограбил их... кроме всего прочего. Его метод прост и жесток. Знаете, удар по голове в темноте и потом... Он уже трижды сидел в тюрьме. Если бы он оставался в Милане, то полиции пришлось бы удвоить свои патрули.

— Почему ты решил, что он отправился в Рим?

— Кто-то сказал мне об этом. Может быть, он засел где-нибудь еще, не знаю. Во всяком случае, важно, что его нет в Милане.

— Опиши мне его, Торчи.

— Он высокого роста, сильный. В глаза бросаются его густые черные брови. У него синеватый от щетины подбородок, как будто он давно не брился, маленькие злые глаза

и небольшая круглая лысина. Он постоянно находится в задиристом настроении и курит длинные крепкие сигареты.

— Что еще известно о нем?

Торчи потер нос.

— Помните карманника Андре Галлио?

Я кивнул.

— Беллини убил его брата Луиджи. Именно поэтому ему пришлось бежать из Милана. Полиция до этого не докопалась, но я знаю и Андре тоже.

— Почему же Галлио не обратился в полицию?

— В этом нет необходимости. Галлио состоит в мафии, а это значит, что стоит ему добраться до Беллини, как тот станет трупом.

Я закурил сигарету. Неужели Лаура ничего об этом не знала? Мои подозрения усилились.

— А теперь мне нужно идти, синьор Дэвид. Симона, наверное, уже ждет меня. Но составите ли нам компанию?

Я покачал головой.

— У меня нет времени, Торчи. Передайте Симоне от меня привет. А вопрос с паспортом я пока оставляю открытым.

Придя вечером на веранду к Бруно, я удивился, застав там высокого худощавого мужчину. Я догадался, что это доктор Пирелли. Он окинул меня долгим испытующим взглядом.

— Это Дэвид Чизхольм, доктор, — сказала Лаура. — Вы не возражаете, если он сейчас перенесет Бруно на кровать?

Вкатывая кресло Бруно в спальню, я чувствовал на себе взгляд Пирелли. Сестра Флеминг уже откинула покрывало на кровати. Подкатив к ней кресло, я вдруг вспомнил сон Лауры. Мне стало плохо до тошноты.

— Он переносит Бруно теперь очень умело, — сказала Лаура доктору. — Он гораздо лучше того человека, который был у нас до него.

Показалось мне или она действительно побледнела? Ее глаза блеснули, когда она кинула на меня мимолетный взгляд.

Я откинул плед. Бруно смотрел на меня. В его глазах было замешательство и вопрос, как будто мое напряжение передалось и ему. Я поднял его.

Сестра Флеминг взялась за спинку кресла и так резко толкнула его, что оно ударилось о ночной столик и опять прикатилось ко мне. Острый край кресла сильно ударил мне под колено, и я потерял равновесие.

Лаура вскрикнула.

— Осторожно! — закричал доктор Пирелли.

Я пошатнулся и стукнулся коленями о каменный пол, но мне удалось удержать Бруно на весу. Медленно поднявшись, я осторожно положил его на кровать. Все происшедшее длилось не больше трех секунд. Казалось, несчастье было неминуемым, но, слава Богу, все кончилось благополучно. Бруно не пострадал.

— Мне очень жаль, синьора, — сказал я пересохшими губами.

— Это была моя ошибка, — сказала сестра Флеминг. — Со мной это впервые.

Глаза Бруно улыбнулись мне.

— Вам следует быть осторожней, сестра, — сердито сказал доктор Пирелли. — Если бы не ловкость этого человека...

— Я же сказала вам, что он ловок, — вмешалась Лаура.

Она была белее снега. Только губы, как всегда, ярко алели.

Я вышел на веранду и вытер мокрый лоб. Ноги у меня задрожали. Доктор Пирелли пришел за мной.

— Чуть было не случилось несчастье. Вы очень ловко избежали его, — сказал он.

Я ничего не ответил, так как боялся, что голос выдаст меня.

— Проводите меня до машины, — предложил Пирелли и двинулся по тропинке к воротам. Все еще дрожа от пережитого страха, я пошел за ним.

— Вы американец? — спросил Пирелли, подходя к машине.

Я понимал всю опасность этого вопроса. Если он захочет взглянуть на мой паспорт и мне придется признаться, что у меня его нет, то он может сообщить обо мне в полицию.

— Не совсем, доктор. Мой отец был американским офицером, а мать — шальной итальянской девушкой, и по ее желанию я ношу фамилию отца.

Казалось, ответ удовлетворил его, и он спросил:

— Вас наняла сестра Флеминг?

— Нет, синьора Фанчини.

Его лицо застыло.

— Сестра Флеминг рассказала мне, что вы читали вслух синьору Фанчини.

— Да, она упрекнула меня за это, но у меня создалось впечатление, что синьору Фанчини это понравилось.

— Больше она не будет вам мешать, — сказал он. — Я разрешаю вам поговорить днем с синьором Бруно, когда вы не будете заняты работой. Он показался мне сегодня гораздо веселее.

— Я с удовольствием сделаю все, что смогу.

— Как вам пришло в голову почитать ему именно Вазари?

— Я пишу книгу об итальянских соборах. Благодаря моей теперешней должности, мне уже не нужно заботиться о хлебе насущном, и я смогу спокойно закончить свою книгу. Я рассказывал о ней синьору Фанчини, и он, кажется, заинтересовался.

— Конечно, заинтересовался, ведь он искусствовед и наблюдал за реставрацией бесценных фресок.

— Можно надеяться, что он выздоровеет?

Доктор Пирелли покачал головой.

— Таким он останется на всю жизнь, но сможет опять научиться говорить. Его немота носит психический характер и вызвана шоком при катастрофе. Если он опять обретет интерес к жизни и очень захочет говорить, то он заговорит. Возможно, таким побудительным средством послужил бы новый шок.

— Значит, врачебное вмешательство тут не поможет?

— Нет, но если он захочет, то сам поможет себе.

— Ему это известно?

— Еще нет. И никому не известно, поэтому я попросил бы вас до поры до времени молчать об этом. Еще слишком рано. Сначала ему нужно избавиться от депрессии и укрепить общее состояние, а потом можно будет попробовать. Мне кажется, что вы сможете во многом помочь ему. Поэтому я и рассказал вам все это. С тех пор как вы появились здесь, Бруно стал, по-моему, гораздо веселее и жизнерадостнее. Конечно, здесь сыграла свою роль и телеграмма о приезде его дочери.

Он положил свою сумку в машину и спросил меня:

— Вы живете здесь?

— Нет, я снимаю комнату в деревне.

Казалось, он испытал облегчение, узнав об этом.

— Я приеду в следующий вторник и надеюсь увидеть у больного еще большее улучшение.

Я смотрел вслед его машине.

Я упаковывал вещи, когда щелкнул замок и вошла Лаура. Она была бледна, под глазами залегли темные тени.

— Я увидела свет, Дэвид, и решила зайти к тебе.

— Твой сон чуть не стал явью, — сказал я. — Впредь я буду верить в сны.

— Он был не совсем явью.

— Да.

Лаура безучастно подошла к окну.

— Ты напугал меня, Дэвид. Я решила, что ты его уронишь.

— Такого намерения у меня не было.

Усевшись на кушетку, я вынул пачку сигарет и закурил.

— О чем Пирелли говорил с тобой?

— Сказал, что это была неплохая идея почитать Бруно Вазари.

— И все?

— Его также интересовало, кто я такой, кто меня нанял и где я ночую. Я сказал ему, что снимаю комнату в деревне.

— Он говорил тебе о состоянии здоровья Бруно?

— Он считает, что тот очень подавлен, и думает, что можно достичь улучшения, если пробудить у Бруно интерес к жизни.

— Сможет ли он когда-нибудь ходить?

— Нет.

Лаура облегченно вздохнула.

— Это точно?

— Да.

— А говорить он сможет?

Я вспомнил предостережение Пирелли.

— Этого он не сказал.

— Это было бы для меня очень плохо, Дэвид, если бы Бруно смог написать новое завещание.

— Почему он должен так поступить? Ведь ты его жена и имеешь право на часть его состояния.

— Он теперь ненавидит меня, Дэвид. Думаю, это моя вина. Я была с ним не очень добра с тех пор, как его постигло несчастье. Уход за больным — это не для меня.

Я ничего не возразил.

— За день до катастрофы мы с ним серьезно поссорились, — продолжала Лаура. — Он сказал мне, что собирается изменить завещание в пользу Валерии. Он хотел две трети состояния завещать ей, а треть — мне. Затем произошла катастрофа, и все осталось по-прежнему.

— Это меня не касается, — резко ответил я.

— Тебя, возможно, нет, а меня — да. Если бы он сегодня вечером умер...

— Хватит! — крикнул я. Потом вскочил и подошел к Лауре. — Если ты не перестанешь, то лучше уходи.

— Не выгоняй меня, дорогой. — Она обняла меня за шею и прижалась ко мне. — Теперь, когда приедет Валерия, нам придется быть очень осторожными. Несколько ночей до ее приезда, вероятно, будут последними, что мы сумеем провести вместе. — Притянув меня к себе, Лаура поцеловала меня. — Скажи, что ты меня любишь, Дэвид.

Ее близость опять загипнотизировала меня. Я осыпал ее поцелуями и прижал к себе так крепко, как будто боялся ее потерять.

— Минутку, дорогой, позволь мне снять платье. Ты помнешь его.

Она сбросила платье. Я поднял ее и отнес на кушетку. Когда я склонился над ней, Лаура остановила меня.

— Дэвид, ты меня беспокоишь. Почему ты вдруг так хорошо стал относиться к Бруно?

— Хорошо относиться? Только потому, что я почитал сегодня ему вслух?

— Да. Почему ты это сделал?

— Мне жаль его. Он так одинок, что мне захотелось развлечь его.

— Понимаю. — Она пристально посмотрела на меня. — Ты читал его завещание?

— Как тебе в голову пришла такая мысль?

— Я подумала, что ты, возможно, случайно увидел копию в моей комнате.

— Ты хочешь сказать, что я обыскивал твою комнату?

— Не ставь так вопрос, Дэвид. Возможно, я где-то забыла эту копию.

— Ты никогда бы этого не сделала. Во всяком случае, я не видел завещания. Почему ты спросила меня о нем?

— Потому что в нем значишься ты, Дэвид.

Я вдруг почувствовал себя запертым в ловушке.

— Не говори чепухи! Как это возможно?

— Возможно. Ты являешься членом персонала, а Бруно завещал каждому из прислуги, кто будет в момент его смерти в доме, определенную сумму денег.

— Сколько?

— Шестьсот пятьдесят тысяч лир, дорогой.

— Так много! — воскликнул я, пытаюсь сохранить спокойствие, хотя мое сердце тяжело билось. Это была как раз та сумма, что требовалась за паспорт.

— Значит, ты не собираешься ронять Бруно? Теперь удобная возможность упущена. Второй такой случай не представится.

— Как ты можешь предлагать мне такое?! — воскликнул я, стирая капли пота со лба.

Шестьсот пятьдесят тысяч! Без единой оговорки. Мне не понадобилось бы ни жениться на Лауре, ни брать у нее деньги взаймы. Это была как раз та сумма, которой не хватало, чтобы уехать из Италии. Приподнявшись, Лаура обняла меня за плечи.

— Почему мне не говорить тебе то, что я чувствую? Бруно для меня ничто, так же, как и для тебя. Мне хотелось бы, чтобы ты сегодня уронил его. Тогда ты получил бы и свои деньги и меня саму. А виноватой осталась бы сестра.

— Заткнись! — крикнул я и освободился от ее объятий.

— Знаешь, Дэвид, ты говоришь так, как будто противишься искушению, боясь поддаться ему.

— Нет, не рассчитывай на это.

— Тогда поговорим о чем-нибудь другом.

Снова склонившись над Лаурой, я вдруг почувствовал, как она замерла и впилась ногтями в мои плечи.

— Кто-то ходит снаружи, — прошептала она.

— Я ничего не слышу.

— Зато я слышу. Я уверена. Встань и выгляни, Дэвид.

Я встал, подошел к окну и осторожно выглянул, но ничего не заметил. Лаура тоже подошла и встала за мной. Неожиданно я услышал тихий плеск весел.

— Здесь рядом лодка, — прошептала Лаура. — Выйди, Дэвид, и посмотри. Возможно, тебе удастся увидеть ее от плавательного бассейна.

— Может быть, это просто рыбаки...

— Рыбак никогда не подплывет к вилле. Прошу тебя, иди!

Я осторожно пробрался к плавательному бассейну. Теперь мне довольно отчетливо был слышен тяжелый плеск

весел о воду. Лодка быстро удалялась, но держалась так близко к берегу, что разглядеть ее было очень трудно.

Пожав плечами, я повернулся к лодочному ангару и вдруг остановился, как вкопанный. Незадолго до этого, всего за каких-нибудь пару минут, здесь был человек, куривший сигарету. На траве остался дымящийся окурок.

Глава 5

На следующее утро мне не удалось увидеть Лауру. По словам сестры, она и Мария убирали комнату для Валерии. Так как я ничем не мог помочь, я решил воспользоваться удобной возможностью и перенести свои вещи на новую квартиру.

Я ничего не сказал Лауре о сигаретном окурке, а только предупредил, что кто-то на лодке приплывал к лодочному сараю, хотя я и не знаю кто. Вскоре обеспокоенная Лаура ушла.

Может быть, в лодке был Беллини? Но, в конце концов, он не единственный человек в Италии, который курит сигареты.

Приведя в порядок свою новую комнату, я вернулся на виллу. По дороге я думал о завещании Бруно. Мне казалось странным точное совпадение суммы, которую я должен был получить по его завещанию и которую мне пришлось бы заплатить за паспорт, чтобы купить себе свободу. Искушение остаться на вилле становилось все сильнее, но я должен был преодолеть его, потому что мысль о необходимости смерти Бруно все чаще приходила мне на ум. Прошлой ночью, беспокойно расхаживая взад и вперед по комнате, я иногда ловил себя на мысли, что жалею, что не уронил его.

Так не могло дольше продолжаться. После приезда Валерии мне надо было уезжать.

Был жаркий солнечный день. Я нашел Бруно в его комнате. Он взглянул на меня устало и измученно.

— Сейчас слишком жарко для чтения, — сказал я. — Или попробовать?

Его взгляд попросил меня читать. Я открыл книгу и начал читать, но вскоре вошла Лаура. Она принесла с собой атмосферу едва сдерживаемого возбуждения.

— Простите, что я вас прерываю, — сказала она своему

супругу. — Мне нужно поехать в Стреза. Только что звонили от Станито и сообщили, что мой жемчуг готов. Мне нужны деньги.

Я посмотрел на Бруно, во взгляде которого появилось напряженное и презрительное выражение. Его удивило, да и меня тоже, что Лаура так рано в жаркий день отправляется в Стреза, когда большие магазины будут закрыты до вечера.

Лаура открыла сейф, скрытый за одной из картин, достала оттуда толстую пачку банкнот по десять тысяч лир каждая, взяла полную горсть, а остальное бросила в сейф и закрыла дверцу.

— Мне нужно спешить, — сказала она Бруно. — Возможно, я вернусь поздно, потому что заеду к Элен и поболтаю с ней. Ты же знаешь, какая она разговорчивая.

Помахав мужу рукой, она пожелала нам приятного времяпрепровождения и поспешно исчезла. Наступила долгая мучительная пауза. Я заметил, что Бруно взволнован и занят какими-то своими мыслями. Он посмотрел на меня, и я понял по его взгляду, что ему хочется остаться одному.

Я встал.

— Я скажу сестре Флеминг, что вы хотите отдохнуть, — сказал я и вышел из комнаты.

Выйдя на веранду, я увидел, что от берега отошла лодка и взяла курс на Стреза. За рулем сидела Лаура. Она вела лодку с большой скоростью, и из-под киля расходились широкие волны. Определенно, она спешила не за жемчугом. Должно быть, кто-то позвонил ей и назначил встречу, и именно эта предстоящая встреча привела Лауру в такое возбуждение. Возможно, она встречалась с тем человеком, который слонялся прошлую ночь около лодочного ангара и курил сигареты. Похоже, что Марио Беллини вернулся.

Я не долго раздумывал. Неподалеку на песке лежала лодка Биччи. Я решил выследить Лауру и узнать, куда она поехала.

Прежде чем я успел спустить лодку на воду и завести мотор, лодка с Лаурой скрылась из виду. Она держала курс на Стреза. Вполне возможно, что за Изола Белла она изменит направление, но прежде всего я решил поискать ее в Стреза. Мои шансы на успех были ничтожны, но мне не следовало пренебрегать этой возможностью. Лаура наверняка считала, что я сижу у постели Бруно, поэтому она не будет очень осторожничать и, возможно, выдаст себя.

До Стреза я добрался через полчаса. Берег здесь был со-

вершенно пуст, и солнце палило немилосердно, когда я вышел на набережную.

Я увидел старика оборванца, который сидел в тени и равнодушно смотрел на озеро. Я спросил его, не видел ли он большой моторной лодки, проезжавшей мимо примерно полчаса назад.

— Да, сеньор, — ответил он. — Она направилась в сторону Изола Пескатори. Отсюда его не видно, потому что он лежит с другой стороны.

Поблагодарив его, я вернулся к своей лодке. Пот лил с меня градом, но я не обращал на это внимания. Совсем не трудно будет найти Лауру на этом маленьком рыбацьем острове.

Я обогнул Изола Белла и вскоре достиг Изола Пескатори. Лодку Лауры я увидел около маленькой гостиницы на дальнем мысе острова, под ивой. Я причалил, вышел на берег и уселся в тени деревьев за столик. Отсюда были хорошо видны окна гостиницы. Я заказал заспанному официанту кампари.

Мне пришлось ждать полтора часа или немного больше. Из-за столика я видел лодку Лауры и знал, что она еще в гостинице, вероятно, в одном из номеров.

Я оказался прав. Неожиданно распахнулись ставни окна на верхнем этаже, и показался высокий сильный мужчина. На нем был зеленый халат, открывавший волосатую грудь. Его грубое лицо, сломанный нос, бесформенные уши и узкий жестокий рот напомнили мне статую одного из римских кулачных бойцов, которую я как-то видел в Риме. Как зверь, томящийся в клетке, он смотрел на озеро. В его толстых сильных пальцах дымилась сигарета. Судя по всему, это был Марио Беллини. Теперь я понял, почему Торчи назвал его жестоким и опасным типом. Через пару минут он повернулся и исчез, и в это мгновение я успел увидеть в комнате Лауру.

Я встал и быстро пошел к лодке. Больше мне здесь делать было нечего, я видел все, что хотел. Теперь я знал, где в случае необходимости можно найти Беллини. Мне не стоило задерживаться дольше: Лауре не к чему знать, что я выслеживал ее. Однако и спешить мне было незачем. Лаура наверняка вернется на виллу не раньше ночи.

Вечером, стоя на берегу, я смотрел на огни Стреза, когда из темноты появилась моторная лодка Лауры. На пол-

ной скорости она шла зигзагами по глади озера. Ее фары двумя светящимися лучами пронзали темноту.

Я с изумлением наблюдал за маневрами лодки. Мое удивление перешло в страх, когда я понял, что Лаура приближается к берегу на полной скорости. В последний момент, она, очевидно, поняла, что таким образом она просто врежется в берег. Лаура переложила руль, повернула назад и сделала новый заход. Теперь она сбросила скорость и на тихом ходу подошла к пристани. Однако это тоже было сделано не совсем удачно: лодка скользнула вдоль причала и ударилась носом о ступени.

Я пригнулся почти к воде, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Было слышно, как Лаура чертыхается в темноте. Потом она зажгла фонарик и стала медленно подниматься по лестнице. Подходя к дому, она пошатнулась и упала, потом поднялась на четвереньки. Она была просто пьяна, как шлюха в субботний вечер.

Весь следующий день я не видел Лауры. Почти все время мне пришлось потратить на ремонт лодки. Краска на бортах ободралась, винт был погнут. Мне удалось привести ее в порядок только в полдень.

После обеда я читал Бруно отрывки из своей книги. Несмотря на подавленное настроение, которое я заметил у него еще утром, он, казалось, очень заинтересовался.

Покончив со своими обязанностями, я взял лодку Биччи и отправился порыбачить.

Почему Беллини так неожиданно вернулся? Именно его приезд привел Лауру в такое возбуждение. Однако меня это не трогало. Если ей нужно такое животное, как Беллини, пожалуйста. Я был рад, что убрался из той роскошной квартиры.

Я ловил рыбу примерно в трехстах метрах от причала, когда услышал звук лодочного мотора. Минутой позже лодка появилась из-за прибрежных ив и двинулась в сторону Стреза. За рулем сидела Лаура. Она была без шляпы и курила сигарету. Лаура даже не взглянула в мою сторону, и вскоре лодка скрылась вдали.

Новое свидание с Беллини, подумал я и, потеряв всякий интерес к рыбалке, вернулся домой.

Было уже далеко за полночь, когда я сквозь сон услышал тарахтенье мотора. Я встал и подошел к окну. Лаура управляла лодкой с тем же безразсудством, что и прошлой

ночью. Лодка зигзагами пронеслась мимо моего окна. Вместе с Лаурой был Беллини. Стараясь перекрыть шум мотора, он просил Лауру сбросить скорость. Высунувшись из окна, я увидел, как лодка скользнула в бухту. Несколько минут спустя загорелся свет в лодочном ангаре.

На следующее утро, перенеся Бруно в кресло, я пошел в гараж и спросил Биччи, нельзя ли мне у него нанять машину.

Он показал мне на старый «фиат».

— Можете взять эту. Заплатите только за бензин. За машину я ничего не возьму.

Я поблагодарил его. Заправляя бак, я увидел, как на дороге показалась «Альфа-Ромео» с Лаурой за рулем. Увидев меня, она резко затормозила и помахала мне рукой. Я подошел к ней. Лаура была бледна, глаза ее необычно блестя.

— Я забыла отдать тебе деньги, Дэвид.

— Но в этом нет особой срочности, — ответил я.

— Возьми лучше теперь, иначе потом я могу забыть. —

Она вынула из сумочки семь тысяч лир и отдала мне. — Куда ты собрался?

— В Милан.

— Можешь поехать со мной. Я тоже еду туда.

— Я не знаю, когда вернусь. Биччи дал мне машину, лучше я поеду на ней.

Лаура пристально посмотрела на меня.

— Как хочешь. Мне очень жаль, что мы не виделись последние два дня. Моя подруга остановилась в «Регине», и я еду к ней. Это не очень приятное, но необходимое свидание. Тебе нравится новая комната?

— Да, — ответил я.

— Ну, мне нужно спешить. Я надеялась встретиться с тобой этой ночью, но меня опять пригласили в Стреза. Увидимся завтра в лодочном ангаре?

— К сожалению, ко мне из Милана приедет мой лучший друг Джузеппе, — солгал я. — Он еще никогда не видел озера и попросил меня принять его.

— Ты не можешь отложить его приезд?

— Попробую.

— Мне так хотелось бы завтра встретиться с тобой, — сказала Лаура, соблазнительно улыбаясь. — Постарайся, чтобы мы могли встретиться. До свидания!

Я посмотрел вслед отъехавшей огромной машине и вернулся к старому «фиату».

В пути я решил ни под каким видом не появляться в воскресенье в лодочном ангаре. У меня с Лаурой все было кончено.

Подъезжая к собору по оживленной Корсо Маджента, я заметил девушку, которая энергично махала мне. Это была Симона. Она подбежала к машине.

— Я так и думала, что это вы. Подвезете меня?

— Конечно, с удовольствием! — Перегнувшись через сиденье, я открыл дверцу. — Вам куда?

— Мне хотелось бы немного прокатиться и потом посидеть на солнце, — сказала она, садясь рядом со мной.

— Неплохая идея, — отозвался я, сворачивая налево в сторону Пьяцца Кастелло. — Как поживает Торчи?

— Я его не видела уже несколько дней. А вы куда пропали?

— Сейчас я работаю на Лаго-Маджоре, но во вторник вернусь в Милан.

— И потом уедете?

— Нет, останусь в Милане.

— Правда? А я решила, что, получив паспорт, вы уедете от нас.

Я удивленно посмотрел на нее.

— Какой паспорт, Симона?

— Торчи сказал мне, что вам нужен паспорт. Вы не беспокойтесь: то, что он рассказал мне, останется между нами.

— Торчи обещал достать мне паспорт, но, к сожалению, цена оказалась слишком высокой. У меня нет таких денег.

— Сейчас ни у кого нет денег, — печально сказала Симона. — Торчи мне так и не может купить шляпку. Он говорил вам, что я опять работаю?

— Да, натурщицей.

Она кивнула.

— У одной старухи американки. Рисует она плохо, но платит хорошо. Я теперь откладываю на черный день.

— Хорошая идея.

Симона повернулась ко мне.

— Сколько вам заплатил Торчи за ту бриллиантовую брошь?

— Я не стал продавать ее, а вернул владелице.

— Ах, расскажите это кому-нибудь другому! Не бой-

тес, я не передам наш разговор Торчи. Если скажете мне правду, я вас поцелую.

— Это очень мило с вашей стороны, но я действительно не продавал ее.

— Зачем вы лжете? — вспыхнула Симона. — Я видела брошь у Торчи, хотя он и спрятал ее от меня. Мне обязательно нужно знать, сколько он заплатил вам за нее.

— Что вы сказали? — спросил я, поворачиваясь к Симоне и ошарашенно глядя на нее. — Эта брошь у Торчи?

— Да, я видела, как он разглядывал ее, думая, что я сплю.

— Наверняка это другая брошь.

— Нет, та же самая. Когда он ушел, я обыскала всю квартиру и нашла ее. Вы, правда, не продавали ее Торчи?

Я покачал головой.

— Да нет же.

— У вашей синьоры «Альфа-Ромео»?

— Да, а что?

— Значит, это она продала брошь Торчи. Когда я возвращалась с работы домой, от подъезда как раз отъехала эта машина, и за рулем сидела женщина. Я это точно помню.

— Когда это было?

Симона наморщила лоб, вспоминая.

— В прошлый вторник днем.

Именно в этот день я разговаривал с Торчи о паспорте, а несколько часов спустя Лаура рассказала мне о завещании Бруно. Неужели она подкупила Торчи этой брошью, чтобы узнать у него цену за паспорт? Она надеялась потом соблазнить меня именно такой суммой и заставить изменить отношение к Бруно.

— Какого цвета была машина? — спросил я, едва сдерживая нарастающий гнев.

— Синяя. С голубым щитком от солнца на ветровом стекле.

Это была машина Лауры.

Симона взглянула на часы.

— Вы не подвезете меня теперь на Пьяцца Пьемонте? У меня там свидание.

Молча, погруженный в свои мысли, я поехал по городским улицам. На площади я остановил машину и открыл дверцу.

— Вы ничего не скажете Торчи о броши? — спросила Симона.

— Нет, да и вряд ли я его сегодня увижу. У меня очень мало времени, а я еще должен встретиться с Джузеппе.

— Не тратьте зря время! Лучше найдите себе какую-нибудь хорошенькую девушку.

— Может быть, Джузеппе и старая развалина, но зато он, по крайней мере, верный человек. До свидания, Симона.

Было около двух часов. Я был уверен, что застану Торчи дома. Подъехав к его подъезду, я остановил машину и поднялся наверх.

Торчи открыл мне дверь, как только я позвонил. Увидев меня, он слегка испугался, но все-таки дружески воскликнул:

— Синьор Дэвид, какая радость! Прошу вас, входите. У меня еще осталось виски для вас.

Войдя в квартиру, я закрыл дверь, прислонился к ней и за спиной запер ее на задвижку.

— Я проходил мимо, Торчи, и решил зайти к вам и спросить еще раз насчет паспорта. Вы говорили с Джакопо?

Торчи кивнул.

— Я виделся с ним сегодня утром, но он не хочет снижать цену. Риск слишком велик. Шестьсот пятьдесят тысяч и ни лирой меньше.

Я подошел к столу и сел около него.

— Ты еще помнишь о бриллиантовой броши синьоры?

Он замер.

— Да, сеньор Дэвид. А в чем дело?

— Насколько я слышал, она у тебя.

Торчи так вздрогнул, что расплескал виски из стакана, который держал в руке.

— У меня ее нет, — ответил он, избегая встречаться со мной взглядом.

— Синьора отдала вам брошь, не правда ли?

— Что за чепуха, синьор Дэвид!

— За что ты получил это вознаграждение, Торчи?

— Я не понимаю вас. Синьора ничего мне не давала. Да и почему она должна была дать? Кто рассказал вам эту ложь?

Перегнувшись через стол, я дал ему пощечину. Торчи отпрыгнул.

— Мне очень жаль, Торчи, но я должен выяснить правду. Мне не хочется силой вытягивать из тебя эту историю, но, если потребуется, я это сделаю.

— Вон! — придуренным голосом крикнул он. — Вы больше мне не друг!

Я встал.

— Не выходи из себя, Торчи. Почему она отдала тебе брошь?

— Она мне ничего не давала.

Я обошел стол, и Торчи медленно попятился.

— Почему она отдала тебе брошь?

— Не подходите ко мне! Я ничего не знаю о броши.

Я выбросил кулак и ударил его в челюсть. Он стукнулся о стену, упал и попытался сразу же подняться на ноги. Вдруг у него в руке блеснул короткий нож, которым он с быстротой змеи попытался ударить меня. Лезвие прошло всего в нескольких сантиметрах от меня, но я отшвырнул его. Я знал, что Торчи мастерски управляет с ножом, но не боялся его. За свою жизнь в Италии я не раз сталкивался с людьми, владеющими ножом, изучил многие приемы и знал, чего мне ждать.

— Брось нож, Торчи, пока я не заставил тебя об этом пожалеть, — сказал я, поставив стол между нами.

— Убирайтесь вон или я убью вас! — прошипел он.

Отскочив в сторону, он снова напал на меня. Тут я крюком попал ему в челюсть. Торчи зашатался и упал на пол. Я подскочил и заломил ему руку. Он попытался освободиться, но не смог.

— Говори, Торчи. Почему она дала тебе брошь?

— Она мне ее не давала.

Я стал выворачивать ему руку. Лоб его стал мокрым.

— Я не отпущу тебя, пока ты не ответишь, — сказал я, тяжело дыша. — Мне необходимо это знать.

Торчи начал проклинать меня. Я завернул ему руку еще дальше, его ругань сменилась стонами.

— Вы сломаете мне руку!

— Какое мне дело до твоей руки? Если будет нужно, так сломаю. Со сломанной рукой тебе уже не придется шарить по карманам.

— Ладно, я все расскажу вам, — прохрипел он. — Отпустите меня.

Я ослабил нажим, но совсем не отпустил.

— Почему она отдала тебе брошь?

— Ее интересовало, хотите ли вы по-прежнему уехать из страны. Я сказал — да.

— Ты сказал ей, почему?

— Это не понадобилось. Ей самой это известно, — прохрипел Торчи.

Я отпустил его, отшвырнул ногой нож под кушетку, и

подошел к окну. Торчи дрожал всем телом. Если он сказал мне правду, то мое положение было опасным. Торчи сел на стул и со стоном начал массировать руку. Он не решался посмотреть на меня.

— Расскажи мне все с самого начала, Торчи. Все.

— Эта дама приехала сюда днем. Она не назвалась, но я сразу же узнал её и понял, что это именно та женщина, с которой у вас роман. — Он посмотрел на меня исподлобья. — Это ведь верно, что у вас с ней роман?

— Говори, что у вас произошло, иначе я сверну тебе шею!

— Сейчас, синьор Дэвид, я все вам расскажу, — с готовностью ответил Торчи. — Та дама сказала, что хочет вам помочь, но что вы слишком горды, чтобы принять ее помощь. Она достала брошь и сказала, что я могу оставить ее себе, если все расскажу ей.

— И ты рассказал?

В ярости я готов был его придушить.

— Это было слишком большое искушение для меня, синьор Дэвид. В конце концов я рассказал той даме, что вы хотите уехать из Италии и поэтому вам нужен паспорт.

— Ты сказал ей, сколько просит за него Джакопо?

— Да, я назвал цену.

— Что еще ее интересовало?

— Она спросила, не разыскивает ли вас полиция.

— Дальше.

Торчи подумал.

— Я не рассказал ей ничего особенно страшного. Я только сообщил, что вы, как и я, дезертировали из армии, и объяснил, что у вас нет документов. Если она хочет помочь вам, то пусть даст деньги на фальшивый паспорт! Я хотел только помочь вам, синьор Дэвид.

— Больше она ничего не хотела знать?

Торчи задумчиво сдвинул брови.

— Она спросила, настоящее ли ваше имя Дэвид Чизхольм?

Мороз пробежал у меня по коже.

— Я сказал ей, что знаю вас только под этим именем, — продолжал Торчи, потирая руку. — Тогда она спросила, не слышал ли я когда-нибудь в связи с вами фамилию Чизхэм.

Конец! Ей было известно все! Она все время знала это! Это была единственная причина, почему она связалась со мной.

— Ты чудесный друг, Торчи, — хрипло сказал я. — Я всегда знал, что на тебя можно положиться.

Он смущенно посмотрел на меня.

— Но ведь она любит вас, синьор Дэвид. К чему ей причинять вам зло?

— Ах, пошел к черту! — крикнул я и повернулся к двери.

— Выпейте виски, синьор Дэвид, — виновато предложил Торчи. — Просто, чтобы доказать, что мы с вами не враги.

— Мы не враги и не друзья, Торчи. Мы просто чужие.

Я отодвинул задвижку и вышел. Лауре нужно было только поднять телефонную трубку и сообщить полиции, где меня можно найти. В любой момент, как только ей это заблагорассудится. Я был в ее руках, и это ей было хорошо известно.

Глава 6

«Я сказал ей, что вы дезертировали...»

Это были слова Торчи. Они все еще звенели у меня в ушах. Я хорошо помнил, как началась та злополучная история.

Как-то днем в Рено я купался в море вместе с двумя другими сержантами, когда на берегу появился лейтенант Роулинс и подозвал меня. Роулинс был славный малый — высокий, стройный и всегда не прочь подшутить.

— Мне очень жаль вас отвлекать, сержант, — с усмешкой сказал он, — но вы мне нужны. Оденьтесь, вас вызывают в штаб.

Пока я вытирался и одевался, Роулинс закурил сигарету и сдвинул на лоб фуражку.

— Вы ведь говорите по-итальянски, не так ли? — спросил он.

— Да, сэр.

— Хорошо?

— Я вырос во Флоренции. Мой отец был художником. Когда умер его брат, он завещал ему немного денег и дом в Калифорнии. Мы переехали в Америку, но язык я не знал.

Лейтенант кивнул.

— Вы хорошо знаете Флоренцию?

— Я прожил там два года, занимаясь архитектурой.
— А как насчет Рима и Венеции?
— Их я тоже знаю. Но к чему все эти расспросы, лейтенант?

Он отшвырнул сигарету.

— Машину водить умеете?

— Да.

— Готовы ли вы взять на себя обязанности гида во время путешествия? Вам придется очень быстро отвечать на любой вопрос касательно искусства или истории.

— Это я смогу, — ответил я, с любопытством ожидая продолжения.

— Ну что ж, прекрасно, тогда за неимением никого другого нам придется остановиться на вас, — сказал Роулинс.

— А в чем дело, лейтенант?

— Вы прикомандировываетесь к генералу Костейну на время его поездки во Флоренцию, Рим и Венецию. Отъезд завтра утром.

Я удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Что, генерал потерял вкус к военной службе?

Роулинс подавил улыбку.

— Он в отпуске, сержант. И смотрите, чтобы он не слышал от вас подобных речей, потому что по характеру он настоящий дьявол. Если бы я мог, я не дал бы ни вас, ни одного из моих людей, но в штабе известно ваше прошлое, и генерал затребовал именно вас.

— Что он из себя представляет?

— Я же вам сказал — настоящий дьявол. Он имеет свои представления о том, как должен выглядеть и вести себя солдат. Вы должны быть безупречны, а если я сказал «безупречны», то именно это я и имел в виду. Он будет проверять, вычищены ли у вас ботинки, а если нет, то да поможет вам Бог.

Я почесал в затылке и состроил недовольную гримасу.

— Нельзя ли мне сказаться больным, лейтенант?

Роулинс усмехнулся.

— Это невозможно. Постарайтесь не давать ему глупых ответов, иначе реакция будет такая, как будто рядом с вами взорвалась двухтонная бомба.

— Кажется, мне предстоит большое удовольствие.

— После окончания этой поездки я дам вам отпуск, сержант, и уверен, что он вам будет просто необходим.

Штаб-квартира генерала Костейна в Болонье находилась на Виа Рома. Я прибыл в штаб без трех минут десять и успел за эти три минуты оглядеть помещение и встретиться с майором, у которого был крайне измученный вид. Никогда за время службы в армии мне не приходилось видеть такой чистой и аккуратной штаб-квартиры. Пол был натерт так, что в него можно было смотреться, как в зеркало. Дверные ручки сияли. Я увидел, как один сержант, прежде чем открыть дверь, обернул ручку бумагой, чтобы не испортить глянец.

Майор проверил мои документы с такой тщательностью, как будто его жизнь зависела от того, может он или нет найти в них ошибку. Потом он перевел усталый взгляд на меня и стал рассматривать меня дюйм за дюймом с такой дотошностью, с которой ученый ищет под микроскопом неизвестную бациллу.

— Повернитесь, — сказал он.

Я повернулся и почувствовал, как его взгляд придиричиво исследует меня сверху донизу.

— Все в порядке, сержант, вольно.

Я опять повернулся и встал, устремив согласно уставу свой взгляд поверх головы майора.

— Вы знаете свои обязанности?

— Так точно, сэр.

— Что вы будете делать?

— Ровно в одиннадцать часов я должен отбыть вместе с генералом во Флоренцию в «Гранд-отель», куда нужно прибыть к обеду. Мы проведем четыре дня во Флоренции, а затем отправимся в Рим с двухдневной остановкой в Сиене в отеле «Континенталь». В Риме мы на три дня остановимся в отеле «Флора». Затем я отвезу генерала в Венецию через Терни, Равенну, Феррару и Падую. Там мы остановимся на четыре дня в отеле «Лондра» и затем восьмого мая вернемся в Болонью.

Майор потер тонкий нос и кивнул.

— Хорошо, сержант. Генерал скажет вам, что ему захочется увидеть во Флоренции. Вы знаете этот город?

— Да, сэр.

— За домом вы найдете машину генерала. Там же теперь находится Эннесси, денщик генерала. Идите туда, осмотрите машину и поговорите с Эннесси. Он расскажет вам все, что нужно знать. Ровно без пяти одиннадцать вернитесь опять сюда.

— Слушаюсь, сэр.

Отдав честь, я повернулся и вышел строевым шагом. Один из писарей посмотрел на меня с таким сочувствием, как будто меня ждала петля.

Я нашел Эннесси во дворе за домом. Он как раз оглядывал чемоданы в багажнике огромного «кадиллака».

— Ты шофер? — спросил он, оглядев меня с головы до ног.

— Да, — ответил я. — Какая чудесная машина.

— Посмотрим, покажется ли она тебе потом такой чудесной, — сказал он. — Но лучше взгляни на это.

Он поднял один из чемоданов. Тот был из кожи и блесст, как зеркало.

— Ручная полировка, — продолжал Эннесси с горечью. Мне стало не по себе. — У генерала пять таких скотин. Битых два часа в день я трачу на то, чтобы навести на них такой глянец, как он требует.

— Ты хочешь сказать, что я должен буду чистить его чемоданы? — недоверчиво спросил я.

— Придется, если ты хочешь сохранить свои нашивки, — ответил Эннесси и положил чемодан в багажник с такой осторожностью, как будто это было сырое яйцо. — Теперь взгляни на машину. Это еще одна приятная забота для тебя. Она должна быть вычищена внутри и снаружи так, чтобы не было ни пятнышка, ни пылинки. При каждой остановке, куда бы генерал ни пошел — пообедать или справить нужду, ты должен наводить блеск на «кадиллак». Генерал не терпит грязи в машине, это один из его пунктиков. Сколько раз мне приходилось одной рукой подносить хлеб ко рту, а другой полировать эту колымагу. И не забывай о пепельницах. Стоит ему обнаружить в них хоть малейшую частичку пепла, как он занесет это в свою книжечку.

— Что это за книжечка?

Эннесси сплюнул на бетон двора и осторожно растер плевков ботинком.

— Тебе еще придется познакомиться с ней. Генерал отмечает в ней все, что ему не понравилось: каждый твой промах, каждую ошибку, каждое пятно. Потом он передает эту книжку со своими инструкциями майору Кею, и все это выливается на твою голову. Однажды я получил три дня дежурства на кухне только за то, что забыл вычистить пепельницы. Но работа на кухне — это еще отдых.

Я смотрел на многочисленные детали хромированной отделки машины, и мое мужество понемногу улетучивалось.

— А ты не поедешь с нами? — спросил я.

— Я? — Эннесси ухмыльнулся. — Это мой первый отпуск за четыре месяца. Уж я использую его на всю катушку — вдвоем с какой-нибудь красивой девчонкой. Желаю тебе приятно провести время!

Я открыл дверцу машины и заглянул внутрь. Это была самая лучшая из машин, которые я когда-либо видел, не говоря уже о тех, на которых мне довелось ездить. Там было все: от встроенного бара до автоматически поднимающихся стекол.

— Неужели этот генерал так страшен, как ты описал мне его? — спросил я.

— Нет, он намного страшнее, — ответил Эннесси. — Знаешь, что меня удивляет?

— Ну?

Оглядевшись по сторонам, он заговорил шепотом:

— Меня поражает, как ему удалось прожить так долго. Не понимаю, почему его до сих пор никто не пристукнул. — Он с надеждой посмотрел на меня. — Может быть, ты как раз тот человек, которому суждено это сделать. Ты две недели будешь с ним один на один. Вдруг у тебя лопнет терпение, и ты воткнешь этой свинье нож в брюхо. Если это произойдет, то, уверяю тебя, все здесь в штабе, начиная с полковника и кончая мной, будут благодарны тебе по гроб жизни.

— Майор распорядился, чтобы ты рассказал мне все, что я должен знать, — холодно сказал я. — Это все или есть еще что-нибудь?

Эннесси вытащил из кармана свернутую бумажку.

— Вот здесь я все записал для тебя. Если ты допустишь ошибку хоть в одном пункте, то простишься со своими нашивками. Слушай. Генерал встает в семь часов. Ты должен разбудить его в это время и ни секундой раньше или позже. Все его вещи уже должны быть готовы. Особенное внимание обрати на ботинки. Они должны быть вычищены до блеска. При каждой чистке вынимай шнурки. Если он обнаружит на них ваксу, то поднимется скандал. Вода в его ванне должна быть ровно двадцать пять градусов.

Заглянув в записки, Эннесси усмехнулся.

— Свою вставную челюсть он кладет в стакан на столике рядом с кроватью. Ты должен ее вымыть. Это тоже один

из его пунктиков. Если она не будет блеснуть, как перламутр, то генерал вытащит на свет свою книжечку. Когда он встанет с постели, завтрак должен быть уже готов: кофе, стакан виски на два пальца и ломтик тоста. Температура кофе должна быть тридцать три градуса, иначе он выплеснет тебе его в физиономию. Пока он одевается, ты должен ждать его у двери. Он позовет тебя, когда будет готов. Но держи ушки на макушке: он зовет только один раз и то не слишком громко. Потом он сообщит тебе дневную программу. Ты не имеешь права ничего записывать, а должен все запомнить, иначе он опять занесет твой промах в свою книжечку. Если у тебя в комнате нет никаких дел, то стой навтыжку. Ему это нравится: руки по швам, голова поднята, глаза смотрят вперед, а не по сторонам, и ни одного движения. Говорить ты можешь только тогда, когда он тебя спросит. Даже если эта чертова машина загорится, ты должен молчать. Поезжай вперед как ни в чем не бывало, пока он не прикажет остановиться. Ты все понял?

— Да, — мрачно ответил я.

— Вечером он не прочь выпить, — продолжал Эннесси. — Иногда он допивается до того, что уже не знает, где находится. Тут наступает твой черед. Он надеется, что ты отвезешь его домой и уложишь в постель. В пьяном виде он опасен, как динамит. Я как-то раз видел, как он одному парню, который недостаточно быстро уступил ему дорогу, сломал руку. Если он сам сядет за руль, то считай, что пробил твой последний час. Он самый отчаянный водитель в мире. Ему все равно, как он едет, лишь бы доехать. Я не говорю, что он плохо водит, но если он позволяет на скорости в сто километров проезжать по узким улочкам, то его спутникам бывает, конечно, не весело.

Я посмотрел на часы. Через две минуты мне надо явиться к майору Кею.

— Благодарю, — сказал я. — Это все, что меня интересовало. Даже если твой рассказ наполовину преувеличен, и то он звучит достаточно страшно. Надеюсь, что у тебя, по крайней мере, будет приятный отпуск. Судя по всему, ты его заслужил.

Эннесси подмигнул мне.

— Все в порядке. Она смуглая, страстная и влюблена в меня до чертиков. В ближайшие две недели меня никто не увидит. Как только вы покинете Болонью, я сейчас же сметаюсь.

Сев в машину, я подъехал к главному входу в штаб, потом вышел из нее и доложил о себе майору Кею.

— Подождите около машины. Генерал выйдет через две минуты.

Я ушел.

Перед главным входом застыли, как статуи, четверо военных полицейских в белых касках. Эннесси тоже подошел к машине и встал навытяжку рядом с дверцей. Я присоединился к нему и принял такую же позу. Две минуты спустя из штаба вышли трое офицеров: два полковника и майор Кей. Затем появился генерал.

На нем был серый штатский костюм, в руке — белая шляпа. Он был среднего роста, крепкого сложения, с широкими плечами. Его широкое мясистое лицо имело цвет красного дерева. Губы были тонкие и узкие, а бледно-голубые глаза блестели холодно и угрюмо. Он вяло прошел по тротуару к машине, но от его взгляда ничего не укрылось. Добрых две минуты он осматривал машину со всех сторон, потом остановился передо мной.

— Чизхольм?

Голос его звучал слабо. Нужно было как следует прислушаться, чтобы понять сказанное.

— Да, сэр?

— Поднимите капот.

Я повиновался, и он внимательно оглядел мотор.

— Это масло, сержант? — спросил он, указывая на головку распределителя.

Я тоже заглянул в моторный отсек. Мне пришлось как следует приглядеться, чтобы заметить крошечное масляное пятнышко.

— Возможно, сэр.

Генерал вынул носовой платок и протер им злополучную головку. Затем показал мне черное пятно на белом полотне.

— Это масло, сержант?

— Да, сэр.

— Кто готовил машину?

— Я, сэр, — с трудом выдавил из себя Эннесси, выступая вперед.

— Ага, Эннесси, это опять вы. Сколько раз я повторял вам, что после осмотра машины на моем платке не должно быть ни пятнышка?

Генерал скомкал платок и отбросил его в сторону.

— Майор Кей!

Майор выступил вперед.

— Да, сэр?

— Четырнадцать дней работы на кухне моему денщику. Его отпуск аннулирован.

— Слушаюсь, сэр.

Генерал посмотрел на меня. Я открыл дверцу машины прежде, чем он успел сказать что-нибудь. Окинув меня испытующим взглядом, генерал уселся в машину. Первый раунд я выиграл.

Я закрыл за ним дверцу, уселся за руль и завел мотор. Тихий голос позади меня пробормотал:

— Поезжайте.

Я нажал на газ и отъехал от тротуара. Краешком глаза я успел заметить, как оба полковника и майор Кей взяли под козырек. Последнее, что я увидел, было бледное вытянутое лицо Эннесси.

Генерал так тихо просидел за моей спиной всю дорогу от Болоньи до Флоренции, как будто его вообще не было в машине. И все же я все время ощущал его присутствие. До меня доходил запах его сигарет, я слышал его покашливание и чувствовал, когда он менял позу. От малейшего шума сзади я сразу же начинал нервничать.

Ровно в тринадцать часов мы подъехали к «Гранд-отелю», расположенному на берегу Арно. Не успела машина как следует остановиться, как я уже выскочил и распахнул дверцу. У входа генерал пристально посмотрел на меня.

— Передайте багаж швейцару, — сказал он, — а сами отгоните машину в гараж, она нам сегодня не понадобится. Я распорядился, чтобы вам оставили комнату. После обеда ждите меня в четырнадцать часов у столика портье.

— Слушаюсь, сэр.

Я смотрел вслед генералу, пока он не исчез за дверями отеля. Он держался прямо, но шел медленно, как человек, страдающий от какой-то скрытой внутренней боли. Это напомнило мне, что лейтенант Роулинс говорил об обычном отпуске, и мне пришло в голову, что он ошибался.

Затем я вынул чемоданы из багажника и передал их прислуге, наказав, чтобы с ними обращались поосторожнее, а сам отогнал машину в гараж. Прежде чем запереть автомобиль, я оглядел его: машина сильно запылилась, а внутри на полу лежало много пепла.

Генерал сказал, что машина сегодня ему не понадобится, но мог и переменить свое решение, поэтому я решил половину обеденного времени потратить на то, чтобы привести машину в порядок — смыть пыль и вымести пепел. Хотя я и спешил, но на это ушло полчаса. Когда я загонял «кадиллак» обратно в гараж, пот лил с меня градом.

Потом я побежал в отель и поднялся в свою комнату. Едва я успел съесть пару бутербродов, умыться и почиститься, как уже наступило два часа. Я появился в вестибюле одновременно с генералом.

— Пройдемте в кафе под навес и оглядимся, — сказал он.

Там сидело несколько фицеров за кофе с коньяком, пара старушек, какие-то итальянские дельцы и два генерал-лейтенанта. Все уставились на меня, не веря своим глазам. Сержант в кафе «Гранд-отеля»! Неслыханно!

Генерал уселся за столик. Я остался стоять рядом с ним.

Старушки и дельцы глазели на меня, открыв рты.

— Садитесь, — сказал генерал.

Я опустилсся на краешек стула.

— Мы проведем во Флоренции только четыре дня, и мне хотелось бы за это время осмотреть как можно больше. Что вы можете предложить?

— На сегодня у нас намечено: кафедральный собор, Баптистериум и капелла Медичи, — сказал я. — На завтра до обеда — галерея Уффици и Палаццо Веккио, а после обеда — Палаццо Питти и площадь Микельанджело. На следующий день с утра церковь Санта-Кроче и Барджелло, а после обеда собор Сан-Марко с фресками Фра Анжелико и поездка по городу. В последний день мы можем поехать во Фьезоле и немного погулять.

Генерал кивнул.

— Это все для расширения кругозора. А как насчет вечеров?

— Это зависит от вашего вкуса, сэр. Ночная жизнь во Флоренции довольно скромна. Здесь есть, конечно, несколько ночных клубов, но там небезопасно.

— В каком смысле?

— Можно легко получить удар мешком с песком по голове и утром очутиться без денег.

Генерал улыбнулся.

— Я люблю опасные заведения, сержант. После пополнения своего образования мне нужно будет отдохнуть. Мы посетим один из этих притонов, и я посмотрю, как кто-нибудь стукнет меня по голове мешком с песком.

— Слушаюсь, сэр.

Он вытащил из кармана пиджака толстый бумажник и открыл его. Бумажник был набит банкнотами по десять тысяч лир.

— Приятное подспорье, не правда ли, сержант?

— Да, сэр.

Кивнув, он вытащил две бумажки и бросил их мне.

— Пойдите и купите себе штатский костюм. С сегодняшнего дня вам не стоит больше носить форму. — На его лице появилась холодная улыбка. — Мы оба с вами в отпуске, сержант.

— Да, сэр.

Я взял деньги. Генерал взглянул на часы.

— Вы должны снова прибыть сюда в пятнадцать тридцать переодетым и готовым к выходу.

Мне пришлось буквально чуть ли не на пятки себе наступать, чтобы справиться с заданием, но в конце концов мне это удалось. Генерал поджидал меня в вестибюле и оглядел сверху донизу.

— Кем вы были до армии, сержант?

— Архитектором, сэр.

— Никогда не забывайте, что теперь вы солдат, — сказал он, пристально глядя на меня своими блекло-голубыми глазами.

— Слушаюсь, сэр.

— Выведите машину, мне что-то не хочется идти пешком.

Меня так и подмывало рассмеяться ему в лицо.

— Слушаюсь, сэр.

Я поспешил в гараж и подал машину к подъезду.

Генерал вышел и внимательно со всех сторон оглядел ее. Потом он заглянул внутрь, бросил мимолетный взгляд на пепельницы и после этого сел в машину. Устраиваясь сзади, он сказал:

— Спасибо, что вы позаботились о машине. Я всего лишь капризный старик, но люблю чистоту.

Меня так поразил его человеческий тон, что я чуть не выдал себя. В этот момент он показался мне почти симпатичным.

Мы вернулись в отель около половины восьмого.

— Оставьте машину у подъезда, — сказал генерал, вылезая. — Она нам сегодня вечером еще понадобится.

— Слушаюсь, сэр.

— Ждите меня в вестибюле в двадцать один час.

Он прошел в отель с кипой открыток и проспектов с видами собора, Баптистериума и капеллы Медичи.

Я вычистил пепельницы, подмел в «кадиллаке» и смыл пыль с кузова. Потом я тоже пошел в отель. Прежде чем войти в бар, я удостоверился, что генерала там нет. Усевшись за стойку, я заказал двойное виски. Это мне было просто необходимо.

Весь день мне пришлось говорить и говорить. Генерал впитывал мои пояснения как губка. Мы облазили все закоулки кафедрального собора. Полчаса мы провели около скульптуры «Пьета» Микельанджело, и генерал расспрашивал меня о его жизни. Немало времени мы пробыли около бронзовых ворот Баптистериума. Стараясь ничего не упустить, генерал разглядывал каждую деталь. Когда я рассказывал ему историю Медичи, он сидел под шедевром Микельанджело «Ночь и день» и внимал каждому моему слову, как Священному писанию.

Когда же мы опять вышли на шумную оживленную улицу, он сказал:

— Благодарю вас, я очень доволен. Если вы так же хорошо разбираетесь в архитектуре, как в искусстве, то вы знаете свою профессию.

У него это прозвучало, как величайшая похвала.

Заплатив за виски, я отправился в ресторан. Здесь я тоже сначала огляделся, нет ли генерала, но его не было. Вероятно, он ел в своем номере.

Отлично поужинав, я двинулся в свою комнату. Теперь у меня было немного свободного времени, чтобы подумать о генерале. В нем было кое-что странное.

В его присутствии я всегда ощущал сильное напряжение. Было совершенно ясно, что он много пьет. У него были выцветшие глаза пьяницы и красные прожилки на щеках. Но он не был просто пьяницей, в его натуре было и еще что-то, более странное. У него был бегающий взгляд. Казалось, что он постоянно следит за кем-то и в то же время боится, что и за ним следят. Это было странно, потому что он не был похож на человека, который может испытывать страх. Иногда его лицо искажала болезненная гримаса, как будто он чувствовал острую боль. Эти гримасы не нравились мне.

Руки его были в постоянном движении: то он барабанил пальцами по коленям, то одергивал пиджак, то просто беспокойно сжимал и разжимал кулаки. Генерал был самым беспокойным, самым нервным человеком из всех, кого я

знал. Инстинктивно я чувствовал, что под внешне спокойной маской, которую ему удастся с трудом носить на лице, таится необузданный, вспыльчивый темперамент.

Около девяти часов я прервал свои размышления о характере генерала, спустился вниз и встретил его в условленном месте. На нем был темно-синий костюм, и с первого взгляда было видно, что он пьян. Лицо его побагровело, на лбу выступили капли пота, глаза блестели. Несмотря на это, проходя через вестибюль, он твердо держался на ногах. Однако у меня появилось неприятное чувство, что он находится в одном из своих опасных настроений, и требуется только один толчок, чтобы он вылил свое раздражение на меня.

Я распахнул дверцу машины. Генерал влез в нее и устроился на сиденье. В ожидании я смотрел на него.

— Ну, что вы глазеете на меня? — зло спросил он. — Чего вы ждете, черт возьми?

— Ваших указаний, сэр, — ответил я, стоя навывтяжку и по уставу глядя поверх его головы.

Он потер рукой лицо и озадаченно уставился на меня.

— Черт возьми, я не знаю, куда ехать... Собственно говоря, это ваше дело... — Он замолчал, потряс головой, как будто хотел собраться с мыслями, и сказал: — Поезжайте в одно из тех заведений, где танцуют и можно развлечься.

— Слушаюсь, сэр.

Я подвез его к казино, вылез и открыл дверцу.

— Приехали, сэр.

Он медленно вылез и посмотрел на неоновую вывеску над входом.

— Кажется, здесь ничего особенного.

— По-моему тоже, сэр.

— Подождите меня. Я долго не задержусь.

Он открыл стеклянную дверь казино и поднялся по широкой лестнице. Я снова сел в машину и позволил себе откинуться на спинку сиденья и закурить.

Мне пришлось прождать часов пять, и для меня они показались вечностью.

Генерал вышел около двух часов ночи. Я подъехал к нему, выскочил из машины и распахнул дверцу. Не говоря ни слова, генерал сел в машину. От него разило спиртным, и сиденье он нашел ощупью. Он так тяжело шлепнулся на него, что пружины заскрипели.

— В отель, — сказал он, откинув голову назад, и закрыл глаза.

Он спал, когда я открыл дверцу. Нагнувшись, я слегка потряс его за плечо. Секунду он безжизненно лежал на подушках, потом вдруг ожил, подскочил и вцепился мне в запястье. Он вывернул мне кисть и втащил в машину так, что я оказался стоящим на коленях на полу. Правой рукой он стальной хваткой вцепился мне в горло.

За время службы в армии мне уже не раз приходилось вступать в драки с опасными противниками, но я всегда одерживал верх. Однако против этой смертельной хватки я ничего не мог поделать. Генерал продержал меня так еще несколько секунд, потом наконец отпустил.

— Что это, черт возьми, вам пришло в голову? — прорычал он. — Как вы смеете касаться офицера?!

Я поднялся, тяжело дыша, и попытался принять стойку «смирно».

— Я с удовольствием свернул бы вам шею, — продолжал он. — Если вы еще раз дотронетесь до меня, то я предам вас полковому суду.

— Слушаюсь, сэр, — с трудом прохрипел я.

Генерал медленно вылез из машины.

— Получите за это семь суток ареста, сержант. Это вас научит держать свои руки при себе.

Тяжело ступая, он пошел в отель. Я остался около машины, потирая горло и ругаясь вслух.

Глава 7

На следующее утро ровно в семь часов я постучал в дверь номера генерала. Мне с трудом удалось расслышать тихое «войдите».

Я открыл дверь и внес поднос. Генерал в шелковом халате стоял у окна. Во рту у него была сигарета, волосы взъерошены, и выглядел он лет на десять старше... Под глазами лежали темные круги.

— Доброе утро, сержант, — сказал он мне как ни в чем не бывало.

— Доброе утро, сэр.

Поставив поднос на стол, я встал навытяжку. Генерал подошел, оглядел поднос, взял стакан с виски и вернулся к окну.

— Наполните мне ванну, сержант.

— Слушаюсь, сэр.

Я наполнил ванну, измерил температуру воды, добавил немного холодной и понадеялся, что после виски она ему сойдет. Затем я вернулся в спальню.

— Что у нас на сегодня? — спросил генерал.

Он допил виски и держал пустой стакан в своей большой загорелой руке.

— Вы собирались сегодня до обеда осмотреть галерею Уффици и Палаццо Веккио, сэр, — ответил я. — А после обеда — Палаццо Питти и площадь Микельанджело.

Он сдвинул брови.

— Разве мы договорились об этом?

— Да, сэр.

— Я думаю, что нам стоит осмотреть нечто лучшее, — сказал он. — Вот, посмотрите на это. — Он подал мне купленные вчера открытки с видами собора, Баптистериума и капеллы Медичи. — Не знаю, откуда они взялись. Может быть, их прислал управляющий отелям.

Я ошарашенно уставился на генерала, а он смотрел на меня.

— Кафедральный собор выглядит потрясающе, — продолжал он. — Думаю, прежде всего мы должны осмотреть его. — Он сел на кровать и потер глаза. — Конечно, осмотрим это здание во имя Божие. Собственно говоря, это ваше дело быть гидом, сержант. Я не должен вам даже ничего говорить. А завтра, может быть, мы пойдем в вашу галерею Уффици.

Я хотел кое-что сказать, но проглотил возражения.

— Ровно в девять часов в вестибюле, сержант.

— Слушаюсь, сэр.

Повернувшись, я вышел и спустился в ресторан, чтобы позавтракать. Прожевывая хлеб, я раздумывал над последней загадкой, которую задал мне генерал. Может быть, он хотел просто заманить меня в ловушку своим высказыванием в надежде, что я начну возражать и тем самым дам ему удобную возможность наброситься на меня? Или он действительно забыл, где мы с ним были вчера? Если так, то он серьезно болен, и дело дрянь. Может быть, нам придется до конца его отпуска ежедневно ходить в собор, Баптистериум и капеллу Медичи?

Я решил еще немного понаблюдать за генералом. Если он будет продолжать чудить, то мне придется позвонить майору Кею и спросить его, как мне быть.

Это была неплохая идея, только мне следовало бы сразу привести ее в исполнение и поспешить к телефону. Если

бы я так поступил, то не попал бы в то затруднительное положение, в котором нахожусь сейчас. Но я не был совсем уверен и не хотел, чтобы меня взяли за шиворот. Для сержанта довольно опасно звонить майору и сообщать ему, что его начальство тронулось.

— Итак, прежде всего направимся в кафедральный собор, — сказал генерал, когда мы встретились. — Портье посоветовал мне его осмотреть. Он довольно любопытен. Вам следовало бы это знать, сержант.

— Да, сэр.

Он вышел и обследовал машину, даже протер носовым платком головку распределителя. Но за полчаса до этого я сам прошелся по каждой детали, каждому проводу и знал, что он не найдет ни единого масляного пятнышка — так оно и получилось. Он оглядел кузов, заглянул внутрь, но придаться было не к чему, и тогда он сел в машину.

Я повез его к собору.

Все было точным повторением вчерашнего дня. Он заглянул в каждый уголок, постоял около «Пьета», как будто никогда не видел этой статуи, и выслушал всю историю. Потом мы посетили капеллу Медичи, и, стоя под скульптурой Микельанджело «Ночь и день», генерал позволил мне снова рассказать историю Медичи. Он выслушал мои пояснения с тем же фанатичным интересом, что и вчера, и даже купил те же самые открытки. К обеду мы вернулись в отель.

— Что у нас назначено на вторую половину дня? — спросил он у меня, вылезая из машины.

— Галерея Уффици, если вы интересуетесь живописью. Большая часть шедевров итальянских художников находится там.

— Это любопытно. Встретимся ровно в четырнадцать часов.

У меня снова возникло искушение позвонить майору Кею, но я преодолел его. Я решил посмотреть, как у нас пройдут остаток дня и вечер.

После обеда мы отправились в Уффици.

Мне повезло, что в свое время я провел там немало часов. Эти знания мне оченьгодились, потому что генерал интересовался малейшими подробностями жизни художников и хотел знать сюжет «Весны» Боттичелли и других картин.

Около шести часов мы вернулись обратно в отель. Генерал накопил множество репродукций с наиболее понравившихся картин.

вившихся ему картин и пригласил меня в номер, чтобы еще раз посмотреть их. Мне пришлось повторить то, что я уже рассказывал ему о художниках, а он в это время делал пометки на обратной стороне репродукций.

— Сегодняшний день доставил мне большое удовольствие, сержант, — наконец сказал он. — Вы превосходный гид. Жаль, что я не обладаю вашими познаниями в области живописи. Этот вид искусства меня особенно интересует. Но теперь пойдем ужинать... Кстати, что мы будем делать сегодня вечером?

— Что вам угодно, сэр.

— Да? — Он удивленно посмотрел на меня. — А разве вы не упоминали как-то о ночных клубах?

— Здесь есть несколько, но они не представляют из себя ничего особенного.

— Это неважно. Нужно же как-то развлечься, сержант. Нельзя же все время посвящать искусству.

У меня упало сердце.

— Слушаюсь, сэр.

Когда я вышел ровно в двадцать один час в вестибюль, у меня в кармане была бутылка виски и какой-то роман. Мне совсем не хотелось снова сиднем просидеть в машине пять часов.

По приказу генерала я снова отвез его, как и в предыдущий вечер, в казино. Он опять делал те же замечания, а я ему поддакивал.

— Подождите меня у подъезда. Думаю, что я долго здесь не задержусь, — опять повторил он и вышел из машины.

Ну, на этот раз он не оставит меня в дураках, подумал я, устроился поудобнее с виски и книгой и выбросил из головы все мысли о генерале. Около одиннадцати часов я случайно взглянул на дверь казино и увидел его стоящим на ступеньках. Я поспешил подать «кадиллак» к подъезду.

— Какого черта вы заставили меня ждать! — в ярости завопил он. — Я вас научу не спать на посту! Это будет вам стоить нашивок, и уж я позабочусь о том, чтобы вы их больше не заработали!

— Слушаюсь, сэр, — сказал я.

Генерал сел в машину.

— Поезжайте до конца улицы и там остановитесь.

Он опять был пьян, хотя и не так сильно, как в прошлую ночь. Я доехал до конца улицы и затормозил. Минут через десять я услышал стук каблучков.

— Откройте дверцу, — сказал генерал.

Я вылез из машины и выполнил его распоряжение. К нам шла высокая блондинка в норковом мантио. Наверняка ей было не больше двадцати трех лет, но выглядела она старше и была довольно потрепана. У нее был холодный оценивающий взгляд, а жирно намазанный помадой рот не мог скрыть жадного, злого рисунка ее губ.

Когда она села в машину, до меня донесся запах ее духов. Это был такой резкий мускусный аромат, что хотелось пошире открыть окно. Блондинка уселась рядом с генералом и погладила его руку.

— Какая чудесная машина, — сказала она, показывая в улыбке белые зубы.

Она распахнула мантио. Под ним было вечернее платье с открытыми плечами, лиф которого чуть не лопался от мощного бюста — достопримечательности итальянок. Кожа ее сияла белизной.

— Где ты живешь? — спросил генерал, оглядывая ее, как невычищенное оружие.

— На Виа Специале. Это недалеко, дорогой.

— Вы знаете дорогу, сержант?

— Да, сэр.

— Поезжайте.

Я уселся за руль и на большой скорости погнал машину на Виа Специале. Там я сбросил газ.

— Виа Специале, сэр.

— Дом рядом с фонтаном, — сказала девушка, наклоняясь.

Вылезая из машины, она подмигнула мне, потом прошла по тротуару к двери и стала искать в сумочке ключ.

Генерал тоже вышел из машины и мрачно оглядел дом. Он был высокий и узкий. Во всех окнах не было света.

— Подождите здесь, сержант, — сказал он, — и держите уши открытыми. Если я позову, тотчас поднимайтесь наверх.

— Слушаюсь, сэр.

Он догнал девушку у двери. Я слышал, как она ему сказала:

— Только не шуми, дорогой. Здесь никто не знает, что я принимаю мужчин.

Затем дверь закрылась.

Закурив сигарету, я оглядел улицу и посмотрел на темный дом. Две минуты спустя в окне на верхнем этаже зажегся свет. Пять пролетов, печально подумал я. Надеюсь,

что генерал не позовет и мне не придется подниматься туда... Расхаживая взад и вперед по тротуару, я поглядывал на окно и курил одну сигарету за другой. Вдруг открылось окно, и я увидел широкие плечи генерала и его голову.

— Вы здесь, сержант? — приглушенно позвал он меня.

— Да, сэр.

— Вы мне нужны. Немедленно поднимитесь наверх.

Озадаченный, я пересек тротуар, открыл дверь и ошупью стал подниматься на пятый этаж. Наконец я увидел свет.

— Проходите, сержант, в квартиру, — нетерпеливо сказал генерал, стоя на лестничной площадке. — Я не собираюсь ждать вас здесь всю ночь.

Запыхавшись, я одолел последние ступеньки.

— Мне нужна ваша помощь, сержант, — сказал генерал.

Он стоял у входной двери спиной к свету, так что я не видел его лица, но его прерывистое дыхание и хриплый голос мне не понравились.

— Слушаюсь, сэр, — сказал я и посмотрел на него.

— Войдите в спальню и посмотрите, что можно сделать. По-моему, она скончалась.

— Умерла, сэр?

— Войдите и посмотрите сами, черт возьми!

Неожиданная злоба в его голосе подействовала на меня, как холодный душ. Я понял, что дело обстоит плохо. Поспешно пройдя мимо него, я заглянул в первую комнату. Она была большая и почти пуста. На буфете в углу стояли два стакана с недопитым виски. Напротив меня была дверь в спальню. Со своего места мне была видна лишь спинка кровати.

— Она в спальне, — услышал я слова генерала. — Войдите и посмотрите на нее.

Станный запах донесся до меня — запах, который нельзя было не узнать.

— Может быть, ей это будет неприятно, сэр, — прошептал я пересохшим ртом.

— Ей это уже безразлично, — ответил генерал, вцепившись мне в руку и толкая вперед. — Идите и посмотрите!

Я подошел к двери спальни и еще сильнее ощутил этот запах. Меня чуть не вывернуло от него. Потом я посмотрел на кровать, и меня прошиб холодный пот. Мне уже достаточно пришлось повидать страшного в жизни: я видел человека, которому гранатой разворотило грудь; я присут-

ствовавал при том, как бомба попала в ящик со снарядами, на котором пятеро солдат играли в карты; я видел, как в пятидесяти шагах от меня врезался в землю пилот на горящем парашюте, но никогда мне не приходилось встречать ничего более ужасного, чем эта девушка в залитой кровью постели.

Орудие убийства, нож, лежало на полу. Это был огромный нож мясника, красный от крови. Девушка была зарезана, как овца на бойне. Генерал искромсал ее тело в припадке бешенства. Нетронутой осталась только голова, и на ее лице отражался весь ужас последних минут.

Я закрыл глаза и отвернулся. Мне стало плохо. Пришлось опереться о стену. Руки у меня были холодными, как лед.

— Лучше присядьте, сержант, — насмешливо предложил генерал. — Вы неважно выглядите.

Он стоял у двери и держал в правой руке направленный на меня пистолет. Слышалось звонкое тиканье небольших часов с маятником на камине.

— Сядьте, сержант, — повторил генерал. — Мне нужно с вами поговорить.

Я был рад, что смогу опуститься на краешек маленькой софы.

Не опуская оружия, генерал медленно подошел к буфету. Он налил виски в два стакана, взял один из них и кивком указал мне на другой.

— Выпейте, сержант, и можете опять сесть.

Я послушался его. Мои руки так дрожали, что я с трудом удержал стакан. Одним глотком генерал опрокинул свое виски. Я выпил чуть медленнее.

— Теперь я чувствую себя гораздо лучше, — сказал он и поставил стакан на стол. Стиснув рукой лоб, он помотал головой. — Теперь вам известно, что произошло.

— Да.

— Думаю, что это можно назвать приступом бешенства, — продолжал генерал, мотая головой. — Я ждал его уже несколько месяцев. Странно, что такая мысль овладевает вами. Возможно, это не происходило бы, если бы генералы сами должны были сражаться. Я не гожусь только для штабной работы. Иногда я должен устраивать кому-нибудь небольшое кровопускание. Что-то понемногу накапливается у меня в голове и сжимает ее все сильнее, я не могу думать ни о чем другом и вынужден дать выход этому чувству.

Я молчал, потому что был не в состоянии говорить.

— И вот это произошло, — продолжал он, усевшись на ручку кресла. — Теперь я чувствую себя лучше. Завтра я снова смогу работать. — Он вынул из кармана портсигар, закурил сигарету и бросил его мне. — Закурите тоже, сержант. Нам нужно серьезно поговорить.

Я не поднял руки, и портсигар упал на пол.

— Чертовски неприятно, что эта история с девушкой вызовет шум. Она сама никому не нужна, но полиция, конечно, попытается найти виновника. Сейчас я задам вам один вопрос и хочу получить на него беспристрастный ответ. Кто, по-вашему, важнее для армии — вы или я?

Я молча смотрел на него.

— Ну, отвечайте, сержант, — сказал он почти дружески.

— Думаю, что вы или, вернее, были вы, — хрипло ответил я.

— Не был, а есть, сержант. Теперь, когда эта дурацкая история осталась позади, я опять свеж и бодр, как и раньше. Я это чувствую. Этого заряда мне хватит еще на несколько лет, до тех пор, пока на меня опять не накатит. Уже не в первый раз мне приходится так помогать себе. — Он выдохнул дым через ноздри и посмотрел на меня. — Мне хотелось бы, чтобы вы взяли вину на себя. Кому-то, в конце концов, это придется сделать. Армии больше нужен я, чем вы.

— Это убийство, генерал, — сказал я, пытаюсь сохранить спокойствие. — И я не собираюсь брать его на себя. Вы это сделали, вам и придется отвечать.

Он встал, подошел к буфету, налил себе еще виски и вернулся на место.

— Армия должна всегда стоять для нас на первом месте, сержант, — сказал он, усаживаясь. — Теперь послушайте меня. Я хорошо отношусь к вам, иначе я с вами бы так не говорил. Вы славный парень и чертовски хороший сержант. Вот причина, по которой я хочу дать вам шанс на спасение. Если бы вы не были мне симпатичны, то я просто-напросто пустил бы вам пулю в лоб, когда вы вошли в комнату. После этого я позвонил бы в полицию и заявил, что нашел вас здесь. Я сообщил бы, что вы украли у меня машину, поэтому я вынужден был выследить вас и нашел здесь, после того как вы убили девушку. Вы напали на меня, и у меня не оставалось другого выбора, кроме как при-

стрелить вас. Уверяю вас, что мне, генералу, поверят без дальнейших расспросов.

У меня мороз пробежал по коже. Дрожа, я сказал:

— Вы этого не сделаете. Вам не удастся уйти от ответственности.

— Не будьте дураком, — ответил он, и его взгляд стал более жестким. — Конечно, удастся. Сержанты ценятся дешево. Решайтесь.

— Но выплывет, что вы были здесь! Вы ведь заговорили с девушкой в казино. Кто-нибудь вас наверняка заметил.

Он покачал головой.

— Я не разговаривал с ней, а только поднял вверх большой палец. Этого никто не заметил, а для девушки было достаточно, чтобы накинуть мантию и выйти вслед за мной.

Генерал вынул из кармана какой-то предмет и стал крутить его пальцами.

— Когда вы чистили машину, сержант, я выкрал ваше удостоверение личности. Вам не следовало так небрежно обращаться с документами. Я могу оставить его около кровати. Полиции этого будет вполне достаточно. Удостоверения и моих показаний.

Я вспомнил о чрезвычайной физической силе генерала. Если я попытаюсь отнять у него пистолет, он может одолеть меня. Кроме того, по его взгляду я понял, что меня отделяет от смерти одно мгновение и все зависит от его настроения, а оно может измениться в любую минуту.

— Ладно, я возьму это на себя, — едва выдавил я из себя.

Напряжение, в котором находился генерал, спало. Он кивнул и улыбнулся.

— Я рад, сержант, это разумно с вашей стороны. Мне не хотелось бы вас убивать. Если вы устроите все дело с умом, то вам удастся уйти от преследования. Я дам вам достаточно денег, чтобы вы могли скрыться. Послушайте меня. Сейчас вы возьмете машину и как можно быстрее поедете в Перуджу. Там вы оставите машину и отправитесь в Рим. Идите пешком и придерживайтесь главных магистралей. Если доберетесь туда, считайте, что вы в безопасности.

Генерал вынул из бумажника десяток банкнот по десять тысяч лир, скомкал их и швырнул мне на колени.

— Этого вам должно хватить. А теперь уходите!

— Но мое начальство наверняка решит, что я дезертировал... — начал я.

— Не говорите ерунды. Ваше начальство узнает, что вы убили женщину. Никто и не будет ожидать вашего возвращения. Отправляйтесь, да поскорее. У вас не так уж много времени. Каждая секунда, потраченная вами на разговоры, только ту же затягивает петлю на вашем горле.

Я встал и пошел к двери, чувствуя у себя за спиной дуло пистолета.

— Только не рассчитывайте, что вам удастся уйти безнаказанным, — сказал я.

— Удастся! — со смехом ответил мне генерал. — А теперь уходите.

Я открыл дверь и начал спускаться по длинной темной лестнице.

Глава 8

Направляясь в машине вдоль берега Лаго-Маджоре в Ароло, я думал о том, как мне повезло, что труп девушки был обнаружен не сразу. Из газет я узнал, что генерал не стал звонить в полицию и не подбрасывал моего удостоверения. Он только уведомил власти, что я скрылся с его машиной. Майору Кею он сообщил по телефону, что я дезертировал. Труп был обнаружен только три дня спустя, когда генерал уже вернулся в Болонью. Его так и не допрашивали в связи с убийством.

Мне не грозила особенная опасность. Когда итальянская полиция начала меня разыскивать, я уже давно был в Милане. Там я познакомился с Торчи, который занимался воровством в соборе. Именно он нашел мне комнату и посоветовал стать гидом. Мое сообщение о дезертирстве он принял как должное. Он сам за несколько месяцев до того удрал из итальянской армии и был твердо убежден, что ни один разумный человек не должен оставаться на военной службе дольше, чем это необходимо.

В одной газете я нашел короткую статью об убийстве. В ней говорилось, что полиция разыскивает американского сержанта Дэвида Чизхэма, который, вероятно, сможет пролить свет на мрачное событие. Они переврали мою фамилию, и это дало мне возможность не брать себе чужого имени, а жить под своим настоящим. И все это продолжалось уже несколько лет!

Впервые за все это время я почувствовал страх. Я не мог

понять, как Лаура узнала, что меня разыскивает полиция. Однако она это знала. Ничего не подозревая, я попал в ее западню. Первая моя мысль была — собрать свои вещи и бежать. Но после некоторого размышления я сказал себе, что этим я ничего не добьюсь. Лауре стоит сообщить обо мне в полицию, и охота за мной начнется снова. Шансов же уйти от розысков на этот раз будет гораздо меньше. Нет, необходимо остаться и выяснить все до конца.

На следующий день, в воскресенье, я должен был встретиться с Лаурой. При этих обстоятельствах я счел за лучшее соблюдать наш договор и не бросать ее. Возможно, она откроет свои карты, и я смогу принять контрмеры.

Сестра Флеминг напомнила мне, что она свободна в понедельник и вторник и ее не будет на вилле.

— Миссис Фанчини позаботится о муже в мое отсутствие, — сказала она. — Ей все известно. Вам нужно только помочь ей.

Лаура вышла к чаю. Она была бледна, под глазами лежали темные круги.

— Хэлло, Дэвид, — с улыбкой сказала она. — Увидимся сегодня вечером?

— Да.

Я пристально наблюдал за ней, но ее взгляд не выдал, что она что-то замышляет.

— Встретимся в девять часов в лодочном ангаре. Мне не хочется сегодня очень поздно задерживаться.

— Хорошо.

— Я так рада нашей предстоящей встрече!

Мне же была отвратительна даже мысль о том, что я буду обнимать ее. Моя безумная страсть к этой женщине растаяла, как снег под лучами солнца, и я знал, что она больше не вернется.

Лаура ждала меня в лодочном ангаре.

— Привет, Дэвид, — сказала она. — Ты точен. Дай мне выпить. Пожалуйста, двойное виски, и себе тоже.

Я налил виски и подошел к ней с бокалом. Она взяла его и чокнулась со мной.

— Ты скучал обо мне, Дэвид?

После секундного раздумья я сделал решительный шаг.

— К чему нам притворяться?

Она удивленно подняла брови.

— Что случилось, Дэвид?

— Ты это знаешь не хуже меня.

Лаура подошла к софе и села. Она подняла голову, глядя на меня, так что мне была видна ее белая шея.

— Не говори глупостей, дорогой. Лучше подойди и поцелуй меня.

— Если тебе нужны поцелуи, отправляйся на Пескатори.

Лаура застыла. Ее глаза холодно блестели, губы были сжаты.

— Что ты хочешь этим сказать, Дэвид?

— Твое удивление меня не одурачит.

— Значит, ты шпионил за мной?

Я кивнул.

— Да, шпионил. Меня заинтересовало, как выглядит твоя подруга. К моему удивлению, у нее волосатая грудь, и она курит сигареты.

Лаура была похожа на тигрицу, которая вот-вот в ярости набросится на свою жертву. Потом она взяла себя в руки, положила ногу на ногу, натянула юбку на колени и поставила стакан.

— Думаю, что нам лучше всего обсудить это дело, — холодно сказала она.

— Я тоже так думаю.

— Я не люблю шпионов, Дэвид.

— Я тоже. Ты как-то сказала мне, что любишь одного меня. Поэтому я и счел себя вправе узнать, кто твой второй любовник, кто стоит для тебя на втором месте. Выяснилось, что это все тот же я, а на первом месте у тебя всегда был Беллини.

— Откуда ты знаешь, что это Беллини?

— В Милане он случайно оказался известной личностью. Он профессиональный уличный грабитель, убийца и садист, трижды сидел в тюрьме. К числу его достоинств относится также и то, что он не гнушается брать деньги у проституток. Не могу сказать, что ты очень разборчива, но у него несомненно есть какие-то другие достоинства, по части секса.

Лаура покраснела, глаза ее засверкали.

— А чем ты-то лучше? По крайней мере, Беллини ни одну женщину не изрубил в куски и не был таким трусом, чтобы дезертировать из армии!

— Я так и думал, что ты припомнишь мне эту историю. Только, к сожалению, ты не знаешь этого дела.

Лаура вскочила.

— С меня вполне достаточно того, что я знаю. Я не со-

бираюсь тебя выдавать, мне жаль, что я назвала тебя трусом, я не хотела этого.

— Хочешь знать правду? Я не убивал эту девушку.

— Почему ты лжешь, Дэвид? Я узнала эту историю от майора Кея, с которым была хорошо знакома. В то время ты был сенсацией в Болонье, и майор Кей показал мне твою фотографию. Я сразу же узнала тебя, когда увидела в соборе.

— Ага, вот почему ты мной заинтересовалась. Я показался тебе подходящим человеком, чтобы убить твоего мужа.

— А ты думал, что я просто так, без серьезной причины, брошусь на шею первому встречному?

— Если речь идет о Беллини, то я полностью с тобой согласен.

Она рассмеялась.

— Ты не выведешь меня из себя, Дэвид. И не сердись на меня... Объясни мне лучше, почему ты убил ту девушку?

— Я не убивал ее. Это сделал генерал Костейн и свалил вину на меня.

— Почему же ты тогда не рассказал все полиции? Может быть, тебе поверили бы. Я этого не понимаю.

— Не будем об этом говорить. Я не убивал ее, но я не рассчитываю, что ты или полиция поверите моим словам. Скажи лучше, почему Беллини не убил Бруно? Почему он не сделал для тебя эту грязную работу?

Лаура подошла к окну и уселась на кушетку.

— Ты не представляешь себе, как глуп Марио. Он наверняка допустил бы какую-нибудь ошибку и впутал бы в это дело меня. Поэтому я его и не просила, а сочла лучшим обратиться к тебе.

Я смотрел на нее.

— Значит, ты действительно собираешься убить Бруно?

— Конечно. Если появится подходящий человек и подвернется удобный случай, я это сделаю. Бруно совершенно бесполезен и страшно меня обременяет. Мне нужна свобода. И деньги!

— Какая ты хладнокровная чертовка!

— Может быть. Но прежде всего у меня есть терпение. Я ждала четыре года и могу подождать еще столько же.

— Во всяком случае, на меня не рассчитывай. В эту историю меня не втянешь. Я уеду, как только приедет Валерия.

Лаура иронически посмотрела на меня.

— Думаю, что тебе не стоит так делать, Дэвид. Лучше дождись, пока я сама отпущу тебя.

— Хорошо, тогда скажи мне, когда я могу уйти.

— Я подумаю над этим. Спокойной ночи, Дэвид.

— Еще одна вещь, Лаура.

— Да?

— Шантаж — это обоюдоострая вещь, в эту игру могут играть двое. Если ты меня выдашь полиции, то я расскажу доктору Пирелли все, что знаю о тебе. И тогда он наверняка не станет щадить тебя и позаботится о том, чтобы Бруно не пострадал. Может быть, ему даже удастся найти способ заставить Бруно изменить завещание. Так что советую быть осторожней, Лаура.

Она стояла неподвижно. Ее лицо напоминало маску, высеченную из камня, и только рот кроваво алел.

— Спокойной ночи, Дэвид, — сказала она.

Я вышел. Мне не удалось одержать победу, но, по крайней мере, я спутал планы Лауры. На следующее утро я встретил ее возле виллы.

— Завтра приезжает Валерия, — Лаура говорила, не глядя на меня. — Мне хотелось бы, чтобы ты встретил ее. Возьми моторную лодку. Она захочет прокатиться по озеру.

— Хорошо, — ответил я.

— Кстати, Дэвид, я обдумала все и решила отпустить тебя. Мне не хочется задерживать тебя против воли. Но меня устроило бы, если бы ты остался до следующего понедельника. За это время я постараюсь найти тебе замену.

— Прекрасно, я уеду в понедельник, ни днем позже.

— Спасибо, Дэвид. Это очень любезно с твоей стороны. — По торжествующему выражению ее глаз я понял, что допустил какой-то промах. — И потом, Дэвид, будет лучше, если мы забудем друг друга. И в том числе наши эксцентricности, если можно так выразиться.

— Конечно, — ответил я и ушел.

В конце концов, мой замысел увенчался успехом, и я выиграл свою свободу.

После обеда я читал Бруно вслух. В его глазах отражалось лихорадочное нетерпение и возбуждение. Я решил, что он думает о дочери. Поскольку, казалось, он не проявлял особого интереса к тому, что я читал, я вскоре закрыл книгу.

— Вы, конечно, будете очень рады снова встретиться с дочерью, — сказал я. — К сожалению, мне придется покинуть вас в следующий понедельник. Вероятно, я уеду в Орвието, чтобы осмотреть тамошние соборы. Вы, конечно, понимаете, что я не могу больше задерживаться здесь, если хочу закончить свою книгу.

Во взгляде Бруно отразилось разочарование, но оно вскоре исчезло, и я понял, что он примирился с моим отъездом. Я продолжал говорить на посторонние темы, потом Мария принесла чай. Не дожидаясь прихода Лауры, я вышел из комнаты.

Переложив Бруно на кровать на ночь, я вышел вслед за Лаурой на веранду.

— Можешь идти к себе, Дэвид. Ты мне больше не нужен. Я буду ночевать в комнате сестры Флеминг, на случай если Бруно что-нибудь понадобится.

Ее голос звучал не так спокойно, как раньше, и у меня создалось впечатление, что она что-то задумала и на всякий случай хочет удалить меня из дома.

— Я уезжаю в Милан, — сказал я. — У меня свидание с Джузеппе. Правда, это поздновато, но, если я тебе нужен, я могу отложить поездку.

— Нет-нет, не нужно. Тебе нужна машина?

— Я возьму «фиат» Биччи.

— Тогда спокойной ночи, Дэвид.

Когда я пришел в деревню, Биччи как раз заканчивал работу.

— Я хочу поехать в Милан, — сказал я, — и, возможно, задержусь там. Можно мне взять «фиат»?

— Конечно, — ответил он. — Там в баке еще достаточно бензина. Желаю славно повеселиться.

— Если позвонит синьора Фанчини, прошу вас, скажите, что я вернусь не раньше часа.

— Хорошо.

Я сел в машину, развернулся и поехал по дороге до того поворота, где Биччи уже не мог меня видеть. Там я остановился на обочине, заглушил мотор и вылез.

У меня было такое чувство, что Лаура следит за мной. Значит, нужно убедить ее, что я уехал в Милан.

Когда взошла луна, я пробрался на виллу. Стараясь двигаться в тени, я осторожно подкрался к большой иве, откуда мне хорошо была видна комната Бруно. Рядом с

постелью больного сидела Лаура и читала. На проигрывателе крутилась пластинка с этюдом Шопена. Картина была такой мирной, что я усомнился, не напрасно ли я трачу время.

Вскоре погас свет в кухне, и в комнату Бруно вошла Мария. Она что-то сказала Лауре, та отложила книгу и вышла.

Я быстро поднялся по ступенькам веранды и спрятался за огромную софу. Теперь я находился прямо напротив окна Бруно, укрывшись так, чтобы вошедшая на веранду Лаура не увидела меня.

Мне было слышно, как она вернулась.

— Мария ушла домой, — сказала она Бруно. — Я пойду к себе и немного почитаю в постели, а тебе лучше всего уснуть.

Проигрыватель замолк, и через пару секунд погас свет. Затем загорелись окна в комнате сестры Флеминг.

Через некоторое время я услышал тихие шаги на веранде. Лаура вышла из комнаты и сбежала по лестнице к пристани. Она оставила свет в комнате Флеминг, чтобы Бруно думал, что она находится там.

Я пошел за ней к террасе, с которой был виден лодочный ангар. Его окна были освещены. Лаура вышла из темноты и скрылась за дверью. Несколько секунд спустя я последовал за ней и спрятался рядом с ангаром. У пристани качались две лодки — моторная и весельная.

Немного позже на втором этаже открылось окно.

— Здесь жарко, как в печке, — услышал я голос Лауры. — Почему ты не открыл окно?

— Ты это сделала сейчас, — сказал мужчина хриплым грубым баритоном. — Ну, что нового?

Подняв голову, я увидел массивный силуэт Беллини около окна.

— Валерия приезжает завтра. Дэвид уходит в следующий понедельник. Сестра Флеминг попросила отпустить ее на конец недели, так что все складывается удачно. Итак, ночью в пятницу, Марио.

Беллини проворчал:

— Так долго! Мне надоело ждать. Сейчас самое подходящее время все сделать.

— Мы должны дождаться лятницы. Ошибок быть не должно. Кстати, нужно дать время Дэвиду познакомиться с ней. Это важнее всего.

— Ты чертовски осторожна, — сказал Беллини.

— Ничего подобного. Это ты слишком неосторожен, Марио. Я не собираюсь рисковать всем из-за нескольких дней. Ты должен быть здесь в пятницу в девять часов вечера. Я буду тебя ждать. Если все будет в порядке, ты поднимешься в виллу. Я останусь здесь стеречь, чтобы никто не появился. Ни в коем случае не приезжай сюда до пятницы. Ты понял?

— Конечно. Я уже достаточно наслушался твоей болтовни. Когда я получу деньги? Это для меня самое важное.

— Ты уже получил несколько дней назад пятьдесят тысяч лир, — ответила Лаура. — Сейчас я не могу дать еще.

— Но мне нужно больше, — заворчал Беллини. — Я уже сто раз повторял тебе, что я должен бежать из Италии. Ты не знаешь, что такое мафия. Мне нужен миллион лир. Ты обещала мне эти деньги, и черт тебя возьми, если я их не получу.

— Ты получишь их в пятницу вечером. Я продам свой жемчуг. Но если ты сделаешь хоть одну ошибку, то вообще ничего не получишь.

— Я не сделаю никакой ошибки. Если же ты собираешься одурачить меня, я сверну тебе шею, гадюка.

Лаура рассмеялась.

— Я не собираюсь дурачить тебя, Марио.

— Вот так-то лучше. Подойди. До завтра мы еще успеем наговориться.

— Ты все понял, Марио?

— Хватит об этом. Подойди ко мне.

Только после часа ночи Лаура вышла из ангара и поднялась в виллу. Она курила сигарету, что-то напевала под нос, и ее движения были слегка неуверенными. Я пошел за ней и, к своему удивлению, увидел, что она вошла в комнату Бруно.

— Ты еще не спишь? — услышал я ее голос. — Хочешь знать, где я была все это время?

Я осторожно заглянул в комнату. Лаура стояла перед кроватью Бруно, сложив руки, с сигаретой в алых губах. Она была пьяна, и было видно, что она находится в мрачном, озлобленном настроении.

— Я была в лодочном ангаре, Бруно, — сказала она. — Наверное, ты с удовольствием выследил бы меня.

Страхнув пепел на пол, она вызывающе и безжалостно посмотрела на мужа. Свет ночника падал на его лицо. Взгляд Бруно был внимательным и настороженным.

— Пришел момент, когда мы должны поговорить откровенно, — продолжала Лаура. — Со времени катастрофы с тобой я терпеливо дожидалась этого момента.

Стоя в тени, я так отчетливо слышал каждое слово, как будто сам находился в комнате.

— Начнем с самого начала, Бруно. Ты даже не подозреваешь, какую ошибку ты сделал, женившись на мне. Мы ошиблись оба. Я вышла за тебя замуж, чтобы вытянуть из тебя как можно больше денег, потому что ты был богат. Когда прошло твое первое ослепление страстью, я увидела, что ты начинаешь меня презирать, и поняла, что не ты один сделал ошибку, решившись на этот брак.

Лаура погасила сигарету и закурила новую.

— Быть замужем за тремьястами миллионами лир было для меня приятной новинкой, — продолжала она, — но, к сожалению, я скоро убедилась, что мне не слишком много достанется от них. Затем, когда ты принял решение превратить наш брак в простую формальность и настоял на раздельных комнатах, я поняла, что нужно что-то предпринять.

Лаура подошла к кровати и уселась на нее.

— Для тебя, Бруно, было бы лучше, если бы ты развелся со мной. На приличных условиях. Я даже согласилась бы взять вину на себя. Но тебя не устраивал развод, ты боялся скандала. — Она бросила сигарету на пол и затоптала ее. — Потом я обнаружила, что за мной следят. Какое тебе было дело до того, что у меня был любовник? Ведь я стала тебе безразлична. Но ты всегда твердил мне, что я должна вести себя прилично ради Валерии. Однажды ты даже угрозил мне изменить завещание. Это была твоя самая большая глупость. Я поняла, что мне нужно что-то предпринять, и как можно скорее.

Наклонившись, Лаура поглядела в лицо Бруно с мрачной усмешкой.

— Я хочу как следует видеть твои глаза, Бруно, в тот момент, когда я буду тебе рассказывать об этом. Четыре года я терпеливо дожидалась этого мгновения... Это я вылила жидкость из тормозной системы твоей машины. Полиция нашла там какой-то дефект, однако это сделала я. Я так и предполагала, что ты будешь гнать, как сумасшедший, чтобы встретить Валерию. Поэтому я и испортила тормоза. Правда, мне не повезло, ты не разбился насмерть, но в результате катастрофы ты оказался прикованным к постели и полностью в моей власти.

Лаура целую минуту молча смотрела на Бруно.

— Как спокойно ты воспринял это, — наконец сказала она. — После всего, что я сказала, ты остаешься спокойным и равнодушным. Но это еще не все. Я выведу тебя из равновесия. Ты еще пожалеешь, Бруно, что не умер тогда.

Лаура встала и начала ходить взад и вперед по комнате.

— Большая глупость с твоей стороны, что ты хочешь оставить Валерии так много денег. Вилла и все прочее также предназначаются для нее. Тебя совершенно не интересует, что будет со мной. Но предупреждаю: все достанется мне! Валерия не получит совсем ничего — ни денег, ни дома, ни лодки. Ты слышишь?

Она подошла к кровати и пронизывающе посмотрела на мужа.

— Все перейдет ко мне! Валерия умрет вечером в пятницу. Звучит драматически, не правда ли? Потребовалось немало времени, чтобы дожидаться удобного момента и сделать все необходимые приготовления. Это было не просто, но доставило мне удовольствие. Маленькая Валерия умрет. Она будет второй жертвой маньяка со страстью к убийству, и этим маньяком является славный, умный Дэвид Чизхольм!

Она нагнулась к Бруно, глаза ее блестели.

— Ты думаешь, я пьяна, и не веришь мне, но тебе придется поверить. Тебе также не верится, что Дэвид Чизхольм маньяк. Однако его разыскивает полиция. Вот причина, почему он все время околачивается в Милане и занимается всякой ерундовой работой. У него нет паспорта, он дезертир и вынужден скрываться. Я уже давно знала об этом. Один из его начальников, майор, с которым я была знакома, рассказал мне все об этом деле. Твой славный, умный Дэвид Чизхольм несколько лет назад зверски убил девушку. Я узнала его по фотографии, которую мне тогда показали, и поняла, что это именно тот человек, который мне нужен. С ним было очень легко справиться, Бруно. Стоило мне притвориться, что я влюбилась в него, и он безропотно последовал за мной.

Погладив подушку Бруно, Лаура цинично улыбнулась.

— Сначала я думала, что Валерию должен убить Беллини, но это было слишком рискованно. Это должен быть человек, которого полиция сразу же заподозрит. Поэтому я остановила свой выбор на Чизхольме. Этот дурак вообразил, что я привезла его сюда для того, чтобы он убил те-

бя. Он отказался. Не было смысла ему объяснять, что первой на очереди стоит Валерия.

Лаура медленно взяла сигарету и стала вертеть ее в пальцах.

— Итак, Валерию убьет Беллини, но вина падет на Дэвида. Я расскажу тебе все подробности, Бруно, чтобы ты отчетливо представлял себе, как все произойдет. В пятницу сестра Флеминг уедет на два дня. Как только Мария уйдет домой, Беллини явится сюда. В это время Дэвид будет занят в гараже с машиной. Я позабочусь о том, чтобы у него было дело поблизости от виллы. Сама я задержусь в лодочном сарае. На вилле останетесь только ты и Валерия.

Она опять села на кровать и нагнулась к мужу.

— Только представь себе эту сцену. Появление Беллини испугает Валерию, но она даже не успеет вскрикнуть, как он раскроит ей череп, возможно, даже здесь, в твоей комнате. Мне хотелось бы, чтоб это произошло здесь, но, конечно, он убьет ее там, где она в тот момент будет находиться. От шока ты можешь умереть и тем самым избавишь меня от многих осложнений. Убедившись в смерти Валерии, Беллини тут же исчезает. Тогда в виллу поднимаюсь я, нахожу труп Валерии и вызываю полицию. Подозрение падет, конечно, на Чизхольма, а стоит им узнать, кто он такой, как они убедятся, что нашли виновного. Затем, пару дней спустя, тебя найдут мертвым, Бруно. Доктор Пирелли предположит, что ты погиб от запоздалого шока.

Лаура встала, подошла к креслу и взяла в руки подушку.

- Ты и не представляешь себе, как для меня просто закончить с тобой, — сказала она, подходя к постели. — Нужно только прижать подушку к лицу и подержать некоторое время. — Склонившись над мужем, она поводила подушкой перед его глазами. — Это будет очень просто. Я борюсь с искушением сделать это сейчас, но это было бы слишком опасно. Сначала Валерия, потом ты.

Лаура швырнула подушку опять на кресло.

— Теперь, кажется, ты уже не так спокоен. Подумай об этом! Остается только четыре дня, а ты ничего не сможешь предпринять. Ты не можешь никому ничего рассказать, не можешь предупредить Валерию. Но ты знаешь, как все произойдет. — Она опять склонилась над Бруно, и ее голос стал хриплым от ярости. — Четыре года я дожидалась этого момента, но теперь я буду наслаждаться каждой секундой!

Стоя на душном перроне, я дожидался прибытия парижского экспресса. Я был измучен. Ночью я мог поспать только час. Утром меня поразила перемена, происшедшая с Бруно. Он выглядел таким больным, что я хотел послать за доктором Пирелли, но мне не позволила сделать это Лаура, ни на минуту не оставлявшая нас наедине.

— Он просто волнуется в ожидании Валерии, — нетерпеливо сказала она. — Прошу тебя, Дэвид, не вмешивайся не в свое дело. Стоит ей приехать, как все наладится. Кроме того, к обеду доктор Пирелли приедет сам. Тогда он его и посмотрит.

По выражению глаз Бруно я понял, что он поверил той истории, которую ему ночью рассказала обо мне Лаура. Поэтому я был рад уйти из комнаты больного. Думая о том, что он не может из-за своей немоты расстроить планы Лауры, Бруно, наверное, провел ужасную ночь. Странно, что он еще не лишился рассудка.

Расхаживая взад и вперед по перрону, я думал о том, какое это счастье, что мне удалось прошлой ночью подслушать Лауру. Теперь я был предупрежден и имел возможность разрушить ее планы. Для выполнения ее замысла было необходимо мое присутствие неподалеку от дома. Если меня там не будет, она не рискнет нанести удар. Значит, в то время, когда Лаура уже ничего не сможет изменить, я должен отпроситься в Милан.

Кроме того, я решил в пятницу навсегда покинуть виллу. Если Лаура будет угрожать мне полицией, у меня есть контрдовод в виде доктора Пирелли. Думаю, она не решится меня задерживать.

Мои мысли прервал гудок паровоза. Из-за поворота показался поезд.

Я не знал, как выглядит Валерия Фанчини, и когда пассажиры начали выходить из вагона, стал ломать себе голову, как узнать ее в этой толпе.

— Вы Дэвид, не правда ли?

Я резко обернулся. Передо мной стояла хорошенькая девушка, смуглая, с огромными карими глазами на небольшом личике и улыбалась. Она была очень привлекательна.

— Да, — удивленно ответил я. — А как вы меня узнали?

Она весело рассмеялась.

— По описанию Марии. Она сообщила мне в письме, что вы высокий, темноволосый и красивый американец. Как чувствует себя отец?

— Он с нетерпением ждет вас, — осторожно ответил я.

— Мне не следовало уезжать так далеко от него. Слава Богу, что я вернулась домой, и на этот раз навсегда.

Я не мог оторвать глаз от этой девушки. Ее юность, бьющий ключом темперамент, естественность очаровали меня.

— У меня сажа на носу или что-то не в порядке? — насмешливо спросила она. — Вы смотрите на меня, как на диковинку в зоопарке.

Я почувствовал, что краснею.

— Простите, синьорина. У вас большой багаж?

— Очень.

Она кивнула двум носильщикам, тащившим гору чемоданов.

— Сейчас я займусь им, — сказал я. — Подождите в машине, я недолго.

Наблюдая за укладкой багажа, я вдруг вспомнил о ночном разговоре. Так вот эту девушку Лаура планировала хладнокровно убить.

До сих пор Валерия была для меня только именем, а не живым человеком. Я думал о ней только тогда, когда вспоминал о своем участии в этой истории.

Когда мы доехали до пристани, мне стало ясно, что нельзя оставлять такую неопытную девушку в руках Лауры и Беллини. Мне было бы несложно разрушить планы Лауры и бежать, но для Валерии опасность оставалась. Рано или поздно Лаура осуществит свой план убийства, так просто она не откажется от него. Проблема, которую я считал решенной, снова вставала передо мной.

Остановившись у пристани, мы выгрузили багаж. Валерия ждала в тени, пока я и двое носильщиков носили чемоданы в лодку.

— Благодарю вас, — сказала она, когда я помог ей сесть в лодку. — Не знаю, что бы я без вас делала. Можно мне сесть за руль? Я хорошо вожу лодку, во всяком случае, так считает отец.

— Прошу вас.

Я уселся позади Валерии. С ловкостью заправского морского волка она вывела лодку из гавани, прибавила газ, и мы на полной скорости понеслись по озеру.

— Как чудесно вернуться домой, — сказала девушка,

бросив на меня взгляд через плечо. — У нас здесь очень красиво, правда?

— Да, — ответил я. — Мне очень жаль уезжать отсюда.

— Вы собираетесь уехать?

— Да. В следующий понедельник. Синьора Фанчини уже ищет мне замену.

— Почему вы уезжаете? Мария писала мне, что вы читаете отцу вслух, а это ему нравится.

Я вспомнил взгляд, который бросил Бруно на меня сегодня утром. Теперь наверняка мое чтение не будет больше доставлять ему удовольствие.

— Мне нужно продолжить работу над книгой.

— О! — Валерии не удалось скрыть разочарование. — Как жаль! Я надеялась больше узнать о вашей книге. Я сама хорошо знаю наши соборы. Отец всегда брал меня с собой, когда еще работал в департаменте культуры.

— Это уже решено, — сказал я, и, чтобы сменить тему, начал расспрашивать Валерию о ее жизни в Англии и Париже.

Весь путь до виллы она весело рассказывала мне о своей жизни. Когда лодка подошла к пристани, я пожалел, что наше поездка закончилась.

— Как же вы перенесете все эти чемоданы в дом? — спросила Валерия, легко выпрыгивая из лодки.

— Не беспокойтесь, Биччи поможет.

— Ах, Биччи! Как он поживает? Мы всегда были с ним друзьями. Передайте ему привет. Как только смогу, я навещу его. Благодарю вас за все.

Она побежала вверх по лестнице, и ее платье развевалось на ветру.

Только я выгрузил багаж Валерии, как ко мне подошел доктор Пирелли.

— Что у вас тут случилось со времени моего последнего визита? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Насколько мне известно, доктор, ничего, — ответил я.

— Однако вы заметили состояние, в котором находился синьор Фанчини сегодня утром?

— Синьора Фанчини сказала, что в такое возбуждение его привело ожидание приезда дочери.

— Чепуха! Что-то произошло. Синьор Фанчини почти вне себя. Это сразу бросается в глаза.

— Действительно, он выглядит подавленным, — осторожно сказал я.

— Это слишком мягко сказано! Он несколько раз пытался мне что-то сказать. Я думаю, что ему пришлось перенести какой-то шок. Но если вам ничего не известно, нет смысла об этом говорить. На всякий случай я приеду завтра утром. До тех пор его не следует тревожить. Вам понятно?

— Да, доктор.

Прежде чем уйти, он окинул меня долгим взглядом.

Я медленно пошел к дому и встретил у входа Лауру.

— Кажется, доктор Пирелли очень озабочен состоянием Бруно, — сказала она, и было видно, что Лаура встревожена. — Он предписал ему полный покой. Он сказал тебе об этом?

— Да.

— Для Валерии это печально, но тут ничего не поделаешь. Поезжай сегодня вместе с ней в Паланцу. Она должна выполнить несколько моих поручений, и мне не хотелось бы отпускать ее одну.

Я тотчас вспомнил, как она вчера ночью говорила Беллини: «До пятницы нам ничего не следует предпринимать. Мы не должны допустить ни единой ошибки. Кстати, нужно дать Дэвиду время как следует познакомиться с Валерией. Это самое важное».

Лаура явно не собиралась терять времени даром.

— Хорошо, — сказал я. — Поедешь с нами?

— Нет, Дэвид, у меня слишком много дел. — Она вопросительно посмотрела на меня. — Тебе понравилась Валерия?

— Она славная.

— Звучит не слишком воодушевленно, Дэвид. А ведь все американцы любят молоденьких хорошеньких девушек.

— Неужели? С таким же успехом можно сказать, что все американки обожают волосатых убийц, курящих сигареты.

С этими словами я ушел.

Я не мог остаться наедине с Бруно, иначе я возбудил бы подозрения у Лауры. Должно быть, он находился в страшном волнении. Мне хотелось сказать ему, что я был свидетелем ночного разговора и что я постараюсь защитить Ва-

лерию. Однако при сложившихся обстоятельствах такой разговор с ним был невозможен.

Озабоченный и внутренне обеспокоенный, я пошел к пристани. Валерия уже ждала меня там. Вид у нее был печальный.

— Что происходит с моим отцом? — спросила она, когда я сел в лодку. — Он выглядит просто ужасно. Я не думаю, что это связано с моим приездом, как сказала Лаура. Я с удовольствием немного развлекла бы его, но сестра Флеминг не позволила оставаться с ним. Вам не кажется, что Лаура может иметь к этому отношение?

— Понятия не имею.

Посмотрев на меня, Валерия откровенно сказала:

— Я подозреваю, что вам известно гораздо больше, чем кажется.

— К сожалению, я действительно ничего не знаю, и не ломайте над всем этим голову. Мы не можем помочь вашему отцу и только измучаем себя нелепыми предположениями. Поехали. Вы хотите сесть за руль?

— Нет, не хочу.

Я сел за руль и взял курс на Паланцу.

В обществе Валерии день прошел, как одно мгновение. За короткий срок мы купили все, что нужно, и оставшееся время посвятили осмотру церквей и уже знакомых нам произведений искусства.

Когда я вечером подошел к кровати Бруно, у меня было такое впечатление, будто он хотел отпрянуть от меня. Сестра Флеминг быстро уснула меня из комнаты, и Лаура пошла за мной.

— Он завтра останется в постели, так что мне не нужна твоя помощь. Если хочешь помочь мне, то лучше развлеки Валерию. Поезжайте куда-нибудь. Например, в Милан.

Я посмотрел на нее.

— Ты, кажется, стала очень беспокоиться о здоровье Бруно.

— Я скажу Валерии, чтобы она была готова завтра к половине десятого утра. Вы можете взять машину.

Лаура вернулась в спальню Бруно и захлопнула дверь перед моим носом.

Весь вечер я ломал себе голову в поисках выхода. Перед сном я пришел к решению осуществить свой первоначальный план. Я решил исчезнуть на вечер в пятницу с виллы в надежде, что Беллини надоест ожидание и он уедет. Тог-

да я смогу найти какую-то возможность и навсегда обезвредить Лауру.

На следующее утро ровно в девять тридцать Валерия появилась в гараже.

— Лаура хочет, чтобы я поехала с вами в Милан, — недовольно сказала она. — Вы согласны?

— Как хотите.

— Я хочу, но мне не нравится, когда мной командуют. Лаура просто приказала мне ехать. Мне хотелось из принципа остаться дома, чтобы доказать ей, что мною нельзя распоряжаться, как ребенком.

— Если вы хотите, то поедem, — сказал я, улыбаясь ее возмущению.

— Но мне нужно вернуться пораньше, чтобы поговорить с доктором Пирелли, когда он приедет.

— Тогда не стоит ездить в Милан. Лучше всего поедem ненадолго в Стреза, а завтра в Милан.

Мы так и договорились и провели пару чудесных часов в Стреза. Валерия была очень приятной спутницей, и, как и накануне, время в ее обществе прошло так быстро, что, когда мы вернулись домой, доктор Пирелли уже собирался уезжать.

Когда мы подошли к нему, то увидели, что у него был очень задумчивый вид.

— Как папа, доктор? — озабоченно спросила Валерия.

— Без изменения, — ответил он. — У него был сильный шок, и что-то его очень тревожит. Жаль, не могу выяснить, что именно. Я дал ему снотворное, так что он будет долго спать. Не нужно его тревожить. Я просил даже Лауру поменьше бывать у него. Это касается также и вас. Сестра Флеминг сделает все необходимое. Она останется здесь на конец недели.

Интересно, как восприняла эту новость Лаура? Раз сестра Флеминг не уедет, ей придется отложить выполнение своего плана. Наверняка теперь она в ярости от своей неосторожности, от того, что она пошла на поводу у своей мстительности и рассказала все Бруно, тем самым встревожив его. Меня же устраивала такая отсрочка: в моем распоряжении было больше времени, чтобы найти выход и защитить Валерию.

Доктор Пирелли повернулся ко мне.

— Насколько я слышал, вы хотите покинуть нас в понедельник. Это верно?

— Да, — ответил я и вдруг почувствовал, что все это время я старался отделаться от мысли о своем неизбежном уходе. — Я предупредил синьору Фанчини.

— Меня устроило бы, если бы вы смогли остаться еще на неделю. Мне не хочется, чтобы с больным имел дело новый человек. Это возможно?

Я задумался.

— Прошу вас, — сказала Валерия. — Мой отец не любит перемен. Ему будет лучше, если вы останетесь.

— Что ж, хорошо, я останусь, — ответил я с внутренним облегчением.

Пирелли кивнул:

— Прекрасно.

— Отцу угрожает опасность, доктор? — со страхом спросила Валерия.

Пирелли покачал головой.

— Нет, у него здоровое сердце, не бойтесь. Дайте только ему время успокоиться и прийти в себя. Гуляйте и развлекайтесь, пока он не поправится. — Он дружески похлопал Валерию по руке. — И не надо волноваться.

С этими словами он пошел к машине. Валерия повернулась и посмотрела на меня сияющим взглядом.

— Как хорошо, что вы остались, Дэвид. Раз уж мы не сможем помочь моему отцу, поедем сегодня после обеда на Изола Белла и погуляем там в парке, а завтра съездим в Милан.

— Не знаю, хорошо ли все это. Ведь меня взяли сюда, чтобы работать. Лучше все-таки спросить у синьоры Фанчини.

— О, она не будет возражать. Так поедем?

— Если вы хотите... я согласен.

Когда я после обеда выходил из кухни, меня остановила Лаура. Она была бледна и выглядела усталой и измученной. Я хорошо понимал, как ей трудно. Уже в последний раз с Беллини было нелегко. Теперь же, когда она была вынуждена отсрочить убийство, наверняка он доставлял ей еще больше хлопот. Поэтому она была такой озабоченной и сердитой.

— Пирелли просил тебя остаться? — коротко спросила она.

— Да. Это была твоя идея?

— Конечно, нет. Меня совсем не устраивает, чтобы ты оставался, Дэвид. Я предпочла бы, чтобы ты уехал в понедельник.

— Раз ты так считаешь, тебе лучше всего переговорить с самим доктором. Я согласился остаться только потому, что он попросил.

Она сердито посмотрела на меня.

— Раз уж он счел нужным, тебе лучше остаться. Я рада, что с тобой говорил именно Пирелли, а то у меня уже создалось впечатление, что ты собираешься влюбиться в Валерию.

Я с трудом сдержался.

— Ты мне больше ничего не хочешь сказать?

— Подожди. Судя по всему, Валерия с удовольствием разъезжает с тобой. Она спрашивала меня, не возражаю ли я против этого. Я ответила, что ничуть. Развлекайтесь!

Она повернулась и медленно пошла с веранды в свою комнату.

Последующие дни Валерия и я проводили вместе. Мы побывали в Милане, Пави и на озере Комо. На моторке мы съездили в Локарно. Поднялись на Монтероне и насладились великолепной панорамой равнины и Альп. Вечерами мы ловили рыбу на озере. Мы купались, болтали и развлекались.

Казалось, время для меня остановилось. После того как меня долго крутило в мутном потоке жизни, теперь, похоже, прибило к тихому, мирному берегу. За всю свою жизнь я не чувствовал себя более счастливым.

Я не знаю, когда я влюбился в Валерию. Возможно, это случилось, когда я впервые увидел ее и она показалась мне олицетворением молодости, красоты и жизненной силы? Осознал я это чувство впервые, очевидно, на пляже в Перро. Мы лежали в тени деревьев и болтали. Я посмотрел на Валерию и встретил ее взгляд. Она покраснела и быстро отвернулась, и тогда я понял, что мы значим друг для друга.

Это была настоящая любовь, какой я никогда до сих пор не испытывал. Валерия не вызывала у меня той безумной страсти, которую возбудила во мне Лаура. Это было более глубокое и нежное чувство. Но я понимал, что все это ненадежно. Я был на тринадцать лет старше Валерии, и у меня не было денег. Не было будущего, и меня разыскивала полиция.

— Дэвид... — начала Валерия и замолчала.

— Да? — спросил я, избегая ее взгляда.

— Вы интригуете меня. Вы для меня загадка. Почему вы нанялись к нам служителем?

— Ради Бога, прошу вас, не взваливайте на себя мои заботы.

— Вы действительно хотите уйти от нас, когда отцу станет лучше?

— Да. Должен же я наконец завершить свою книгу.

Некоторое время Валерия молча смотрела на озеро.

— Без вас здесь будет очень скучно, — наконец сказала она.

— Это скоро пройдет. Вы найдете себе какое-нибудь новое занятие.

Она посмотрела на меня.

— Вы не хотите изменить свое решение и остаться? Вы смогли бы заняться работой моего отца.

— Какой работой?

— До того как с отцом произошел несчастный случай, он наблюдал за реставрацией обветшавших церквей в Ломбардии. За эту работу и теперь отвечают местные власти, но за ней никто не надзирает. Наверняка отец был бы рад, если бы вы разобрали его материалы и привели их в порядок. Разве это было бы не интересное занятие для вас? Я уверена, что он щедро вознаградил бы вас и принял сильное участие в работе.

Искушение было велико, но я не имел права надеяться.

— Нет, мне очень жаль, но из этого ничего не выйдет. Как только я закончу свою книгу, я уеду домой.

Валерия встала.

— Об этом я не подумала. Конечно, Дэвид, если вы собираетесь на родину...

Возвращаясь с прогулки, мы оба были необычно молчаливы. Все эти дни состояние Бруно не улучшалось. В среду мы ожидали доктора Пирелли.

Когда доктор приехал, я помогал садовнику колоть дрова для топки. Пирелли пришел в комнату Бруно и оставался там почти час. Когда он вышел, вид у него был задумчивый, но довольный. Он долго говорил с Валерией, потом увидел меня и подозвал к себе.

— Мне нужно с вами поговорить. Проводите меня до машины.

Остановившись у машины, доктор сказал:

— Могу сообщить вам, что синьор Фанчини чувствует себя гораздо лучше. Он проснулся после долгого сна, и

этот отдых подействовал на него чрезвычайно благотворно.

— Очень рад, — заметил я.

— Если ничего не изменится, то завтра его можно будет перенести на воздух. Я сказал Валерии, что она после обеда может остаться с отцом. Сестра Флеминг хотела провести конец недели у больной родственницы в Милане. Если состояние синьора Фанчини не ухудшится, она может спокойно уехать.

— Понимаю, — разочарованно сказал я.

Если Флеминг уедет, то Лаура осуществит свой план. Доктор продолжал:

— Как мне сообщила сестра Флеминг, вы часто встречаетесь с Валерией.

— Синьора Фанчини просила меня развлечь синьорину.

— Да, я так и понял. Но пока синьор Фанчини не в силах сам позаботиться о своих делах, я являюсь опекуном Валерии и отвечаю за нее. Вряд ли для нее полезно пребывание в вашем обществе, Чизхольм. Я ничего не имею против вас, но Валерия, как и все молодые девушки, впечатлительна. Мне бы не хотелось, чтобы она влюбилась в вас. Теперь она сможет проводить больше времени с отцом, а когда она не будет занята, вы не должны попадаться у нее на пути. Я был бы вам очень признателен за это.

Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову.

— В таком случае, доктор, — резко сказал я, — вам самому придется позаботиться о ее развлечениях. Не думаю, что синьор Фанчини или сестра Флеминг подходящее общество для нее.

Он рассмеялся.

— Не сердитесь, Чизхольм. Вы не хуже меня знаете, как легко девушке влюбиться в такого красивого мужчину, как вы, да если он еще постоянно находится рядом. Я не запрещаю вам видаться с Валерией, я прошу вас только позаботиться, чтобы она не наделала глупостей.

— Хорошо, — ответил я. — Я постараюсь следовать вашим советам.

— Благодарю вас. Не хотите ли вы в таком случае покинуть нас в понедельник?

— Хочу.

— Тогда я постараюсь подыскать вам замену. Я уже говорил с синьорой Фанчини и объяснил ей, что сам позабочусь об этом. Все будет довольно просто. Итак, считайте, что с понедельника вы свободны.

— Весьма благодарен, — отозвался я.

Кивнув, доктор сел в машину и, высунувшись из окна, спросил:

— Надеюсь, вы не обиделись, Чизхольм?

— Разумеется, нет. На вашем месте я сделал бы то же самое.

— Я так и думал, что вы поймете, — сказал он, улыбаясь. — Рад, что не обманулся в вас. До свидания!

С минуту я смотрел вслед удаляющейся машине, потом пошел в сад. Около веранды мне встретилась Валерия.

— Мне хотелось бы с вами поговорить, Дэвид, — сказала она. — Прошу вас, спустимся к гавани.

— Я занят, — ответил я, стараясь избегать ее взгляда. — Меня ждет Джулио.

— Но мне очень нужно с вами поговорить, — повторила она. — Пойдемте со мной, Дэвид, это очень важно.

Я прошел за ней по лестнице вниз к пристани. Когда мы оказались под ивами, Валерия повернулась ко мне.

— О чем с вами говорил сейчас доктор Пирелли?

— Он сказал, что вашему отцу лучше.

— Но он сказал и что-то еще. Он запретил вам встречаться со мной, да?

Мне пришлось улыбнуться при виде ее сердитого и испуганного лица.

— Но он совершенно прав, Валерия. Мы с вами забыли, что я здесь только простой слуга. Люди, вероятно, сплетничают о нас, а сестра Флеминг, наверное, возмущена.

— Какое дело сестре Флеминг до нас! — воскликнула Валерия. — И доктор Пирелли не имеет права вмешиваться.

— Нет, имеет. Он ваш опекун, а вы еще ребенок.

— Но я совсем не ребенок, Дэвид! Или вы тоже не хотите, чтобы мы встречались?

— В моем положении приходится выполнять приказания.

— Это не ответ.

— Мне было очень приятно повсюду ездить с вами, — медленно сказал я. — Мне нравится ваше общество, но я не смею идти против распоряжений доктора Пирелли.

— Это все-таки не ответ на мой вопрос. Не старайтесь увильнуть, Дэвид. Это слишком важно для меня. Я не хочу, чтобы вы уезжали, я хочу видаться с вами, я люблю вас, Дэвид!

— Не говорите так!

Валерия подошла вплотную ко мне.

— Но ведь ты меня тоже любишь.

Не успел я понять, что делаю, как она очутилась в моих объятиях.

— О, Дэвид, любимый, — нежно сказала она, обвивая руками мою шею.

Я попробовал мягко отстранить ее, но она не отпускала меня.

— Прошу тебя, не надо, Дэвид.

— Мы не должны этого делать. Это нехорошо. Что бы сказал твой отец?

— Не говори глупостей, Дэвид. Это касается только нас двоих. Я полюбила тебя с того момента, когда увидела на перроне. Ты стоял с озадаченным видом и искал меня взглядом...

— Замолчи! — крикнул я и с силой оттолкнул Валерию от себя. Она говорила почти те же слова, что когда-то Лаура в моей комнате в Милане.

— Дэвид!

— Это не приведет ни к чему хорошему. Нас разделяет пропасть — образ жизни, возраст...

— Не беспокойся, я уже все устроила, — ответила Валерия, улыбаясь. — Я говорила с отцом о тебе, он к тебе неплохо относится и, если я его попрошу, конечно, даст тебе ту работу, о которой мы говорили. Тогда ты сможешь остаться здесь и помимо всего работать над своей книгой. О, Дэвид, неужели ты не веришь, что все устроится?

— Нет, Валерия, это не так просто. Мне очень жаль, но это невозможно. И вообще ты меня почти не знаешь. Прежде всего я слишком стар для тебя. Мы должны расстаться.

— Валерия! — то был голос Лауры. — Валерия, где ты?

— Иди к ней, — сказал я, слегка подтолкнув девушку. — Нас не должны видеть вместе.

— Я не оставляю этого так, — горячо сказала Валерия. — Я знаю, что ты меня любишь, и я люблю тебя. Я не допущу, чтобы ты сделал глупость.

С этими словами она повернулась и побежала вверх по лестнице.

В моем распоряжении было целых полдня, и я решил куда-нибудь съездить, чтобы спокойно все обдумать.

Запуская подвесной мотор, я увидел, как из бухты, затененной плакучими ивами, вырвалась большая моторка и

быстро двинулась в сторону Стреза. За рулем сидела Лаура.

С минуту я наблюдал за ней, потом дернул стартер, завел мотор своей лодки и пустился вслед за Лаурой. Мне хотелось убедиться, что она едет к Беллини. Спустя полчаса я добрался до Изола Пескатори и обнаружил лодку Лауры в гавани около гостиницы. Удовлетворенный, я поплыл дальше. Очевидно, Лаура не отказалась от своего плана. Я причалил в гавани Стреза, привязал лодку и вышел на набережную.

Теперь я должен прийти к окончательному решению, не могло быть и речи ни о каких отсрочках. Я дошел под палящими лучами солнца до цветника около отеля «Регина Палас» и уселся на скамью.

Предполагавшаяся ранее моя отлучка с виллы в пятницу вечером могла только отсрочить грозившую Валерии опасность, но не устранить ее совсем. Не говоря уже о том, что я не рискнул бы оставить Валерию одну в доме: я еще не знал, не изменит ли Лаура свой план и не склонит ли Беллини к убийству даже в том случае, если ей не удастся свалить вину на меня. Я понял, что без серьезных контрмер мне не предотвратить опасность, грозящую Валерии. Я видел только один выход, но до сих пор боялся посмотреть правде в глаза.

Ситуация была такова. Валерия любит меня, а я люблю ее. Ее отец может дать мне интересную работу. Возможно, он даже согласится выдать Валерию за меня замуж. Но присутствие Лауры разрушало все это. Достаточно одного ее слова, и меня арестуют и, вероятно, повесят за убийство, которого я не совершал. Однако самое худшее заключалось в том, что Лаура собиралась убить Валерию. Наша с Валерией судьба находилась в руках Лауры. Пока она была жива, нам постоянно угрожала опасность. Значит, единственный выход — Лаура должна... умереть.

Эта мысль уже давно приходила мне в голову. Сначала я отвергал ее, но потом постепенно привык и увидел в ней единственный выход. А как же иначе? Лаура собиралась убить Валерию, почему же я не могу сделать то же самое с ней? Неужели она имеет право жить, не поплатившись за свои черные замыслы?

Кровь стучала у меня в висках, рот пересох. Я пытался найти другой выход, но не мог. Оставалась единственная возможность: если я не хочу потерять Валерию, Лаура должна умереть.

Припоминая свои разговоры с Лаурой, я знал, как легко привыкнуть к мысли об убийстве, попасть в этот опасный омут. Гнетущая атмосфера на вилле, угрюмый и жестокий характер Лауры, мое собственное двусмысленное положение и любовь к Валерии — все это способствовало таким мыслям.

Но как это сделать? Может быть, мне удастся впутать в это дело Беллини и свалить всю вину на него, как Лаура собиралась сделать со мной? У меня было мало времени — оставалось только два коротких дня на разработку плана моих действий.

Я закурил новую сигарету и поразился твердости своей руки. Пульс мой опять бился ровно, только почему-то на этой жаре мне стало холодно. Нужно обдумать все и вести себя крайне осторожно. Говорят, что каждый убийца допускает хотя бы одну ошибку. Я не мог себе этого позволить.

Прежде всего — мотив. Он должен ясно и определенно указывать на Беллини. На его счету было несколько тюремных отсидок, и он был известен полиции как бандит и насильник. Полицию будет легко убедить, если появится четкий и определенный мотив. Но каким же он должен быть?

И тут мне на ум пришел жемчуг Лауры. Она уже взяла его у Станито и один раз надевала. Будет несложно похитить его из ее комнаты в том случае, если она не наденет его в пятницу вечером. Беллини знали в доме как служителя. Наверняка ему было известно о жемчуге. Он хотел украсть его и при этом убил Лауру.

Быстрым движением я стер со лба холодный пот. Лаура собирается встретиться с Беллини в девять часов в лодочном ангаре. Она сделает так, чтобы в это время я был в гараже и занимался машиной. Валерия же будет у отца.

Я должен буду незадолго до девяти часов войти в ангар. Поскольку Лаура дала мне ключ, я смогу сделать это без труда и стану дожидаться ее прихода. Когда она войдет, я нанесу ей смертельный удар, потом поспешу к гавани, чтобы встретить Беллини. С ним придется быть очень осторожным. Лучше всего стукнуть его мешком с песком по голове, когда он будет вылезать из лодки. Потом я суну ему жемчуг в карман и сброшу труп в озеро. Опрокинув его лодку, я вернусь в гараж. Если мне повезет, то полиция решит, что Беллини утонул во время бегства.

На первый взгляд план выглядел очень удачным, хотя в нем и были некоторые сомнительные моменты. Предпо-

должим, что Беллини придет в лодочный ангар раньше Лауры? Или они придут вместе? Нужно было принять во внимание обе возможности, но основная идея меня устраивала.

Я еще долго сидел на солнце, прокручивая в мозгу свой план шаг за шагом, учитывая каждый элемент риска, отыскивая вероятные ошибки и возможность избежать их.

Странно, но при этом я понял, что в убийстве есть своя притягательная сила. Мысль о нем меня больше не ужасала и не отпугивала. Мне даже показалось, что счастье, которое еще сегодня утром было от меня так далеко, приблизилось ко мне на шаг. Может быть, мне еще удастся схватить его.

Глава 10

Около четырех часов я ушел с набережной и отправился на вокзал, чтобы уехать в Милан поездом в четыре сорок. Я смешался с толпой туристов, стоявших в очереди в кассу, и вместе с ними прошел на перрон. Мне не хотелось, чтобы меня узнали. Мое путешествие в Милан должно было остаться для всех тайной. Я взял билет в третий класс и весь путь просидел между толстухой в пестром платье и здоровым мужчиной в черном костюме.

Никто не обратил на меня внимания. Я мысленно отшлифовывал свой план.

Единственная трудность, которую я мог предвидеть, заключалась в том, что одна из моих жертв опоздает или они придут одновременно. Но и то и другое было маловероятным.

Но что, если мне не удастся оглушить Беллини? Он был очень силен и в борьбе был опасным противником. Мне нужно было непременно, на всякий случай, иметь еще одно оружие. Я решил позаимствовать пистолет у Торчи. Мне было известно, что он имеет отношение к мафии. Об этом мне как-то в пьяном виде проболтался Джузеппе. Если мне придется застрелить Беллини, я оставлю пистолет рядом с трупом, и полиция быстро узнает, что он принадлежит Торчи.

Возможно, полиция подозревает Беллини в убийстве Луиджи, и ей наверняка известно о связях Луиджи с ма-

фией. Поэтому они, вероятно, предположат, что после кражи жемчуга Беллини наткнулся на Торчи и тот застрелил его. Я надеялся, что у Торчи на время преступления будет надежное алиби, так что полиция решит, что его оружием воспользовался какой-то неизвестный мафиози.

Мне бы не хотелось впутывать Торчи в это дело. Он и без того мог доставить мне много неприятностей и кое-что выдать полиции.

Около шести часов я был у дома Торчи. Напротив находилась телефонная будка. Я зашел туда и набрал номер Торчи. Никто не ответил. Мне представлялся удобный случай. Я пересек улицу, поднялся на верхний этаж и постучал в квартиру Торчи. На стук никто не вышел.

Я открыл почтовый ящик и вынул оттуда ключ. Симона вечно теряла свой, и поэтому Торчи на всякий случай оставлял запасной ключ в почтовом ящике.

Я вошел в квартиру и начал поиски оружия. В конце концов я нашел его в комод в спальне, под бельем Симоны. Это была «беретта» крупного калибра. В обойме находились четыре патрона. Никем не замеченный, я вышел на улицу. На площади Лорето я зашел в галантерейный магазинчик и купил пару кожаных перчаток, а на Корсо Буэнос-Айрес я заказал второй ключ к квартире в лодочном ангаре с ключа, который мне дала Лаура.

На этом мои первые приготовления закончились. У меня были пистолет, перчатки и второй ключ. Не хватало только мешка с песком, но его я мог сделать сам. Я быстро пошел к вокзалу.

Вскоре после девяти часов я опять был в Ароло в своей комнате. Мне хотелось избежать встречи с Валерией, поэтому я купил в Милане хлеба и бутылку кьянти, чтобы не ужинать на вилле. После ужина я растянулся на кровати и закурил, дожидаясь, пока улягутся Биччи с женой. Выждав еще час, я выскользнул из комнаты и спустился в гараж. Там я быстро приготовил мешок с песком и незамеченным вернулся к себе.

Несколько минут я еще сидел и думал. Завтра четверг, а послезавтра... пятница...

Потом я спокойно заснул и впервые за все время моего пребывания в этой комнате спал без сновидений...

На следующее утро я отправился на виллу. Поднимаясь по лестнице, я встретил на веранде сестру Флеминг. Она даже соизволила улыбнуться мне.

— Нужно перенести синьора Фанчини в кресло? — спросил я.

— Да. Он хорошо спал и чувствует себя гораздо лучше. После моего возвращения доктор Пирелли собирается на следующей неделе перевезти его в Стреза в «Регина Палас».

— Когда вы собираетесь в Милан, сестра?

— Завтра утром.

Неожиданное улучшение состояния Бруно удивило меня. Ведь он знал, что Валерии грозит опасность. Как же он мог в этой ситуации чувствовать себя хорошо?

Я нашел только одно объяснение. Лаура, наверное, убедила Бруно, что она не будет больше мучить его зря, а он понял это так, что ни ему, ни Валерии больше не грозит опасность.

Когда я вошел в комнату, Бруно посмотрел на меня. Его взгляд был испытующим, но в нем не было прежней боязни. Когда я поднял его, он, казалось, больше не пытался отпрянуть от меня. Наверняка все произошло так, как я и предполагал: Лаура, должно быть, убедила его.

Пересадив Бруно в кресло, я сказал:

— Рад, что вам лучше, синьор. Надеюсь, что это первый шаг к выздоровлению.

— Ладно, Чизхольм, — резко вмешалась сестра Флеминг. — Не нужно вести никаких разговоров. Выйдите теперь. Мне надо умыть синьора Бруно.

Хотя во взгляде Бруно не было враждебности, он потерял свое прежнее дружелюбие... Казалось, он изучает меня.

В саду я встретил Лауру. Вид у нее был очень измученный. Напряжение последних дней не прошло для нее бесследно.

— Где ты был вчера вечером? — отрывисто спросила она. — Я везде искала тебя. Почему ты уехал без моего разрешения?

Я посмотрел на Лауру. Теперь она была для меня пустым местом. Глядя на нее, я спрашивал себя: как я мог когда-то так влюбиться в нее?

— Ты, кажется, забыла, что я больше не твой слуга. Я задержался здесь на два дня по просьбе доктора Пирелли, — ответил я.

Ее глаза зло блеснули, но она взяла себя в руки.

— Если это так, то верни мне, пожалуйста, ключ от лодочного ангара.

Я знал, что она рано или поздно потребует ключ обратно. Поэтому я и приготовил второй.

— Вот он, — сказал я, вынимая ключ из кармана.

Лаура взяла его.

— Прошу тебя, не забудь, что сестра Флеминг уезжает в конце недели. Мне хотелось бы, чтобы в ее отсутствие ты еще находился на вилле.

Я изучал лицо Лауры. Остановив свой взгляд на ее виске, я подумал, что это именно то место, куда надо ее ударить. Один сильный удар мешком с песком, и она быстро и безболезненно умрет.

— Дэвид!

Ее вскрик отвлек меня от раздумий.

— Прости меня. Я задумался. Конечно, я останусь.

Лаура удивленно посмотрела на меня.

— Это все, Дэвид.

Я прошел мимо нее к гавани.

Около одиннадцати часов я увидел, как Лаура в своей «Альфа-Ромео» уехала в сторону Съесто Календо. Как только машина скрылась из виду, я вошел в лодочный ангар и поднялся в квартиру. Мне хотелось оглядеться.

Шкаф для одежды был достаточно вместительным, чтобы спрятаться в нем. Я открыл дверцу, чтобы убедиться, что они не скрипят, потом закрыл их и вернулся в гостиную. Когда я туда вошел, на пороге комнаты стояла Валерия. Она изумленно посмотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь, Дэвид?

Ее неожиданное появление привело меня в полное замешательство. Я смотрел на нее, не в силах сказать ни слова.

— В чем дело, Дэвид? Почему у тебя такой вид?

Я с трудом взял себя в руки и попытался изобразить на лице улыбку, хотя это и не слишком мне удалось.

— Ты меня напугала до полусмерти, — сказал я. — Я решил, что это Лаура.

— Прости, Дэвид. У тебя такой странный вид. Что-нибудь случилось?

— Нет. А что могло случиться? Ты просто напугала меня.

Валерия подошла ко мне.

— Правда, ничего не случилось? Когда ты вышел из той

комнаты, я тебя почти не узнала. Если хочешь знать, то по-настоящему меня напугал ты.

— Я не хотел этого, я просто сам испугался. Лаура запретила мне ходить в лодочный ангар, и я решил, что она застала меня на месте преступления. Дверь была открыта, и мне стало любопытно, как здесь все выглядит внутри. Довольно красиво, не правда ли?

— Я терпеть не могу эти комнаты, — возразила Валерия. — Здесь ужасная атмосфера. Неужели ты этого не чувствуешь?

— Во всяком случае, жить здесь мне бы не хотелось. Выйдем. Что ты здесь искала?

— Собственно говоря, тебя. Я была на берегу, но когда тебя там не нашла, поднялась сюда, чтобы поговорить с Лаурой.

— Кажется, она уехала в Милан.

Мы с Валерией подошли к гавани и остановились около парапета.

— Дэвид, по поводу вчерашнего...

— Сядем, — сказал я, и мы опустились на парапет. — Я все время думаю о том, что ты мне сказала вчера. Это было серьезно?

— Конечно. — Валерия нежно положила мне руку на плечо. — Каждое слово — правда!

— И насчет работы?

— Конечно.

— Тебе, однако, известно, что, пока ты несовершеннолетняя, все зависит от твоего отца?

— Я знаю. Кроме того, я ничего не сделаю наперекор ему. Если ты решил взяться за эту работу, я поговорю с ним. Потом уже будет просто приучить его к мысли, что мы любим друг друга.

— Хорошо, Валерия, я возьму эту работу, если твой отец согласится.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Дэвид, ведь все-таки что-то случилось?

— Почему ты так думаешь?

— Еще вчера ты был категорически против. Ты даже не хотел говорить об этом. Почему ты так быстро передумал?

— Я размышлял над этим всю ночь и пришел к выводу, что был слишком упрям и горд. Только теперь до меня дошло, что значит для меня наше счастье.

— Не считай меня дурочкой, Дэвид! Я чувствую, что что-то случилось и поэтому ты изменил решение. Ты и

сам изменился по сравнению со вчерашним днем, стал как-то жестче. Это видно по твоему взгляду.

Я и сам знал, что изменился. С того момента, как я решил убить Лауру и Беллини, мною овладела какая-то странная сила. Это было похоже на то, как если бы во мне поселился другой человек.

— Чепуха! — сказал я, вставая. — Ты все это себе придумала. Не нужно, дорогая. Тебе нельзя так надолго покидать виллу, иначе об этом узнает сестра Флеминг или доктор Пирелли. Не стоит восстанавливать его против нас. Лучше иди к отцу.

— Ты меня любишь, Дэвид?

Я обнял ее.

— Больше всего в жизни. Не беспокойся, Валерия, все будет хорошо. Я сейчас немного взволнован просто потому, что боялся потерять тебя, вот и все.

— Ты уверен, что это все?

— Абсолютно. А теперь иди, пока тебя не хватились. Но не говори пока со своим отцом о работе. Подожди, пока он окрепнет.

Она прижалась ко мне и поцеловала.

— Пока мы вместе, я счастлива, — сказала девушка.

После обеда я приготовил небольшую сумку. Необходимо было учесть все возможности. Если в моем плане произойдет какая-нибудь неувязка, то я предполагал бежать через озеро на моторке в Бриссаго, к швейцарской границе. Я решил в этом случае бросить лодку в паре километров от Бриссаго, а затем около гор перейти границу. После этого я хотел добраться до Локарно, пробыть там пару дней, а потом через озеро Комо вернуться в Милан.

В крайнем случае я мог отправиться в Рим, где нашел бы надежное убежище. К счастью, я не был стеснен в средствах. В моем распоряжении было почти десять тысяч лир, и я надеялся, что на первое время мне их хватит.

Я отнес сумку в ангар и спрятал ее в лодке. Потом я занялся мотором. Он должен быть в полном порядке, чтобы в случае нужды он меня не подвел.

Около восьми часов я вернулся на виллу. Валерия сидела рядом с отцом, сестра Флеминг вязала, Лауры не было. Когда я поднялся на веранду, Валерия улыбнулась мне.

— Может быть, мне отнести синьора Бруно на кровать? — спросил я.

Сестра Флеминг взглянула на часы и отложила вязание.

— Да, пора, — сказала она, вставая.

Валерия тоже поднялась. Я заметил, как Бруно окинул взглядом ее и меня... Откатив кресло в спальню, я перенес Бруно на кровать.

— Я пойду искупаюсь, папа, — сказала Валерия, склоняясь над отцом и целуя его. — После ужина я зайду к тебе.

Бруно опять перевел взгляд с дочери на меня, но на этот раз он был полон озабоченности. Мне показалось, что он знает о нашей любви и не одобряет ее. Я был на него за это не в обиде. Кем я был? Всего лишь простым служащим, а она богатой наследницей. На его месте я бы вел себя так же.

— Ты не пойдешь со мной купаться, Дэвид? — спросила Валерия, когда мы вышли из дома.

— Лучше не стоит, — ответил я. — Разве ты не заметила, как смотрел на нас твой отец? Думаю, он обо всем догадывается. Я поработаю в саду. Тогда, по крайней мере, сестра Флеминг может сказать ему, что мы были порознь. Не стоит волновать его. Поверь, так будет лучше.

— Я нахожу это ужасным. Почему люди не могут жить так, как им хочется?

— Ты еще успеешь вкусить это, только тогда тебе все не слишком понравится.

— Встретимся после ужина в саду.

Я покачал головой.

— Очень жаль, дорогая, но мне сегодня вечером придется съездить в Милан. Я жду одного друга из Рима.

Валерия посмотрела на меня.

— Дэвид, ты что-то задумал. Я очень беспокоюсь за тебя. Не знаю, как сказать, но в тебе появилось что-то чужое, безжалостное.

— У тебя тоже был бы такой вид, будь ты на моем месте. Передо мной стоит нелегкая задача — доказать твоему отцу, что я стою тебя. Это трудно, но я постараюсь доказать.

— Я уверена, Дэвид. Но не это на тебя так действовало.

Краешком глаза я увидел, что сестра Флеминг вышла на веранду.

— А теперь иди купаться, за нами наблюдает Флеминг, — сказал я, понизив голос.

Я повернулся, взял из сарая садовые инструменты и стал полоть сорняки на большой клумбе с розами. Этим я занимался до темноты.

Только в одиннадцать часов погас свет в последнем окне виллы, и дом превратился в простой черный силуэт на фоне звездного неба. Я сидел на траве, прислонившись спиной к дереву, и ждал. Как только свет погас, я поднялся и проскользнул на террасу, откуда хорошо был виден лодочный ангар.

Через несколько минут в бухте появилась лодка. Я увидел темный силуэт Беллини. Привязав лодку, он вылез из нее и скрылся из виду, но потом опять появился на тропинке, ведущей к вилле. Бесшумно и с удивительной ловкостью он спешил к гаражу. Я увидел, как он открыл дверь и исчез внутри.

Когда в окне гаража зажегся свет, я подкрался туда, чтобы заглянуть в гараж. В этот момент Беллини как раз клал сумку с инструментами на скамью. Потом он поднял капот «Альфа-Ромео» и стал возиться с мотором. Он хотел основательно испортить его, чтобы у меня было занятие на вечер пятницы, когда он будет выполнять план Лауры. Беллини с мрачным удовлетворением смотрел на свою работу.

Вдруг он вскочил и прислушался, потом быстро спрятал инструменты, выключил свет и поспешно пошел к двери.

— Это я, — слышался шепот Лауры. — Ты все сделал?

— Да. Завтра ему будем чем заняться.

— Не нужно было зажигать свет, Марио. Его видно из дома.

— Что же, я должен работать в темноте?

— Мог бы взять фонарик.

— Вечно ты придираешься. Сделала бы это сама, раз такая умная.

— Прекрати! — зло сказала Лаура. — Учти, если ты завтра сделаешь хоть одну ошибку, это конец. Можешь ты хоть раз поработать головой?

— Я сделаю все, как надо, — пробурчал Беллини.

— Надеюсь. Не опаздывай. Ровно в девять часов ты должен быть у ангара. Понятно?

— Да.

— Я включю радиоприемник. Если он замолчит, то по-

ворачивай обратно. Это будет означать, что что-то неблагополучно. Ты понял?

— Ладно-ладно, я не глухой.

— Хорошо. Если радио будет работать, ты поднимешься прямо на виллу. Не забудь, все нужно сделать тихо, чтобы не всполошить Дэвида раньше приезда полиции. Ты уверен, что она не закричит?

— Конечно, — ответил Беллини. — Уж я-то разбираюсь в таких делах.

— Как только ты все закончишь, поспеши к лодке. Возвращайся на остров и дожидайся там моего приезда. Возможно, это произойдет не раньше вторника или среды. Это будет зависеть от полиции.

— Мне очень нужны деньги, — перебил ее Беллини.

— Во вторник ты получишь шестьсот тысяч лир. И этим тебе придется обойтись до тех пор, пока я не продам свой жемчуг.

— Этого мало.

— Пока тебе хватит, — возразила Лаура. — В конце недели, когда ты соберешься в Швейцарию, я привезу тебе еще. А теперь уезжай.

Я видел, как Беллини вышел из гаража бесшумной тигриной походкой и исчез в темноте. Лаура вернулась в дом.

Я был вознагражден за долгое ожидание. Время не пропало даром. Они оба были у меня на крючке.

На следующее утро я проснулся в семь часов. «Сегодня тот самый день» — была моя первая мысль. Снизу доносился шум: стук тарелок, чашек, шаги и голоса.

Я уселся на край кровати и задумался. Самое большее через тринадцать часов мне придется убить двух человек. Для меня это звучало все равно как «через сто лет я умру». Это можно сказать, но осознать нельзя.

Я встал и прошел в комнату, где побрился и принял холодный душ. Руки у меня не дрожали, и я даже не порезался. Неторопливо одевшись, я спустился вниз.

Синьора Биччи поставила передо мной тарелку жареной рыбы и кружку крепкого кофе.

Биччи уже занимался машинами и продавал бензин. Через окно было видно, как он качал насос у бензоколонки и болтал с шоферами.

Около восьми часов я двинулся к вилле.

Сестра Флеминг без накрахмаленного чепца, в сером

платье и небольшой соломенной шляпке выглядела на удивление элегантно. Она ждала меня на веранде.

— Я уж думала, что вы сегодня опоздаете, — нетерпеливо сказала она.

— Я никогда не опаздываю.

Я прошел за ней в комнату Бруно. Тот был уже умыт и побрит. При виде меня его глаза блеснули.

— Доброе утро, синьор, — сказал я. — Надеюсь, что сегодня вы чувствуете себя лучше.

— У нас намечился некоторый прогресс, — сказала сестра. — Но он провел беспокойную ночь.

Она подкатила кресло, я перенес Бруно и выкатил его на веранду. Около перил сидела Лаура. Бросив на меня мимолетный взгляд, она холодно ответила на мое приветствие.

— Дэвид, отнесите сумку сестры Флеминг в машину, — сказала она.

«Сегодня ночью я тебя убью, — думал я. — Ты живешь последние часы на земле. Наслаждайся ими, будь мягче, нежнее, отбрось эту холодность. Через тринадцать часов ты умрешь. Ты могла бы жить дольше, если бы не так жаждала денег и не вынашивала планы убийства. Если бы ты знала о том, что тебе предстоит, то наслаждалась бы каждой минутой».

— Дэвид, вы меня слышите?

— Да, синьора. Прошу прощения, синьора.

Сестра Флеминг удивленно посмотрела на меня. Я поднял ее сумку и понес к машине, ощущая спиной взгляд Лауры. Однако мне было все равно, она не могла уже ничего изменить, ничего предотвратить. Она была в западне. Я поднес сумку к машине и положил ее на сиденье.

— Будьте очень осторожны с сньюром Бруно в мое отсутствие, — сказала на прощание сестра из окна машины.

— Не беспокойтесь, — сказал я.

На время послеобеденной жары я оставался вдалеке от виллы. С двух до четырех часов я лежал в постели в своей комнате и, чтобы отвлечься от мыслей, пересчитывал мух на стенах и потолке. Вскоре после четырех я спустился в гараж Биччи.

Тот вставлял новые свечи в двигатель грузовика. Я стал смотреть за его работой и завел пустой разговор. Потом

мне все надоело, и я пошел на берег озера. Швыряя камешки в воду, я поглядывал на часы.

Казалось, время остановилось. Мне нужно было чем-то заняться, чтобы дотянуть оставшиеся до вечера часы. Я спустил на воду лодку Биччи, завел мотор и поплыл в сторону Стреза.

На полпути мне встретился пароходик из Паланцы. Пассажиры стояли у перил и глазели на меня, как будто никогда не видели человека в лодке.

Я немного изменил курс, чтобы проплыть мимо Изола Пескатори. На берегу на перевернутой лодке сидел Беллини и жарился на солнце. В углу его рта дымилась сигарета.

Проплывая мимо острова, я заметил, что он взглянул на часы. Лаура, вероятно, тоже поглядывала на них. Три человека с нетерпением дожидались девяти часов. Три человека, обдумывающих убийство.

В половине седьмого, когда я причалил к берегу, я услышал быстрый стук каблучков по деревянному настилу. Повернувшись, я увидел Валерию.

— Где ты пропадал весь день? — спросила она. — Я тебя везде разыскиваю.

— Был в Стреза, — ответил я. — Покупал запчасти по просьбе Биччи.

— Пойдем в тень, Дэвид, мне нужно с тобой поговорить.

— Лаура сейчас с твоим отцом?

— Да. Я буду дежурить вечером.

— Это она так распорядилась?

Валерия удивленно посмотрела на меня.

— Не совсем, но это было ее предложение.

Мы прошли в тень деревьев.

— У меня есть новость для тебя, Дэвид, — сказала Валерия.

Я взглянул на нее.

— Приятная?

— Да, дорогой.

Она уселась на камень и заставила меня тоже сесть.

— Я говорила с отцом.

— Надеюсь, не о нас?

— Не совсем. О работе. И он не возражает, чтобы ты занялся этим.

Я ощутил торжество. Все складывалось удачно.

— Ты уверена?

— Да, я поняла это по его глазам. Он очень обрадовался.

— Но, надеюсь, о нас ты ему ничего не сказала? — спросил я, слегка испугавшись.

— Нет, об этом позже. Ты рад?

— Рад — это не то слово. Я счастлив, это просто чудесно.

Валерия улыбнулась.

— Мне еще нужно поговорить с доктором Пирелли, — продолжала она. — У него деловые бумаги отца. Но раз отец согласился, доктор не будет возражать.

— Значит, мне не нужно уезжать в понедельник?

— Конечно, нет. У тебя будет комната в доме, а у Биччи сможет поселиться твой преемник. Завтра утром я приготовлю тебе комнату. Тебе будет нужен еще один стол. Мы подберем что-нибудь в Милане.

— Я не понимаю, почему бы мне и дальше не помогать твоему отцу. Какой смысл приглашать постороннего человека, если я здесь? Скажем доктору Пирелли, чтобы он никого не искал.

Валерия сжала мою руку.

— Когда ты будешь жить в доме, Дэвид, мы будем чаще встречаться.

Я обнял ее.

— А что скажет Лаура? — спросил я.

— Это ее совсем не касается.

Во всяком случае, завтра утром это дело совсем не будет ее касаться. Я привлек к себе Валерию и начал страстно целовать ее.

Около половины восьмого мы вернулись на виллу. Лаура сидела на веранде и читала. Бруно полулежал в кресле и смотрел на отдаленную вершину Монтероне.

— Уже так поздно? — спросила Лаура и захлопнула книгу. Она посмотрела на часы. — Да, тебе пора, Бруно. Сегодня вечером с тобой останется Валерия. Я пойду после ужина в лодочный ангар. Мне хочется послушать танцевальную музыку, а ведь ты ее не любишь.

Когда Лаура ушла, я перекатил кресло в спальню.

— Не знаю, как благодарить вас, синьор, за то, что вы хотите доверить мне эту работу, — сказал я. — Я постара-

уюсь сделать все, что могу, чтобы работа шла в соответствии с вашими пожеланиями.

Глаза Бруно улыбнулись мне, потом он перевел взгляд на Валерию и обратно на меня.

— Мы обсудим все это завтра утром, — сказала Валерия, нежно погладив отца по щеке. — У тебя был длинный день, и теперь тебе надо отдохнуть.

Уложив Бруно в кровать, я вместе с Валерией вышел на веранду.

— Что ты делаешь сегодня вечером, Дэвид? — спросила Валерия.

Я был рад, что стою спиной к свету и могу избежать ее взгляда.

— Мне хотелось бы сегодня вечером немного порыбачить, если я не буду нужен.

— Теперь иди поешь, Дэвид. Зайди ко мне около половины одиннадцатого, прежде чем я лягу в постель. Отец тогда уже уснет.

— Он знает, как я благодарен ему?

— Ты не должен чувствовать себя особенно благодарным. Ты поможешь ему. Он так беспокоился о своих заметках.

Неожиданно до меня дошло, что ко времени нашей следующей встречи все будет уже позади. Я взял руку девушки.

— Я люблю тебя, Валерия.

— Я рада. Я тоже люблю тебя.

Я оставил Валерию и пошел в сад, где ко мне подошла Лаура.

— Дэвид! Моя машина что-то испортилась. Не работает стартер. Ты не можешь посмотреть машину после ужина? Завтра утром мне надо ехать в Милан.

Я взглянул на Лауру. Ее лицо казалось застывшим, как будто высеченным из мрамора. Только глаза блестели.

— Хорошо, я посмотрю.

— Ты сможешь починить стартер?

— Конечно.

Посмотрев на меня остановившимся взглядом, Лаура повернулась и пошла к себе в комнату.

Было восемь тридцать пять, когда из гаража я увидел Марию. Медленно и тяжело ступая, она шла по дорожке к воротам. Скоро мне предстояло начать действовать. У ме-

ня все было готово: пистолет лежал в кармане брюк, мешок с песком я спрятал под рубашку. Чувствовал я себя удивительно спокойно. Только где-то в области желудка была тяжесть.

Я посмотрел на виллу. Лаура как раз выходила из своей комнаты. Я взял в руку гаечный ключ и опять занялся работой. Когда Лаура вошла в гараж, у меня был вполне рабочий вид.

— Ты нашел неисправность?

Я обернулся и посмотрел на нее. Лаура стояла спиной к свету и смотрела на меня... На шее у нее был жемчуг. Я снова почувствовал торжество. Даже мои ошибки исправляла судьба. Я совсем забыл о жемчуге и пошел бы к ангару без него, а тогда исчез бы мотив убийства для Беллини. Мне повезло, что мою ошибку исправила сама Лаура.

— Кто-то подложил тебе свинью, — сказал я. — Испорчено зажигание. Мне понадобится полночи, чтобы все отремонтировать.

— Прощу тебя, сделай это, я буду очень благодарна.

— Ладно, сделаю.

Склонившись над мотором, я услышал, как она ушла. Выждав еще пару секунд, я выпрямился, вытер тряпкой замасленные руки, натянул перчатки и пошел вслед за Лаурой. Было восемь сорок пять.

Быстро стемнело. Солнце уже опустилось за горы, и закат окрасил в багровый цвет озеро и далекие снежные вершины.

Я надел спортивные туфли и бесшумно спустился к гавани. У входа в лодочный ангар я остановился и посмотрел на озеро. Но было уже очень темно, чтобы различить на его глади небольшую лодку Беллини. Я посмотрел на часы. Восемь пятьдесят одна.

Осторожно поднявшись наверх, я повернул ручку двери, но она оказалась запертой. Я достал второй ключ, и он сразу же подошел к замку. Можно было не опасаться, что Лаура услышит щелчок, потому что радиоприемник был включен на полную мощность. Крика Лауры тоже никто не услышит.

Я открыл дверь. Лаура стояла у окна и смотрела на озеро. Закрыв дверь, я окликнул:

— Лаура!

Она вздрогнула и обернулась. Лицо ее было белее снега, в широко открытых глазах застыли страх и бессильная ярость.

— Что тебе здесь нужно? — спросила она, делая неуверенный шаг ко мне.

— Я только хотел тебе сказать, что не могу отремонтировать твою машину.

Лаура бросила быстрый взгляд на каминные часы, и на ее лице отразилась паника.

— Уходи. Попробуй еще! — крикнула она. — Почему ты вообще пришел сюда? Занимайся своим делом!

Я подошел к камину. Мой взгляд упал на тяжелый бюст Данте, стоявший на каминной полке. Пожалуй, он подойдет еще лучше, чем мешок с песком.

— Я не могу сделать невозможное, — ответил я.

— Сейчас же иди в гараж!

— Не хочется. Я поеду сейчас в Стреза. У меня свидание с другом. Тебе придется взять машину Биччи, если это уж так важно.

Лаура, как замороженная, смотрела на меня широко открытыми глазами. Я ясно читал ее мысли. Через три минуты сюда должен прийти Беллини, и мы столкнемся с ним нос к носу. Его нужно задержать.

Лаура быстро повернулась к радиоприемнику. Если она его выключит, Беллини повернет назад. Однако она не успела дотронуться до ручки, потому что я схватил ее за плечо и оттолкнул.

— Не думай, что тебе удастся убить Валерию, — сказал я. — В тот вечер ты выболтала свой страшный план не только Бруно, но и мне. Тогда я не был в Милане, а прятался на веранде. Мне известно все.

С искаженным от ярости лицом Лаура смотрела на меня. Вдруг она заметила, что я в перчатках и держу бюст Данте. Наши глаза встретились, и в эти последние секунды она поняла, что ее ждет.

Ее алый рот открылся для дикого крика о помощи, глаза злобно заблестели. Как тигрица, попавшая в ловушку, она бросилась на меня. Я изо всей силы ударил ее в висок. Лаура пошатнулась и судорожно вцепилась в мою рубашку, чтобы не упасть. Я отбросил ее от себя. Она упала навзничь и застыла. Я стоял над ней, переводя дыхание. По лбу у меня струился пот, заливая глаза.

И без проверки было ясно, что Лаура мертва. Так лежать могла только мертвая. Еще пару секунд я стоял над ней, тяжело дыша. Потом собрался с силами, нагнулся и снял с ее шеи жемчуг, стараясь не смотреть на струившуюся из виска кровь. Спотыкаясь, я спустился вниз.

Над горами стояла луна и струила свой нежный белый свет на гладь озера. Прислонившись к двери ангара, я смотрел на воду. В отдалении я увидел небольшую веселую лодку, идущую к берегу. Беллини опоздал, несмотря на все свои обещания.

Мне было плохо. Ноги дрожали, и сердце колотилось, как молот. Я предпочел бы скорее всего удрать. Мысль, что мне предстоит еще встреча с Беллини, наводила на меня ужас.

— Чизхольм?

Этот тихий оклик, раздавшийся совсем рядом со мной, испугал меня до полусмерти. Я медленно повернулся, как человек, ожидающий встречи с привидением.

Из глубокой тени деревьев ко мне направлялась высокая худая фигура доктора Пирелли.

— Чизхольм?

— Да.

— Подойдите. Что вы здесь делаете?

Из окна квартиры над ангаром по-прежнему доносились громкие джазовые ритмы. Из-за этого шума я почти не слышал доктора. Страх сковал меня. Пирелли взял мою руку.

— Скоро приедет этот Беллини, — озабоченно сказал он. — Идите в тень, чтобы он не заметил нас.

Я повиновался ему, как ребенок.

— Зачем вы пришли сюда, Чизхольм? — спросил он.

Как глупо было с моей стороны считать, что все будет идти согласно моим желаниям.

— Синьора Фанчини просила меня починить машину. Я хотел сказать ей, что, к сожалению, сделать этого не могу, — хрипло ответил я.

— Вы ее видели?

— Нет, дверь заперта. Она, очевидно, не слышала моего стука.

— Это хорошо. А то я уж испугался, что вы насторожили ее. Вам известно, что она замышляет преступление?

— Замышляет преступление? — повторил я. — Что вы имеете в виду?

— Лаура и Беллини хотели сегодня ночью убить Валерию. Он уже на пути сюда, — сказал Пирелли. — Я поставил им ловушку. За ними наблюдает полиция.

Я промолчал, но мое сердце оборвалось.

— Эта чертова баба сумасшедшая, — продолжал Пирелли. — Я никогда ей не доверял. Трудно поверить, но

именно она виновата в катастрофе, происшедшей с Бруно. Она испортила тормоза в его машине. Разумеется, она рассчитывает на деньги. А теперь ей удалось уговорить Беллини, чтобы он сегодня убил Валерию. Позже она собиралась убить и Бруно. Она спланировала все так ловко, что подозрение в убийстве Валерии упало бы на вас. Это чудовищно!

— Откуда вам все это известно? — с трудом выдавил я.

— Она не могла противиться искушению и открыла свой план Бруно. Конечно, она чувствовала себя уверенно, потому что он не мог говорить. Но пережитый шок и страх за Валерию вернули ему речь. Я уже говорил вам раньше, что при определенных обстоятельствах к нему может вернуться речь. Так оно и произошло, и мне удалось своевременно принять необходимые меры.

Я подумал об окровавленной Лауре, лежащей на полу.

— Почему вы меня об этом не предупредили? — запинаясь, спросил я.

— Я боялся, что вы выдадите себя каким-нибудь неосторожным словом и нам не удастся поймать Лауру. Кроме того, я сначала считал вас соучастником. Только вчера я узнал всю правду о вас, Чизхольм.

Я посмотрел на него. Кровь бешено стучала у меня в висках.

— Что вы хотите сказать?

— Лаура сказала Бруно, что вы во время войны убили во Флоренции какую-то женщину. Поэтому я обратился с запросом в американское посольство.

Он тихо позвал:

— Капитан Босс, прошу вас, подойдите сюда.

Из тени деревьев выступил мужчина.

— Хэлло, Чизхольм, — сказал он. — Я Джон Босс из американской военной полиции. Мы везде разыскиваем вас. Неужели вы не читали наши объявления в газетах? Я уже решил, что мы вас не найдем. Все разъяснилось. Год назад мы арестовали генерала Костейна за одну из его маленьких эскапад. Он признался, что свалил на вас вину за убийство во Флоренции. Так что вам нечего об этом больше беспокоиться.

Я стоял, как оглушенный, не в силах ни двинуться, ни заговорить.

— Беллини подплывает, — прошептал Пирелли.

Лодка была уже в ста метрах от берега, но человек в ней

был не Беллини. Это был маленький полицейский в форменной фуражке.

— Что-то там не получилось, — пробормотал Босс.

Лодка причалила, человек ступил на песок.

— Беллини найден в своем номере заколотым, — сказал полицейский. — Он мертв. Вероятно, это мафия.

— Черт возьми, — сказал Босс. — Это нарушает ваши планы, доктор. Что вы собираетесь теперь делать?

— Поднимусь наверх и поговорю с ней, — мрачно сказал Пирелли. — Ее игра проиграна. Я предпочел бы, чтобы вы пошли со мной, — обратился он к полицейскому, и они вместе пошли к лодочному ангару.

— Теперь хоть прекратится этот чертов шум, — сказал Босс, глядя на освещенные окна, из которых доносилась музыка. Он положил руку мне на плечо. — Я рад за вас, Чизхольм. На вашу долю выпали тяжкие испытания, но теперь все позади. Вы поедете со мной в Милан, и там вам оформят паспорт. Если вы решите вернуться домой, то мы оплатим все расходы.

Я был слишком потрясен, чтобы соображать. Через несколько секунд они найдут Лауру. Если бежать, то только сейчас. Однако я не двинулся с места, потрясенный только что услышанным. Оказывается, мне не нужно было убивать Лауру.

— Вы тоже идете с нами, капитан Босс? — слышался голос Пирелли.

— Нет. Мне лучше остаться в стороне. Я подожду здесь внизу вместе с Чизхольмом.

Пирелли и полицейский скрылись в лодочном ангаре. Босс вытащил сигарету и зажег зажигалку. Я увидел, что он вдруг отпрянул от меня.

— В чем дело? Вы ранены?

Я ничего не ответил.

— Вы весь в крови, — сказал он, пристально вглядываясь в меня. — Что вы сделали?

— Почему вы меня не предупредили? — с горечью сказал я. — Надо было хотя бы вчера сказать мне, как обстоят дела.

Босс схватил меня за руку.

— Вы убили ее?

— Да, убил! Я подслушал, как она выболтала Бруно весь план убийства. И решил, что убрать ее — это единственный выход для Бруно, Валерии и меня. Я убил ее, по-

тому что не мог открыть рот и рассказать все. Я собирался также убить и Беллини.

Босс задумался.

— Да, дело плохо, — наконец сказал он. — Вот вам мой совет: берите моторную лодку и бегите. Вас никто не успеет остановить. Я поднимусь наверх и задержу остальных. Исчезайте как можно скорее. Судя по тому, что я слышал, эта женщина заслужила свою судьбу.

Наверху резко оборвалась музыка.

— Сматывайтесь! — приказал мне Босс.

Я вспомнил прошлое. Сколько лет мне пришлось прятаться от полиции! Наконец выяснилась моя невиновность, но я уже успел влипнуть в другую историю. Неужели я буду вынужден прятаться всю свою оставшуюся жизнь?

— Куда мне бежать? Для чего мне жить? — спросил я Босса. — Я уже бегал от полиции и не хочу, чтобы за мной охотились всю жизнь.

— Спешите! — повторил Босс.

— Не вижу смысла, — ответил я. — Я останусь и признаюсь во всем.

Из окна высунулся Пирелли.

— Капитан Босс! Задержите Чизхольма! Не дайте ему убежать!

Босс недоумевающе пожал плечами.

— Да он совсем и не собирается бежать, — ответил он и пошел к лодочному ангару.

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Ле Карре.

ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ Перевод *А.Чикина* 5

Ян Флеминг.

КАЗИНО «РУАЯЛЬ» Перевод *С.Козицкого* 153

Джеймс Хедли Чейз.

ОСТОРОЖНЫЙ УБИЙЦА Перевод *Л.Приходько* 277

The background of the entire image is a stylized Union Jack flag. It features a blue field with a red saltire (St. Andrew's Cross) outlined in white. The saltire is composed of two diagonal bands crossing at the center, and a horizontal band passing through the middle. The word "RENAISSANCE" is printed in a dark blue, serif, all-caps font, centered horizontally within the white-outlined horizontal band of the saltire.

RENAISSANCE